

Норбер Кастере
Моя жизнь под землей (воспоминания спелеолога)

XX век: Путешествия. Открытия. Исследования –

, OCR & readcheak Виктор Евлюхин <http://www.skitalets.ru>
«Моя жизнь под землей (воспоминания спелеолога)»: Издательство "Мысль"; Москва;
1974

Аннотация

Известный французский исследователь пещер Н. Кастаре в своей книге "Моя жизнь под землей" рассказывает о путешествиях в глубь земли, о приключениях и опасностях, которые ему пришлось пережить в пещерах. В этой книге автор кратко подытоживает все основные события и результаты своей полувековой деятельности в подземном мире.

Норбер Кастере
Моя жизнь под землей
(воспоминания спелеолога)

Введение

*Моей матери, державшей меня за руку в моей
первой пещере, когда мне было всего пять лет.
Памяти моего отца, моего лучшего друга.
Нежной памяти моей жены, которая следовала
за мной и преданно мне помогала более чем в
трехстах пещерах, пропастях и подземных реках.*

Книга эта написана по разным причинам, но, может быть, главным образом как ответ на вопросы, которые мне постоянно задают: "В каком возрасте Вы начали интересоваться пещерами и что именно привлекло Вас к ним?"

Конечно, и другие более или менее важные мотивы побудили меня взяться сегодня за перо, чтобы "склониться над прошлым" и многое вспомнить, одним словом, написать воспоминания спелеолога.

Возможно, таким образом, я попытаюсь оправдать овладевшую мной непреодолимую и всепоглощающую страсть, может быть, я просто подчинюсь некоему неизбежному закону эволюции, про который англичане шутливо говорят, что старости неразумной предшествует старость болтливая, а может быть, просто хочу раз и навсегда подвести черту под полувеком приключений.

"Воспоминания спелеолога" — этого вполне достаточно, и, я думаю, читателю совершенно безразличны другие стороны моей жизни, которая началась в 1897 году в маленьком селении Верхней Гаронны, расположенном на полпути между Тулузой и Баньер-де-Люшон.

Именно здесь, в Сен-Мартори, я родился, прожил до восьми лет, и здесь же на меня снизошла благодать, то есть я хочу сказать, что так рано и навсегда отдался страсти к пещерам.

Хочу сделать еще одно последнее предупреждение, перед тем как начать рассказывать о себе на нескольких сотнях страниц. Выставляя себя напоказ с такой навязчивой настойчивостью, невольно испытываешь неловкость, но позвольте мне в виде извинения сослаться на то, что писал Стендаль в "Воспоминаниях эгоиста": "Я совершенно убежден, что лишь полнейшая искренность может заставить читателя забыть вечное выпячивание автором своего "я".

Хотите ли узнать, как люди становятся спелеологами или, по крайней мере, как лично я очень рано услышал призыв тьмы, ощутил влечение к пещерам и их тайнам? Это случилось в самом начале века.

Впервые я попал в пещеру в 1902 году. Я нарочно говорю "попал", а не занялся исследованием, потому что, как бы рано я ни почувствовал свое призвание, все же не хочу утверждать, что начал подземные "экспедиции" на пятом году жизни!

I

Рождение призвания. Грот Бакуран

Впервые мне пришлось попасть под землю во время семейного пикника (английские слова были тогда в моде), или попросту завтрака на траве в устье Савы, недалеко от Булонь-сюр-Жесс. Позавтракав и оставив внизу кучера, лошадь и экипаж, привезших нас сюда, мы поднялись в гору и дошли до входа в пещеру, называвшуюся Бакуран и находившуюся вблизи одиноко стоящей фермы. Нас было человек десять: отец, мать, старший брат, дядя, тетя, двоюродные сестры и братья. К нашей компании присоединился также парень с соседней фермы, взятый в качестве проводника, который нес факел.

Прогулка в пещеру, в общем, ничем не примечательную, прошла очень оживленно, в

атмосфере того радостного возбуждения, которое испытывает семья на отдыхе, попав в совершенно необычную обстановку, где все удивляет и служит поводом для шуток. Эта прогулка не обязательно должна была потрясти меня сверх всякой меры и могла просто остаться приятным воспоминанием о том, как все семейство отдыхало на лоне природы.

Однако грот Бакуран произвел на меня очень сильное, неизгладимое впечатление. Новизна места и открытие совершенно нового мира, о существовании которого я даже не подозревал: подземелье, примитивное свечное освещение, — все это поражало и покоряло меня. Время от времени наш проводник зажигал соломенные факелы, и пламя бегло освещало причудливые и грозные своды.

Обстановка была настолько фантастической и торжественной, что даже раздававшиеся со всех сторон разговоры, восклицания и смех не могли нарушить ее поэтичность и подавить охватившее меня чувство восхищения, преклонения и восторга. Помнится, я шел, от волнения изо всех сил вцепившись в руку матери.

Добравшись до какого-то места в пещере и засветив последний соломенный факел, мы уже повернули назад, когда кто-то поднял руку и, указывая на темный, уходящий вдаль коридор, проговорил голосом, который до сих пор звучит у меня в ушах: "Там вечный мрак". Никто не откликнулся шуткой на эти слова, завершившие нашу прогулку, и они повисли в тишине. Несмотря на очень юный возраст, я почувствовал глубокое волнение, словно до меня дошла тайная весть.

Властный призыв тишины и мрака предопределил мою карьеру исследователя подземного мира. Конечно, все это было неосознанным, но мои расширенные глаза с жадностью впивались в этот "вечный мрак". Многие годы моя страсть оставалась где-то под спудом, но она уже родилась и не покидала меня, ожидая только случая воскреснуть, проявиться и расцвести. Так в возрасте пяти лет в глубине грота Бакуран я стал спелеологом.

II

Пещеры Эскалера и Гаронна

Бесенок приключений дремал во мне с пяти лет примерно до одиннадцати. За это время (может быть, самое прекрасное в моей жизни) у меня не было случая попасть в пещеру. И вот внезапно долго таившаяся и медленно зревшая во мне страсть вспыхнула неистово и уже никогда не угасала и не ослабевала. Меня как будто околдовали и буквально утащили под землю.

Почему и как? Это нуждается в объяснении. Как я уже говорил, мое родное селение Сен-Мартори, центр округа Верхняя Гаронна, расположено по обоим берегам реки. Здесь я провел детство и вырос между двумя непреодолимо притягивавшими меня к себе полюсами — Гаронной и гротами Эскалера.

Сначала о Гаронне, в водах которой родители купали меня, когда я был еще совсем "грудным младенчиком", как с возмущением говорила моя кормилица, когда из ее рук меня забирали для такого преждевременного купания, причем весьма прохладного, поскольку здесь, в верховьях, Гаронна очень бурная и часто несет воды тающих снегов.

Гаронна, истинный исток которой я открыл, уже будучи взрослым, на южном склоне Пиренеев в массиве Маладета, произвела сильное и глубокое впечатление на мое детское воображение и играла в моей жизни очень большую роль. Не умея я с юных лет плавать и нырять и не упражняясь в этом постоянно, я не был бы подготовлен к исследованию подземных водных потоков или к спуску в пропасти под ледяными водопадами.

Я проводил целые дни на реке с удочкой в руках или просто мечтая, купаясь или плывая в лодке-душегубке. Любовь к Гаронне давала неиссякаемую пищу моему воображению, была вечным источником стремления попасть в дальние страны — стремления, не прекращавшегося в течение всей моей жизни.

Сколько раз, склонившись над бегущей и поющей водой, неумолчный шум которой баюкал меня еще в колыбели, я старался представить себе, мимо каких мест протекает эта

река. Я долго ее считал и в глубине души до сих пор считаю самой прекрасной рекой в мире и всегда жадно прислушивался к тому, что мне про нее говорили. В начале Гаронна — дикий ручеек, вытекающий из ледников, потом — бурный поток, несущийся по Испании к Пиренеям, кажущимся из Сен-Мартори сплошной стеной. За этим франко-испанским хребтом скрывались другие горы, еще более высокие, с ледниками, пиренейскими сернами, медведями и орлами. Река текла оттуда, из этих сказочных, как мне казалось, краев, и попадала во Францию по узкому и дикому ущелью Па-дю-Лу (по-латыни *Passus lupi*, или Волчья тропа, — добавлял обычно рассказчик, что производило на меня еще большее впечатление).

Прозрачная вода, которая, как меня уверяли, несла золото, мчалась, зажата арками моста, построенного еще при Людовике XIV, и убегала в другие края, конечно менее дикие, но тоже мне незнакомые, где находились большие города — Тулуза, Ажен, Бордо. Бордо с портом и большими кораблями. А еще дальше — Жиронда и устье реки, которое я совершенно не мог себе представить. И я пытался вообразить, как, пробежав пятьсот восемьдесят километров, широкая и величественная Гаронна впадает в море и теряется в безбрежном Атлантическом океане.

Сколько старых пробок, сколько веточек вверял я водам Гаронны в надежде, что течение отнесет их в Тулузу, в Бордо, а может быть, даже донесет до океана. Наивные, но искренние дары детской души, изнемогающей от жажды приключений!

Кто из нас в юности, прочитав описание кругосветного путешествия или какого-нибудь замечательного открытия, не мечтал стать мореплавателем и бороздить океаны или побывать в отдаленных и таинственных странах! Что касается меня, я часто мечтал об этом, недавно уже эти мечты сменились другими, и надеждам юности никогда не суждено было сбыться. Но, не сумев осуществить эту мечту, так как обстоятельства всячески мешали мне стать путешественником — открывателем новых земель, я инстинктивно постарался, поскольку призвание пришло ко мне очень рано, найти иное поле деятельности.

Кажется, нашу планету уже всю исходили и облетали, все моря избородили и мало осталось неоткрытого на поверхности земли, но под землей еще очень много неисследованного, и можно попытаться открыть тайны неизвестного подземного мира, тайны "белых пятен", "неоткрытых земель".

Так или примерно так, вероятно, чувствовал я на одиннадцатом году жизни, и эти чувства направили меня к пещерам, в которых мне предстояло многие годы заниматься спелеологией. Впрочем, этого слова я тогда не знал, как и господин, Журден не подозревал, что говорит прозой.

Мало быть неосознанным, скажем, инстинктивным спелеологом, но, чтобы удовлетворить свою страсть, надо еще найти пещеры. Все это было мне дано, правда, довольно скупо, но, в общем, вполне достаточно, если учесть мой очень юный возраст и скромные запросы. Вблизи родного селения, в каких-нибудь нескольких сотнях метров от дома, где я родился, Гаронна бьется о скалистую стену, по карнизу которой проходит национальная дорога из Байонны в Перпиньян. В этом обрывистом берегу, сложенном известняками (*calcaire pankin*), известном геологам как Фронт Сен-Мартори, находится несколько небольших пещер, впрочем, довольно труднодоступных, расположенных на различной высоте в вертикальной стене.

Этот подземный микромир с зияющими отверстиями входов, через которые проникает воздух для коршунов и сов, с узкими каменистыми проходами, которые посещают куницы и лисы, стал полем моей деятельности и исследований. Вот где был мой таинственный сад, недоступное убежище, куда можно было спрятаться и где никто не мог оторвать меня от мыслей и мечтаний, которым я предавался каждый раз, когда в одиночестве забирался в глубь подземных лабиринтов.

В строгой тайне я начал исследование гротов Эскалера, которым давал достойные названия: пещера Сов, пещера Смоковницы, пещера Ящериц и даже пропасть Можжевельника. Исследование наклонных ходов, куда я пробирался ползком с

настойчивостью одержимого, сильно волновало меня, может быть, слишком сильно для моего юного возраста. Во время этих ползаний я учился ориентироваться, владеть собой и заставлял себя делать такие запутанные переходы, о которых накануне еще не смел и мечтать. Каждая крупца нового давала мне пьянящее ощущение первооткрывателя неизвестной области, куда я проникал и которую пытался понять. Конечно, я отчаянно рисковал, но все же принимал кое-какие предосторожности. Так, я никогда не забывал, прежде чем вползти в какой-нибудь новый ход, пошуметь как можно громче и прокричать угрозы и оскорбления по адресу лис, каменных куниц и барсуков, чтобы обратить их в бегство и избежать встречи с ними. Летучих мышей я не боялся и всегда считал их друзьями, оказывавшими мне в темных подземельях честь своим обществом.

Исследователю приходится бороться с трудностями на пути к победе, но я к этому привык, а удовлетворение и восторг, приходящие вслед за преодолением препятствий, вознаграждали с лихвой.

У меня были две неотступные заботы. Первая и главная — освещение. Я пользовался свечами, которые, по счастью, мог тайком заимствовать из кладовки. В те времена в Сен-Мартори еще не было электрического освещения, и у нас в семье была большая керосиновая лампа и, кроме того, множество различных подсвечников для освещения коридоров и многочисленных комнат нашего большого дома. Тайное добывание свечей, которые в пещерах сгорали очень быстро из-за потоков воздуха, вызывало у меня сильные угрызения совести, но я стоял перед дилеммой — открыть мои подземные похождения домашним, которые могли не одобрить их и даже не разрешить, или же продолжать сжигать свечи "с обоих концов", то есть дома и в пещерах Эскалера.

Вторая проблема была, пожалуй, еще труднее. В глинистых проходах, где я ползал целыми днями, очень пачкалась одежда, во всяком случае, достаточно для того, чтобы выдать меня с головой и открыть мое любимое времяпрепровождение.

Что касается обуви (в то время я носил эспадрильи — что-то в роде сандалий), то проблема была решена довольно просто. Как мусульманин, входящий в мечеть, я всегда разувался перед входом в мои пещеры, оставлял обувь и носки снаружи и шел дальше босиком, что меня несколько не смущало, так как я давно привык к такого рода передвижению. С одеждой тоже нашелся неплохой выход или, во всяком случае, как мне казалось, действенный: я выворачивал куртку и брюки наизнанку, а выходя из пещеры, проделывал то же самое в обратном порядке и приходил домой с чистой совестью и внешне почти в приличном виде, тогда как лепешки глины, которыми я был весь облеплен, продолжали досыхать на мне.

Против ожидания дома недолго оставались в неведении относительно моих хитростей и предосторожностей, но у меня были золотые родители, очень "сознательные", как теперь говорят.

Вскоре мне пришлось признаться, что я "хожу гулять" в пещеры Эскалера, не вдаваясь, однако, в излишние подробности о всех неосмотрительных поступках и глупостях, которые я там вытворял.

Например, однажды я решил спуститься в естественный колодец, вход в который находился на плато Эскалер, возвышающемся над дорогой и Гаронной, очень близко от обрыва. Зияющее отверстие этого колодца производило сильное впечатление, и только любопытство и непреодолимое влечение заставили меня отважиться на столь рискованное предприятие. Мое убогое и совершенно недостаточное снаряжение состояло из свечей, которыми я всегда пользовался, и слишком тонкой веревки сомнительной прочности. Но в одиннадцать лет человек весит не много и склонен упрощать все проблемы. Меня занимал и беспокоил только сложный узел, которым я привязал веревку к стволу можжевельника (тоже довольно тонкому), растущего на краю обрыва у самого входа. Именно в его честь я назвал колодец пропастью Можжевельника.

Прежде чем перейти к описанию самого спуска, позвольте сказать несколько слов читателю, особенно молодым людям шестнадцати — восемнадцати лет, уже знающим, что

такое спелеология, и, может быть, даже принимавшим участие в подземной экспедиции и видевшим, как исследуют пещеры и колодцы. Этим молодым людям мой рассказ может показаться смешным, ничего не значащим и очень ребячливым. Но прошу их не забывать, что я был в детском возрасте в буквальном смысле, ведь речь идет об одиннадцатилетнем ребенке.

Итак, спускаюсь на простой веревке в узкую вертикальную трубу, и дневной свет быстро меркнет. Я очень люблю лазать по деревьям и поэтому мало страшусь затеянного мной предприятия, но мне становится страшно при виде того, как уменьшается маленький кусочек голубого неба над головой, от которого я не отрываю глаз, спускаясь короткими перехватами все глубже во мрак и холод. На глубине нескольких метров мои ноги упираются в выступ, за ним колодец изгибается и идет дальше хоть и под значительным углом наклона, но все же не вертикально. Пользуясь этим, достаю из кармана спички и зажигаю свечу, не выпуская веревки, за которую крепко держусь одной рукой.

Неровный свет, слабо освещающий наклонный туннель, внезапно придает моему приключению особый смысл и цену. Мне предстоит открыть: что же находится в этой черной бездне, которая одновременно пугает и притягивает? Теперь, больше чем через пятьдесят лет, я могу сказать, что в этом колодце, где трепещущий ребенок цеплялся за веревку, шла борьба, ставкой которой было будущее. Я испытывал сильнейшее искушение подняться, вылезти из черной дыры и вернуться к небу, свету, солнцу, но все же, к счастью, мне удалось, хоть и не без колебаний, подчиниться более благородному внутреннему голосу и откликнуться всем своим существом на зов молчания, одиночества и подступающего ко мне мрака.

Предельно четко и ярко выразил это Альфред де Виньи,¹ сказав, что иногда "великая жизнь — мечта юности, осуществленная в зрелом возрасте". Со всей возможной скромностью, но в то же время с полной убежденностью я должен сказать, что весь мой дальнейший жизненный путь зависел и был лишь продолжением и углублением одного поступка, одного детского решения.

Итак, крепко уцепившись обеими руками за веревку, с зажженной свечой в зубах я продолжаю спускаться теперь уже в непроглядной темноте. Ударяясь то правым, то левым боком, осторожно нащупывая путь, молча, упрямо скольжу вниз, а свеча мне мешает, не дает дышать, ослепляет. Внезапно колодец становится вертикальным, и у меня под ногами оказывается полнейшая пустота. Я смотрю вниз. О, изумление! Вместо непроницаемого мрака различаю странный, таинственный свет — дневной свет! Это, казалось бы, удивительное явление имело вполне естественную причину и объяснялось (позднее я в этом убедился) тем, что нижний выход пропасти Можжевельника вел под своды маленького грота в низу обрыва, куда проникал дневной свет.

У меня не хватило храбрости продолжить спуск до нижней пещеры, и хорошо, что я отказался от этой затеи, поскольку (в чем я тоже убедился позднее) моя веревка была слишком коротка для такого предприятия.

Под землей, как я теперь знаю, сюрпризы и театральные эффекты встречаются часто, и в них-то и заключается одна из привлекательных сторон исследований. В ту минуту, когда я уже решил возвращаться и стоял на выступе над вертикальным спуском во второй колодец, я вдруг почувствовал на своих голых икрах легкое дуновение ветра из щели в скалистой стене. Нагнувшись, чтобы заглянуть, я протиснулся в эту щель и по горизонтальному узкому коридору попал в освещенный солнцем зал, куда дневной свет проникал через естественное окно, находящееся приблизительно на половине высоты обрыва.

Поистине сюрпризы поджидали меня на каждом шагу, и я был сильно заинтригован, найдя на полу пещеры множество черных сваленных очень легких клубочков. Как я позднее узнал, это были погадки — комки шерсти, которые отгрызают совы, наглотившись крыс, полевок и мышей. Я назвал эту пещеру гротом Сов и завладел ею с гордостью конкистадора.

Но интерес к находке этих клубочков шерсти бледнел перед красотой вида, открывшегося из окна пещеры на дорогу, Гаронну и далекие вершины Пиренейского хребта.

¹ Альфред де Виньи (1797–1863 гг.) — французский поэт-романтик.

Я сидел на выступе на головокружительной высоте и чувствовал себя более счастливым и удовлетворенным, чем любой король на своем троне. Грот Сов стал для меня своего рода земным раем. Я часто возвращался в него единственно ради удовольствия спуститься по веревке в темную пропасть Можжевельника, — где в полном одиночестве можно было поиграть в отшельника или Робинзона.

В это же время произошло событие, ставшее важным, может быть, даже решающим в моей жизни. При раздаче наград в конце учебного года мне досталась книга "Путешествие к центру Земли" Жюль Верна. Я был очень доволен и могу сказать, что книга была для меня знаменательной. Приключения профессора Лиденброка, его племянника Акселя и проводника Ганса захватили мое воображение и укрепили врожденную склонность к исследованию пещер. С этого дня я тайно самым серьезным образом мечтал, что достигну центра Земли, как только вырасту.

Отдавая должное Жюлю Верну, я должен также с благодарностью отметить тот факт (думаю, достаточно редкий), что родители не препятствовали и не запрещали мне проявлять мои склонности, что было бы, казалось, вполне естественным.

Мои родители любили спорт (в те времена это было исключительно редкое явление). Они научили меня плавать и нырять. Отец и мать — оба великолепные пловцы — не ставили никаких препятствий и никогда не возражали против моего пристрастия к пещерам. Правда, повторяю, я не всегда отчитывался перед ними в своих неосторожностях, которые, не осознавая опасности, совершал во время своих одиноких подземных походов. Так, например, я ни словом не обмолвился о том, что случилось со мной в зале, который я окрестил (читатель узнает потом почему) залом Стопки Тарелок.

Я постоянно занимался поисками новых объектов для исследований в крутых склонах Эскалера, которые считал почти неисчерпаемыми и которые, как уже говорил, стали для меня земным раем. Как-то раз мне удалось спуститься на веревке в расщелину и обнаружить зал, в который, так же как в грот Сов, дневной свет проникал через отверстие, находившееся примерно на половине высоты обрыва. Я назвал эту пещеру гротом Смоковницы, так как в ней на голом камне, повиснув над пустотой, умудрилась закрепиться и расти чахлая смоковница. Из этой маленькой пещеры в глубь горы шла целая сеть узких и запутанных ходов; исследуя их, я делал первые шаги будущего спелеолога.

Становясь смелее с каждым днем (теперь уже под влиянием профессора Лиденброка, с которым в своем воображении я постепенно слился), я ползал по этим извилистым лазам.

Однажды меня внезапно остановил обрыв, уходящий в глубину в виде гладкого вертикального желоба. Внизу на глубине около двух метров я заметил маленький круглый зал и какое-то продолжение хода, которые так меня загипнотизировали и оказались таким сильным искушением, что я проявил неосторожность — соскользнул по желобу и легко приземлился в зале. Так я осуществил очень простой, но роковой по своим последствиям маневр, в чем сразу же убедился. Увы, слишком поздно! Мной овладел смертельный страх, так как я уже не мог подняться обратно и знал, что никогда никто не найдет меня и не вызволит из этой естественной западни. Мое положение усугублялось тем, что ход, видневшийся сверху, оказался тупиком и никакого выхода, никаких возможностей отступления в этом направлении не было. На глазок я старался оценить препятствие, увы, слишком высокое для моего маленького роста. Стена была безнадежно гладкой, без каких-либо выступов, и впервые за все время своих подземных походов я впал в панику, тем более сильную, что по молодости лет не видел другого исхода, кроме медленной смерти на дне каменной темницы.

Но выход был, очень простой и эффективный, и, к счастью, я еще не совсем потерял голову. На земле валялись известковые плитки, которые падали с потолка и стен и накапливались в течение веков. Я начал собирать их и складывать друг на друга у подножия стены и довольно быстро соорудил нечто вроде шаткой ступеньки, достаточной, однако, чтобы приподняться и дотянуться до верхнего выступа стены. Я был спасен, но испытал несколько минут смертельного ужаса, подчас выпадающего на долю спелеолога. На

мгновение даже дал себе клятву никогда больше не спускаться под землю, но еще до возвращения на поверхность знал, что нарушу ее. Много раз я возвращался в эту пещеру, чтобы еще раз пережить приключение и единственно из удовольствия воспользоваться при возвращении "стопкой тарелок".

Среди исследованных мной пещер Эскалера я должен упомянуть еще одну, так как именно в ней столкнулся с совершенно исключительным препятствием, подобного которому я больше никогда не встречал. Еще с дороги я заметил узкое отверстие, частично скрытое кустарником, на высоте примерно десяти метров от подножия скалы. Чтобы добраться до него, надо было сначала преодолеть крутой лесистый склон, начинающийся от дороги и идущий к подножию каменной стены. Дойдя до этого места, я заметил карниз, и по нему, вероятно, можно было добраться до облюбованной мной пещеры или по крайней мере до той черной дыры, которую я считал входом в пещеру. Взобраться ползком по очень узкому, скошенному карнизу — дело, можно сказать, весьма трудное. Однако это мне удалось, и я уже предвкушал победу, когда замер на месте, услышав необычный шум, какое-то жужжание, причину которого я понял, как только поднял голову и заметил целую тучу насекомых, летающих и кружащих над кустами вереска. Присмотревшись внимательнее, я узнал пчел, влетающих и вылетающих из расселины в скале.

У меня уже был печальный опыт с пчелами, которых я неосторожно потревожил, и он оставил пренеприятное воспоминание. Попятившись, я поспешно ретировался ползком, пока снова не добрался до подножия скалы, где, спрятавшись под покровом бузины, смог обдумать положение. Было очевидно, что к пещере нет никакого доступа, кроме как по карнизу, который, к несчастью, защищали пчелы. Поистине я испытывал муки Тантала!

Много раз я возвращался к этому месту, чтобы посмотреть на поведение пчел. Однажды я даже нарочно пришел под проливным дождем, надеясь, что вход в улей не охраняется. Движения у входа действительно почти не было, но я знал бдительность и раздражительность этих насекомых и не доверял им, и, кроме того, все равно невозможно было проползти по мокрому от дождя карнизу, по которому струились потоки воды. Я знал, что пчелы не летают по ночам, но по различным причинам не мог воспользоваться этим временем. Наконец я выбрал компромиссное решение — явиться к карнизу очень рано утром. Идея была правильной, и в стане спящего врага я не заметил никакого движения. Затаив дыхание, ползком пробрался мимо улья диких пчел и, оставив карниз позади, цепляясь за кустики дрока, добрался наконец до входа в пещеру. За ним оказалась узкая вертикальная расщелина, в которую я проник, но она, увы, через несколько метров заканчивалась тупиком. Однако справа в стене, не доходя до тупика, было низкое отверстие, через которое мне удалось протиснуться в зал, приведший меня в восторг своими размерами. Это была самая большая пещера Эскалера.

Я часто посещал ее, так как оказалось, что пчелы мной совершенно не интересовались и пропускали в любое время дня. Именно здесь, в гроте Пчел, как я его окрестил, впервые в жизни я занялся раскопками, хотя и раньше в других пещерах я иногда находил на полу кости животных и глиняные черепки. Это были следы галльского лагеря, того самого, который я открыл и изучил много лет спустя.

В углу чердака родительского дома я основал что-то вроде музея, то есть поставил несколько картонных ящиков со своими находками — смесь черепков, кремней и окаменелостей. Среди находок были также различные кости, не имевшие никакого отношения к древностям или доисторическому периоду (их просто притащили в пещеру лисы). Но хронология мало меня интересовала: я был убежден, что все это относилось к временам галлов, и надеялся когда-нибудь найти оружие или украшения, какие можно увидеть в настоящих музеях или в книгах.

Я слышал, что найти такие предметы можно, только производя раскопки, и решил покопать в гроте Пчел, где, как мне казалось, обязательно должны были жить загадочные галлы, если они разбивали здесь горшки, черепки от которых я находил.

Вооружившись каким-то инструментом, я с жаром принялся за раскопки. Пол был

покрыт слоем пыли, и именно в этом тонком слое я кое-что нашел. Ниже наткнулся на сухую глину, твердую, с вкрапленными в нее камнями и практически не поддающуюся раскопкам. Поэтому я раскопал лишь поверхностный слой и нашел черепки, несколько птичьих костей и высохшую ногу козленка с еще сохранившимися сухожилиями. Все это, разумеется, имело связь с соседней мельницей Эскалера и было результатом ночного разбоя лисиц. Я же, конечно, считал, что это следы пребывания здесь древних галлов.

Я выкопал один предмет, который заинтриговал меня, — цилиндрическую трубку толщиной с карандаш около десяти сантиметров длиной с очень узким сквозным отверстием. Она была не костяная и не керамическая, и я решил, что она сделана из слоновой кости. Оба конца этого предмета были обломаны, и он был покрыт желтоватой патиной весьма почтенного возраста. Бережно завернутую в носовой платок трубку я представил на суд отца. Осмотр не занял много времени и закончился веселым и громким взрывом смеха, напугавшим и заставившим прибежать мать и обоих моих братьев, которые тоже приняли участие в определении находки. Оказалось, что это осколок трубки, одной из тех гипсовых трубок, которые служили мишенью в тире на базаре и разбивались от выстрела из карабина. Жестокий удар чуть не убил мое призвание к археологии. К неудаче с этой находкой я отнесся довольно спокойно, но настоящим ударом в сердце было то, что не я первый обнаружил грот Пчел и что кто-то уже побывал в нем до меня. Правда, чтобы смягчить мое разочарование, отец полушутя, полусерьезно уверил меня, что это трубка Эмиля Картальяка, тулузского ученого-антрополога, специалиста по доисторическому периоду, который иногда бывал в наших краях и вел раскопки в поисках "допотопных", как тогда говорили, предметов. Все же я не решился выбросить трубку, а оставил ее в коллекции, но в другом ящике и без этикетки.

Я ревниво относился к "своим" пещерам и думаю, что то же чувствуют исследователи-одиночки, не желающие, чтобы их открытия, часто сделанные ценой значительного волевого и физического напряжения, подвергались вульгаризации, а порой и профанации.

Ревнивое отношение к "своим" пещерам Эскалера все же не помешало мне привести в них старшего брата Жана и других мальчиков, наших товарищей. К сожалению, пещеры не вызвали у них никакого энтузиазма, и волей-неволей мне пришлось продолжать исследования в одиночестве — до тех пор, пока я по глупости не вовлек в них моего еще совсем маленького брата Марсиаля.

Трудно даже себе представить, какие безумные и преступные вещи я заставлял проделывать этого шестилетнего мальчика. Он был удивительно гибкий. Миниатюрность и малый вес позволяли опускаться и поднимать его на веревке в расщелины и каменные мешки, в которые я сам не мог проникнуть и куда никто не отважился бы залезть. Благодаря маленькому росту Марсиаль проникал всюду и мог сообщать мне о продолжении коридоров, в которых мы ползали как кроты. Если бы он трусил или если бы эти упражнения ему надоели, я не смог бы так злоупотреблять его помощью. Но я пользовался его неограниченным доверием, и он был очень кротким мальчиком, всегда готовым выполнять мои самые рискованные предложения. Это объяснялось очень просто: я успел привить ему пещерную "бациллу", он был мной "заражен" и, кроме того, по натуре был великим спелеологом. Все это должно было когда-нибудь плохо кончиться, и, конечно, так оно и случилось.

Однажды, ухитрившись пролезть на животе в очень узкую и сложную лазейку, он не смог выбраться из нее. Я сам научил его, как пролезть в "замочную скважину", и с успехом переставлял ему ноги и ступни, чтобы он мог передвигаться как человек-змея. Но теперь нас разделяла стена, и он никак не мог принять нужное положение.

После тщетных попыток и тревожных переговоров я пришел к единственно правильному и разумному решению — бежать за помощью. Выйдя из пещеры, я со всех ног побежал домой. И все же я не посмел сознаться в своем злодеянии. Рассудив, что взрослый человек никак не сможет проникнуть в каменные ходы, где даже нам удавалось проползать с трудом, я схватил молоток и стальное зубило и, запыхавшись, вернулся к пленнику, которого

предупредил криками о своем приближении. Этот мальчик, чувствовавший к своему старшему брату безграничное доверие, не потерял голову и ждал меня если не совсем спокойно, то во всяком случае мужественно и безропотно. Главным препятствием к его освобождению был выступ из сталагмитов.

Известковые натеки, к счастью, оказались хрупкими и пористыми, и я легко сколол их. Вскоре "замурованный" смог выбраться, причем он никому ни словом не обмолвился о приключении и даже не сохранил о нем слишком мрачного воспоминания, так как продолжал по-прежнему сопровождать меня в пещеры. Правда, у него осталась неприязнь к слишком узким лазейкам, к которым с тех пор он чувствовал недоверие.

III Ползком

Как ни привлекательны пещеры Эскалера, я их полностью изучил и в любых переходах мог передвигаться по памяти. Тайны в них больше не было. Пришло время расширить район исследований, то есть найти другие пещеры.

На велосипеде я объезжал окрестности Сен-Мартори и робко расспрашивал встречных крестьян о расположенных поблизости скалах, в которых могли оказаться пещеры. Но мои розыски оставались бесплодными. Моя неуверенность и неясно сформулированные вопросы смущали крестьян, рождали непонимание и недоверие. Иногда мне вообще отказывались отвечать. Вероятно, тем, к кому я обращался с вопросами, мое плохо мотивированное стремление проникнуть в подозрительное и опасное подземное царство казалось безумием.

Старуха, собиравшая хворост, повстречавшаяся мне как-то на опушке леса, была совершенно сбита с толку моими расспросами.

— Знаю ли я грот? — удивленно повторила она, несколько оторопев. — Да, знаю один, — проговорила она наконец. Я ловил каждое ее слово.

— Я была там однажды, правда, давно. Только он далеко отсюда.

— Где же? — все-таки спросил я, полный надежды.

— В Лурде. Вы, вероятно, слышали о гроте Лурда¹.

Примерно такие представления о спелеологии имели в ту пору сельские жители. Они испытывали настоящий ужас ко всему, что относилось к подземному миру — пещерам и пропастям. Пугались, возмущались или сердились, когда понимали, что я ищу эти темные, опасные и пользующиеся дурной славой места, где водится нечистая сила, чтобы проникнуть в них совершенно одному, да еще в моем возрасте.

Думаю, что, будь это на несколько веков ранее, я угодил бы на костер.

Однажды мне все же удалось расположить к себе одного охотника, вернее браконьера, ставившего капкан на дичь. Он сказал мне, что в лесу есть скала с узким отверстием. Однажды он в него влез вслед за собакой. Отверстие становилось все шире и переходило в просторный коридор, конца которому не было видно. Мы были недалеко от этой неисследованной пещеры, и он согласился проводить меня до входа в нее. Охотник присутствовал при моих обычных приготовлениях: я разулся и зажег свечу, но постеснялся при нем снять и вывернуть наизнанку одежду и вполз на животе в дыру, действительно очень узкую, но, по его словам, она вскоре переходила в широкий проход, заканчивающийся залом, "большим, как хлев".

В тот момент, когда я уже совсем собирался скрыться с глаз, человек, казалось, забеспокоился:

— Будьте осторожны, не повредите себе чего-нибудь! Мне трудно было себе "что-нибудь повредить", так как, проползши метров двенадцать по этому пыльному и зловонному

¹ Лурд — город на юге Франции у подножия Пиренеев. Речь идет о не представляющем спелеологического интереса, оборудованном в виде часовни с мраморной статуей богородицы священный гроте в этом городе — месте паломничества верующих и больных, жаждавших исцеления. Об этом паломничестве рассказано в романе Э. Золя "Лурд".

коридору, я очутился в тупике, где пол был покрыт мхом и сухими листьями, в которых копошились полчища блох!

Чтобы выбраться, мне пришлось пятиться назад. Охотник, встретив меня, облегченно вздохнул. Его очень позабавил мой вид: я был весь покрыт блохами, буквально усыпан ими, и хотя не сделал никакого открытия, но в этот день узнал на собственной шкуре, что, если под землей побываешь поблизости от лисьего логова, можешь быть уверен, что всех блох унесешь на себе.

По простоте душевной я рассказал охотнику о том, что обнаружил, и о том, что пещера заканчивается тупиком. Он не был ни удивлен, ни смущен и сказал только, что, конечно, произошел обвал, так как совершенно ясно видел когда-то "коридор и зал, большой, как хлев". У меня хватило наивности поверить ему, и только гораздо позднее, после многочисленных случаев подобного рода я понял, что все эти истории о коридорах и пещерах — просто рассказы и бахвальство отъявленных лунов. Мой знакомец никогда не был в этой норе, и вдруг ему представилась возможность послать туда вместо себя кого-то другого, вот он и воспользовался моим простодушием. Как охотника, расставлявшего капканы, его, конечно, интересовали результаты моих исследований.

Эта попытка не охладила меня, и я все сильнее жаждал исследовать, исследовать непрерывно, даже ценой постоянных неудач, так как успехи выпадали на мою долю редко, лишь в виде исключения.

И я не пренебрегал малейшими трещинами, малейшими отверстиями в скале, в том числе норами лис (кроме, разумеется, тех, которые были вырыты ими в земле).

Был ли я вознагражден за то, что неуклонно следовал этому правилу? Не терял ли я понапрасну время и силы, пытаюсь проникнуть в эти малопривлекательные лазы, даже не надеясь найти там что-нибудь особенно интересное?

У меня нет намерения перечислять все мои попытки такого рода. Было бы очень скучно, если бы я останавливался на всех мелочах. Расскажу о трех случаях, выбранных не совсем наугад, а потому, что все они дали совершенно различные результаты.

Через некоторое время после неудачного опыта, о котором только что рассказал, я самостоятельно нашел в коммуне Сен-Мартори в окрестностях Теулэ другую нору. Это меня очень обрадовало. Бродя по лесу, я заметил выход известковой породы, у подножия которого зияло отверстие горизонтального хода. Следы на земле и другие признаки указывали, что лисы устроили здесь свое логово.

Как всегда, я разулся и снял куртку. Эта часть одежды не только стесняет движения, но и представляет большую опасность, если придется пятиться ползком: куртка может закрутиться и образовать толстый валик, и вы рискуете безнадежно застрять в узком проходе. Я знал это по собственному опыту и принял за правило снимать куртку. Несоблюдение этого правила стоило жизни многим несчастным, потерявшим возможность передвигаться под землей и нашедшим там свой ужасный конец.

Итак, я вновь вползаю на животе в цилиндрический коридор почти такой же ширины, как я сам, и, все время подтягиваясь, продвигаюсь вперед. Бельгийские спелеологи, большие специалисты такого метода передвижения, придумали ему название "дождевой червь".

Я ползу, приняв наиболее выгодное положение: одна рука, вытянутая вперед, держит свечу и ощупывает почву, другая согнута, прижата к груди. Плечо отведено назад (нельзя ползти с вытянутыми вперед обеими руками: это невозможно физически и притом слишком увеличивается ширина в плечах).

Ход идет горизонтально, но земляной пол весь в маленьких буграх, миниатюрных холмиках, которые приходится ровнять свободной рукой, предварительно воткнув свечу в землю. Конечно, я продвигаюсь вперед с большими усилиями и очень медленно, а также очень "спортивно". Мы считаем, что ползание на таком уровне — это спорт, ну, скажем, гимнастика, причем самая мучительная, какую только можно себе представить. В ней принимает участие все тело, ни одна мышца не забыта. Мы всегда считали и заявляли публично, что ежедневный сеанс такого ползания — лучший метод лечения от ожирения и

некоторых других болезней, безобразящих человека.

Мое пребывание в пещере Теулэ затягивалось, а я с трудом продвинулся на какие-нибудь пятнадцать метров. Временами я останавливался и, растянувшись на сырой земле, отдыхал. Из-за напряженности мышц, непрерывных усилий и духоты в узких ходах быстро наступает одышка, начинается сильное сердцебиение.

Во время одной из передышек я услышал необычный звук, нечто вроде короткого глухого рычания, который, как мне показалось, шел снаружи так же, как и другие, далекие неясные звуки — крик петуха, голос пахаря. Плохо их различая, я не обратил на них внимания, вновь принялся за работу и рьяно пополз, уткнувшись лицом в землю. И вдруг я был пригвожден к месту громким, страшным рычанием! Быстро подняв голову, я увидел впереди в двух метрах от себя загнанного в глубь хода зверя, казалось, сплошь состоящего из угрожающих когтей и зубов, — это был барсук, которого я спугнул и загнал в убежище и который, когда ему некуда было больше отступить, решил защищаться. Руки мои были заняты, и я мог противопоставить ему лишь слабую защиту — пламя свечи. У зверя было то преимущество, что он находился у себя дома, и я решил покинуть поле боя. В тот день я отступал, "стелясь животом по земле", если можно так выразиться, тем более что это было буквально так.

Известно, как храбро барсук защищается от собак, побеждая их с помощью длинных крепких когтей. Барсуки похожи на небольшого медвежонка килограммов на пятнадцать, и их не рекомендуется беспокоить под землей. Мне повезло, что эта встреча закончилась для меня лишь испугом. Правда, в дальнейшем в одной гигантской пещере мне пришлось встретиться носом к носу с медведем и двумя львами! Но это уже другая история, и я расскажу ее позднее.

В другой раз в одной каменной щели мне не удалось залезть так далеко, как в Теулэ, но только случайно я избег страшных челюстей. Это произошло в долине Гаронны недалеко от Баньер-де-Люшон. К тому времени я уже сменил примитивные свечи моих первых походов на ацетиленовую лампу. Узкий вход на склоне горы привлек мое внимание. Я вполз в него на животе тем способом, который ранее описал, и вдруг из моей вытянутой руки вырвали фонарь, и я услышал резкий щелчок и какой-то металлический звук. В каких-нибудь двух метрах от входа был поставлен и замаскирован в пыли стальной капкан с зубьями, как у пилы, который я "разрядил" своим фонарем. Еще несколько сантиметров, и грозная ловушка раздробила бы мою руку или лицо. Как видно, даже самые скромные пещеры, самые незначительные щели могут таить опасность, и хорошо, если бы охотники, ставя капканы, делали надпись или какой-нибудь знак, где установлены эти зловещие приспособления! Отсутствие таких указателей может привести к тяжелым ранениям спелеологов и дает им право конфисковать эти приспособления, что я и не преминул сделать. Так же я поступил и со вторым капканом, обнаруженным в другой раз в одном из переходов пещеры. Первый капкан я бросил в Гаронну, второй — в естественную пропасть, находившуюся поблизости. Пусть это послужит предупреждением легкомысленным охотникам или браконьерам, расставляющим капканы без различия — на лис, барсуков или спелеологов.

Мы рассказали о трех случаях, связанных с норами. А вот еще один, четвертый. Как и предыдущий, он не относится ко времени самых ранних моих спелеологических дебютов, однако дополнит нашу тему.

Около 1930 года, по привычке бродя полюсу в окрестностях Сен-Бертран-де-Комминж, я встретил молодого человека, который охотился. У нас завязался разговор, и я поспешил спросить этого хорошо знавшего лес охотника, не встречал ли он пещер.

Нет, в этом лесу пещер нет, он был в этом уверен. Но когда я спросил, нет ли за неимением пещер просто расщелин или ходов в скалах, он ответил, что знает одну дыру, в которой барсуки устроили нору. Мои настойчивые расспросы сделали его более разговорчивым, и он рассказал мне, что его собака несколько раз проникала в эту дыру, задерживалась в ней и что лай ее слышался откуда-то издалека.

Естественно, что через каких-нибудь полчаса после такого сообщения я, лежа на

животе, уже исследовал эту дыру, к которой меня охотно проводил Бертран Абади. Проникнуть в это отверстие, казалось, совершенно невозможно, но все же был один обнадеживающий признак — из него явно тянуло ветерком.

Было около полудня. Я решил тут же перекусить, а затем попытаться расширить отверстие альпенштоком.

Бертран Абади отправился к себе в поселок Сен-Мартин и обещал вернуться после завтрака с лопатой и заступом, чтобы помочь мне. Он не только выполнил обещание, но еще привел с собой товарища, Бертрана Эскуба, который тоже принес инструменты. За час они освободили вход от массы земли, натасканной многими поколениями барсуков ("отходы", как говорят охотники, подтверждали, что это были именно барсуки). Теперь я мог проникнуть в очень узкое, но все же, по моему мнению, проходимое отверстие. Абади и его товарищ отговаривали меня и уверяли, что я никак не пролезу. Но я уже скрылся под землей и сообщал им о своем продвижении. Оно было очень трудным и медленным. Ход был узким и извилистым, мои сигналы перестали доходить до них, и они начали сильно беспокоиться. Однако, проползши с трудом метров тридцать, я попал в высокое просторное помещение и бегло обследовал примерно метров двести.

Вернувшись на дневную поверхность, я рассказал об увиденном моим пораженным и восторженным компаньонам. Они начали с удвоенной силой расширять вход, а я в это время осмотрел пещеру во второй раз и обнаружил лабиринт и интересный нижний этаж. Незнакомые с приемами ползания и напуганные узким входом, Абади и Эскуба в первый день так и не отважились войти в пещеру. Позднее они осмелели, поползли по моим следам, и мне удалось заставить их пройти сотни метров по коридорам, украшенным сталактитами и прекрасными конкрециями, сильно их поразившими, так как они никогда раньше не видели пещеры, а эта оказалась к тому же весьма обширной.

Для полного обследования пещеры пришлось посетить ее много раз, и я нашел, что в ней много ходов протяженностью более километра на трех уровнях, а кроме того, ручей, подземное озеро и несколько водопадов. Мы назвали эту пещеру гротом Кум-Нер, по названию этого района на местном диалекте (Кум-Нер — "черная долина").

Так иногда бывает, что за, казалось бы, непроходимым узким входом в нору может скрываться обширное подземелье.

IV

Эмиль Картальяк и Тулузский музей

После того периода, который я назвал первыми и прекрасными годами детства, проведенными в Сен-Мартори, где посещал начальную школу, мы с братьями оказались в Тулузе, куда родители переехали на время нашего обучения. Теперь мы возвращались в Сен-Мартори только на пасхальные и летние каникулы. Конечно, три летних месяца я посвящал своему любимому занятию — искал пещеры.

В Тулузе мы жили в квартале Ботанического сада, где находился также Музей естественной истории, и часто послеобеденное время по четвергам и воскресеньям я проводил в зале под названием Пещеры, склонившись над витринами, заключавшими бесценные коллекции доисторического оружия, орудий труда, обработанных камней, костей и предметов, сделанных из костей животных и слоновой кости, изготовленных нашими предками каменного века. С особым уважением я смотрел на хорошо сохранившиеся скелеты животных, современников пещерного человека, — большого ирландского оленя (*magaceros*), пещерного медведя (*Ursus spaelaeus*), гиены и волка. В большой настенной витрине была представлена коллекция (я думаю, единственная в мире) черепов пещерных медведей. Один из них, я помню, достигал 0,67 метра вместе с клыками величиной с банан. В узком и темном коридоре была выставлена другая коллекция, около которой я задерживался неохотно, — человеческие черепа; эти более или менее разрушенные мертвые головы производили мрачное впечатление, их пустые черные глазницы, казалось вечно созерцающие небытие,

приводили меня в содрогание. Я подсознательно был благодарен хранителю "допотопных древностей" за то, что он не выставил эти останки наших предков на полном свете, а почтительно отвел им место в самой темной части музея.

Вскоре я познакомился с хранителем, который создал и продолжал пополнять экспозицию зала пещер с большой тщательностью.

Однажды, когда я склонился над витриной с коллекцией обработанных кремней из пещеры Мае д'Азиль, я услышал, а потом увидел, как вошел мелкими шажками старичок в сюртуке, без шляпы, согнувшийся под бременем лет, с белыми пушистыми бакенбардами и, несмотря на заметную лысину, с нимбом длинных волос вокруг головы, тоже белых. Очки в тонкой стальной оправе с очень маленькими стеклами придавали его морщинистому лицу сходство с традиционным образом ученого, каких еще можно было изредка встретить в то время.

Этот старик, рассказывающий с непокрытой головой по залам и галереям, чувствовал себя в музее как дома. Передо мной был хранитель музейных фондов Эмиль Картальяк — знаменитый археолог и знаток доисторического периода, горячий поборник дарвинизма.

В большом зале пещер мы были одни. Он остановился и обратился ко мне столь ласково и приветливо, что я смутился. Он спросил, нравятся ли мне доисторические времена, осведомился о моих стремлениях и уровне знаний в этой области. Мои наивные ответы ясно показали, что я был просто влюбленным в пещеры мальчиком, не обладающим никакими хотя бы приблизительными знаниями о доисторическом периоде. Тогда он охотно прочел мне лекцию, навсегда сохранившуюся в моей памяти; он нарисовал мне грандиозную картину предыстории человечества и познакомил меня с такими терминами, как ашельская, мустьерская, ориньякская, мадленская культуры, то есть с наименованиями различных стадий доисторического периода. Эти слова давно интриговали меня, но лишь в тот день я узнал их значение. Кроме того, он указал мне, где находятся стоянки первобытных людей, с которыми связаны эти названия. Его исключительное дружелюбие и ясность объяснений помогли мне очень быстро перейти мост, ведущий к доисторическим временам, и дали мне ключ вроде волшебного слова "сезам", без которого двери предыстории остались бы для меня закрытыми. Он до того был благожелательным, что назвал мне популярные книги, которые я мог посмотреть в библиотеке музея. Нашу беседу, вернее монолог, так как я не произнес и десяти слов, он закончил выражением одобрения и дружеским рукопожатием.

Пока он удалялся мелкими шажками, я стоял как пригвожденный к месту около витрины шелльских экспонатов, к которой он подвел меня. Я старался осознать, что произошло, пытался привести в порядок свои впечатления, как вдруг услышал движение в другом конце зала. Это оказался служитель музея (в то время единственный), симпатичный Брюникель, само имя которого предназначило его для роли хранителя доисторических коллекций¹. Он подошел ко мне с громким смехом и заговорил со своеобразным тулузским акцентом. Я не подозревал, что он издали наблюдал нашу встречу, на что имел полное право, так как сам ее подстроил.

Он давно заметил мою заинтересованность витринами, посвященными доисторическому периоду, и проникся ко мне симпатией, не переставая, впрочем, подшучивать над моей страстью к "старым камням", как он говорил. Он рассказал Эмилю Картальяку о заинтересовавшем его несколько необычном мальчике, влюбленном во все доисторическое.

Таким образом, встреча и лекция не были случайными — ученый не пожалел своего времени, чтобы просветить новичка и, конечно, постараться сделать из него ученика и последователя. И учеником я, безусловно, стал, ибо с этого времени получил доступ в библиотеку. Но робость не позволила мне еще раз подойти к археологу, несмотря на то что он сам сделал ко мне первые шаги. Он так никогда и не узнал, какую благодарность и уважение я питал к нему и продолжаю хранить к его памяти.

¹ **Брюникель** — название знаменитой стоянки доисторического человека в Тарн-э-Гаронне; многие интереснейшие находки, обнаруженные там, выставлены в Тулузском музее.

При содействии того же Брюникеля мне удалось проникнуть в святая святых — в лабораторию, где набивались чучела и где я познакомился с другим ученым — Филиппом Лакоммом, техническим хранителем коллекций музея, с которым у меня завязалась большая дружба.

Теперь я могу признаться, что на чтение книг в библиотеке музея и на беседы с Филиппом Лакоммом я тратил не только послеобеденное время по четвергам. Ради этого часто прогуливал занятия в лицее, и должен сказать, что не испытываю ни малейших угрызений совести и даже, если мои лицейские занятия несколько или даже сильно от этого пострадали, теперь я об этом нисколько не жалею, напротив!

V

Знаменитая, но разочаровывающая пещера Ориньяк

Эмиль Картальяк, справившись о том, где я провожу каникулы, рассказал мне, что в каких-нибудь десяти километрах от Сен-Мартори, близ маленького городка Ориньяк, находится знаменитая Ориньякская пещера, известная всему миру тем, что ее имя присвоено одному из главных периодов первобытной истории, так называемой ориньякской эпохе.¹

В следующие же каникулы я сел на велосипед и направился в сторону Ориньяка и Ориньякской пещеры. Признаться, она разочаровала меня. Это был просто грот под навесом скалы. Но все же я побывал в этой знаменитой выемке в скале.

Более века назад, в 1842 году, из маленького городка Ориньяк, расположенного, как и подобает средневековому городу, на круглом холме, вышел человек. Это был землекоп по фамилии Бонмезон, и на плече он нес орудия своей профессии — лопату и кирку. Пройдя около километра вниз по дороге на Булонь, он перешагнул через текущий вдоль дороги ручеек, поднялся на несколько метров по берегу Файоля, остановился и положил свои инструменты. Никто не нанимал его для работы, которой он собирался сейчас заняться, его побуждало чистое любопытство, и не без оснований.

Несколько дней назад на этом самом месте Бонмезон, бывший к тому же охотником, вернее браконьером, заметил кролика, который скрылся в норе. Он засунул руку в эту дыру и вытащил большую тяжелую кость. Это озадачило его, и он решил вернуться, чтобы раскопать нору.

Часто мелкие причины имеют большие последствия. Паническое бегство кролика, притягательная сила вкусного жаркого имели грандиозный резонанс, вызвали к жизни головоломную проблему, научные споры, пылкие дискуссии и в конце концов обессмертили название ничем не примечательного городка. Но не будем предвосхищать события и вернемся к начатым раскопкам.

После первого же удара киркой землекоп обнаружил каменную плиту, поставленную вертикально и, казалось, преграждавшую вход в пещеру или подземелье. Сгорая от любопытства и стремясь открыть тайну, он начал вскрывать склон, делая подкоп снизу. Проработав так несколько часов, он полностью очистил тяжелую плиту от песка. Бонмезон, благословляя свою настойчивость и свое чутье и не сомневаясь, что здесь спрятан клад, опрокинул преграду и застыл от ужаса при виде множества человеческих скелетов, беспорядочно нагроможденных в маленькой пещере!

Испугавшись, что он осквернил могилы, которые, впрочем, никак нельзя было встретить в этом месте, Бонмезон поспешил домой и рассказал о своей находке.

Жертвы революции? Жертвы религиозных войн? Мученики времен катакомб? Все эти предположения высказывались по поводу скелетов в пещере. Предлагали все новые объяснения, пока один из местных старожилов не выдвинул последнюю, наиболее правдоподобную гипотезу, с которой все согласились.

Около полувека назад в этой местности орудовала шайка разбойников-

¹ **Ориньякская эпоха** — нижняя эпоха верхнего палеолита. Палеолит (древний каменный век) делится на шель, ашель (нижний палеолит), мустье (средний палеолит), ориньяк, солютре и мадлен (верхний палеолит).

фальшивомонетчиков. Много народу пропало тогда бесследно, так как бандиты не останавливались перед преступлением. Кому, как не жертвам этих злодеев, могли принадлежать кости, найденные Бонмезоном? Здесь, вероятно, разбойники прятали трупы своих жертв.

Взволнованные жители во главе с мэром и священником отправились к зловещей пещере. Мэр, который был врачом по профессии, определил семнадцать скелетов, а священник приступил к сбору бранных останков, которые тут же были перенесены на кладбище и похоронены. Среди костей валялись какие-то шарики с дыркой, которые кое-кто из присутствовавших на церемонии взял себе на память.

Через восемнадцать лет, в 1860 году, проездом в Ориньяке оказался один ученый — Эдуард Ларте. У него была привычка везде, где ему приходилось бывать, расспрашивать об археологических достопримечательностях, минералах и окаменелостях и осматривать их. Между прочим, ему показали несколько шариков, когда-то найденных в пещерах со скелетами. Ларте сразу же определил, что это были обломки морских раковин, очень ценившихся первобытными людьми, из которых они делали бусы и головные украшения. Ему рассказали о находке Бонмезона. Тогда ученый стал расспрашивать о скелетах, но воспоминания могильщиков стали за восемнадцать лет слишком туманными, и ученому ничего не оставалось, как попросить показать ему пещеру, которую за это время никто не трогал. Он решил начать в ней раскопки.

Методические раскопки дали очень интересные результаты. Оказалось, что если пещера Ориньяк и служила во времена неолита местом погребения и ее намеренно закрыли каменной плитой, то задолго до того в ней жили первобытные люди, сложившие много очагов на полу пещеры и на террасе снаружи. В пепле очагов Ларте нашел множество костей животных, которыми питались люди, — пещерного медведя, бизона, северного оленя, лошади, мамонта, носорога и т. д. Но наибольший интерес представляли орудия из кремня и кости, обработанные в какой-то ранее не встречавшейся манере. Особенно костяные изделия были совершенно новой формы и назначения. Такой способ обработки орудий из кремня тоже раньше был неизвестен и их назначение непонятно.

Ларте тщательно изучил находки и методически расклассифицировал результаты своих раскопок. Он опубликовал отчет, из которого следовало, что маленькая пещера Ориньяк открыла нам особую стадию цивилизации каменного века. Позже орудия, обработанные таким же способом, были найдены во многих пещерах, расположенных очень далеко друг от друга.

Хронология первобытных времен создавалась очень медленно, по мере того как ученые получали новый материал для сравнений. Долго не знали, куда отнести находки, полученные при раскопках Эдуарда Ларте. Только в 1908 году аббату Брейлю, известному специалисту по первобытной истории, пришла в голову мысль взять пещеру Ориньяк как точку отсчета и назвать целую эпоху цивилизации каменного века ориньякской.

Теперь ориньякская эпоха заняла свое место среди крупных стадий развития первобытного общества между мустьерской и солютрейской. Ориньякская эпоха, одна из самых длительных и интересных эпох первобытной цивилизации, охватила наибольшее пространство, поскольку с ней приходится встречаться не только по всей Европе, но также от Южной Африки до Сибири.

Ничего этого я не знал, когда в 1911 году пришел сюда и остановился перед пещерой Ориньяк. Все же я побывал на пороге этого прославленного грота, как бы на пороге моей жизни, и за неимением возможности поползти на животе, как я надеялся, решил рассматривать свое посещение как паломничество в святилище предистории.

Проходя у пещеры Ориньяк, не смотрите на нее рассеянным взором, она заслуживает более пристального внимания, так как символизирует один из решающих этапов эволюции человечества. Здесь наши очень отдаленные предки сорок тысяч лет назад жили в лишениях, боролись с дикими животными и подвергались многочисленным опасностям жестокой эпохи. В этом месте зарождался человеческий разум.

VI

Моя первая настоящая пещера — грот Монсоне

Непредвиденная находка, сделанная не в библиотеке музея, что было бы естественно, а в ящике со старыми книгами, валявшимися на чердаке в Сен-Мартори, навела меня на "открытие" и помогла мне проникнуть (о чем я давно мечтал) в соответствии с моими честолюбивыми замыслами в неисследованную пещеру, которая в самом деле была первой моей пещерой, действительно заслуживающей этого названия.

Роясь в вышеупомянутом ящике, я откопал тоненькую брошюру с неразрезанными страницами (оттиск научного доклада), заглавие которой мне бросилось в глаза — "Логово гиен пещеры Монсоне".

Ведь Монсоне — деревня в трех километрах от Сен-Мартори, и, оказывается, там есть пещера. Пещера, служившая убежищем гиенам!

Как можно догадаться, мое удивление и любопытство были сильно возбуждены, и могу сказать, что чтение этих заметок возбудило их еще сильнее. Работа принадлежала перу палеонтолога Эдуарда Арле, "члена многих научных обществ", другие труды которого мне пришлось прочесть и оценить позднее.

В полумраке чердака из этой маленькой книжки, которую прочел не отрываясь, я узнал, что в 1890 году в карьере Монсоне при взрыве был обнаружен подземный коридор, у входа в который Арле проводил палеонтологические раскопки. Он нашел останки животных, принадлежавших к "тепловой фауне шельской эпохи",¹ в том числе кости слона, гиппопотама, гиены, дикобраза, бобра и даже обезьяны (нижняя челюсть макаки, принадлежавшая к ранее не описанному виду, получившему латинское название *Mascasus tolesanus*). Этот неожиданный перечень животных, обитавших в Монсоне в очень отдаленные времена, заставил меня размяться. Но главное — я вынес из книги сведения о том, что совсем неподалеку существовала пещера, где раскопки проводились только в нескольких первых метрах коридора и которую до сих пор никто еще не исследовал.

Никогда и никто не говорил мне об этой пещере. Только бы она не была засыпана при разработке карьера!

На следующий день к заходу солнца я уже подъезжал на велосипеде к самому карьере. Сначала местность показалась мне совершенно безлюдной и заброшенной, но потом оказалось (весьма некстати), что трое рабочих только что подготовили минную камеру и собирались произвести взрыв карьера. Захваченные врасплох моим несвоевременным приходом в самую неподходящую минуту, они без всяких церемоний начали прогонять меня криками. Я проследил, когда рабочие отправились в деревню. Теперь карьер был пуст и свободен, и я мог его тщательно исследовать. В скалистом обрыве на высоте нескольких метров зияла черная дыра, правда, очень небольшая. Но я никогда не был слишком привередливым, и самые узкие ходы были моей специальностью.

Я немного растерялся и был сбит с толку тем, что это отверстие ничем не напоминало описанное в книге. Но очевидно, за прошедшие двадцать лет фронт карьера сильно отступил из-за продолжающихся разработок, и срезанная пещера не заключала больше зала, в котором работал Эдуард Арле. Все это очень меня устраивало, так же как и понижение свода, остановившее знаменитого палеонтолога и отбившее у него желание проползти дальше в пещеру, которая благодаря этому так и осталась неисследованной. Впрочем, я перестал удивляться, когда позже узнал, что этот ученый всегда, даже на месте раскопок, бывал в сюртуке с жестким стоячим воротником и в котелке.

Оставив сандалии снаружи, я ползком на локтях и на коленях пролез в отверстие. Продвинувшись в таком неудобном положении на какие-нибудь десять метров по исключительно неровному полу типа "персиковой косточки", я оказался в коридоре в три-четыре метра высотой и примерно такой же ширины. Никогда еще не было у меня столь

¹ Шельская эпоха — наиболее ранняя эпоха палеолита (см. пред. прим.).

неожиданной удачи! Несколько минут я простоял неподвижно во весь рост, водя из стороны в сторону свечой, которую я держал в вытянутой руке. Насколько хватает взгляда (то есть приблизительно на пять-шесть метров), я вижу или, скорее, угадываю убегающую вдаль перспективу коридора, который, как мне кажется, и дальше сохраняет такие же размеры. Никогда еще у меня не было подобного праздника, и мое волнение и восторг увеличиваются еще тем, что на покрытой грязью почве, в которой глубоко вязнут мои ноги, не видно никаких следов — глиняный пол совершенно чист и лишен каких-либо отпечатков.

В тишине, наступившей во время одной из моих коротких передышек, слышу, как где-то впереди какое-то животное, впрочем небольшое, спасается бегством. Я, наверное, испугнул нескольких кроликов, которые собирались в сумерках выбраться наружу, чтобы порезвиться и попасть на соседних полях. При свете свечи — совершенно недостаточного и неудобного источника света — двигаюсь вперед и оказываюсь у воронки, перегораживающей коридор по всей ширине. Что это — обвал, оседание почвы? Не знаю. Я переступаю через впадину, но чуть дальше натыкаюсь на следующую, более глубокую. Я подхожу к ней вплотную и вижу, что она ведет куда-то вниз. Ногой сбрасываю в воронку несколько камешков, которые исчезают в щели, и слышу, как они отскакивают при падении. Я склоняюсь над отверстием, и теперь до меня доносится неясное, но непрерывное журчание. Тогда эти звуки были еще для меня новы, а потом я часто слышал их под землей — это бормотание воды, текущей в нижнем, еще неизвестном этаже.

Сколько подземных потоков я услышал и открыл — иногда на страшной глубине — с того дня, когда впервые замер от удивления и восторга, обнаружив подземный ручеек в пещере Монсоне...

Бросив прощальный взгляд на уходящий дальше коридор, я решил повернуть назад по двум причинам. Недооценив пещеру Монсоне, я взял с собой только одну свечу, и, кроме того, время уже было позднее. Хотя мои дорогие родители предоставляли мне большую свободу, я все же не мог позволить себе вернуться в неурочное время. И я помчался назад в Сен-Мартори.

На следующий день, получив разрешение по всем правилам, я вновь оказался у входа в пещеру в еще более позднее время, чем накануне. Так у нас было меньше вероятности встретить в карьере рабочих. Я сказал "у нас", так как со мной был брат Марсиаль, которому я рассказал о результатах моей разведки. Он не меньше меня горел желанием исследовать пещеру Монсоне.

На этот раз у нас был с собой запас свечей, и на спинах мы несли маленькие рюкзаки бойскаутов, в которых находились веревка, молоток и немного съестных припасов. Настоящая экспедиция!

Болтая и гостеприимно показывая Марсиалью пещеру, я подошел к краю провала, в который мы начали бросать камни, прислушиваясь к шуму подземного ручья. Потом мы решительно направились в неизвестность... Приключения начались! Нам попадаются новые провалы, мы перепрыгиваем через них и идем дальше. Восхищаемся сталактитами и колоннами очень, правда, небольших размеров, но они кажутся нам сказочными, так как мы видим их впервые и, кроме того, сами их открыли. Мы даже присваиваем их, и то и дело слышатся восклицания, которые никак не назовешь скромными.

— Погляди-ка, этот я открыл!

— Да, неплохо, но посмотри сюда на мой!

Так мы идем вперед, и наш энтузиазм возрастает от находки к находке. Мы охвачены настоящей лихорадкой.

О, эта колонна!

И мы с восхищением рассматриваем самую большую в этой пещере колонну метра в полтора высотой и толщиной в руку человека. Но она соединяет свод с полом, значит, это настоящая колонна, и мы ее подробно разглядываем до тех пор, пока Марсиаль, сделав несколько шагов в сторону неисследованной части пещеры, не закричал:

— Норбер, пропасть! Здесь пропасть!

В самом деле, коридор резко обрывается, и перед нами зияет черная пустота... Мы не можем подойти к ней вплотную из-за округлого края, покрытого мокрой и скользкой глиной.

Несколько камешков, брошенных в пропасть, успокаивают нас: они падают с глухим звуком на землистую почву на глубине около восьми метров.

Как опытный исследователь, я достаю из заплечного мешка гладкую веревку длиной метров двенадцать и привязываю ее к основанию колонны, которая весьма кстати оказывается у края обрыва.

Марсиаль с интересом следит за мной. Он хорошо знает, что я "великий мастер" лазания по веревке, и ему не терпится узнать, что же там на дне пропасти. Чтобы освободить руки, я засовываю зажженную свечу за ленту шляпы и соскальзываю в пустоту. Стенки — из мокрой глины, которая сразу же прилипает ко мне, особенно к локтям и коленям, но это меня мало беспокоит, и я продолжаю спускаться. Вскоре я приземляюсь на мягкую вязкую почву. Стекающие со свода потоки превратили ее в месиво грязи, в которой вязнут ноги.

Не все ли равно! Я кричу изо всех сил, чтобы сообщить Марсиалью, что я благополучно приземлился, и повторить данные ему ранее советы. Теперь его очередь спускаться, и веревка начинает двигаться и дергаться. Задрав голову, я вижу его ботинки, которые отрывают комья земли от стенки. Я продолжаю давать ему советы и наставления. Он приближается, и я собираюсь уже схватить его за ноги и принять, но в этот самый момент я слышу какое-то потрескивание на голове и чувствую запах паленого. Стремительно срываю с головы и отбрасываю в сторону пылающую шляпу, а Марсиаль, корчась от смеха, сваливается на меня.

В спешке, поглощенный своим занятием, я забыл об укрепленной на голове свече, и шляпа загорелась!

Когда окончилось это смешное приключение и наше веселье несколько утихло, мы решили продолжать исследование пещеры, которая дальше переходила в высокий, узкий и очень грязный коридор. Кроме того, мы заметили у ног что-то вроде узкой щели, откуда доносилось бормотание текущей воды.

Подземный ручей! Он зажег наше воображение, и нам захотелось поскорее достичь его и увидеть водный поток, проложивший себе путь в недрах земли, как бы ни был он скромен.

Может быть, причиной нашего любопытства были воспоминания о поразивших и заинтересовавших нас книгах. В "Путешествии к центру Земли" племянник профессора Лиденброка, молодой Аксель, заблудившись под землей, использует в качестве нити Ариадны ручеек, который кипит, вьется и образует водопады в подземных лабиринтах.

Здесь, в Монсоне, мы не заблудились. Но я устремляюсь в наклонную щель с нетерпением, смешанным с уважением. Я энергично пробираюсь по ней ползком, держа в одной вытянутой вперед руке зажженную свечу, зажатую в кулаке. Внезапно свеча гаснет, и в тот же момент моя рука погружается в ледяную воду. Я оказываюсь в полной темноте, стиснутый в узком проходе, и никак не могу зажечь свечу. Конечно, я могу вернуться, но моя рука погрузилась в воду только по кисть, и, решив, что ручеек неглубок, я продолжаю скользить по нему вниз и становлюсь на ноги в небольшом потоке, где мне удастся зажечь свечу. Мокрый по колено, рукава куртки полны воды (ведь я полз по воде на четвереньках) — вот в каком виде я достиг моего первого подземного ручья. Настоящее крещение.

Едва я успел чиркнуть спичкой и выпрямиться, как Марсиаль, в свою очередь устремившись в наклонный ход, врезался головой мне в ноги.

— Она совсем ледяная, — сказал он, отфыркиваясь. Он имел в виду температуру воды.

Вода действительно очень холодна и никак не напоминает кипящую воду ручейка Акселя. Следуя памятным мне заветам Жюль Верна, я считаю своим долгом просветить младшего брата.

— Понимаешь, — говорю я с важностью, — здесь мы еще не в центре Земли, и огонь, находящийся в центре, не смог согреть эту воду. Неизвестно, сколько времени она не видела солнечного света, и потому такая холодная.

На несколько метров выше ручей вытекает из-под совершенно непроходимого очень низкого свода. Зато вниз по течению все просто великолепно: перед нами высокая извилистая

галерея, и мы идем по ней, радостно шлепая ногами по маленьким быстринам и скромным бочажкам, сменяющим друг друга в нашем потоке. Дно то глинистое, то каменистое и очень неровное. Время от времени встречаются пляжи из обкатанной гальки, черной, как уголь (отложения марганца, как и узнаю позднее). Мы бредем, восторженно и внимательно рассматривая и отмечая все, что нам попадает на пути. Иногда мы видим крохотные притоки, вытекающие из боковых трещин, в которые нам очень любопытно заглянуть, но они почти сразу же становятся непроходимыми. Местами свод поднимается очень высоко, образуя уходящие вертикально вверх колодцы, которые там, наверху, сообщаются с воронками пещер верхнего этажа. Такую картину, связанную с механизмом просачивания подземных вод, я буду встречать в пещерах всю жизнь. Вода всегда роет, сверлит, использует и расширяет трещины, и с помощью силы тяжести ей в конце концов всегда удастся достичь более низкого уровня, спускаясь все ниже и ниже.

Верхний этаж пещеры Монсоне и представляет собой древнее иссохшее подземное русло, из которого проточная вода ушла много тысячелетий назад. По многочисленным воронкам (места утечки первичных ручейков) вода просачивалась в нижний этаж, где мы теперь разгуливаем в бегущем потоке. Уход воды и осушение верхнего этажа относятся к очень давней геологической эпохе; грот успел послужить убежищем гиенам, которые притаскивали сюда трупы или части трупов многочисленных животных (их кости Эдуард Арле извлекал в 1890 году).

При каждой новой неожиданной находке наше продвижение прерывается восклицаниями:

— Смотри, вот кость!

В воде ручья я заметил и подобрал короткую крепкую черную, как уголь, кость и тотчас же сунул ее в карман, а потом выставил в своем музее на чердаке. Позже аббат Брейль, оказавший мне честь своим посещением, определил ее. Это оказалась трубчатая кость лошади.

Вдруг Марсиаль окликает меня:

— Иди сюда! Креветки!

Склонившись над глубоким озерком с идеально прозрачной водой, он показывает мне забавных крохотных водяных животных,двигающихся очень проворно. Это действительно креветки. Пресноводные креветки с совершенно прозрачным тельцем. Эти пещерные ракообразные лишены органов зрения и живут в абсолютной темноте. Предупрежденные каким-то особым чувством (по всей вероятности, слухом), они обнаруживают наше присутствие и прячутся в щели среди камней.

В одной восточной легенде рассказывается о человеке, зачарованном мелодичным пением и красочным оперением маленькой птички; слушая ее, он в течение ста лет бродил за ней по бесконечному лесу. Подобно ему мы медленно продвигаемся по темному лабиринту, и нитью Ариадны нам служит ручеек, который бежит от камня к камню, от заводи к перекату и доводит нас до последней узкой расщелины. Здесь очарованию приходит конец, так как вода, поглощенная щелью в скале, покидает нас с бульканьем, похожим на рыдание...

Около полуночи мы вернулись к истоку ручейка. Ползком пробравшись в расщелину, по которой мы проникли сюда, и бросив доверчивый взгляд на висящую вдоль глинистой стенки веревку, мы направляемся в галерею, ведущую к верховьям ручья.

После захватывающих, полных поэзии часов, которые мы провели, следуя вниз вдоль ручья, нам приходится напрячь все силы, чтобы добраться до верхнего этажа и вступить в борьбу с крайне неприятным, цепким и коварным врагом. Нам необходимо взобраться по откосу из вязкой глины. Сразу же мы покрываемся слоем грязи, ноги вязнут в липкой массе, а руки становятся похожими на неудобные и нелепые боксерские перчатки. Все, включая свечу, покрыто слоем глины, виден лишь маленький язычок пламени, который не хочет и не должен умереть.

В одной из моих книг я написал похвалу грязи и не отказываюсь ни от одного слова, как бы ни казалось парадоксальным восхвалять предмет, всегда считавшийся отвратительным и

отталкивающим. Я позволю себе повторить некоторые из моих прежних высказываний:

"Для спелеолога самая клейкая, вязкая, зыбкая и все покрывающая своим слоем глина никогда не бывает просто грязью, а всегда остается благородным веществом, которым он весь пропитывается, которое покрывает его с головы до ног, а иногда превращает в ледышку, но которое в конечном счете до такой степени неизбежно и привычно, что становится как бы классической, характерной чертой пещер. Весь измазанный глиной, на этот раз, скажем, просто грязью, спелеолог не имеет ли права с гордостью сказать, как Сирано де Бержерак:¹ "Я элегантен морально!"

Ведь если дойти до самой сути вещей и если нам разрешат до конца высказать нашу мысль, несущую на себе след символики (почти геологического мистицизма), то не уместно ли здесь напомнить, что глина — самый почтенный и благородный материал, потому что, по библейской легенде, нас вылепили из "горсти земли". И можно ли сомневаться, что этой землей была глина, красная глина. Само имя первого человека — Адам — на древнееврейском языке означает "красная земля", а слово "человек" — homo по-латыни — также созвучно с humus — "земля".

Вот что мне хотелось сказать о пещерной глине, которая многих отпугивает так же, как она вызвала отвращение у нас и чуть не оттолкнула при первой встрече, при первом боевом крещении в пещере Монсоне.

Кроме того, наша первая пещера вскоре выставила против нас еще более серьезное препятствие, которое мы сначала сочли даже непреодолимым.

Покрытые грязью с головы до ног, с трудом преодолев этот проход, мы только немножко передохнули в каменном зале, заканчивавшемся низким лазом. Ползком на животе мы проникли в него, но дальше он, по-видимому, становился непроходимым. Лаз имел вид щели, оцетинившейся сталактитами и массивными колоннами, образующими как бы прутья естественной решетки.

Даже Марсиаль, несмотря на всю гибкость восьмилетнего ребенка, отступает перед слишком узкими ходами, и нам приходится вернуться в огромный зал, где мы соскребаем с себя глину ножом, чтобы хоть немножко освободиться от нее, так как она склеивает даже пальцы рук. Я вовремя вспоминаю, что у меня в мешке есть молоток, опять ползу в проход и начинаю крушить тонкие сталактиты, которые раскалываются со стеклянным звоном. Но за тонкими следуют более толстые и прочные, короткие, особенно крепко приросшие колонночки, которым мой инструмент наносит только слабые удары, так как я вынужден находиться в очень неудобной позе и у меня нет места, чтобы размахнуться. Быстро устав, с затекшими от напряжения мышцами, я оставляю молоток и уступаю место Марсиалю, которому благодаря маленькому росту удастся продвинуться немного дальше вперед. Но, будучи ребенком, он бьет молотком еще слабее. Однако, объединив усилия, часто сменяясь, со всем пылом сокрушителей преград мы все же делаем некоторые успехи. Разрушение каждой колонночки мы отмечаем победным кличем. Мы быстро отгребаем и отбрасываем обломки, и нам удастся снова продвинуться вперед. Все это тянется бесконечно долго, но в конце концов приходит минута, когда мы ломаем последний известковый столбик и видим, что дальше, за каменным навесом, потолок щели начинает наконец подниматься. К счастью, сталагмитовый порог, к которому мы теперь прижимались вплотную, гладок и влажен, и мы легко его преодолеваем. Я выдыхаю воздух, чтобы уменьшить объем грудной клетки, и, сдирая кожу с груди и лопаток, пролезаю с отчаянным усилием и глубоко с шумом вздыхаю под сводом, который больше не давит на меня так угрожающе и жестоко. Марсиаль следует за мной как тень. Пещера идет дальше вглубь просторным коридором.

Узкие ходы поднимаются на неразличимую высоту, а под ногами разверзаются колодцы, из которых доносится шум вновь найденного ручья, верхнее течение которого мы сможем исследовать только в следующий раз. Сегодня для нас достаточно обследовать этаж,

¹ **Сирано де Бержерак** — французский писатель, живший в XVII столетии (1619–1055 гг.). Отличался материалистическими взглядами и вольнодумством. Французский писатель Э. Ростан создал романтический образ Сирано де Бержерака в одноименной пьесе (1897 г.).

в который мы проникли с таким трудом.

Мы попадаем в пещеру, заканчивающуюся тупиком с маленьким круглым отверстием. Для очистки совести я просовываю в него голову. Ура! Победа! Коридор продолжается! Я протискиваюсь полностью и оказываюсь в крохотном зале с песчаным полом, на котором замечаю цепочку следов маленького животного. Сначала это открытие нас очень удивило, а потом обрадовало, когда, поразмыслив, мы решили, что никакое животное не могло сюда проникнуть через вход, находящийся далеко в карьере. Слишком много на пути различных препятствий, из которых совершенно непреодолимое — это обрыв: ведь мы спустились сюда по веревке. Следовательно, мы находимся где-то недалеко от другого входа в пещеру, наверное, посреди леса в каком-то неизвестном нам месте горы, по недрам которой мы с трудом пробирались в течение многих ночных часов.

Перспектива выйти наружу, пройдя сквозь всю гору, приводит нас в полный восторг. Мы осматриваем запас свечей и находим его достаточным. Это придает нам уверенности, и мы бодро двигаемся вперед, но, увы, недолго. За первым же поворотом перед нами открывается неожиданное зрелище, и мы замираем на месте. Здесь пещера оканчивается каменным мешком, из которого нет никакого выхода, а на земле валяется хрупкий скелет животного, следы которого привели нас сюда.

Несколько мгновений мы стоим, потрясенные драмой, которую нам рисует воображение. Животное, каменная куница, проникла в пещеру, по-видимому, через какую-то узкую щель в своде, соединяющую подземелье с внешним миром. Двигаясь по ходам, может быть очень длинным и сложным, — их мы никогда не узнаем, так как они доступны только мелким животным, — каменная куница попала наконец сюда. Раненная, больная или сбившаяся с пути, она долго блуждала, пока в конце концов не умерла в самой глубине пещеры...

Под землей неуютно. Все сурово, иногда зловеще, всегда величественно и полно угроз. Конечно, именно поэтому человек и животные инстинктивно избегают и боятся подземного мира. Только немногие приспосабливаются к этому царству смерти и испытывают интерес, даже страсть к его исследованию. Это спелеологи.

Спелеологи? Прошло много лет, прежде чем мы узнали этот варварский неологизм, но по собственной инициативе, согласно своему, возможно, странному вкусу к необычному, мы стали дилетантами-спелеологами, по-настоящему влюбленными в пещеры.

Исследование грота Монсоне, открывшее нам многое неизвестное ранее и давшее разносторонний опыт, очень многому научило нас и позволило пережить незабываемые часы. Кроме того, эта пещера навсегда завоевала меня для подземных походов. Ведь она была моей первой настоящей пещерой.

VII

Моя первая пропасть — Пудак-Гран

Наш незабываемый ночной поход в пещеру Монсоне положил начало длинным прогулкам на велосипеде по окрестностям Сен-Мартори, благодаря которым я обнаружил несколько пещер, не особенно больших, но все же довольно интересных, и бросился в них очертя голову. Но у меня была мечта, которая никак не осуществлялась, — увидеть пропасть и, если удастся, спуститься в нее.

Что пропасти существуют на земле, я знал хотя бы из книги Жюль Верна. Спуск профессора Лиденброка в кратер вулкана Снеффелс в Исландии не давал мне покоя. Единственный известный мне колодец Можжевельника на обрыве Эскалера был весьма скромной пропастью, и после многократных спусков в него я уже не ощущал ни волнения, ни страха. Теперь я надеялся оказаться перед настоящей бездной, чтобы помериться с ней силами и испытать сильные ощущения при спуске под землю. Это занимало все мои мысли, но поиски оставались тщетными. Во всем районе не было ни одной пропасти.

Однажды я остановился на дороге, идущей по оврагу, и, заметив на крутом склоне

маленькое отверстие, тут же решил расширить его, так как мне всегда хотелось проникнуть в каждую увиденную дыру. Я успел отбросить немало земли и столкнуть вниз несколько больших камней, скатившихся на дорогу, когда меня испугал и заставил прекратить работу звук приближающегося лошадиного топота. Мне стало не по себе, так как я несколько попортил земляной склон и завалил дорогу, и я бы с удовольствием удрал и спрятался под покровом леса, но мой оставленный внизу велосипед был слишком убедительной уликой. Итак, я решил не двигаться с места и выдержать возможную перепалку с возницей той упряжки, которая должна была вот-вот показаться из-за поворота. Но появился не крестьянин, а два жандарма верхами. Они делали обход, и у них был бравый вид, гораздо более бравый, чем у меня, стоящего сконфуженно на склоне посреди груды земли и камней, извлеченных мной из дыры. Однако я с облегчением заметил, что это были жандармы из отряда, стоявшего в Сен-Мартори. Я их хорошо знал, поскольку помещения, в которых располагалась жандармерия, принадлежали нам, и мой отец сдавал их в аренду департаменту.

Жандармы тоже узнали меня, что не помешало им весьма строго спросить о роде моего по меньшей мере подозрительного занятия. К счастью, ни по возрасту, ни по виду я не походил на браконьера, ставящего силки на кроликов или охотящегося на хорьков. Все же они велели мне прекратить мою разрушительную работу.

У одного из них, которого я особенно хорошо знал, так как дружил с его сыном, была великолепная золотисто-рыжая лошадь, очень резвая и хорошо выдрессированная, которая по команде вставала на дыбы. Этот жандарм по фамилии Эстард обладал хорошей выправкой, бравым видом и длинными галльскими усами.

Он знал о моем пристрастии к поискам всяческих дыр и посоветовал мне побывать в его родных местах, где колодцы (он назвал их на местном наречии — пудаки) насчитываются сотнями.

"Его родные места", как я знал, находились в деревушке Арба у подножия гор. До них было каких-нибудь двадцать километров, но по тем временам это считалось значительным расстоянием. Я начал его расспрашивать об этих таинственных пудаках, и он мне весьма живо их описал. Это колодцы, затерянные среди гор в еловых и буковых лесах. Они очень опасны, и иногда в них проваливаются овцы и даже коровы, пасущиеся летом в горах.

Вечером за обедом я легко направил разговор на нужную мне тему, и отец, страстный охотник на кабанов (всего он добыл сто сорок кабаньих голов и был однажды тяжело ранен старым одиноким кабаном), сказал, что во время охоты в горном массиве Арба он видел эти знаменитые колодцы, настоящие естественные ловушки, в которые каждый год проваливаются собаки.

Все это мне уже было немного известно из брошюры, прочитанной в библиотеке Тулузского музея, рассказывающей об исследовании одного из колодцев — пропасти Планк. Брошюра принадлежала перу парижского ученого Мартеля. Я снял на кальку план и разрез пропасти, и эта бесценная бумага буквально жгла мне пальцы. Мне было совершенно необходимо увидеть пропасть Планк и по возможности спуститься в нее.

Итак, в одно прекрасное утро я явился в Арба без Марсиаля, у которого еще не было велосипеда. Какой-то старик снабдил меня очень обстоятельными и даже слишком подробными сведениями, и я отправился в горы.

По чистой случайности мне удалось найти жерло колодца "под большим буком", как мне было сказано, если только такое указание можно считать точным, ибо лес сплошь состоял из больших деревьев.

Итак, я у настоящей пропасти, носящей два названия — пропасть Планк, как ее назвал Мартель, и Пудак-Гран (большой колодец), как ее называют местные жители. Признаюсь, что топонимические проблемы перестали занимать меня, как только я приблизился к краю пропасти, оказавшейся гораздо более внушительной, чем я предполагал.

На моем чертеже в разрезе был показан наклонный колодец глубиной в двадцать метров, за ним следовал десятиметровый обрыв, переходящий в большую осыпь, которая достигала гигантского зала. На бумаге все это выглядело аккуратно и не таило никаких

неожиданностей. В действительности все оказалось не совсем так. Я был зачарован и ошеломлен этим открывшимся передо мной головокружительным спуском, и моя школьная эрудиция подсказывала мне такую же надпись над ним, какая стояла на воротах Дантова ада: "Оставьте всякую надежду..." Мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы достать из мешка тонкую веревку в тридцать пять метров длиной. Я принялся ее медленно разворачивать, проверяя соединительные узлы, которыми она была вся разукрашена, так как состояла из многочисленных отрезков. Потом все мое внимание поглотил узел, которым я привязывал веревку к ближайшему дереву. Но я прекрасно знал, что все эти проволоочки направлены только на то, чтобы оттянуть момент спуска.

Все еще находясь в плену классических реминисценций, я вспомнил слова Тюренна:¹ "Дрожишь, негодник!" — и мне пришлось хорошенько отругать себя, чтобы закончить последние приготовления. Эти приготовления включали одно новшество — использование маленького ацетиленового фонарика, какие применяли в то время велосипедисты. Эта противная механика, с которой я, может быть, просто не умел правильно обращаться, причиняла мне сплошные неприятности. К счастью, со мной были мои верные свечи, и, держа одну из них зажатой в зубах, я начал спускаться по крутому склону, ведущему в глубину пропасти. Необходимость выполнять знакомые действия, методические перехваты руками и нормально проходящий спуск автоматически сняли мои страхи и вернули мне все мои умственные способности.

Наконец я добираюсь до места, где очень крутая стенка колодца переходит в совершенно вертикальный обрыв, так что мне предстоит повиснуть над пустотой. До этого места я дошел в очень хорошем состоянии и, не ощущая усталости в руках, соскальзываю на животе и преодолеваю нависший край. Зажав веревку ногами и ступнями (секрет пользования простой веревкой), скольжу вниз, но вдруг происходит неприятность: свеча, которую я держу в зубах, задевает за стену и гаснет. Теперь я продолжаю спускаться на ощупь в темноту и наконец благополучно приземляюсь.

Засветив свечу и фонарь, я с облегчением и не без гордости замечаю, что нахожусь на верху длинного склона, по которому без труда смогу достичь дна пропасти. Я больше не держусь за веревку и иду вниз по крутому склону, заваленному камнями и огромными трухлявыми стволами деревьев.

Очень высокий свод придает этой величественной пещере размеры и вид ушедшего под землю храма, в котором я чувствую себя совершенно ничтожным. По дороге нахожу полу заваленные камнями рога оленя, а немного дальше — кости и хорошо сохранившийся череп медведя. Эти животные провалились, соскользнули по наклонному спуску, упали с высоты вертикальной стены и разбились о лежащие внизу камни.

Достигнув дна пропасти, я с восхищением обнаруживаю прелестное озерко, и его созерцание вознаграждает меня за внутреннюю борьбу, которую мне пришлось выдержать, прежде чем я решился спуститься. Вид этой прозрачной воды в феерическом окружении вознаграждает меня также за все мелкие неприятности и волнения при спуске.

Так вот оно, дно пропасти с маленьким озерком! Ему подобные встречаются почти повсеместно, и, просачиваясь через бесчисленные такие же впадины, они питают источники долины. Здесь я воочию увидел самую таинственную, но и самую поэтичную фазу цикла воды — тайные храмы пленных наяд, спящих под каменными сводами.

Вдоволь насладившись великолепием подземного царства, я преисполнился сознанием, что нахожусь на глубине шестидесяти пяти метров, на дне моей первой пропасти, в которую проник один, пользуясь лишь своими собственными средствами.

Тот, кто никогда не испытывал хмельной радости таких побед, сочтет подобную экзальтацию неуместной, а человека, признавшегося в ней, спесивцем. Но это законная гордость, лежащая в основе всего значительного и достойного внимания, что происходит в мире приключений.

¹ **Тюрени** (1611–1675 гг.) — выдающийся французский полководец, маршал Франции, автор книги "Мемуары", в которой изложил свои методы боевых действий.

Мой ацетиленовый фонарь, стекло которого разбилось еще при спуске по веревке, ни на что не пригоден. Горелка засорилась, а сам фонарь висит у меня на портупее, бесполезный и стесняющий движения, и я жалею, что взял с собой эту обузу. Никогда больше им не буду пользоваться. Это очень грустно, так как я очень рассчитывал на фонарь (света одной свечи явно недостаточно).

Никогда я не видел более обширного подземелья, чем Пудак-Гран. Чувствуя себя в нем совершенно потерянным и испытывая смутное беспокойство, я перелезаю через обломки скал, поднимаюсь по осыпи в направлении веревки, которая свисает сверху, соединяя меня с внешним миром.

Чтобы составить себе правильное представление о размерах и форме большого зала, по которому медленно пробираюсь, я держусь все время левой стены. Чем дальше, тем сильнее изгибается стена, и вдруг я обнаруживаю, что нахожусь уже не в большом зале пропасти, а в каком-то ответвлении от него. Передо мной загроможденный проход, и каждый шаг по нему уводит меня от выхода, но я понимаю, что это продолжение пещеры не нанесено на план, находящийся в моем распоряжении, и, следовательно, оно осталось неизвестным моим предшественникам.

Это открытие приводит меня во вполне понятное возбуждение, которое еще усиливается, когда я начинаю различать, что грунт в этом месте землистый и пыльный, усыпан костями и гигантскими черепами, в которых я легко узнаю скелеты медведей, так как видел такие же в музее. Это не современный медведь, водящийся в Пиренеях, череп которого я нашел на большой осыпи, а пещерный медведь, грозный *Ursus spaelaeus*.

Та часть Пудак-Гран, в которой я сейчас нахожусь, — настоящее кладбище медведей.

Восторг от того, что я открыл неисследованную часть пещеры, переходит в бурную экзальтацию при мысли, что я — первый человек, проникший в этот доисторический зверинец. Меня глубоко потрясает мысль, что дикие звери, попавшие сюда другим путем, чем я, двигались в полной темноте на ощупь, с помощью лишь своего чутья. Я думаю также и о том, что им были известны все закоулки этого зала, но они никогда сами не видели его. Итак, с тех пор, как существует эта пещера, я — первое существо, рассеявшее ее мрак и созерцающее ее всю целиком.

Эти и другие подобные им волновавшие и беспокоившие меня мысли вызывали тайное смятение и навсегда оставили след в моем мозгу и сердце.

Такие часы не проходят даром, они накладывают отпечаток на всю жизнь, и тяга к пещерам и ко всему, что в них заключается, сохраняется навсегда. Особенно если выпало счастье побывать в них одному, да к тому же в отроческом возрасте.

Я бы подольше задержался в зале Медведей, где мне пришлось пережить одно из глубочайших волнений за все мои подземные путешествия, но запас свечей подходил к концу, кроме того, мне следовало подумать о длинном переходе по лесу и об обратном пути в Сен-Мартори на велосипеде.

Я позволил себе потратить еще лишь четверть часа и посмотреть, что находится дальше за нагромождением древних костей. Но через несколько минут на моем пути встал обрыв. Я стою на краю вертикального колодца и при свете свечи вижу только несколько первых метров, а брошенные вниз камешки указывают на большую глубину.

Мне так не терпелось продолжить исследования, что через несколько дней я вновь был у этого колодца. Мое снаряжение пополнилось веревкой, совершенно необходимой для атаки бездонного колодца, мысль об исследовании которого неотступно преследовала меня и, по правде сказать, лишала сна.

Вернуться в Пудак-Гран одному, чтобы вторгнуться в неизвестность, казалось мне высшей степенью неосторожности, и вначале я испытывал угрызения совести. Но ужасное и в то же время прекрасное ощущение — ни от кого, кроме самого себя, не зависеть и переживать опасности одному, без свидетелей, — взяло верх над всеми моими сомнениями, и я вернулся на место моих чаяний и страхов, сам точно не зная, иду ли я туда по собственной воле или меня влечет какая-то злая сила. Трудно анализировать это ощущение; не имея

возможности объяснить его, я окрестил эту силу, которую всегда чувствовал и действие которой с наслаждением испытывал всю жизнь, — зов бездны.

Спуск по гладкой веревке был одним из моих любимых занятий. Это малопопулярный спорт, и только изредка можно встретить акробатов, которые занимаются этим видом гимнастики. И вот сегодня в Пудак-Гран мне будет служить подспорьем лишь простая веревка.

Как и в Монсоне, я поместил свечу за ленту шляпы, но поля отбрасывали тень, и как раз там, где освещение было мне нужнее всего, подо мной оказывалась темная зона. Мне пришлось вернуться к варварскому и неудобному способу — взять свечу в зубы. Я начинаю скользить вниз вдоль неровной стены с многочисленными выступами, на которых смогу отдохнуть позднее при подъеме. Достигаю балкона, оказавшегося вдвойне кстати, так как моя веревка слишком коротка, чтобы спускаться дальше, и, кроме того, я обнаружил, что нахожусь на новом этаже пропасти, где смогу продолжать свои исследования. Продвигаюсь с осторожностью, нахожу еще кости пещерных медведей, и эта находка — новая загадка об их присутствии в таком месте. Но вот новое препятствие — путь преграждает другой колодец во всю ширину коридора. А на противоположной его стороне коридор идет дальше.

Под землей легкого не бывает. Трудности составляют правило, и приходится без конца идти на штурм, проявлять настойчивость, упрямо идти вперед.

Мне пришлось узнать это с самого начала моих походов, но мой интерес был так силен, что я вернулся в Пудак-Гран в третий раз с новым планом, столь же простым, сколь и опрометчивым.

У входа в пропасть я срубил молоденький ровный и стройный каштан, обрубил ветви и спустил его по наклонному склону, ведущему в колодец. Через несколько минут спустившись по веревке, я нашел свой каштан на большой осыпи, вскинул его на плечо и направился туда, где окончился мой прошлый поход. Тащить такую ношу по очень неровной местности трудно и неудобно. Однако никаких происшествий не случилось, кроме неожиданной встречи перед самым залом Медведей с животным, которое мне очень хотелось бы поймать. Это была крупная крыса, присутствие которой в подобном месте мне так никогда и не удалось объяснить. Это совершенно исключительный случай, и никогда больше мне не приходилось встречать под землей этих животных, кроме как в гигантских пещерах Соединенных Штатов.

Добравшись с молодым деревцем (мы по очереди помогали друг другу) до того места, где пещера была перерезана, я перебросил его так, что конец лег на противоположный край. По этому мостику я собирался перебраться через колодец. Конечно, мостик был весьма примитивен и ненадежен, но ни в чем никаких сомнений у меня не возникало, не исключая и сомнений в собственной ловкости. Я проявил только одну обязательную предосторожность: оставил зажженный фонарик по эту сторону колодца, пока перебирался по мостику так называемым тирольским методом — корпус под жердью, которую охватывают руками и ногами.

Без труда добравшись до противоположного края, я лихорадочно зажег свечу и не менее лихорадочно бросился дальше по коридору, до которого мне наконец удалось добраться. Увы, за первым же поворотом меня ожидало жестокое разочарование. Пещера оканчивалась полнейшим тупиком!

После первых горьких минут, последовавших за таким ударом судьбы, у меня хватило ума по-философски отнестись к тому, что, как я позднее убедился, часто бывает расплатой под землей: совершенно непроходимое препятствие на дне колодца, покоренного с большим трудом, или внезапный и разочаровывающий глухой тупик в конце запутанной галереи.

Постоянно мысленно возвращаясь к одному из моих любимейших героев — Сирано де Бержераку,¹ — я наивно написал ножом на глине, покрывавшей пол пещеры: "Чем бесполезнее — тем прекраснее..."

VIII

¹ См. прим. 6 к гл. VI.

Спорт до излишества

Мне, конечно, могут возразить: кому нужны эти упражнения, столь же бесполезные, сколь и опасные, при которых вы рискуете заблудиться, оказаться замурованным или переломать кости? Не достаточно ли красот и разнообразия под небесным сводом при ярком солнечном свете, чтобы приговорить себя к вредному для здоровья и весьма непривлекательному подземному заточению?

Я согласен, что эти игры в "человека-змею", перспектива ложиться наземь и тащиться на животе по холодным и неприятным камням, по грязи или ледяной воде, иногда целыми часами, сдирая кожу на локтях, на коленях, на всем теле, вряд ли могут привлекать многих.

Но непреодолимое влечение, на котором основано мое призвание, помогло мне сохранить здоровье и гибкость тела, и благодаря ему я пережил восхитительные часы. Так, например, пройдя под водой длинный сифон, я открыл в пещере Монтеспан самые древние статуи в мире.

Мои детские гимнастические упражнения, конечно,годились мне, когда приходилось спускаться по шаткой веревочной лестнице или идти под ледяным душем в многочисленных пропастях, среди которых бывали самые глубокие на земле. Я мог только радоваться, что закален и готов к любым случайностям, встречающимся под землей, когда вместе с женой, а позднее с дочерьми открыл и исследовал ледяные пещеры, расположенные выше, чем все остальные пещеры на земном шаре.

Нет, не бесполезно, а совершенно необходимо было для меня начать очень рано спускаться под землю, чтобы успеть познакомиться со своеобразнейшим миром, где опыт накапливается очень медленно, а объекты наблюдения захватывающе интересны.

Надо было, чтобы я рано ощутил и рано отозвался на вкус к риску и на призыв к неведомым приключениям, чтобы сегодня, когда пишу эти строки, имея на своем счету более тысячи пещер, пропастей и подземных рек, я мог с полным правом сказать, что подземный мир, такой странный, что кажется, будто тебя перенесли в другое измерение, всегда околдовывал и очаровывал меня. Многие часы, проведенные под землей, множество пройденных километров, порой на коленях или ползком, не измотали, не пресытили меня, а как раз наоборот. Я полностью во власти минерального царства.

Нельзя сказать, чтобы я стремился к одиночеству, как таковому, но я любил уединяться, и пещеры были моим надежным убежищем: ведь мои товарищи ими совершенно не интересовались. Но с товарищами я играл и очень весело проводил каникулы. Чем же мы занимались?

Ответ на этот вопрос совершенно ясен и не содержит ничего оригинального — все дни мы посвящали спорту. Какому спорту? Любому, каким только можно было заниматься. Но досадный недостаток нашего взгляда на спорт заключался в том, что со всем честолубием и пылкостью юности мы всегда стремились перегнуть и превзойти самих себя. Мы были отравлены чтением плохо иллюстрированных спортивных журналов, которые изредка попадали нам в руки, и все время пытались побивать собственные рекорды. Мы были охвачены острой рекордоманией.

Любая прогулка, любая поездка на велосипеде с самого начала принимала характер ожесточенного соревнования. На каждом пригорке, стоя на педалях, мы разыгрывали дуэли. На спуске мы неслись, склонившись над, увы, не гоночным рулем. Передачи крутили педали с бешеной скоростью, и нам приходилось их бросать на ходу! Проезжая через любую деревушку, мы не упускали случая "прокатиться с шиком", то есть прибавить скорость и выделять зигзаги, пугая кур, собак, а если удавалось, то и людей.

Ежегодно около десятого июля мы отправлялись в Порте д'Аспе посмотреть на гонщиков, участвующих в велосипедных гонках Тур-де Франс. Мы жадно и восторженно смотрели, как преодолевали подъем "исполины дистанции", и вечером возвращались домой, полные энтузиазма, обсуждая и сравнивая достоинства Фабера, Лапиза, Трусселье и прочих Алавуанов и Пелисье.

Пешие походы тоже пользовались нашей любовью, и мы отправлялись в них в майках с короткими рукавами, закатав брюки, чтобы выглядеть настоящими скороходами! Так мы ходили через поля и леса по сложным маршрутам. Споры по дороге возникали только относительно пробежки на сто метров, но результат их бывал заранее предрешен. Всегда выигрывал мой брат Жан, абсолютный чемпион бега на скорость. Он преуспевал во всех видах спорта и позднее, в июле 1914 года, доказал это, став чемпионом Юго-Запада в соревнованиях на "совершенного атлета".

Гаронна, протекающая через Сен-Мартори, тянула нас к себе с самого утра. Мы плавали, как молодые выдры, и почти каждый день устраивали соревнования по плаванию, нырянию и прыжкам в воду. Наши прыжки с пятиметрового римского мостового быка, торчащего посреди реки, привлекали любопытных. Но нашелся конкурент, сумевший превзойти нас. Каждый день в четыре часа на парапет набережной взбиралась довольно загадочная личность, бывший матрос. Босой, в холщовой рубашке и брюках, он курил сигарету и, докурив ее почти до конца, прыгал в Гаронну с десятиметровой высоты ногами вперед — "солдатиком". Этот сенсационный прыжок производил такое впечатление, так нас захватывал, что в один прекрасный день я тоже поднялся на парапет и, желая сойти с него с честью, бросился головой в реку, текущую в десяти метрах внизу. Труден только первый шаг, и с того дня я ежедневно проделывал "прыжок ангела" с парапета набережной, а вскоре моему примеру последовали братья и наши товарищи.

У нас было две или три лодки-душегубки, благодаря которым мы овладели плаванием на быстринах и в водоворотах выше по течению близ Сен-Мартори, у подножия скал Эскалера. Эти физические упражнения, к которым мы легкомысленно подходили как к соревнованиям и которые проделывали непрерывно, могли повредить здоровью и переутомить сердце. Мой отец, одобрявший наши спортивные увлечения, все же опасался их чрезмерности и предостерегал от злоупотребления и излишеств. Чтобы несколько уговорить, он иногда брал нас с собой на охоту, и мы делали бесконечные переходы под палящим солнцем, гоняясь за зайцами и куропатками. Эти охотничьи вылазки, в которых не было привлекательности спортивных соревнований, очень утомляли нас. Нам случалось ждать в тени дерева или изгороди, пока неутомимый отец искал куропаток, переходя от куста к кусту через жнивье, пашни и поля кукурузы. Вечером мы возвращались, еле волоча ноги, измученные, умирая от жажды, и признавали, что наш отец обладает качествами бегуна на длинные дистанции высокого класса. Затем, рассевшись в тени и утолив жажду, мы находили подшивку спортивного еженедельника "На свежем воздухе" и вместе пересчитывали отчеты о подвигах наших любимых чемпионов.

Конечно, мы не оставались равнодушными и к футболу и поспешили основать спортивный клуб — классический предмет гордости всех молодежных компаний. Благодаря нашей приверженности к водному спорту (и, может быть, под влиянием знаменитой байоннской команды, находившейся тогда в зените славы) мы называли себя сен-марторийскими гребцами — полосатая майка голубая с белым (тоже подражание байоннской команде по гребле).

У нас были даже казначей и касса, пополнявшаяся в результате наших пеших походов во время местных спортивных праздников. Призы бывали всегда неизменными: по десять франков за выигрыш стометровой дистанции и пять франков — за победу в беге на длинную дистанцию (что я считал крайне несправедливым, так как выигрывать этот вид соревнований лежало на моей обязанности). Милые сердцу далекие воспоминания!

Эта нездоровая спортивная практика имела хотя бы ту положительную сторону, что подготовила нас и закалила для житейских битв, о которых мы еще не подозревали, но которые приближались полным ходом.

IX

Война и послевоенное время

Однажды после обеда, часа в четыре пополудни, мы, четверо юношей из команды "гребцов", спускались в лодке по Гаронне между деревнями Лестелл и Сен-Мартори. Сразу же за поворотом, там, где река наталкивается на обрывы Эскалера, мы молча скользили по воде, почти не гребя на быстром течении. Вдруг в Сан-Мартори зазвонил церковный колокол. Частые удары безостановочно следовали друг за другом. Необычный звон встревожил нас зловещим звучанием.

— Это набат, — сказал один из нас, единственный, кто слышал раньше тревожный набат, извещавший о пожаре.

В это время по прибрежной гальке на правом берегу проходил человек, которого мы хорошо знали. Нам была знакома его высокая фигура, согбенная годами, его длинное черное бамбуковое удище. Это был Рогаль, единственный профессиональный деревенский рыбак, промышлявший форель, как и мы, проводивший все время у воды. Мы направили к нему нашу лодку, причалили и спросили:

— Это что, пожар?

— Нет, это не пожар, — ответил он, — но страшное бедствие.

И этот человек, всегда одинокий и молчаливый, как цапля, заговорил с таким жаром и волнением, которых мы от него никак не ожидали:

— Это война, бедные мои дети. Еще одна война против пруссаков. Она принесет много горя. Но вы еще слишком молоды, чтобы сражаться. Так я надеюсь, по крайней мере, — добавил он и, сгорбившись еще сильнее, отправился своей дорогой с удочкой под мышкой.

На следующий день, 2 августа 1914 года, в первый день всеобщей мобилизации, деревня была в страшном волнении, как, впрочем, все города и селения Франции. Один молодой призывник, ехавший на велосипеде по ориньякской дороге и спускавшийся на полном ходу со склона Барера, раскроил себе череп о косяк, налетев на городские ворота.

— Первая жертва войны, — сказал отец вечером за обеденным столом.

Но он ошибался. Накануне на эльзасской границе под пулями прусских улан пал капрал Пэжо — первый убитый в войне 1914 года.

А через пятьдесят два месяца, когда прозвучал горн перемирия, число французов, павших, защищая Францию, насчитывало полтора миллиона.

В тот памятный день отец вернулся серьезный и задумчивый из нашей супрефектуры в Сен-Годенсе. Он хотел записаться добровольцем, но командующий набором, оптимист и гуляка, ответил ему решительно, что для победы на войне и взятия Берлина пятидесятилетние не понадобятся, и посоветовал вернуться домой.

Через несколько месяцев мой старший брат Жан, подлежавший призыву в 1915 году, ушел в 57-й полк полевой артиллерии, и в том же 1915 году, как только мне исполнилось восемнадцать лет, я вступил добровольцем в тот же полк.

В 1919 году за месяц до демобилизации я входил с бьющимся сердцем в лекционный зал гуманитарного факультета Тулузского университета. Нас, солдат в шинелях защитного серо-голубого цвета, было человек двадцать, и нам предстояло взять приступом вторую часть экзаменов на степень бакалавра.

Это была специальная сессия для тех, чьи занятия прервала война.

Четыре года я не открывал книги, и мой мозг отупел, а все, чему я учился раньше, покрывала густая пелена забвения. Но снисходительность к нам дошла до того, что нас избавили от письменных экзаменов.

Призвав на помощь все свое мужество, я сел перед экзаменатором, пожилым человеком с седой бородой, непроницаемый вид которого произвел на меня сильное впечатление. Он долго, педантично изучал мой школьный табель и свидетельство о прохождении воинской службы, затем поднял голову и, глядя мне прямо в лицо, наконец спросил:

— У вас хорошая память?

— Весьма посредственная, господин профессор.

— Очень жаль. Я задам вам только один вопрос, но мне бы хотелось, чтобы вы ответили мне без запинки, слово в слово. Итак, — продолжал он, и я увидел, как лицо

просветлело, а глаза лукаво сощурились, — у вас на груди военный крест. Можете ли вы процитировать наизусть текст приказа о вашем награждении?

Этот приказ, будучи очень лестным, был тем не менее коротким и несложным, так что мне легко было выполнить оригинальное требование моего благожелательного экзаменатора. Профессор заставил меня еще рассказывать ему о войне, не касаясь научных тем, которых я опасался.

Другие экзаменаторы были не менее снисходительны. Рассудив, что, не будь войны, мы бы давно благополучно отделались от всех экзаменов, эту специальную сессию устроили для того, чтобы вручить нам дипломы, нужные для продолжения нашего образования.

Но не будем задерживаться на воспоминаниях об этом, скажем просто, что послевоенный период стал для нас, как и для многих других, порой исканий своей дороги в жизни.

Я пробовал себя в различных областях: юридический факультет, школа нотариусов, вольнослушатель факультета естественных наук и сельскохозяйственного института и всегда, конечно, усердные занятия в библиотеке и лаборатории музея.

Мой отец, адвокат и поверенный, желал видеть меня нотариусом, но это не привлекало меня, и я удовольствовался дипломом школы нотариусов, так и не решившись стать канцелярской крысой.

Что касается спорта и досуга, то и тут я сильно разбрасывался. Я поочередно был футболистом первой команды тулузского стадиона, упорно посещал занятия атлетикой и стал чемпионом Пиренеев как по прыжкам с шестом, так и в беге на сто десять метров с барьерами; был бегуном на дальние дистанции в Тулузской спортивной ассоциации; чемпионом Пиренеев по нырянию и чемпионом лыжного клуба Тулузы по прыжкам на лыжах.

Само собой разумеется, после демобилизации я вновь с еще большим рвением занялся дорогими моему сердцу пещерами, так как в годы войны был лишен их. Война — школа "огня и железа" — подготовила мое тело ко всяким невзгодам и рискованным ситуациям, которые не преминули встретиться в моих подземных экспедициях.

Я возвратился наконец в родные Пиренеи и лучшие часы досуга посвящал исследованию подземного царства.

Если в воскресенье мне не надо было участвовать в футбольном матче, я выезжал из Тулузы накануне вечером поездом в Арьеж, так как в этом французском департаменте больше всего пещер, доезжал до Фуа, Тараскона или Уссата и спешил добраться до какой-нибудь пещеры, которую обследовал ночью, чтобы иметь возможность днем в воскресенье исследовать еще одну или несколько других.

В Сен-Мартори я ездил на каникулы и удваивал здесь свою подземную активность. Мы (сильно подросший Марсиаль и кто-нибудь из его друзей — Анри Годен, Поль Дюпейрон. Роже Марраст, которых я убедил заняться исследованиями подземного мира) избороздили всю окрестность на велосипедах, достигая более отдаленных и заслуживающих внимания объектов, чем те, до которых я мог в одиночку добраться до войны. Мы совершали набеги на горные районы Верхней Гаронны и Арьежа, скрывавшие множество пещер, и, если не было никаких новых планов, проводили раскопки в тех пещерах, где находили следы первобытной жизни.

Нашим излюбленным полем деятельности были пещеры Марсула и Тарте неподалеку от Салье-дю-Сала.

В пещере Тарте мы часто встречали местного учителя, господина Жана Казедесюса, тоже занимавшегося раскопками и вызывавшего наше восхищение силой ударов киркой и глубиной прорытой им траншеи, в которой он скрывался с головой. Время от времени он высовывался оттуда, держа в руке кремень или кость, осматривал свою находку, показывал ее нам, комментировал, а затем клал в сумку.

Менее усердные и менее настойчивые, чем он, мы только слегка царапали почву, однако довольно плодотворно, так как место раскопок в Тарте было очень богатым, и однажды мне

посчастливилось напасть на интересную находку. Из очень твердой породы, полной костных остатков, так как вся она была образована из плотно сцементированных известью костей, мне удалось высвободить массивную челюсть с внушительными коренными зубами кубической формы. На ее очистку я потратил много дней. Это оказалась челюсть носорога (*Rhinoceros tichorhinus*), покрытого длинной шерстью, современника и соперника мамонта. По-видимому, люди ориньякской культуры,¹ обитавшие в гроте Тарте, убили носорога и притащили в свое жилище его тушу или часть туши, а через какие-нибудь тридцать тысяч лет я нашел и вытащил на свет удивительную челюсть этого животного. Этот экспонат занял почетное место в моей маленькой коллекции, которая все время пополнялась. С чердака она была перенесена в комнату в мезонине, в которой, правда, обитали совы. В честь этого события она стала именоваться музейной комнатой, или просто музеем.

Однажды мы поддались искушению мистифицировать одного из наших товарищей, самым большим желанием которого, как мы знали, было найти кость или камень с древним рисунком. Художник из нашей компании аккуратно вырезал на сланцевой плитке силуэт бизона. Плитку тщательно измазали глиной, чтобы она не выглядела новой, а несла на себе печать древности. Потом эту наглую подделку мы закопали в том месте, где наш товарищ вел раскопки, ибо у каждого из нас была своя "золотая россыпь". Поглощенные раскопками более обычного (по крайней мере на вид), мы уголком глаза следили за тем, как шли дела у нашей "жертвы". Сценарий разыгрывался великолепно! Несколько раз слышался скрежет его инструмента о плитку, которую он окопал кругом, вытащил и осмотрел. Внезапно он вскрикнул, запел победную песню, пустился в неистовый пляс и что-то бессвязно забормотал. "Счастливый археолог" бросился к солнечному свету и, рассмотрев маленький рисунок, позвал нас. Притворяясь, что не верим ему и что нас не так легко поймать на удочку, мы не спешили покинуть места своих раскопок, а наш приятель в это время трепетал от восторга и нетерпения показать нам "своего бизона". Это действительно был силуэт бизона, упирающегося опущенными рогами, точно повторявший рисунок в пещере Альтамира, поскольку наш художник скопировал его из книги аббата Брейля, посвященной этой пещере Кантабрийских Пиренеев.

Стараясь перекричать друг друга, мы поздравляли счастливого обладателя шедевра. Однако мы не учли степени его волнения, и вскоре нам стало не по себе. Шутка зашла слишком далеко. Надо было раскрыть обман и разрушить иллюзии нашего слишком доверчивого и пылкого юного археолога. Это было нелегко, даже мучительно.

В сердцах он обвинял нас в том, что мы завидуем его находке, хотим умалить ее значение и даже присвоить себе. Он начинал сердиться всерьез. Затем положил пластинку на камень и бросил нам вызов, предложив разбить ее ударом молотка. Конечно, если бы мы заколебались, если бы мы не решились разбить каменную плитку, это свидетельствовало бы о ее подлинности. Он смотрел на нас горящими глазами, но роковой удар моего молотка превратил "бизона-обвинителя" в прах. Так было надо, потому что в своей шутке мы зашли слишком далеко. На его глазах выступили слезы досады и сожаления, а мы поклялись никогда больше не разыгрывать таких жестоких шуток.

Х

Интеллидженс сервис под землей

В 1921 году в Женеве скоропостижно скончался приехавший на конгресс по первобытной истории археолог Эмиль Карталяк, оставив по себе заметный след и громкое имя в научных кругах.

В Тулузе, на гуманитарном факультете, он возглавлял кафедру и в течение многих лет читал лекции и проводил конференции по первобытной истории и археологии, которые я иногда посещал.

Я познакомился с его преемником, графом Анри Бегуеном, возглавившим кафедру

¹ См. прим. 4 к гл. V.

после Эмиля Картальяка. Граф, трое сыновей которого были моими однокашниками по Тулузскому лицей, отнесся ко мне очень дружески, и дружба наша продолжалась сорок лет до самой смерти графа в возрасте девятидесяти трех лет.

Однажды граф Бегуен пригласил меня в свой особняк на улице Клеменс-Изор, чтобы сообщить один секрет и возложить на меня миссию, тоже секретную.

В качестве хранителя доисторических памятников пиренейских департаментов он получил просьбу разрешить производить раскопки в пещере Марсула. В том, что эту заявку подал англичанин, не было ничего удивительного: англичане — страстные любители древностей. Но графа Бегуена удивила личность просителя — особы очень заметной и известной, но никак не в кругах историков. Речь шла о сэре Базиле Томсоне, бывшем шефе "Интеллидженс-сервис". Он приехал в Тулузу, посетил графа Бегуена, затем, поселившись в отеле бальнеологического курорта Салье-дю-Сала, известного минеральными водами, начал раскопки в пещере Марсула.

Граф Бегуен сообщил ему, что я живу поблизости и, конечно, смогу быть ему полезным и составить компанию в подземных раскопках, и он охотно принял это предложение. Между тем граф Бегуен, близкий к дипломатическим кругам, навел справки о кое-каких фактах и поступках сэра Базилия Томсона, и то, что он узнал, показалось ему довольно странным. Прежде всего выяснилось, что сэр Томсон не имел ни малейшего понятия о первобытной истории. Затем было замечено, что он живо интересуется гидроэлектросистемой, заводами и промышленными предприятиями района, что, впрочем, не вызывало особых подозрений. Были вещи более удивительные. Он не получал никакой корреспонденции ни на отель, ни до востребования. Каждое утро Томсон выезжал на автомобиле в направлении Сен-Жерона, находящегося в двадцати километрах от Салье, и там встречал маленькую машину, которую вела женщина. Она передавала ему объемистый пакет. Несомненно, эта женщина была его курьером.

Сообщив мне конфиденциально все эти подробности, граф Бегуен посоветовал нанести сэру Томсону визит, завязать с ним знакомство и по возможности составить о нем определенное мнение.

Я отправился в Марсулу и застал англичанина, сидящего на корточках в траншее, в компании крестьянина с соседней фермы, нанятого им в качестве землекопа.

Сэр Базиль Томсон был плотный высокий мужчина лет шестидесяти с энергичным лицом, украшенным усами щеточкой. Он меня подробно расспрашивал о пещерах района, особенно о пещере Марсула, и я рассказал ее историю.

Около 1895 года аббат Ко-Дюрбан, арьежский археолог, собиратель кремневых орудий, которых было много в ту пору, остановил свой выбор на пещере Марсула, расположенной в живописной долине на берегу ручья Лауин. В нескольких метрах от входа в пещеру находится источник, которым, конечно, должны были пользоваться люди каменного века. Короче говоря, пещера была очень удачно расположена, и поэтому в ориньякскую и мадленскую эпохи в ней жили охотничьи племена.

Раскопки аббата были исключительно плодотворными, но против них восстал хозяин, во владениях которого находилась пещера, человек наивный и суеверный, веривший в существование фей и боявшийся их. В то время пещера называлась Тютто-де-лас-Адос (грот Фей). Опасаясь, что странный священник, который непонятно что делает под землей, связан с феями или занимается колдовством, хозяин запретил ему бывать в пещере. Но аббат справился с этим затруднением, работая по ночам, так как мог быть совершенно уверен, что в это время никто не осмелится подойти близко к гроту Фей.

Через некоторое время положение улучшилось оттого, что аббату Ко-Дюрбану нанесла визит делегация ученых, которую он радушно принял и показал им места раскопок. Пока он показывал траншеи и археологические разрезы доктору Феликсу Реньелю и другим специалистам, которые были полностью поглощены этим занятием, некто доктор Паиполь, не имевший никакого отношения к археологии и приехавший из простого любопытства, стал рассматривать одну из стен пещеры. Вдруг, к общему удивлению, он принялся поздравлять

аббата, говоря, что стены его пещеры испещрены первобытными рисунками. Все весело расхохотались во главе с самим аббатом, так как никто никогда не замечал рисунков на стенах пещеры Марсула. Однако бравый доктор, несмотря на то что был полнейшим профаном, продолжал с пеной у рта настаивать, что он видит бизона и большую лошадь, нарисованных на камне, и в конце концов убедил одного за другим всех присутствующих. Глаза открылись, пелена спала, и аббат Ко-Дюрбан должен был признаться, что за много лет, в течение которых он посещал пещеру, никогда не подозревал о существовании черно-красных рисунков, очень стертых, но вполне зримых, которые только теперь удалось обнаружить.

Все это происходило в 1897 году, и это был второй случай открытия доисторических рисунков во Франции. Первая находка была сделана в 1895 году в пещерах Ла-Мут в Дордони.

Картальяк, который сначала не признавал доисторической живописи и резко выступал против первых открытий в пещере Альтамира в Пиренеях в 1879 году, изменил свои взгляды после открытия в Ла-Мут. Он приехал в Марсулу, купил пещеру, поставил у входа в нее крепкую решетку и взял пещеру на учет, чтобы предохранить от возможного расхищения. Притолока сохранилась до сих пор, но камни просуществовали недолго. В течение многих лет все проникали туда настолько свободно, что отдыхающие в Салье-дю-Сала выбрали пещеру Марсула как конечный пункт одного из маршрутов прогулок и покрыли всю стену надписями, даже не подозревая, что таким образом окончательно разрушили доисторические рисунки, уже и до того сильно попорченные.

Сэр Базиль Томсон не знал всех этих подробностей и признался, что он тоже не заметил живописи и тонких рисунков, сохранившихся в некоторых закоулках, и я ему их с удовольствием показал.

В течение месяца мы совместно вели раскопки в этой пещере и в другой, расположенной около Тарте, и если я ему немало рассказал о доисторическом периоде, то сам почерпнул гораздо больше сведений из его рассказов о кругосветных путешествиях, которые ему приходилось совершать. По-французски он говорил правильно с небольшим британским акцентом и англицизмами, придававшими еще большую прелесть его рассказам о бесчисленных приключениях, многие из которых я потом прочел в его мемуарах, опубликованных в Париже в 1935 году.

Он учился в Итоне и в Оксфорде, потом провел год на ранчо на западе Соединенных Штатов. В двадцать лет он был премьер-министром островов Фиджи в Океании. В течение двух лет он исследовал Новую Гвинею и вернулся в Англию, чтобы стать воспитателем сына сиамского короля. Четыре раза терпел кораблекрушение в Тихом океане, и после одного из них ему пришлось провести целую ночь в подводном рифе, по шею в воде, в том месте, где море кишело акулами.

В Англии Томсон был начальником целого ряда крупных тюрем, а потом получил назначение начальника сыскной полиции Скотланд-Ярда. Благодаря этому посту ему пришлось бывать в разных странах. У него были стычки со свирепыми суфражистками,¹ и он признался, что перед ними он спасовал.

Он знал всю политическую подноготную о Первой мировой войне. Сидя на корточках и разбирая камни в глубине пещеры Марсула бок о бок с ним, я больше узнал от него, чем за четыре года войны, проведенных в окопах. В 1919 году тогдашний министр иностранных дел лорд Керзон назначил его главным начальником "Интеллидженс-сервис". Во время войны на его обязанности лежало наблюдение и обеспечение безопасности королевы Мери. Его рассказы были полны личных воспоминаний и всевозможных историй, которые он передавал с неподражаемым английским юмором.

Само собой разумеется, он ни в коей мере не откровенничал со мной о причинах своего приезда в маленький городок Салье-дю-Сала у подножия Пиренеев и внезапной страсти к

¹ **Суфражистки** — участницы движения в некоторых капиталистических странах за предоставление женщинам избирательного права

предыстории. Но, поразмыслив, я пришел к заключению, что этот человек впал в немилость и находился в положении затравленного зверя, как бывает с теми, кто занимал важные посты в известных службах и узнал слишком много тайн. Вероятно, он приехал, чтобы отдохнуть на лоне природы, и старался, чтобы о нем забыли, а сам он, я думаю, просто хотел отвлечься от забот, которые должны были быть достаточно серьезными. Верность моих догадок почти подтвердилась, когда я узнал, что по возвращении на родину сэр Томсон попал в тюрьму. Вскоре он умер...

XI Конгресс в Арьеже

В 1921 году графу Бегуену было поручено организовать в Арьеже ежегодный конгресс Международного института антропологии, генеральным секретарем которого он был в то время. На конгрессе присутствовало около тридцати французских, английских, испанских, бельгийских и швейцарских ученых, специалистов по доисторическому периоду, среди которых было также несколько женщин. Конгресс состоялся в августе под председательством профессора Коллеж-де-Франс доктора Капитана. Молодежь была представлена небольшой группой студентов, и я был в их числе. Мы все были учениками и последователями графа Бегуена, занявшего кафедру первобытной истории в Тулузе после смерти Эмиля Карталяка. На конгрессе присутствовали также три сына графа Бегуена.

Традиционные научные сессии проходили в замке Эспа, родовом гнезде семьи Бегуен, в нескольких километрах от Сен-Жерона. В программу конгресса входило посещение знаменитых доисторических пещер. Поскольку мы были в Арьеже, недостатка в выборе объектов не было, и машина, обслуживающая участников конгресса, возила их поочередно к гротам Мае д'Азиль, Нио, Бедеиак или Портеля, где они любовались наскальными рисунками и живописью и изучали их.

Общая атмосфера была, конечно, рабочей, но это не мешало ей быть также веселой. Это характерно для среды археологов-первобытников, которые, как я тогда понял, далеко не угрюмые или излишне степенные люди.

Визит в грот Мае д'Азиль, между прочим, ознаменовался забавным происшествием. Однажды утром из Сен-Жерона вышел автобус, направлявшийся в сторону Памье, который должен был доставить нас к пещере Мае д'Азиль. Среди пассажиров была одна очень курьезная чета парижан. Жена, увлекавшаяся предысторией, очень внимательно следила за всеми посещениями пещер и вела записи, в то время как ее муж, толстый, удалившийся от дел торговец, относился ко всем древностям с полнейшим равнодушием, если не сказать более. При каждом посещении музея он исчезал, при посещении пещер — ждал снаружи. Он присутствовал на конгрессе, или, вернее, сопровождал свою жену, но не принимал никакого участия в работе. И всем, кто соглашался его слушать, он заявлял, что все это — пустая трата времени и к обработанным кремням, окаменелым костям, только что извлеченным из пещеры, которые передавали в автобусе из рук в руки, он испытывает глубочайшее презрение наряду с отвращением.

В то утро господин Б. был особенно весел и полон сарказма. Он вновь выступал со своими скептическими заявлениями и поддразнивал присутствующих. Я сидел рядом с ним и подавал ему реплики, вернее, парировал его выпады.

— Сегодня, — сказал я ему, — мы едем в грот Мае д'Азиль, один из самых красивых и величественных во всей Франции. Я уверен, что вы с удовольствием посетите его вместе с нами.

— И не рассчитывайте, — ответил он. — Ваш грот интересует меня не больше, чем все остальные! Я упрям, а кроме того, знаете, я дал зарок, что ноги моей никогда не будет в пещере.

— О, — запротестовал я, — никогда не следует ни от чего зарекаться. Если бы вы только знали, какая это интересная пещера! И что-то мне говорит, что вы нарушите свой

зарок и на этот раз войдете туда вместе с нами, мы увлечем вас в своем порыве. Смотрите, мы приближаемся. Видите этот гигантский свод высотой в сорок метров? Что вы думаете на этот счет?

— Я думаю, что вижу у входа домик, и похоже, что там можно выпить. Я в нем расположусь, отдохну, пока вы по своей привычке будете тащиться по каким-нибудь грязным переходам и пачкаться в глине.

— Позвольте мне не поверить вам, дорогой мосье, я уверен, что на этот раз вы сделаете исключение и войдете в пещеру!

Наши ближайшие соседи следили за разговором и, посматривая на нашего спутника, исподтишка посмеивались.

Вдруг все заметили, что он забеспокоился, заерзал, попытался подняться, крикнул шоферу, но было уже слишком поздно. Огромный автобус, подъехав к горе, вошел под свод и покатил со всеми зажженными фарами по широкому коридору пещеры, все по той же Национальной дороге № 119, предоставляющей редкую возможность проехать с полкилометра по живописной пещере, параллельно реке Ариз, которая тоже пересекает гору.

Господин Б. был посрамлен, ибо нарушил свой зарок никогда не входить в пещеру.

Глиняные бизоны

После гротов, о которых я упомянул выше, граф Бегуен организовал посещение еще двух пещер. Но в эти пещеры с трудными подходами и тяжелым маршрутом внутри можно было ходить лишь небольшими группами в сопровождении молодых людей, служивших проводниками и помощниками.

Речь шла о гроте Тюк д'Одубер и гроте Трех Братьев, расположенных вблизи селения Монтеस्कье-Аванте и замка Эспа на территории владений графа Бегуена. Перед самой войной раскопки в них вели трое сыновей графа.

Во время летних каникул в 1912 году Макс, Жак и Луи Бегуены, в то время учащиеся Тулузского лицея, решили исследовать пещеру под названием Тюк д'Одубер, в которой известны были только несколько первых метров у входа. В этой пещере был источник, и из него вытекала речушка Вольп, а через два километра она снова уходила под землю.

Братья Бегуен и молодой Камель, сын кухарки замка Эспа, смастерили примитивную лодку и на ней проплыли по реке сотни метров под горой. Оставив лодку, они прошли через очень красивый белый зал, весь потолок которого был покрыт белоснежными сталактитами. Они назвали его Свадебным. Затем они с большим трудом вскарабкались наверх через почти вертикальную трубу и очутились перед узким проходом, защищенным естественной решеткой из колонночек, которую им пришлось разбивать молотком, чтобы иметь возможность протиснуться ползком дальше. Пройдя эту крохотную лазейку, они попали в обширную, совершенно неизвестную пещеру, которую обследовали и прошли до конца.

И вот здесь, в самой последней пещерке, они застыли от изумления перед удивительным зрелищем, подобного которому нет нигде. Прислоненные к стене, стояли две статуи из необожженной глины. Это были отлично сохранившиеся великолепные изображения бизонов.

Мальчики (младшему было пятнадцать, старшему — восемнадцать) были уже достаточно эрудированны, чтобы понять ценность этой находки. Ничего не трогая и не нарушая, они повернули обратно и только тогда заметили сохранившиеся на глинистой почве следы босых ног, а на стенах многочисленные рисунки животных. В высшей степени возбужденные своим открытием, молодые исследователи поспешили выбраться из пещеры, чтобы поскорее рассказать о нем отцу. Граф Бегуен, конечно, сильно заинтересованный, решил проверить все на месте и посмотреть своими глазами то, о чем ему с таким жаром рассказывали молодые люди.

Импровизированная партия, состоявшая из отца и четырех молодых людей, направилась к пещере. Пришлось плыть на лодке по подземной реке, взбираться по

каменистому вертикальному колодцу и протискиваться через извилистый коридор, где в одном месте можно было продвигаться только ползком.

Здесь произошло нечто, из-за чего пришлось прервать дальнейший путь. Пресловутая узкая лазейка пропустила тоненьких и гибких мальчиков, но никак не хотела пропускать графа, славившегося своим высоким ростом. Несмотря на все усилия, ему не удавалось протолкнуться через эту лазейку. Он вкладывал в это всю волю и энергию и постепенно раздевался, снимая комбинезон, куртку и жилет, чтобы как-нибудь уменьшить свой объем. С ожесточением предпринял он последнюю попытку пройти узкое место головой вперед. Его сыновья, находившиеся уже по ту сторону препятствия, тянули его за руки, и медленно, с трудом ему удалось пройти сужение, однако не без потерь и ушибов. Когда все оказались по другую сторону (мы ручаемся за эту подробность, так как слышали ее от самого героя), граф заметил со взрывом хохота, что брюки не желали следовать за своим хозяином и остались висеть поту сторону лазейки.

В этот же вечер Бегуен отправил загадочную телеграмму Картальяку, которая вполне могла заинтриговать почтальона в Монтескье-Аванте. Телеграмма гласила: "Мадленцы также лепили из глины".

На это археолог, старый друг семьи Бегуенов, ответил весьма кратким посланием, свидетельствующим, однако, что он все понял: "Еду". На следующий день он уже был на месте.

Для Картальяка визит в пещеру был трудным и мучительным. Этот старый и малоподвижный человек все же добрался наконец до бизонов, хотя локти и колени его были изодраны в кровь. Он пожирал статуи глазами, плакал от волнения и горячо благодарил Бегуенов за доставленное ему наслаждение. Затем замолчал и сказал, что никогда больше не сможет вернуться сюда. На самом же деле у него хватило сил еще неоднократно посетить эту пещеру.

Визит Картальяка был первым из серии визитов крупных ученых мира. Посещения пещеры продолжаются до сих пор, и множество археологов, людей искусства и все, кто поклоняется далекому прошлому, хотят посмотреть на эти шедевры доисторической скульптуры в естественной обстановке.

Конгресс 1921 года давал возможность различным иностранным деятелям познакомиться со знаменитыми глиняными бизонами. Находясь вместе с сыновьями графа Бегуена в группе молодежи, которая должна была служить проводниками и помощниками в опасных местах перехода, я тоже смог посетить интереснейший грот Тюк д'Одубер. Верный своей давней привычке, я разулся и уже собирался босиком сесть в лодку, когда старший из братьев, Макс, настоял, чтобы я взял с собой сандалии. Я сунул их в карман, твердо решив про себя не обуваться, и наш поход начался. При входе в Свадебный зал я заметил, что братья Бегуен шепчутся и пересмеиваются у меня за спиной. Я подумал, что они имеют в виду мои босые ноги, так как почва становилась очень неровной и жесткой. Но я достаточно много ходил по любым почвам и без труда пересек зал, стремясь показать всем своим видом, как мне легко и свободно. Однако при подходе к узкому месту Макс положил мне руку на плечо.

— Дорогой Кастере, вы нас поразили, у вас действительно бронированные ноги. Но все же вам придется обуться.

— В этом, право, нет необходимости.

— И все же придется. Мы теперь подходим к той части пещеры, где на почве сохранились отпечатки ног первобытных людей. Поэтому я попросил вас захватить с собой сандалии, а теперь прошу надеть их. Не надо, чтобы остались ваши следы, они ведь не доисторические!

Мне нечего было возразить, и я тут же обулся.

Колдун грота Трёх братьев

На следующий день после открытия пещеры Тюк д'Одубер и замечательных глиняных

бизонов братья Бегуены начали исследовать другие пещеры, в первую очередь грот Анлен, где река Вольп уходит под землю, чтобы вновь появиться на свет в пещере Тюк д'Одубер. Было известно, что здесь некогда жили первобытные люди, и братья решили посвятить все свободное время исследованию пещеры Анлен. Но не в этой пещере им предстояло сделать новое открытие. Продолжая исследовать Тюк д'Одубер и Анлен, они вдруг заинтересовались небольшим отверстием в земле, вокруг которого, как уверял их один из арендаторов, зимой всегда таял снег.

Они решили спуститься в отверстие по веревке, то есть так же, как в свое время я спускался в Пудак-Гран и другие естественные колодцы.

Макс и Камель спустились, а граф Бегуен и два других его сына, Жак и Луи, остались наверху, чтобы поднять веревку по сигналу. Им пришлось ждать долго, и их уже начало охватывать нетерпение и беспокойство, когда они с удивлением увидели обоих исследователей, идущих к ним от опушки ближнего леса! Мальчики очень торопились, совсем задохнулись и с большим возбуждением рассказали о своих действительно необыкновенных приключениях.

Спустившись в колодец, они оказались в гигантской, очень сложной пещере. Пошли по ней, оставляя метки, и в конце концов пробрались в извилистый узкий ход, приведший их в пещеру Анлен. Этим объяснялось их долгое отсутствие и возвращение другим путем к отверстию, где их с нетерпением ожидали остальные. Но, самое главное, они нашли на стенах много рисунков (более трехсот) с изображением почти всех животных — современников каменного века: мамонтов, бизонов, лошадей, куланов, северных оленей, каменных баранов, медведей, львов, тигров и даже двух сов.

Эта ранее неизвестная безымянная пещера была тут же наречена гротом Трех Братьев и заняла подобающее ей место среди прославленных, так как в ней находится грандиозная выставка первобытного искусства в своем самом чистом и прекрасном виде.

Контуров животных нарисованы с большим талантом и очень реалистично. Аббату Брейлю понадобилось более десяти лет, чтобы снять на кальку и описать эти рисунки, многие из которых очень сложны и накладываются один на другой.

Самое интересное в гроте Трех Братьев, бесспорно, изображение человека в центре зала на высоте трех метров, искусно выгравированное и окрашенное черной краской. Этот рисунок несомненно изображает колдуна, великого шамана охотничьего племени, избравшего грот Трех Братьев своим святилищем и тайником для заклинаний и магических обрядов, совершавшихся здесь примерно двадцать тысяч лет назад.

Действительно, большинство нарисованных животных "заколдовано": они пронзены стрелами, ранены или несут на себе другие признаки того, что неизбежно должны пасть под ударами копий, дротиков или дубин охотников, потому что колдун заколдовал изображения животных, на которых собираются охотиться.

Посетив пещеру Тюк д'Одубер и полюбовавшись глиняными бизонами, самые молодые и ловкие участники конгресса после длительного перехода под землей добрались до грота Трех Братьев и осмотрели наскальные рисунки и среди них знаменитое изображение колдуна.

По замечательному описанию графа Бегуена, "он надел на руки шкуру с львиных лап с острыми когтями, нацепил на себя маску бизона, с клювом орла, глазами совы, ушами волка и оленьими рогами. Сзади он привязал хвост лошади. Он полагал, что овладевает таким образом всеми магическими силами, всеми физическими свойствами этих животных: храбростью льва, остротой зрения орла днем и совы ночью, слухом волка, выносливостью бизона, быстротой лошади и оленя".

В естественном амфитеатре пещеры колдун занимает главенствующее положение, и у его ног разворачивается длинная процессия выцарапанных на камне животных, несущих на себе все признаки охотничьей магии.

Рисунки эти свидетельствуют весьма реалистично о том, что доисторический колдун часто приходил в глубь пещеры, бредя в одиночестве по подземным лабиринтам при слабом

копящем пламени каменного светильника, в котором фитиль из мха плавал в животном жире. Он приходил в святилище в своем наводящем ужас, вызывающем галлюцинации наряде, чтобы совершить таинственные заклинания. Этот человек верил, что магическими обрядами и ударами по изображениям животных он призывает на помощь своему племени оккультные силы. Он по-своему молился, чтобы они защитили его собратьев от тигров, львов и медведей, чтобы в изобилии было добыто мясо бизона, лошади и оленя, чтобы воины его племени побеждали в битвах.

Конгресс Международного института антропологии чрезвычайно заинтересовал меня. Я познакомился со многими светилами в области первобытной истории, слушал их доклады, научные беседы и дискуссии. Я многому научился, а посещение доисторических пещер открыло мне глаза (в буквальном и переносном смысле) на методы исследования и на возможность самому попытаться найти наскальные рисунки или живопись. Я научился освещать стены так, чтобы можно было обнаружить и расшифровать эти рисунки.

Я горел желанием ходить по большим пещерам, пристально, шаг за шагом осматривая стены в поисках доисторической живописи. Могу сказать без хвастовства, что какое-то тайное предчувствие говорило, что вскоре мне предстоит сделать открытие такого рода. Во всяком случае я делал все от меня зависящее, чтобы приблизить это событие.

С удвоенным пылом и активностью я принялся разыскивать пещеры. Должен сознаться, что, хотя за этот год я занес на свой счет немало пещер, мне не удалось обнаружить ни одного рисунка. Но это меня нисколько не обескуражило, настолько увлекательными были эти одинокие исследования сами по себе.

Торжественная тишина, абсолютное одиночество, которые, конечно, многим показались бы однообразными, вызывающими лишь смертельную скуку и тоску, действовали на меня как талисман. Я испытывал величайший внутренний покой и уносился мыслями вдаль. По прихоти воображения я воскрешал давние времена и пытался представить себе наших далеких предков, которые бродили по тем же пещерам, по которым бродил теперь я, ища в пыли веков их следы.

XII Калагуррис

Еще во время первых детских опытов в скромных пещерах Эскалера я собрал валявшиеся кое-где глиняные черепки, которые заняли место в моем маленьком музее на чердаке. Они лежали в картонной коробке из-под обуви, на крышке которой было старательно выведено синим карандашом: "Пещеры Эскалера". Я совершенно не представлял себе происхождения и возраста этих осколков. На заброшенном плато Эскалера, которое было моим излюбленным наблюдательным пунктом и местом пребывания, так как в эту маленькую пустыню никогда никто не заходил, мне попадались время от времени, теперь уже на поверхности земли, другие черепки глиняной посуды, такие же, как в пещерах. Я нашел также развалины каменной стены трехметровой толщины, достигавшей двух метров в высоту.

Наконец, в старом песчаном карьере я заметил на месте разработок на глубине до двух метров множество черепков амфор и сосудов самой различной формы из обожженной глины. Некоторые из них были сделаны на гончарном круге, другие — вручную. Я нашел также топоры из шлифованного камня, различные предметы из железа и бронзы (фибулы, рыболовные крючки, гвозди, обломки клинков мечей и ножей) и несколько кремневых ножей.

У меня появилась уверенность, что на этом крутом плато проходила городская стена очень древнего поселения, вероятно относящегося к неолиту, и что позднее здесь же был галльский оппидум (oppidum).¹

Расширив сферу своих наблюдений и исследований за пределы плато, я постепенно убедился, что поля и сады Сен-Мартори были буквально усыпаны черепками. Более того,

¹ Оппидум (oppidum) — укрепленный пункт, город.

каждый раз, когда на территории городка проводились какие-нибудь земляные работы (закладка домов или что-либо другое), под снятыми слоями земли обнаруживались следы античных построек, а также черепки сосудов и куски грубой черепицы с прямоугольными краями (*tegulae*). Попадались иногда целые амфоры, урны, монеты, даже саркофаги и мраморные колонны. Все это убедило меня, что на месте современного городка существовало галло-романское поселение, разрушенное и исчезнувшее с лица земли много веков назад. Это открытие побудило меня заняться библиографическими изысканиями относительно древней истории Сен-Мартори и гипотезы (впрочем, никогда не доказанной), что на пути из Tolosa (Тулузы) в Lugdunum Convenarum (Сен-Бертран-де-Комминж) находилось небольшое галло-романское поселение Calagurris (Калагуррис). Основным документом для изучения этого вопроса был "Дорожник" Антонина (*Itineraire d'Antonin*). Здесь я нашел точный ответ. В этих путевых записках римского географа Антонина приведены расстояния в количестве переходов между Тулузой и Лугдунумом и перечислены названия различных галло-романских поселений, расположенных между обоими городами. По этим данным, Калагуррис — это и есть Сен-Мартори.

Все свои наблюдения и домыслы я изложил в сообщении, в котором утверждал, что на месте Сен-Мартори сначала был оппидум, а потом античное поселение Калагуррис. Эту заметку я отправил академику Камилу Жюльену, "летописцу галлов", он принял ее к сведению и дал высокую оценку, опубликовав за своей подписью под названием "Калагуррис" в журнале "Очерки древности".

Ввиду того что местные археологи не соглашались со мной, эта статья успокоила меня. Она начиналась следующими строками: "Мне хочется привлечь внимание читателей к бескорыстно и старательно проведенным раскопкам, которые начал в Сен-Мартори господин Норбер Кастере. Как все сделанное тщательно и добросовестно, они смогли дать ответ на спорные вопросы и поднять новые проблемы. Я считаю, что они прежде всего подводят черту под вечным спором о почтовой станции Калагуррис на дороге между Сен-Бертран-де-Комминж и Тулузой.

Если представить себе значение изученного господином Кастере оппидума, который стоит совершенно изолированно, возвышаясь над возделанной равниной, и доминирует над местом, где римская дорога, несомненно проложенная по древней неолитической тропе, пересекает Гаронну, и к тому же если учесть его положение между Тулузой и Лугдунум-де-Конвен (Сен-Бертран), указанное в "Дорожнике", то исчезнет всякое сомнение и можно с уверенностью сказать, что господин Кастере прав, утверждая, что именно здесь находился Калагуррис, о котором так давно ведутся споры".

Определение местонахождения Калагурриса было лишь кратким и преходящим вторжением в область древней истории. Однако я почерпнул много полезных сведений и еще сильнее полюбил скромные пещеры Эскалера. Несколько черепков глиняной посуды, собранных мной, когда я был ребенком, несомненно, послужили отправной точкой исследований и открытий, касающихся моего родного городка, который я в какой-то мере отблагодарил, доказав древность его происхождения.

Строки, посвященные мне академиком Жюльеном, и присуждение премии Тулузской академии наук и литературы, смыли позор и разочарование, пережитые мной, когда в одной из пещер Эскалера я нашел сломанную трубку, якобы принадлежавшую Эмилю Картальяку!

XIII

Самые древние статуи в мире

Однажды поиски привели меня в деревню Монтеспан, над которой возвышались развалины феодального замка, бывшего когда-то владением маркизы Монтеспан. Учитель Казедесюс, решивший после грота Тарте заняться пещерой Спюго-де-Гантье и раскопавший здесь богатую мадленскую стоянку, сообщил мне, что неподалеку отсюда протекает подземный ручей.

Оставив велосипед на ферме и расспросив о ручье, я направился через луга и леса к подножию поросшего кустарником холма, где должен был разыскать Хунтау (родник) — так жители деревни называли место, где ручей появлялся из-под земли у основания очень крутого травянистого склона.

Здесь на дневную поверхность вытекал небольшой ручеек, идя по руслу которого можно проникнуть под землю. Я попытался обследовать трещину в скале, через которую пробивался ручей, но трещина оказалась заполненной водой и слишком узкой, чтобы в нее можно было протиснуться. Однако я все-таки заметил на несколько метров выше по склону "человеческую дыру", частично замаскированную растительностью. Именно тут находится вход в пещеру. Я соскальзываю на два метра вниз и приземляюсь на глиняный склон, который, расширяясь, идет вниз до самого русла подземного ручья. Как обычно, прежде чем спуститься в недра земли, я разулся и зажег свечу. Потом без колебаний раздеваюсь донага, и вот я уже шлепаю в прозрачной воде по выстланному гравием дну.

Вновь я испытываю захватывающее, никогда не притупляющееся ощущение, вызванное резким переходом в совершенно новую среду, в другой мир. Еще несколько минут тому назад ярко светило солнце и было жарко, кругом росла зелень и кипела жизнь. Не успел я спуститься под землю, как не стало слышно щебетания птиц, жужжания насекомых, шелеста листьев. Вокруг меня царит ночь, холодный воздух, от которого я начинаю дрожать, запах мокрой глины и камня. Повсюду враждебный мрак и жуткая тишина, еле нарушаемая слабым журчанием ручья, по которому я иду в скупом свете моего жалкого светильника.

Метров через пятьдесят просторный туннель внезапно сужается, галерея поворачивает под прямым углом, и мне приходится идти согнувшись, а вскоре — даже на четвереньках. Потолок продолжает снижаться, вода становится все глубже, и, к своему огорчению, я вижу, что в нескольких метрах впереди свод и вода соединяются — скала погружается в ручей... Передо мной непреодолимое препятствие, которое спелеологи называют сифоном и считают своим главным врагом, так как этот враждебный союз воды с камнем означает (или, скорее, означал в то время), что исследованию пещеры пришел конец. Перед сифоном всегда отступали. Я видел сифон в первый раз в жизни и с жадностью рассматривал его.

Почему в этот миг мне припомнился грот Тюк д'Одубер и его рисунки? Не потому ли, что через него тоже протекал подземный ручей? Почему у меня возникла весьма шаткая гипотеза, что за этим сифоном может находиться обширная пещера, где первобытные люди могли жить так же, как в Тюк д'Одубер, в гроте Трех Братьев и во многих других? Почему я вдруг стал убеждать себя, отбросив излишнюю скромность, что ведь я плаваю и ныряю с семилетнего возраста, не боюсь холодной воды и притом являюсь чемпионом команды Сен-Мартори по нырянию и длительности пребывания под водой — две минуты пятнадцать секунд.

Очень трудно через сорок лет вспомнить, что происходило в моем мозгу, когда я стоял у сифона Монтеспан, но хорошо помню принятое решение и его последствия. Я мысленно вижу, как ставлю зажженную свечу на выступ стены, погружаюсь в воду по самые плечи, набираю воздух в легкие так же, как я это проделывал в плавательном бассейне или в Гаронне, прежде чем погрузиться на две минуты в воду. После нескольких глубоких вдохов, за которыми следуют быстрые и полные выдохи, я делаю последний вдох, резкий, но менее глубокий, чем предыдущие (чтобы не задохнуться), и скрываюсь под водой, вытянув одну руку вперед, другой касаясь свода над головой. Решительно двигаюсь вперед и не испытываю страха, словно просто нырнул в реке. Гораздо раньше, чем появляются какие-либо неприятные признаки или малейшая одышка, я чувствую, что моя рука, касавшаяся свода, уже высвободилась из воды. Поднимаю голову и вглядываюсь в полную темноту. Решив не тратить времени на то, чтобы криками выяснить акустику пещеры и прислушиваться, я вновь ухожу под воду, резко повернув обратно. Всеми силами стараюсь не потерять направления, и вскоре замечаю свет от моей свечи-ориентира.

Успех ошеломил меня. Мне неслыханно повезло. Длина сифона оказалась всего несколько метров, и, пройдя его, я вновь очутился ниже по течению ручья и, может быть,

открыл большую, еще не известную пещеру.

Легко догадаться, что на следующий день я опять был у "моего сифона", готовый на любые неосторожности.

Для второго погружения я усовершенствовал свое снаряжение, то есть оставил перед сифоном большую зажженную свечу и нырнул, крепко зажав в руке резиновую купальную шапочку, в которой были спрятаны свечи и коробок спичек.

Возвращаясь обратно, я нырнул в сифон и прошел его, но не нашел уже своей путеводной свечи: она полностью сгорела, ведь я провел под землей пять часов. И каких часов...

Моя система освещения при всей своей примитивности все же выполнила свое назначение и позволила довести до конца захватывающее исследование. Пройдя сифон, я тотчас же вытащил и стряхнул воду с купальной шапочки, которую держал в вытянутой руке. С тысячью предосторожностей зажег свечу и стал осторожно продвигаться вперед под сводом, низко нависшим над водой, сначала по дну ручья, а потом по его галечным и глинистым берегам и метров через двести попал в большой зал, заваленный камнями, между которыми ручей журча прокладывал свой путь.

Я сразу понял, что попал в пещеру моих грез, и тут же начал искать рисунки на стенах. Мне поневоле приходилось делать это наспех, и мой оптимизм не оправдался. А кроме того, если подумать, как могли бы доисторические люди попасть в этот зал, ведь путь им преграждал сифон?

Ответ следовало искать вверх по течению, и я отважно пошел по ручью, преодолев скользкий сталагмитовый купол и трудный подъем. Миновал массивный столб, соединяющий пол с потолком, и, идя по глубокой воде, дошел до следующего сифона, еще более широкого, чем первый. Твердо решив победить и это препятствие, я нырнул, но из соображений безопасности, боясь потерять направление и заблудиться, держался рукой за левую стену. И вот я на другой стороне сифона, причем он показался мне гораздо длиннее первого. Теперь я был окончательно отрезан от всего мира, но мое удачное ныряние придало мне бодрости и уверенности. Я решил идти вперед. Моя настойчивость была вознаграждена, так как больше не встретилось ни сифонов, ни каких-либо других трудных препятствий. Величина пещеры и ее боковые ответвления одновременно поражали и приводили меня в восторг. Я совсем не ощущал холода; очевидно, постоянное движение и акробатические трюки, которые приходилось проделывать, чтобы продвигаться вперед, держали меня все время в напряжении и спасали от простуды. Я потерял счет времени и не знал, сколько прошел, когда вдруг на моем пути оказалось препятствие, которое вывело меня из состояния экзальтации. Если судить по расходу свечей, то я давно уже пребывал в этом блаженном состоянии.

Препятствие было непроходимым и положило конец моим одиноким скитаниям, но я знал, что пересек (или почти пересек) всю гору, так как в последнем встреченном мной озере обитали головастики, а эти существа никогда не заходят слишком далеко в подземные воды.

Итак, мне пришлось повернуть обратно и вновь пройти оба сифона, а одновременно отказаться также от мысли, что люди каменного века когда-либо проникали в эту гигантскую пещеру, поскольку из нее не было свободного выхода вверх по течению ручья.

Возвращение прошло без приключений, если не считать одного неправильного маневра, небольшой ошибки в сифоне номер два. То ли из-за спешки, то ли от страха, вызванного, я думаю, предельной усталостью, я нырнул в неправильном направлении и уперся в стену (мне показалось, что я очутился в тупике). Но, призвав на помощь все свое хладнокровие, я вновь нырнул и пулей прошел сифон.

У выхода я увидел, что ночь сменилась солнечным днем. Я прошел более трех километров, один, в воде, под землей.

Просматривая свои находки, положенные в резиновую купальную шапочку, я нашел только две свечи, несколько галек, показавшихся мне занятыми, но которые теперь

выбросил, и один совершенно черный зуб — коренной зуб бизона, который я подобрал, приняв за гальку, во время своих водных и подземных странствований.

Этот зуб бизона привлек все мое внимание и навел на долгие размышления. Вернувшись в Тулузу к началу учебного года, я сравнил свою находку с зубами других крупных рогатых животных, хранившихся в музее, и попытался его определить. Вместе с техническим хранителем музея Филиппом Лакоммом я пришел к выводу, что зуб принадлежит *Bos primigenius* — доисторическому бизону, жившему на земле в течение многих тысячелетий, поэтому точно датировать образец было невозможно. Но самое интересное заключалось в том, что этот зуб мог быть принесен в пещеру только человеком, так как я нашел его на каменистом выступе высоко над подземным ручьем, куда вода не поднимается даже в паводок.

Впрочем, если учесть, что в ориньякскую и мадленскую эпохи¹ (то есть как раз в те времена, когда люди рисовали и высекали изображения на стенах пещер) в этой местности повсюду царил сухой и холодный климат, такой, как теперь в Лапландии, то можно предположить, что в условиях ледникового периода ручья вообще не существовало или он был очень маловодным. Тогда пещера, в которую путь теперь преграждал сифон, была сухой и, следовательно, легкодоступной, и первобытные люди вполне могли ее посещать.

Наступил 1923 год, а с ним пришли новые летние каникулы и новые подземные походы в Комминже.

Благодаря моим рассказам о прошлогоднем походе в пещеру Монтеспан мои юные спутники и брат Марсиаль загорелись желанием детально исследовать ее вместе со мной.

В последнюю минуту возникли всяческие помехи, кое-кому пришлось отказаться от участия в походе, и мы вдвоем лишь с Анри Годеном поехали на велосипедах в Монтеспан и вскоре были у входа в пещеру. Годен, которому тогда было семнадцать лет, очень интересовался доисторическим периодом и был самым увлекающимся из любителей пещер. Он был полон решимости и энтузиазма, но в данном случае ему не доставало главного козыря — он не умел нырять. Как бы то ни было, но мы весьма оптимистично и еще более легкомысленно решили, что при прохождении сифонов я буду держать его за руку.

Лето 1923 года было необычно сухим, и это, к счастью, избавило нас от рискованной авантюры, которая, безусловно, могла бы плохо кончиться. Подойдя к сифону, мы с удивлением и облегчением обнаружили, что уровень воды гораздо ниже, чем в прошлом году, и что свод пещеры возвышается над водой. Это счастливое обстоятельство позволило нам преодолеть препятствие не ныряя, однако все же погружаясь в воду до самых глаз. У второго сифона потолок все еще соприкасался с водой, и мы, решив вернуться немного назад, покинули русло ручья метров на десять ниже по течению, у гигантского столба, частично скрывающего вход в высокий сухой коридор, который мы собирались обследовать.

При свете наших архаичных свечей мы прошли по этому коридору около двухсот метров, затем потолок внезапно понизился, нам пришлось передвигаться вперед ползком, и в конце концов мы оказались перед полнейшим тупиком. Вернувшись к тому месту, где можно было стоять в полный рост, я заметил некоторое расширение, как бы маленький овальный зал, где решил провести зондаж — слегка "поцарапать" в уголке, показавшемся мне обещающим.

Под скептическим, но полным покорности взглядом моего друга я вскрыл глинистую почву с помощью кирки, которую специально захватил для этой цели. После первого же удара пришлось очищать руками инструмент от налипших комьев вязкой глины, и вдруг я почувствовал под пальцами что-то твердое и острое — обтесанный кремь, вслед за которым я нашел много других! Я испустил победный клич! Итак, мои предположения и надежды подтвердились: доисторический человек добирался до этого очень далекого от входа укромного уголка, и здесь он потерял или оставил "лезвия" своих каменных ножей. Я тут же бросаю кирку, и теперь ее с жадным интересом берет Годен, пожелавший сменить

¹ Мадленская эпоха с соответствующей мадленской культурой — последняя эпоха палеолита (см. прим. 4 к гл. V).

меня, а сам подхожу к стенам в поисках рисунков, которые, как мне кажется, должны здесь быть, поскольку сюда приходили пещерные люди. Ведь охотнее всего они рисовали в глубинных частях пещер. На пути к стене я спотыкаюсь о какой-то камень. Инстинктивно освещаю это препятствие и разглядываю его одну или две секунды, во всяком случае достаточно, чтобы увидеть, что передо мной не камень, а ком глины очень странной формы. Пристально взглядевшись, я прихожу в полное изумление, так как узнаю силуэт какого-то животного, лежащего на животе с вытянутыми по земле передними лапами. Его массивные и округлые формы напоминают медведя. Несколько минут я стою молча, застыв на месте, потом кричу:

— Медведь!

Анри Годен перестает копать и с удивлением смотрит на меня.

— Медведь, говорю тебе, посмотри, это статуя медведя!

Он бросает кирку, подходит, смотрит, но, кажется, я его не убедил. Я показываю ему формы животного, подчеркиваю детали, и он, несмотря на плохое освещение, признает, что перед ним большая глиняная скульптура, изображающая медведя. Определить это нелегко, так как у статуи нет головы. Но я вижу еще что-то: между передними лапами животного лежит медвежий череп!

Пока Годен внимательно рассматривает статую обезглавленного медведя, я оглядываюсь и замечаю, что земляной пол местами покрыт какими-то неровностями, чем-то вроде застывших, гладких и отполированных кротовых куч. Оказывается, это маленькие горельефы, изображающие лежащих на боку лошадей.

Вглядываясь в поверхность стены и освещая ее сбоку по совету графа Бегуена, я начинаю постепенно различать тонкие рисунки, высеченные при помощи кремневого резца, и расшифровываю их: бизон, каменный баран, две лошади!

Мы оказались в удивительном доисторическом музее, который из-за нашего отвратительного освещения вначале пересекли, даже не заподозрив о его существовании, а теперь открыли благодаря находке при пробных раскопках обработанных кремней. Более часа мы рассматривали горельефы на полу и рисунки на стенах. Драгоценные уроки, полученные в Тюк д'Одубер и в гроте Трех Братьев, помогли мне обнаружить: следы пещерного человека и его шедевры. Эта почти неправдоподобная выставка явилась для нас вернисажем доисторического искусства.

Шаг за шагом мы рассматривали следы по всей длине коридора и вновь наткнулись на какие-то глыбы у стены, но на этот раз я смотрел на них уже наметанным глазом.

Без труда мы различили еще две статуи, плохо сохранившиеся, хотя и похожие, — двух львов в натуральную величину, тоже вылепленных из глины.

Мы вышли из пещеры и вернулись домой как во сне. Но этот сон был таким ярким, что не давал мне уснуть всю ночь. Я был потрясен и счастлив тем, что в этой пещере, показавшейся мне похожей на Тюк д'Одубер, открыл такие же следы доисторического искусства — наскальные рисунки и скульптуры.

На следующий день с утра, повторяя знаменитую телеграмму, которую когда-то отправил Картальяку граф Бегуен, я послал, теперь уже самому графу, телеграмму с таким текстом: "Мадленцы также лепили из глины". Телеграмма лишь немногим опередила меня самого в замке Эспа, куда я явился, чтобы лично рассказать о необыкновенной находке, вскоре ставшей достоянием прессы и всполошившей весь ученый мир.

Через восемь дней учитель Казедесюс, члены спортивной команды Сен-Мартори и аббат Мура, кюре из Монтеспана, прорыли дренажную канаву по галечному руслу ручья от сифона до самого выхода из пещеры. Таким образом удалось значительно понизить уровень воды в сифоне, и теперь можно было преодолеть его, погружаясь в воду только по грудь.

Лишь после этого состоялось посещение пещеры видными учеными, специалистами по доисторическому периоду, из которых многие были далеко не молоды. Но все они без колебаний вошли в воду, чтобы принять участие в длительном и опасном для здоровья предприятии. Особенно стоит упомянуть доктора Капитана из Коллеж-де-Франс, которому

было шестьдесят семь лет, и профессора Селласа из Оксфордского университета, удивительно хорошо сохранившегося, мускулистого и стройного, как юноша, несмотря на свои семьдесят три года. Аббат Брейль и граф Бегуен первыми прибыли в Монтеспан вместе с профессором Гамаль Надрином из Льежа и графом Сен-Перье, который сам только что нашел в пещере недалеко от Леспюга удивительную ориньякскую статуэтку из клыка мамонта, изображающую обнаженную женщину: Венеру Леспюгскую.

Мисс Гаррод, ученица аббата Брейля, представляла в этой когорте ученых-первобытников юность и женственность. Юность, впрочем, была также представлена членами спортивной команды Сен-Мартори в лице Марсиаля, Анри Годена, Дюпейрона и Марраста, которые играли при ученых роль носильщиков и тащили для них сменную одежду до самой доисторической картинной галереи.

Хотя мы с Годеном в первый же день открыли и отметили основные находки в пещере, все же оставалось изучить еще много деталей, прежде чем можно было прийти к окончательному выводу.

Кроме статуй и примерно сорока изображений животных в первобытной галерее было обнаружено много обломков и маленьких загадочных произведений, тем более интересных, что в пещеру, после того как ее покинули последние мадленцы, не проникал никто. Все оставалось в полной неприкосновенности.

На стенах, местами покрытых глиной, сохранились отпечатки пальцев, а также царапины от медвежьих когтей и круглые отверстия, нанесенные дротиками и копьями. На естественных приступках можно было увидеть на прежних местах, где их когда-то положили, комки глины величиной с кулак. Из одного из них была вылеплена эмблема женщины. Шарики из глины к стене были прикреплены кремневые ножи. Таким же способом к стене была приклеена маленькая глиняная голова лошади и нечто напоминающее ласточкино гнездо, также вылепленное из глины.

Одно из углублений в стене, очевидно, служило рабочей шкатулкой, оно было наполнено кремневыми орудиями. На земле можно было заметить отпечатки босых ног мадленцев. К сожалению (и весьма некстати), мы сами были босиком и ходили по тому же самому полу, так что не всегда можно было отличить следы доисторического человека от наших.

Необходимо отдельно остановиться на скульптурах.

В дополнение к сказанному о медведе следует добавить, что длина его корпуса составляла один метр двадцать сантиметров и что весь он был покрыт маленькими дырками и ямками, нанесенными стрелами и дротиками. Станный и волнующий факт — отсутствие головы у медведя и находка черепа, лежащего между передними лапами, — свидетельствует о чрезвычайно любопытном и интересном с научной точки зрения первобытном ритуале. Охотники первобытных племен были знакомы с магией и прибегали главным образом к охотничьей магии.

Колдун и несколько посвященных пришли в глубину пещеры Монтеспан при свете смолистых факелов и светильников с жиром. Кремневыми ножами (теми самыми, которые я нашел при первых раскопках) они накопили глины. Около статуй виднелись ямки, из которых ее брали, и, кроме того, можно было различить следы ножей, которыми пользовались при этой работе. Потом глину мяти, месили, и главный художник (вернее всего, сам колдун) слепил статую.

Животное представлено в виде медведя, лежащего в берлоге головой к входу, навстречу входящему. Форма груба так же, как и сама модель. Лежащий медведь похож на бесформенную массу, но есть характерная деталь — вылеплены когти. Мадленские охотники (особенности каменных орудий и наскальных рисунков свидетельствуют об их принадлежности к началу мадленской эпохи) старались представить медведя как можно более реалистически и с этой целью отказались от лепки головы, предпочитая приделать к статуе настоящую голову с мясом и кожей) убитого ими животного. Эта удивительная и страшноватая пересадка осуществлялась, несомненно, при помощи деревянного кола (следы

его еще видны в шее статуи), на который насаживали голову, прикрепляя ее таким образом к глиняному туловищу. Постепенно голова обнажилась от тканей, деревянный кол рассыпался в прах, и остался лишь череп, лежащий между передними лапами.

Над этим глиняным манекеном (не исключено, что на него натягивали шкуру медведя), несшим ту же функцию, что и восковые куклы средневековых гадалщиков и различные фигурки, которыми до сих пор еще пользуются кое-где, колдун из Монтеспана производил магические действия. Весь колдовской ритуал был направлен на то, чтобы "убить" изображение медведя, и с помощью этого магического действия одолеть потом живого медведя, которого станут преследовать охотники. По психологическим законам магии всех времен участь, которой подвергается "дубль" или магическая кукла, фатальна для соответствующего ей живого существа, и, таким образом, "успех" предстоящей охоты на медведя был обеспечен.

Истоптанная босыми ступнями почва указывала на то, что колдун и охотники исполняли вокруг статуи ритуальный танец. Подобные танцы встречались не так уж давно у некоторых племен — воинственный танец аборигенов Австралии, танец бизона канадских индейцев, танец оленя или тюленей у эскимосов. Наконец, хочется упомянуть еще такую убедительную и наглядную подробность — статуя медведя из Монтеспана изрешечена ударами стрел и дротиков, то есть тем же самым оружием, которым охотники должны пронзить и убить на охоте намеченного ими зверя.

Тот же магический ритуал с теми же намерениями совершался перед статуями двух львов. У обеих скульптур также отсутствуют головы (но здесь мы не нашли поблизости черепов, а только локтевую кость льва), и они тоже были "околдованы" и изранены. На груди видны следы глубоких ран, нанесенных на этот раз уже не стрелами, а копьями, причем с такой силой, что статуи почти развалились под мощными ударами.

Ученые, рассматривавшие статую медведя, а затем львов в пещере Монтеспан при тусклом свете ацетиленовых ламп, представляли причудливое зрелище, вызывающее удивительные ассоциации. Люди XX века, приехавшие из разных стран Европы, такие же нагие и жалкие с виду, как наши далекие предки каменного века, объединились здесь, полные одинаковыми интересами и волнениями, подобно своим далеким предкам, собиравшимся здесь более двадцати тысячелетий назад. Правда, мысли и цели у тех были иные.

Какая пропасть между современными жителями Франции, Бельгии или Англии и людьми давно прошедших времен!.. Пропасть веков и тысячелетий бесспорна, но так ли сильно отличались от нас эти охотники на медведей и львов, или, лучше сказать, так ли сильно отличаемся мы от наших далеких предков, перед которыми стояла благородная священная цель — передать нам жизнь и свою цивилизацию, ибо по-своему они были цивилизованы соответственно своей стадии развития. У них уже был, причем более сильный, чем у нас, культ мертвых. У них были свои моральные, религиозные и философские представления, можно в этом не сомневаться, а художниками они были несравненными, непревзойденными. Никогда никакой современный художник не согласится и не сумеет гравировать или писать красками по памяти с помощью кремневого резца или собственного пальца, обмакнутого в охру (причем на шероховатой и неровной скалистой стене пещеры при тусклом свете коптящих факелов), и не создаст таких шедевров, как в пещерах Альтамира и Ляско.

Согбенный под бременем прожитых лет доктор Капитан, дрожа от холода, положил мне руку на плечо и взволнованно поблагодарил меня, подобно тому как в 1912 году Картальяк благодарил братьев Бегуен.

— Дорогой друг, — сказал он, — благодаря вам мы пережили у этих статуй, самых древних в мире, бесценные минуты, и перед нами на миг воскресла жизнь давно прошедших времен. Картальяк часто говорил, что готов отдать десять лет жизни, чтобы провести один час с мадленцами: в моем возрасте нельзя позволить себе такой щедрости, но, знаете, ведь мы только что пережили этот заветный час.

В свою очередь я тоже был взволнован и не знал, как и благодарить ученых,

сехавшихся издалека, чтобы осмотреть и изучить пещеру Монтеспан. С трудом поборов свою врожденную застенчивость и набравшись храбрости, чему помогал, конечно, окружающий полумрак, я проговорил:

— Я могу, если хотите, попытаться еще усилить атмосферу первобытных времен, царящую здесь.

Полуобнаженный (на мне не было ничего, кроме купальных трусов) и, надеюсь, достаточно хорошо сложенный и мускулистый, чтобы сыграть роль мадленского охотника, я попятился на несколько шагов, поднялся на земляной приступок, выпрямился и огласил своды бесконечным и звучным анильхетом, древним кличем арьежских пастухов, этим долгим призывом, который теперь почти нигде уже не услышишь и который напоминает знаменитую ирринтзину басков. Это резкий вопль, который медленно замирает. Дикий характер придает ему тремоло, которое гортань производит на слоге "хи" сразу же после начального оглушительного крика. Все заканчивается безумным визгом, подобным хохоту гиены. Из всех сил я дважды повторил мой "доисторический клич" и спустился с возвышения.

В другом месте и при других обстоятельствах эта сцена могла бы показаться натянутой и смешной, но к концу нашего паломничества к святыням первобытного человека, на фоне пещеры, где находились самые древние статуи в мире, могу сказать, что мое представление нашло отклик в душе людей, посвятивших себя изучению первобытной истории.

Доктор Капитан, человек колоссальной эрудиции, обладавший исключительной памятью, согласился с тем что клич анильхет, который он никогда раньше не слышал вполне мог дойти до нас из доисторических времен, и процитировал Пьера Лоти, написавшего в своем романе "Рамунчо", что крик пиренейских горцев "восходит к бездне веков...".

XIV На перепутье

Открытие пещеры Монтеспан наделало много шума. В прессе появились многочисленные и иногда совершенно неожиданные комментарии. Медведь и львы Монтеспана удостоились внимания журналистов, которые в статьях на эту тему стремились перешеголять друг друга.

Правда, дело происходило в августе, в мертвом для журналистов сезоне, когда они, так сказать, отправляются на ловлю "морского змея". В жаргоне американских репортеров есть это красочное выражение, прекрасно характеризующее их профессиональное занятие, направленное на то, чтобы привлечь, отвлечь и даже возбудить внимание читателей, притупленное каникулами и отсутствием сенсационных сообщений. Они стараются "заставить льва рычать", подобно тому как укротитель громкими ударами бича пытается заставить зарычать своих слишком молчаливых и пассивных хищников.

Таким образом они заставили "рычать" львов и "ворчать" медведя Монтеспана. Одна в то время популярная, но с тех пор прекратившая свое существование парижская ежедневная газета написала крупным шрифтом на первой странице: "Юный пастух, преследуя форель, ныряет в подземный поток и открывает медведя и львов, которым по 20 000 лет!"

К счастью, мадленские скульптуры более серьезно, долго и тщательно изучались специалистами по доисторическому периоду. Но даже здесь не обошлось без преувеличений и неожиданных интерпретаций некоторых археологов, обладавших избыточным и необузданным воображением. Один ученый, известный своими смелыми гипотезами и запутанной книгой под названием "La Prehistoire par les Etoiles" ("Предыстория по звездам"), изучал медведя Монтеспана по фотографии. Исходя из расположения отверстий, нанесенных стрелами, которые были видны на статуе сбоку, он взялся утверждать, что эти черные точки представляют созвездие Большой Медведицы и, следовательно, сама статуя медведя связана с астрономическими наблюдениями наших предков и стоит у колыбели астрономии как науки.

Граф Бегуен, который давно уже скрещивал копы с этим ученым, передергивающим данные, заметил, что отверстия на статуе, специально выбранные, для того чтобы в них узнать Большую Медведицу, ничем не напоминают известную конфигурацию этого созвездия. На это археолог-астроном ему высокомерно возразил, указав, что за тысячелетия созвездия меняют положение и, следовательно, изменяется конфигурация созвездий и что именно на основании этого можно точно определить возраст медведя Монтеспана, а именно 122 318 лет!

Еще в одной области, впрочем гораздо более узкой, то есть в местном масштабе, открытие пещеры Монтеспан несколько реабилитировало меня и заставило со мной считаться. С давних пор молва и общественное мнение считали меня пустым мечтателем, пытающимся достать луну с неба, отчаянным оригиналом, может быть, кладоискателем. Некоторые зашли еще дальше и шепотом передавали, что продажа знаменитых статуи в Америку (которые, кстати, и сейчас, когда я пишу эти строки, спокойно стоят в глубине пещеры) принесла мне много долларов, а наиболее "осведомленные" называли даже точную сумму, должен признаться, весьма солидную!

Поскольку одни сюрпризы все время сменялись другими, остается упомянуть еще об одном последствии этого открытия. Известный спортивный журналист Франц Рейхель написал мне письмо, в котором сообщал, что спортивная академия (о существовании которой я даже не подозревал) присудила мне Большую золотую медаль. Он поздравлял меня, выражая, однако, сожаление, что я лишь немного не дотянул до Большой германской премии Морге в сумме десять тысяч франков. Действительно, в 1923 году шла не известная мне, но очень острая борьба за эту премию, и достойным победителем оказался Ален Гербольт, пересекший в одиночку Атлантический океан на судне "Файрквест".

Несколько ошеломленный и выбитый из колеи таким неожиданным резонансом, я, любивший свои "дыры" главным образом за покой и уединение, которыми мог в них наслаждаться, старался как-нибудь пережить этот внезапный лестный шум. Потом, когда страсти несколько улеглись и сосредоточенная на моей персоне иллюминация была погашена, я смог вновь вернуться к своим планам и задачам. Перед самым началом моего одиночного похода в Монтеспан в 1922 году я записал в блокноте, в который тщательно заносил все, что относилось к уже известным мне пещерам или к тем, которые я собирался разведать, следующие слова: "Что таит эта пещера?"

На следующий день после официального визита ученых, о котором рассказано выше, я смог записать ответ, столь же краткий, сколь и полный значения: "Самые древние статуи в мире".

"Но ведь пещеры — это путь, ведущий в тупик. Ты сам это хорошо знаешь", — говорил мне совершенно резонно отец, по-видимому сильно обеспокоенный моим будущим и решивший им заняться. Он советовал мне подумать "о серьезных вещах" и выбрать юридическое право или нотариат, естественные науки или агрономию.

Братья подавали мне хороший пример. Жан, травмированный четырьмя годами войны, отказался от дальнейшего изучения медицины, начатого им в 1914 году, но показавшегося слишком длительным, и поступил в инспекцию, где прошел все ступени служебной лестницы, сделав блестящую карьеру. Марсиаль выбрал медицину и окончил медицинский факультет университета Тулузы с золотой медалью.

Что касается меня, то этот вопрос был очень трудным. Я решил посоветоваться с графом Бегуеном, но тот не счел возможным настаивать, чтобы я избрал путь изучения первобытной истории.

Во Франции было всего три соответствующие кафедры:

в Париже, Нанси и Тулузе. Граф возглавлял кафедру в Тулузе и сообщил мне конфиденциально, что его предшественник Картальяк преподавал на ней совершенно бесплатно в течение многих лет и что сам граф, рассматривающий свою деятельность как миссию, получает жалованье меньшее, чем швейцар факультета!

Доктор Капитан говорил мне несколько более обнадеживающие вещи. Он сказал, что,

может быть, ему удастся помочь мне получить стипендию, нечто вроде "Виллы Медичи". Кроме того, он предложил включить меня в качестве археолога в экспедицию в Афганистан, но этой экспедиции не суждено было состояться.

Если мы здесь говорим о вещах и соображениях, не имеющих никакого отношения к древнейшей истории и спелеологии, которым одним только надлежит иметь место в "Воспоминаниях спелеолога", то делаем это намеренно. В письмах молодые люди, которых привлекает спелеология, спрашивают меня, можно ли сделать карьеру на этом поприще, и просят советов, как этого достичь.

Пользуясь случаем, я отвечаю им еще более категорично, чем ответили мне граф Бегуен и доктор Капитан; мой отец был совершенно прав, когда говорил, что "пещеры — путь, ведущий в тупик", так как чистая спелеология как единственное занятие — не профессия и не может прокормить человека, себя ей посвятившего.

"И все же, — возразил мне один из моих корреспондентов, опечаленный моим ответом, но настойчивый молодой человек, — вы отговариваете меня от пути, на котором сами добились больших успехов и на котором, как мне кажется, я смогу добиться того же".

Мне придется повториться и еще раз сказать то, что я часто говорил и раньше: "Не берите с меня пример, однако следуйте моим советам". Для исследований подземелий спелеологу надо иметь другую одежду, чем "туалет нудиста", которым я долго пользовался и который даже пещерные люди, одетые лишь в звериные шкуры, нашли бы слишком примитивным. Необходимо запастись другими источниками света, чем жалкие свечи, которые даже мадленцы из Тюк д'Одубер сочли бы недостаточными и которые легко могли послужить причиной моей гибели. Не ныряйте в сифон с единственным запасом воздуха в ваших легких: это игра в "орел и решку" с судьбой. Никогда не спускайтесь под землю в одиночку: это безумная затея, которая мне удавалась, но мне просто везло.

Нарушение подобных элементарных правил безопасности и здравого смысла не имеет оправданий, его мог позволить себе лишь совершенно оторванный от всего, неопытный одиночка, не имевший ни малейшего понятия о спелеологии;

мысли об исследованиях пещер в одиночку могли возникнуть лишь в мозгу у того, кто не был знаком ни с наукой, ни со спортом, которые в то время еще не имели своих правил, дисциплины и организации, какие они имеют теперь.

Наконец, вернемся к вопросу об основной специальности некоторых молодых людей, жаждущих сделаться профессиональными спелеологами, и об их конкретных возможностях в этой области. Но здесь мне придется "поднять завесу над моей личной жизнью".

Тогда, в 1924 году, я был совершенно издерган, истерзан одолевавшими меня заботами, и поэтому тот год был беден исследованиями пещер, зато в нем произошло нечто, что могло бы заставить Наполеона сказать еще раз часто повторяемую им, как утверждают, фразу: "Случается только непредвиденное".

Для меня таким непредвиденным оказалась моя женитьба в конце года, точнее, 30 декабря 1924 года.

Элизабет, дочери доктора Раймонда Мартина, врача префектуры Сена, было девятнадцать лет, и она собиралась заняться медициной. Она проводила каникулы в маленьком селении Озас между Сен-Мартори и Ориньяком и также находилась на перепутье, когда случай, судьба заставили нас символически и буквально встретиться на перекрестке дорог. В одно прекрасное воскресенье она решила прогуляться после вечерни. Я же пришел в селение Озас поискать окаменелостей в этой скалистой местности — подробность, сыгравшая важную роль, поскольку без этих *Rhynchonella decorata*, включенных в мезозойские меловые отложения, мы с Элизабет, по правде сказать, никогда бы не встретились.

Свадебное путешествие мы провели в Провансе, и, конечно, оно прошло под знаком пещер, которые мы там посещали. Затем в 1925 году мы поселились на окраине Сен-Годенса в одной усадьбе, где мне, можно сказать, более чем когда-либо пришлось стать "подземным землекопом".

Раньше Элизабет никогда не случалось бывать в пещере, но она была превосходной альпинисткой и уже совершила к тому времени восхождения на многие пиренейские вершины в массиве Баньер-де-Люшон. Что касается меня, то я никогда еще не совершал восхождений, но, как известно, был страстным приверженцем подземного мира.

Это видимое противоречие, однако, вовсе не было антагонистическим. Мы нашли идеальное решение — я занимаюсь поисками пещер и пропастей высоко в горах, а моя жена исследует их вместе со мной, одновременно приобщая меня к альпинизму.

XV Ледяной грот Кастере

25 июня 1926 года маленькая группа людей покинула деревеньку Гаварни, расположенную на высоте 1370 метров над уровнем моря, и направилась по тропе длиной в пять километров, связывающей деревню со знаменитым цирком Гаварни. Наш отряд — моя мать, Марсиаль, моя жена и я — отправлялся на три-четыре дня в горы. Нашей главной целью было подняться на Мон-Пердю, а попутно мы собирались поискать пещеры и пропасти, которые всегда могут оказаться в массиве¹ сложенном исключительно известняками.

Первым на Мон-Пердю поднялся натуралист Рамон де Карбонье, потративший на изучение и покорение вершины девять лет: настолько этот район был мало исследован, а обширные ледники вызывали суеверный страх у горцев, которые несколько раз срывали успех экспедиции.

В те времена О. Б. де Соссюру, например, удалось покорить Монблан лишь через двадцать семь лет после того, как он пообещал награду тому, кто найдет подступы к этой вершине.

Теперь, когда альпинизм накопил опыт горных восхождений и когда созданы кадры проводников, подробные карты и хорошее снаряжение, трудно поверить, что Рамону пришлось затратить столько времени, чтобы достичь вершины, восхождение на которую в хорошую погоду не представляет особых трудностей. Что касается цирка Гаварни, то вслед за Виньи и Виктором Гюго его воспел сонм поэтов, изучали геологи, и он описан на всех языках. Зарисовки и фотографии опошлили его. Остается сообщить о нем только самые краткие сведения: эта известковая арена находится на высоте 1400 метров, ширина у основания — один километр, наверху — три километра.¹ С трех главных террас стекает десяток водопадов, самый живописный из них низвергается с высоты четырехста двадцать метров. Эти водопады образуют горный поток Гаварни, переходящий дальше в горную речку По.

Дорога, ведущая от деревни к цирку, пересекает древнее дно овального озера, затем, извиваясь, поднимается к узкой щели в естественном амфитеатре, соответствующей как бы кулисам цирка. Здесь импровизированным всадникам и амазонкам приходится спешиваться, чтобы поближе полюбоваться большим водопадом, пересечь перекинувшийся через поток ледяной мост и прикоснуться к снегу в разгар лета!

Люди, шедшие на прогулку, с которыми мы повстречались по дороге, вправе были спросить, какой смысл надевать специальную обувь, тащить набитые мешки и ледорубы, чтобы посетить цирк Гаварни. Им не могло прийти в голову, что конец их прогулки — только начало нашего похода и что альпинизм начинается для нас там, где кончается их тропа. Мы поднялись на стены цирка по так называемой лестнице Саррадетов — что-то вроде карниза,

¹ Такие цирки называются ледниковыми и возникают за счет так называемых гляциально-нивальных (ледниково-снежных) процессов рельефообразования. Поскольку данный цирк выработан в известняках, некоторую роль в его формировании должны были играть и процессы выщелачивания. Современные цирки вмещают фирновые поля в верховьях ледников, пополняемые свежими запасами снега. Образование цирков, лишенных сейчас вечного снега и льда (таким является и цирк Гаварни), происходило в древние ледниковые эпохи.

трудноразличимого даже вблизи, опоясывающего крутой откос, по которому, если у вас твердая нога и верный глаз, можно подняться на самый верх цирка.

Когда мы выходили из деревни, небо было чистым и солнце нещадно палило, теперь же, забравшись на значительную высоту по склону цирка, мы увидели, как тучи со всех сторон собираются, опускаются и заполняют циклопический амфитеатр. Поднялся сильный ветер, и, раньше чем нам удалось надеть свитеры, запрятанные на дне мешков, налетел пронзительный и холодный снег, мелкий и твердый, как льдинки, проникающий повсюду и колющий лицо.

Буря в горах начинается внезапно, и совершенно неизвестно, сколько времени она продлится. Смена декораций произошла неожиданно, температура так резко и сильно понизилась, что мы почувствовали себя не совсем в своей тарелке. Жаркое лето сменила зима. В ватной белизне снега и тумана виднелись лишь наши гротескные силуэты в капюшонах, сгорбившиеся под ударами ветра, тогда как всего несколько минут назад мы шли с обнаженными руками и, подставив грудь ветерку, занимались гелиотерапией, наслаждаясь целебными солнечными лучами.

Элизабет решительно становится во главе связки новичков, какими мы являемся, и мы начинаем восхождение на ледник, доходящий до верхней границы цирка. Наша главная забота — не заблудиться. Поэтому нам приходится беспрестанно сверяться с компасом, чтобы не пропустить большой перевал под названием Брешь Роланда. Это единственный путь, по которому можно выбраться из цирка наверх. Озабоченные и притихшие, мы почти вслепую поднимаемся по бесконечному склону, а он становится все круче. Ветер и снег удваивают ярость, а это означает, что цель близка. Сквозь туман виднеется Брешь, но на нас налетает ветер неслыханной силы и не дает нам двигаться вперед. Один из крупнейших исследователей Пиренеев, граф Рюссель, который шел один через Брешь Роланда в бурю, писал: "Нигде, даже на океане, не бывает такого ветра, как высоко в горах в дни равноденствия. Его рев заглушает гром, которого становится просто не слышно. Скалы сотрясаются, как гигантские звонящие из всех сил колокола, и только диву даешься, что они остаются на месте. Впрочем, мне нередко приходилось видеть камни, летящие вниз как солома".

Нам повезло больше, чем Рюсселю, на нас не летят камни, но нам приходится передвигаться на четвереньках, чтобы противостоять буре, которая с ревом устремляется в проход шириной в тридцать и высотой в восемьдесят метров, находящийся на высоте трех тысяч метров.

Миновав Брешь Роланда, мы оказываемся в Испании, однако можно подумать, что мы находимся в Лапландии, и Элизабет признает, что горы неплохо отпраздновали наше крещение. Из карманного путеводителя мы знаем, что, следуя вдоль основания скалы, мы найдем отверстие, в которое еле может пролезть человек, но через него можно ползком пробраться в маленький грот. Эта пещера, известная исследователям Пиренеев, названа ими Виллой Горье в честь ученого-гляциолога, открывшего ее в 1906 году. Сегодня вход в пещеру совершенно забит снегом, нанесенным ветром к подножию стены, и нам удастся разыскать его только благодаря сделанной суриком над ним отметине.

Поспешность, с которой мы расчищаем альпенштоками вход в пещеру, может сравниться только с быстротой, с которой мы в нее заползаем в надежде наконец укрыться от сорвавшейся с цепи стихии.

В небольшом гроте, где мы дрожа сидим на земле, полнейшая темнота. Снаружи день постепенно клонится к вечеру, и наступает ночь, а буря не унимается. Очень плохо снаряженные, без спальных мешков, мы пытаемся утешить себя за бессонную ночь и пронизывающий холод, вспоминая, что зимой 1923 года шесть тулузских лыжников, застигнутые бурей, провели в этой самой пещере пять дней и шесть ночей.

В четыре часа утра мы выбираемся наружу. Какой сюрприз! Горные вершины и покрытые снегом хребты Испании освещены полной луной. Лунное сияние, когда наблюдаешь его с такой высоты на фоне полнейшей тишины и величественной декорации,

производит неотразимое впечатление. Холод, однако, нестерпим. Надо сейчас же отправляться в дальнейший путь. Мы вновь проходим мимо Бреши Роланда и надеемся увидеть долины Франции. Но на высоте двух тысяч метров царит море облаков, и из него торчат лишь горные вершины. Этот воздушный океан поражает еще сильнее, чем водный, а когда солнечный диск появляется там, за горой Пик-Лон, и его лучи освещают расплывчатые края облаков, картина становится совершенно фантастической, и невольно вспоминаешь о сотворении мира.

Последний взгляд через Брешь — и вперед к Мон-Пердю, еще невидимой, до нее нам предстоит пятичасовой переход и восхождение по снегу. Идя по испанскому склону, образующему основания Шлема Марборе, мы форсируем очень крутой фирн. Шипы наших ботинок не держат на нем, и нам приходится пускать в ход альпенштоки, чтобы отколоть маленькие кусочки льда, с шумом скользящие вниз. В образовавшиеся ступеньки осторожно ставим ногу и медленно, шаг за шагом, поднимаемся к перевалу Изард (Пиренейских серн). Вдали на снегу, покрывающем перевал, видны тонкие пунктирные переплетения. Это следы раздвоенных копыт серн, указывающие на то, что перевал не зря носит свое название.

Пока Марсиаль идет впереди и энергично работает своим альпенштоком, я следую в связке последним, и это дает мне некоторую свободу.

Я с интересом смотрю на огромные нависшие обрывы Шлема и на склоны пика Изард, возвышающегося над нами. Это гигантские известняковые образования, и я рассматриваю их как спелеолог. Внезапно я произношу магическое слово, постоянный лейтмотив спелеологов: "Пещера!"

Да, там, в самом низу западного склона пика Изард, у подножия дикой скалы, у верхнего края фирна, виднеется нечто напоминающее вход в пещеру. Возможно, это просто небольшой отбрасывающий тень навес, но спелеолог, который всегда начеку, не должен пренебрегать даже малейшими намеками и приметами. Несмотря на значительное расстояние и не менее обескураживающее различие уровней, я чувствую, что непременно должен туда добраться. Вопреки бесчисленным неудачам, бесплодным разочаровывающим попыткам я всегда следую своим правилам. Изменение маршрута и время, которое потребуется на исследование пещеры, могут поставить под угрозу наше восхождение на Мон-Пердю, то есть цель нашего похода.

Моя мать и Марсиаль сразу же примирились с тем, что им придется изменить маршрут, пыхтеть на подъеме, преодолевать фирн, на верху которого может оказаться всего-навсего ложный грот. Но они заранее согласны даже на такой исход. Я смотрю на Элизабет, нашего проводника, которая любит вершины в сиянии солнца на фоне голубого неба и которая совсем не ценит пещеры или во всяком случае не знает их. Она смотрит на перевал Изард в направлении вершины Мон-Пердю, о которой она мечтала много лет и которая сейчас ускользает от нее. Она застенчиво и шутливо намекает (право, весьма кстати) на тех, кто предпочитает журавля в небе синице в руках. Но все же мы начинаем "терять высоту" — необычный, нарушающий все правила альпинизма маневр — и быстро спускаемся к тальвегу Рио-де-ла-Брешь наполовину бегом, наполовину "на салазках", то есть попросту сидя на снегу.

Вход в пещеру (может быть, в ложную пещеру) нам пока не виден, и меня начинают терзать сомнения и укоры совести. Какое будет разочарование, если это не пещера! Какая пытка, если придется вновь подниматься по этим склонам, по которым мы спустились с такой быстротой!

На краю фирна мы снимаем тяжелые горные мешки и начинаем восхождение по покрытому снегом склону в направлении свода, который все еще скрыт от нас снежным навесом. Когда мы почти у цели, Марсиаль ускоряет шаг, обгоняет нас, пересекает первый карниз и пропадает из виду. Проходит несколько секунд, и мы внезапно слышим возглас, полный триумфа и восторга. Еще через несколько секунд появляется Марсиаль. Несомненно, пародируя профессора Лиденброка из "Путешествия к центру Земли", стоящего на краю кратера действующего вулкана Снеффелса, он жестикулирует и потрясает своим

альпенштоком. "Какая красота!" — восклицает он то и дело.

Еле переводя дух, мы присоединяемся к нему и замираем, пораженные. Широкий вход с тридцатиметровым сводом загроможден хаосом камней, и у этого барьера, образующего нечто вроде морены, мы видим одно из самых редких и удивительных явлений природы — ледяное озеро, а по другую сторону — выходящий из недр гор пологий, скованный льдом поток шириной от двадцати до тридцати метров.

Мы поспешно пересекаем расположенное у входа озеро по прозрачному, кажущемуся тонким ледяному покрову и ступаем на следующую ледяную поверхность, на этот раз массивную и белую, как фарфор.

Косые лучи дневного света проникают в пещеру, отражаются от пола и бросают голубовато-зеленые отблески на свод и стены. Трудно даже вообразить себе это ледяное подземное царство, оно ошеломляет нас — оно фантастично! Гигантский входной зал идет вглубь и теряется из виду, а справа мы угадываем большой боковой зал, так же покрытый льдом, как и вся остальная пещера. Отраженные солнечные лучи на сотню метров от входа слабо освещают пещеру, а дальше царит тьма, и мне приходится зажечь единственную оказавшуюся у меня свечу, все остальное освещение осталось в метках, сброшенных нами у подножия фирнового склона. Одна свеча на четверых — этого совершенно недостаточно, тем более что дальше пещера становится очень пересеченной и труднопроходимой. Чтобы исследовать ее, надо бы иметь на ногах кошки.

Мы оставляем наших дам у входа и вместе с Марсиалем продолжаем пробираться в глубь этой ни на что не похожей пещеры, где попадаются очень узкие проходы. Нам резко преграждает путь ледяной каскад, его невозможно преодолеть без веревки и кошек. Пещера же идет все дальше на более высоком уровне, откуда тянет ледяным ветром. Без надлежащего снаряжения и с одной-единственной свечой мы безоружны и решаем повернуть назад.

Когда мы вернулись к нашим мешкам, было уже слишком поздно, чтобы пытаться добраться до Мон-Пердю, но никто об этом не жалел, даже Элизабет, которую это приключение потрясло, как удар грома: с того дня подземный мир навсегда завоевал ее сердце.

В тот же вечер мы дошли до приюта Голи у подножия Мон-Пердю, а на следующий день к полудню были уже на вершине этой величественной горы, о которой Рамон писал: "Даже после Монблана обязательно побывайте на Мон-Пердю. После самой прекрасной из гранитных гор вам остается еще познакомиться с первой красавицей среди гор из известняков".

Всего на сутки пришлось Элизабет отсрочить восхождение на вершину, которой она грезилась. Что касается моей матери, впервые попавшей в горы в возрасте 52 лет, она без особого труда и неприятных ощущений достигла своих первых трех тысяч метров над уровнем моря. Впоследствии она покорила много других вершин, так как (заметим в скобках) мы очень полюбили альпинизм. Довольно редкое сочетание — свекровь и сноха, дружные, как сиамские близнецы, совершили восхождение на тридцать вершин в три тысячи метров (в Пиренеях просто нет более высоких) и на бесчисленное множество вершин поменьше.

Как можно догадаться, мы не остановились на открытии нашей пещеры и очень поверхностном ознакомлении с ней.

Через месяц мы опять собрались вчетвером перевалить через Брешь Роланда, но в последний миг обстоятельства помешали моей матери и Марсиалю, поэтому в один прекрасный летний день мы оказались там вдвоем с Элизабет.

На этот раз тумана на Брешь Роланда не было, и оттуда открывался вид на Францию и Испанию. Мы воспользовались этим и легко поднялись на нетрудную вершину Тейон (3140 метров), с которой, однако, открывается великолепный вид. Здесь нам удалось увидеть редкое явление, производящее глубокое впечатление, — призрак Брокена. Наши гигантские тени отражались на блуждающих клочьях тумана, которые почти сразу же таяли в воздухе. Кроме того, мы любовались феерическим закатом и в сумерках спустились к маленькому гроту, у которого было название, совершенно ему не соответствующее: "Вилла Горье". Там оказалось

так холодно и сыро, что мы поспешили оставить этот своеобразный холодильник и предпочли провести ночь под открытым небом у подножия крутого склона. Здесь мы тоже очень замерзли, так как вся наша подготовка к ночевке ограничилась тем, что мы натянули дополнительные свитеры, подняли воротники курток и спрятали руки в карманы. Мы продрожали всю ночь, и холод не дал нам уснуть. Задолго до рассвета мы поднялись, чтобы послушать ночную тишину и немножко согреться ходьбой, а главное — чтобы иметь в запасе как можно более длинный день.

Через час мы были под сенью гигантского навеса и вновь с волнением смотрели на знакомое нам зрелище — удивительное озеро, самое поразительное из всех озер в Пиренеях, навечно скованное льдом, единственное озеро, не отражающее неба и окружающих вершин, так как оно прячется под землей.

Как всегда, скудно экипированные, мы по обыкновению используем для освещения свечи, у нас нет веревки и кошек на ногах. Мы шагаем по подземному леднику, потом отваживаемся войти в большой подземный зал, который мы заметили еще в прошлый раз, а сегодня собираемся исследовать. Сделав несколько шагов под грандиозным сводом этого зала, мы с удивлением видим под слоем льда сантиметров на пятьдесят в глубине тушку птицы (галки), лежащую там неизвестно сколько времени. Эти горные вороны¹ посещают обрывы и карнизы почти по всем Пиренеям и залетают в пещеры, где выют гнезда в расселинах стен и сводов, переходя даже грань, за которую проникает дневной свет. Галка, найденная нами в ледяной темнице, сохранилась великолепно, у нее распростерты крылья, и кажется, что она все еще летит.

В центре зала, где мы передвигаемся осторожно и медленно, висит куча упавших со свода камней. Мы встаем на этот малюсенький остров, сознавая, что ни одно живое существо до нас не видело его, и присваиваем себе этот крохотный клочок суши, застывшей посреди подземного ледяного моря.

Но нас ждут другие нетронутые и таинственные берега подземных вод, ограниченных циклопическими стенами. Мы подходим к маленькому пляжу у подножия наледей, которыми покрыты стены, уходящие ввысь, куда-то так высоко, что мы уже не можем их различить.

Мы в самом центре подземной феерии, будто из книги Жюль Верна. Восхищаясь одновременно серьезно и ребячливо, пересекаем этот мир грез и на каждом шагу открываем новые чудеса из самых редких на нашей планете — подземный ледник или храм из льда, спрятанный в недрах земли.

Резкий и пронизывающий холод — единственное, что мешает нам и доставляет неприятности среди всего этого великолепия. Мы недостаточно тепло одеты для исследования такой пещеры, где к ледяному холоду добавляется еще и непереносимый сквозняк. Чтобы согреться, мы устраиваем соревнование и скользим, как на коньках, по идеально гладкому льду, на котором, как мы знаем, нам не угрожают ни провалы, ни трещины. Думаю, этот спорт не имеет прецедента, и он нас очень забавляет. Мы играем, как мальчишки, соревнуясь, кому удастся дальше прокатиться на подошвах или же кто более ловко пройдет между двумя поставленными на лед свечами.

Сочетая приятное с полезным, этим подземным катанием мы возвращаем немного тепла нашим телам, продрогшим еще накануне, так как мы провели всю ночь под открытым небом.

Должен сказать, что наше питание было весьма скудным (вернее оно было нормированным, причем порции были крайне малы). По каким-то неведомым соображениям и причинам мы решили, что питание в горах и пещерах есть нечто второстепенное, и, желая освободиться от этого рабства, разработали до невозможности упрощенный рацион, которым не удовлетволялись бы даже спартанцы. Мы покупали шестикилограммовый каравай хлеба (такой хлеб теперь можно найти только в высокогорных селениях) и головку голландского сыра. Кончиком ножа мы рисовали на этой головке продолговатые сегменты вроде ломтей

¹ Автор не совсем точен, отождествляя галку с вороной. Галка и ворона принадлежат к одному семейству — вороновых, но к разным родам (*Coleus* и *Corvus*).

дыни. Каждый сегмент представлял собой дневную порцию, и это было все. Хлеб и сыр! Нам казалось, что этого достаточно, чтобы насытиться. Никакого горячего питья, никакого вина или спирта — ведь в горных озерах и потоках такая вкусная вода!..

Однажды в одной альпийской хижине мы встретили чету немцев. Они разложили на столе неправдоподобное количество еды, главным образом колбасных изделий, и вскипятили на спиртовке большой котелок чая. Мы были столь же поражены их пиршеством, сколь и они, когда увидели, как мы после длительного и трудного восхождения делим хлеб и сыр. Начертанные на нашей головке голландского сыра "меридианы" их очень позабавили. Немец высказал мысль, которая нас несколько шокировала. Он сказал, что кое-кто придерживается еще более строгой диеты, но обычно живет недолго, и со смехом уточнил, кого именно он имеет в виду — тех, кто питается одной любовью, запивая ее простой водой.

Конечно, надо было быть очень молодыми идеалистами, чтобы довольствоваться рационом голодающих, как мы, во времена наших первых походов, к тому же надо было быть беззаботными и хоть немного поэтами, чтобы расхаживать под землей всего лишь со свечами и ночевать под открытым небом без спального мешка. Когда я вижу рацион питания и достойные Пантагрюэля яства современных спелеологических экспедиций, мне всегда вспоминается прошлое, и я прихожу к выводу, что наша умеренность в еде была излишней и даже преступной. Но я не могу не вспомнить и не констатировать, что, несмотря на такие лишения, мы совершали замечательные открытия.

Окончим это отступление, за которое просим извинить нас, и, выйдя из зала Безымянного острова, вернемся в прямоугольный вестибюль, где странное освещение напоминает аквариум, но мы, не обращая на него внимания, направляемся в глубь пещеры. В двухстах метрах от входа ледяной покров пересечен обледенелыми камнями. Становится очень трудно передвигаться, и нам приходится прибегнуть к альпенштоку, соблюдая при этом всевозможные предосторожности, так как мы как раз пересекаем зону обвалов и идем вдоль обледеневшей пропасти. Мы бросаем в нее куски льда, но они на лету рассыпаются на мелкие льдинки, и нам трудно судить о глубине.

Своды достигают здесь удивительной высоты, и каменные вертикальные стены покрыты льдом, как ковром. Это самое величественное место во всей пещере. Дальше за пропастью пещера резко сужается и продолжается очень крутым ледяным подъемом, восхождение на который затем, что у нас нет даже веревки, чтобы страховать друг друга. С помощью альпенштока нам все же удастся преодолеть этот подъем, который заканчивается вверху у цилиндрического отверстия, извергающего те самые потоки льда, которые мы только что преодолели. Каждый раз, как я подбираюсь к этой лазейке, чтобы залезть в нее ползком на животе, сильный поток воздуха, еще более мощный из-за узости прохода, задувает мою свечу. За моей спиной стоит Элизабет, уцепившись за альпеншток в неудобной и ненадежной позе, и нельзя заставлять ее ждать бесконечно. Я решаю ползти на ощупь в темноте в эту нору. По счастью, ход оказывается недлинным, я вылезаю из него, встаю на ноги, и сразу же за мной появляется Элизабет. Мы можем вновь зажечь наши светильники.

Пещера узкая и высокая, но нас поджидает дополнительная неприятность: лед под ногами, который до сих пор был твердым и надежным, превращается здесь в ледяную кашу, по которой нам приходится пробираться. И вдруг мы натываемся на совершенно вертикальный замерзший водопад высотой в несколько метров.

Нам удалось дотащить наши мешки до этого места. С трудом мы протащили их через узкий ход, но как теперь взобраться на этот каскад со снаряжением и багажом? Единственно, что мы можем попытаться сделать, это подняться, подсаживая друг друга. Было бы логично и удобно, чтобы я служил опорой, а Элизабет — акробатом, но, подумав, мы решили сделать наоборот. Она встает вплотную лицом к стене, предварительно заложив под куртку свои меховые рукавицы, чтобы предохранить плечи от контакта с моими подкованными железом ботинками. Встав ей на плечи, я с трудом дотягиваюсь до узкого карниза, за который мне удастся зацепиться и подтянуться на руках. Теперь Элизабет избавилась от моей тяжести и обрела свободу движений. Ей удастся вбить свой альпеншток в трещину над головой. Эта

шаткая опора дает мне возможность добраться до следующего карниза, а оттуда я уже достигаю верхнего порога каскада. Вторая фаза подъема довольно сложна, и мне не без труда удастся, спустившись на средний карниз, втащить с помощью ручки моего альпенштока сначала мешки, потом и Элизабет. Перед нами узкая галерея, она идет все дальше, все время поднимаясь вверх, что нас несколько беспокоит, так как, если придется возвращаться этой же дорогой, спуск окажется, как обычно, более трудным и сложным, чем подъем.

Но зачем говорить о возвращении и спуске, когда внезапно мы замечаем слабый свет, который становится все более различимым, по мере того как мы идем дальше, и в конце концов оказывается настоящим дневным светом! Мы поспешно устремляемся в зал-ротонду, в потолке которого зияет круглое отверстие, а через него виден кружочек голубого неба! Но подняться здесь невозможно: окно находится слишком высоко, а стены совершенно вертикальны. И вот новый сюрприз — у нас под ногами оказывается теперь не лед, а слежавшийся снег, вероятно занесенный сюда ветром. За бугром, образованным этой подземной снежной осыпью, я нашел узкий проход, он приводит нас в анфиладу подземных заснеженных помещений, в сводах которых виднеются такие же отверстия, как и в первом. Одно из этих отверстий показалось мне более доступным, и я уже готовлюсь подняться к нему, когда, к нашему великому удивлению, мы совсем близко слышим птичий свист и трели, чего никак нельзя было ожидать в подобном месте.

Мы весьма заинтригованы, но, выйдя наконец на дневной свет при ярком солнце, видим маленькую щебечущую птичку, которая совсем не боится нас и продолжает перепархивать с камня на камень, все время мелодично посвистывая.

Но где же мы все-таки очутились в результате нашего подземного путешествия?

Мы спустились под землю у подножия обрыва пика Изард, а вышли на какой-то склон, покрытый сетью трещин, посреди хаотически нагроможденных камней. Это нагромождение тянется и теряется из виду в направлении вершины Мон-Пердю, гордая пирамида которой доминирует над всей панорамой. Совершенно обессиленные, растянувшись на горячих камнях, греясь на солнышке, мы позволили себе воспользоваться вполне заслуженным отдыхом: ведь со вчерашнего дня мы все время испытывали холод — мучительный холод ночью на щебне у Бреши Роланда и не менее пронзительный холод в ледяном подземелье, которое прошли с помощью многочисленных и сложных гимнастических упражнений, не согревших, однако, нас.

Элизабет засыпает мгновенно, как ребенок, а я так возбужден подземным путешествием и заинтересован открытием ледяных чудес этой исключительной пещеры, что не могу усидеть на месте. В конце концов я поднимаюсь и иду осматривать окрестности. Оказывается, если бы мы еще пересекли ряд заснеженных залов, нам удалось бы избежать подъема и мы могли бы выйти через довольно низкий, но широкий вход. Бродя по окрестностям, я заметил, что мы находимся в центре обширной, сильно пересеченной каррами местности,¹ где могут быть другие пещеры или пропасти. Мне трудно бороться с искушением, я должен сейчас же ее по-настоящему осмотреть. Если моя жена проснется, прежде чем я вернусь (а я могу задержаться), она может испугаться и решить, что я провалился в какую-то дыру. Я пишу ей записку, прищипливаю ее к своей фетровой шляпе, кладу шляпу около Элизабет и удаляюсь.

Обследование карров идет трудно и мучительно и против ожидания ничего не дает. Выбившись из сил, я останавливаюсь и смотрю на грандиозную панораму испанского склона Марборе. Его ступенчатая структура несколько напоминает французский северный склон цирка Гаварни, но здесь ступени идут не полукругом, а тянутся прямо на многие километры и образуют подножие Шлема, Башни и Цилиндра Марборе — все это пограничные вершины

¹ **Карры** — борозды на оголенной поверхности известняка (или другой растворимой горной породы), возникающие в результате выщелачивания его дождевыми или талыми снеговыми водами. В данном случае, очевидно, это были так называемые трещинные карры: талые снеговые воды высокогорья выщелачивали известняк вдоль трещин.

"Карры" (Karren) — это немецкий термин, принятый в нашей отечественной литературе. Французы называют их "лапье" (lapies, lapiaz) — термин, который фигурирует и в оригинальном издании книги Н. Кастере.

или вершины, находящиеся в непосредственной близости от пограничного хребта.

Но что я вижу? Там, очень высоко и далеко, у основания одной из ступеней Башни, виднеется маленькое черное отверстие... Настоящий или ложный грот? Если бы у меня был бинокль, я мог бы его как следует разглядеть.

Что бы там ни было, но бесенок приключений и открытий уже кольнул меня своим трезубцем, и я тут же направляюсь навстречу возможному разочарованию и вероятной неудаче. Через час тяжелейшего восхождения по пересеченной местности, состоящей из отдельных площадок и подъема по крутому фирну, я добираюсь до подножия обрыва и входа в пещеру. Он невелик и невысок, но внушает мне доверие, так как прямо углубляется в гору. Передо мной — идущий вниз покрытый снегом коридор.

Я вновь ощущаю знакомое волнение у входа в подземный мир, готовясь к встрече с неизведанным. Зажигаю свечу. Жест вполне банальный, но как бы входящий в ритуал, имеющий скрытый смысл; жест сам по себе незначительный, но часто он чреват далеко идущими последствиями и иногда служит прелюдией к открытиям, которые трудно себе даже вообразить.

В горах очень неудобно и опасно ходить без кошек по леднику или фирну, скованному холодом. Под землей такая неосторожность была бы просто бессмыслицей. Я осматриваюсь. Покрытый снегом ход, по которому я иду, полого спускается вниз и приводит меня к большому ледяному потоку, идущему горизонтально и очень похожему на поток в ледяной пещере, в которой мы были сегодня утром. Я ликую, осторожно передвигаясь по этому катку. Я мало что различаю, однако достаточно, чтобы заметить у ног черноту и пустоту. Подземный ледник резко обрывается. Я стараюсь обойти справа, потом слева, но всюду натываюсь на сплошную стену, так как трещина пересекает ход по всей ширине — вблизи подо мной пустота и мрак. Я один без всякого снаряжения и с плохим освещением. Можно принять только одно благоразумное решение: вернуться на поверхность и присоединиться к Элизабет. Так я и делаю в полнейшем восторге от того, что открыл второй ледяной грот, исследование которого, как мы оба решаем, не за горами. Но сегодня нам предстоит большой переход: надо добраться до несравненной долины Арразас и пройти ее, а к тому же запас наших свечей иссяк под свирепым ветром ледяной пещеры.

Спелеолог предполагает, а Бог располагает. Я смог вернуться к этой второй ледяной пещере лишь через двадцать четыре года...

Я знаю, что никогда никто не сообщал о существовании ледяных гротов ни в Пиренеях, ни в Альпах.¹ Я знаю также, что они вообще встречаются на земле крайне редко, и вскоре я узнал, что "наша" пещера, находящаяся на высоте 2700 метров, расположена выше всех других известных пещер на земном шаре.²

Наше открытие получило определенный резонанс в прессе, а особенно среди альпинистов. Научный комитет Французского альпийского клуба живо заинтересовался удивительной пещерой и назвал ее в честь нас ледяным гротом Кастере.

Один ученый-спелеолог позднее написал по этому поводу: "Это открытие представляет большой научный интерес и является одним из чудес природы, а также крупным спортивным достижением, даже рекордом" и далее: "Благодаря подземным исследованиям, проведенным высоко в горах, за последние пятнадцать лет обнаружены естественные холодильники Дахштейна и самая большая пещера в Европе — Айсризенвельт в Австрии.³ И вот в 1926

1 Автор допускает здесь неточность. Ледяной грот Кастере в Пиренеях был открыт, как следует из текста книги, в 1926 г. Альпийская пещера Айсризенвельт, о которой упоминается далее, заполненная льдом в привходовой части, была известна значительно ранее. Основные этапы ее исследования относятся к 1878–1879, 1913, 1919–1923 гг. (см. E. A. Martel. Sur la plus grande caverne d'Europe (Eis-Riesenwelt)... (Comptes rendus de l'Acad. d. Sc., t. 178, I sem, p. 1429–1431. Paris, 1924; Н. А. Гвоздецкий. Карст, изд. 2-е. М., Географгиз, 1954, стр. 215–217).

2 На тех же и несколько больших высотах имеются трещинные карстовые колодцы со льдом и пещеры-ледники в Западном Кавказе, не такие, правда, эффектные, как грот, открытый Н. и Э. Кастере.

3 **Пещера Айсризенвельт**, долгое время считавшаяся самой длинной в Европе (42 км), сейчас занимает среди европейских пещер четвертое место по суммарной длине, уступая пещерам Хёллох в долине Муота, в Альпах (Швейцария), — 119 км (вторая по суммарной длине пещера мира, первая — пещерная система Флинт-

году господин Кастере нашел на высоте 2700 метров за Брешью Роланда у подножия вершины Мон-Пердю замерзшую подземную реку, скованную льдом, которая относится, возможно, еще к миоцену... Сколько рек с тех пор изменило русло, ушло под землю и пересохло! Открытие господина Кастере подкрепляет теорию, которая сегодня еще кажется слишком смелой, но которая, я уверен, когда-нибудь найдет подтверждение, — роль подземной эрозии в образовании цирка Гаварни!¹

Грот Кастере, как оказалось, заинтересовал не только альпинистов и геологов. Однажды мы, к нашему удивлению, получили личное послание от испанского короля Альфонса XIII, который приветствовал французских спелеологов, открывших и исследовавших в его королевстве ледяную пещеру, расположенную выше всех известных на земном шаре пещер такого рода.

XVI

Мартель — создатель и проповедник спелеологии

На следующий же день после нашей маленькой экспедиции в массив Гаварни и на Мон-Пердю мне пришла в голову мысль несколько модернизировать и усовершенствовать наши методы исследования, над чем раньше, как ни странно, я не задумывался. Возможно, что меня натолкнуло на это новое чувство — ответственность за мою спутницу, которая впредь должна была принимать участие во всех исследованиях, став моей деятельной и отважной помощницей. Короче говоря, я решил отказаться от походов босиком с жалким снаряжением и отказаться также от неудобных и опасных свечей. Эта реформа выразилась в приобретении двух ацетиленовых ламп и карманного электрического фонарика.

Наконец я смог действительно видеть под землей, а не передвигаться вслепую.

Однажды, когда Элизабет вышла из какой-то очень грязной пещеры в совершенно неописуемом виде — испачканная и порванная одежда, залепленные глиной волосы, — я решил, что теперь у нас будут костюмы из плотной ткани, так называемые комбинезоны, какими пользуются все спелеологи. Из соображений защиты от ударов падающих камней при вертикальных спусках мы решили носить каски. Недостатка в выборе у нас не было: к нашим услугам были шахтерские каски, мотоциклетные шлемы из мягкой резины, солдатские каски. Именно на эти последние и пал наш выбор, хотя, может быть, они были не самыми удобными. Конечно, на выбор повлияло то обстоятельство, что одна такая каска у меня уже была. Я носил ее еще во время войны, и она сохранилась у меня не потому, что я занимался расхищением военного имущества, а потому, что при демобилизации государство решило подарить их ветеранам.

Многие от них отказывались, другие брали как сувенир, но вскоре теряли или бросали на чердаке. Мало у кого они сохранились, и еще реже ими пользовались. Моя же каска вот уже более сорока лет прекрасно защищает меня под землей так же, как защищала с 1915 по 1918 год. К вмятинам, полученным в Шампани и под Верденом, добавились бесчисленные и безвестные вмятины, полученные в сотнях пещер и пропастей. Краска на каске тоже немало пострадала, но, несмотря на это, она почти не изменилась, во всяком случае гораздо меньше и не так бесповоротно, как тот, чью голову ей приходится защищать. В 1915 году это был бритый череп восемнадцатилетнего солдата-фронтовика, а в 1960 году она украшала седые виски спелеолога.

Я также использовал и истрепал до последней нитки другое военное наследие. Я хочу внести свою скромную лепту в великую историю, поскольку то, о чем я сейчас расскажу, теперь уже почти никто, кроме старых ветеранов, не знает. Во время демобилизации в 1919

Ридж — Мамонтова в Кентукки (США) — 233 км), Оптимистической (105 км) и Озерной (более 80 км) в Приднестровской Подолии (СССР).

¹ Это предположение малообоснованно, поскольку гляциально-нивальные процессы на поверхности в высокогорье (включая морозное выветривание) идут весьма интенсивно, вероятно значительно интенсивнее подземной эрозии (коррозии).

году тем, кто возвращался к гражданской жизни, был сделан еще один подарок. На выбор предлагали либо костюм из армейского темно-серого сукна, либо его стоимость деньгами, то есть пятьдесят два франка! Идея о гражданском костюме (очень необходимом тем, чей гардероб пропал за время, прошедшее с 1914 года), принадлежала бывшему министру, по имени которого костюм и стали называть — костюм Абрами. Конечно, костюм не был особенно элегантен, какого-то неопределенного фасона со стоячим воротником, обычно плохо сидящий, но зато оказался очень прочен, несмотря на то что под землей подвергался достаточно плохому обращению.

В 1926 году мы с женой, можно сказать, экипировались "с ног до каски" (я без труда нашел для Элизабет каску пехотинца, славную "бургундку").

Идея этой небольшой революции в одежде произошла, конечно, не без влияния и советов человека, сыгравшего большую и благотворную роль в нашей спелеологической деятельности. Этот человек — ученый Эдуард Альфред Мартель, создатель и проповедник спелеологии.

Еще в 1923 году, на другой день после моего одинокого посещения пещеры Монтеспан, я получил объемистый пакет с брошюрами, вырезками и статьями, в общем кучу материалов, относящихся к пещерам и спелеологии. Посылка сопровождалась письмом, которое повергло меня в изумление, ибо под ним стояла подпись "Э. А. Мартель". А ведь я полагал, что Мартель давно умер... Но оказалось, что он жив, и я много раз перечитывал его письмо, в котором всеми признанный учитель спелеологов делал мне комплименты по поводу моего "подвига" в Монтеспане и давал драгоценные наставления относительно моей будущей деятельности, а главное — советовал быть поосторожнее при моих похождениях, которые считал несколько необдуманными.

За этим первым письмом и первой подборкой материалов последовали другие, и между нами завязалась регулярная переписка. Позднее произошла первая встреча, затем еще много встреч, и в конце концов установилась прочная и прекрасная дружба на пятнадцать лет, то есть до самой смерти в 1938 году того, кто стал нашим другом и добрым гением.

В книге, посвященной воспоминаниям спелеолога, было бы непростительно обойти молчанием имя и деятельность этого большого ученого, ничего не сказав о том влиянии, которое он оказал, оказывает и всегда будет оказывать на все, что относится к спелеологии. Мы надеемся, что отчасти выразили нашу признательность, написав его биографию и вложив в нее всю душу.¹

Однако мне и здесь хотелось бы повторить, что Мартель, глубоко добрый, бескорыстный и всегда готовый прийти на помощь, стал нашим внимательным наставником, которому мы доверяли все наши планы и рассказывали о полученных результатах — успехах и неудачах. Нас разделяла сорокалетняя разница в возрасте, из-за которой нам никогда не пришлось встретиться под землей (за исключением одной прогулки в его подземном ленном владении Падирак), но тем не менее мы тесно сотрудничали. С помощью переписки мы подготовили совместно много экспедиций, и он всегда беспокоился и волновался за нас. Хотя сам он в период своей активной деятельности показал редкую храбрость, за других он всегда боялся и сильно нервничал. "Дорогая маленькая Мадам, — писал он моей жене, которую очень любил, — Вы знаете, как я протестовал против Вашего вторжения в беспокойную и опасную жизнь Вашего мужа. Я всегда проповедовал, что женщине нечего смотреть и нечего делать под землей. Вы убедили меня в обратном. Теперь я немного успокоился и счастлив, что Вы находитесь около него в моменты опасности, но я написал, что успокоился лишь совсем немного, так как оба вы слишком любите рисковать. Не дайте ему утопиться или разбить себе голову в каком-нибудь сифоне! Вы видите, что я прямолинеен до грубости. Но не забывайте, что у Вас, такой молодой, уже двое детей. Подумайте о них, а также подумайте обо мне, который чувствует себя Вашим соучастником и поэтому берет на себя ответственность за Ваши безумные предприятия, которых я бы не потерпел в те времена, когда сам занимался исследованиями".

1 N. Casteret. E.-A. Martel? explorateur du monde souterrain, P. R. F. Gallimard, 1943

Такие излияния чувств бывали у него крайне редко, так как обычно он был замкнут и переживал все глубоко в сердце. Он не любил длинных писем. Его собственные письма были очень краткими, но содержали много точных и драгоценных советов. Он охотно пользовался телеграфом (у меня в ту пору не было телефона). Бывали телеграммы с выражением восторга по поводу хорошей новости. Когда мы сообщили ему об открытии истока Гаронны, он ответил нам телеграммой: "Браво, брависсимо!" — но, разумеется, за нею последовало письмо.

Наша дружба зиждилась на том, что мы оба были самоучками и оба испытали в юности тоску по призванию, на пути к которому стояли различные житейские препятствия. Если я в свое время отказался стать нотариусом, то ему тоже пришлось перешагнуть свой Рубикон. Он был прикомандирован к коммерческому трибуналу департамента Сена, и казалось, ничто не предвещало, что он станет исследователем подземелий и прославится на этом поприще.

В ходе своей оригинальной и яркой карьеры геолога-любителя и подземного исследователя Эдуард Альфред Мартель создал нетленное творение, неотделимое от его имени. Мартель знаменит своими сенсационными открытиями — колодец Падирак, пропасть Рабанель, естественная шахта Арман, пещера Даржилян — и исследованиями, прославившими его от Португалии до Норвегии, от Кавказа до Скалистых гор. Его деятельность была исключительно плодотворной, и он принимал личное участие в бесчисленных экспедициях. Около полувека энергия этого исследователя интриговала, занимала и восхищала целое поколение спелеологов. Но для него самого даже наиболее рискованные исследования были лишь средством, конечно, героическим, но все же простым средством, служащим созданию новой науки — подземной географии, или спелеологии.

Он открыл сотни подземных достопримечательностей, и его исследования, часто опасные и всегда очень трудные, позволили накопить знания, количество и разнообразие которых до сих пор служат предметом удивления и восхищения. Несмотря на то что его гигантский научный вклад признан и оценен всеми, академия наук забыла присоединить его к когорте академиков. Приходится пожалеть также и о том, что для него не было создано кафедры в Коллеж-де-Франс. Правда, этот большой ученый имел только диплом адвоката и был всего лишь бескорыстным деятелем-любителем, а это звание очень трудно носить во Франции, где совсем не жалуют самоучек.

Все же почести выпали на долю Мартеля, и работа его была вознаграждена. Он был основателем и президентом Спелеологического общества, президентом Географического общества Парижа, руководителем Французского туристского клуба, руководителем журнала "Природа" ("La Nature"), президентом Национального комитета по геодезии и геофизике, членом Высшего совета гигиены, многократным лауреатом Французского института, командором ордена Почетного легиона и т. д. И наконец, редкая, поистине исключительная честь — ему довелось присутствовать при открытии собственного памятника, поставленного в сердце района, который раньше был забытым, но благодаря Мартелю и его открытиям стал центром туризма. Речь идет о Косее — районе, который, как он говорил, " всю жизнь предпочитал всем другим".

Не только многочисленные опубликованные работы и личный пример, но главным образом его врожденная доброта и благожелательность помогли ему завоевать много последователей, за деятельностью которых он наблюдал с большой заботой, полнейшим бескорыстием и совершенным отсутствием тайной зависти и горечи, а это самая возвышенная и самая редкая черта среди ученых. Его заботливость, благотворное влияние и помощь мы испытали на себе. Стоит полностью привести текст отчета Французской академии наук о присуждении Мартелю Большого приза ("Гран-при") по естественным наукам. "Начиная с 1888 года господин Мартель разрабатывал новую область человеческих знаний — спелеологию. По мере того как поверхность земли, ее долины и ее горы изучают все тщательнее, Мартель начал исследовать недра земли. Нет таких пропастей, в которые он боялся бы проникнуть, как бы устрашающи они ни были. Своим рвением он заразил других исследователей. Гигантские пещеры, феерические сталактиты, подземные реки показали нам,

что недра земли таят такие же чудеса, как и ее поверхность.

В течение многих лет исследование пропастей волновало всех только потому, что пополняло эстетические представления людей о природе. Никакого практического значения этому занятию не придавали. Но с 1892 года оно приобрело первостепенное экономическое значение. Изучение подземных вод оказывает услуги санитарии, и значение их начинают понимать лишь в последнее время, не даром ими очень заинтересовались общественные организации. Когда изучаешь труды господина Мартеля и множество сообщений, в которых он приводит факты, добытые в подземных экспедициях, видишь грандиозный объем его работы, сопряженной с трудностями и опасностями, и его редкий дар наблюдателя. Он начал с того, что был простым любителем природы, а стал благодетелем своей страны и человечества".

Мартель умер в 1938 году в возрасте восьмидесяти лет. Согласно воле покойного, его похоронили без всякой пышности, без речей, со всей возможной простотой. В молчании он покинул наш мир, слишком беспокойный и слишком забывчивый, чтобы возвратиться к подземной тишине, которую он так любил в течение пятидесяти лет, посвященных подземному мраку. К своей последней книге он поставил следующий эпиграф, проникнутый светлой грустью: "Искать утешения от огорчений, причиняемых тебе людьми, познавая природу и восторгаясь ее чудесами. Без корыстных интересов, без честолюбия любить науку и заниматься ею ради нее самой. А если труды окажутся незаконченными, передать орудия труда тому, кто придет на твоё место, и тихо перейти в вечный покой".

Вот очень кратко о человеке, удостоившем нас своей дружбой и делившимся с нами своим опытом.

XVII

Жиросп и Алькверди. Древнейшая и первобытная история

Книга воспоминаний спелеолога не должна и не может быть похожа на личный дневник, ведущийся день за днем, в ней невозможно полностью перечислить и дать подробные и скучные описания всех исследований, проведенных автором. Это значило бы злоупотреблять вниманием читателя, подобно тому как если бы альпинист вздумал рассказать на шестистах страницах о всех своих восхождениях, даже самых скромных и неинтересных, или если бы летчик подробно описал все тысячи налетанных им часов, а оперный певец сообщил, ничего не пропуская, о всех своих выступлениях.

Может быть, я отобрал слишком строго и скупое, решив рассказать лишь о двух десятках самых примечательных полостей в земной коре из примерно двенадцати сотен пещер, пропастей и подземных рек, которые я исследовал за полвека. "Отходы", как видите, достаточно большие, причем сам термин "отходы" неточен, поскольку для увлеченного спелеолога воистину не существует неинтересных пещер. На вид самая невзрачная из них может содержать так много загадок, что их не разгадает целый легион ученых.

В сентябре 1928 года мы с Элизабет часто ездили на велосипедах в районе Сен-Годенса в поисках пещер в окрестностях маленького городка Аспет. Однажды нам повстречался пастух, перегонявший через дорогу стадо овец (он гнал их на пастбище у подножия горы Жиросп). Пастухи — незаменимые помощники спелеологов. Они постоянно указывают на пещеры и особенно на пропасти, так как опасаются за овец, которые часто проваливаются в естественные колодцы. Пастух, которого я стал расспрашивать, заявил, что знает только одну пропасть, но зато знает хорошо (конечно, только сверху). Он даже собственноручно оградил ее ветвями, чтобы стадо не могло подойти к ней. Этот колодец, по-местному Путс Жель, находится высоко на лугу, где мы его, вероятно, легко найдем. Но мы уже привыкли к поискам далеко не всегда успешным. В случае неудачи мы всегда можем вернуться сюда в ближайшее воскресенье, когда пастух, охотник, дровосек или пахарь будут свободны и смогут проводить нас, что почти всегда они любезно предлагают сделать. Сейчас мы идем через лес и пытаемся разобраться в маршруте, описанном многословно, но весьма путано

встретившимся нам пастухом. Тот, кому приходилось расспрашивать встречаемых, как найти нужную улицу, и кто потом совершенно запутывался, следуя указаниям "направо", "налево", "третья улица по бульвару" и т. д., легко поймет, что получается, когда подобные объяснения относятся к таким сложным и трудно определяемым местам, как поля и леса.

Поднимаясь в гору через лес, мы так и не нашли следов проселочной дороги, которую, казалось бы, никак не могли пропустить. Идем наугад и ищем большое дерево, которое еще издали должно указать местоположение колодца Жель. Мы ищем с упорством охотничьей собаки. Чтобы повысить наши шансы на успех, идем врозь, и вот, когда я останавливаюсь сорвать яблоко, вдруг слышу, как Элизабет зовет меня. Я нахожу ее у подножия большого высокого бука. Она перешагнула через примитивную изгородь, о которой говорил пастух, и, наклонившись над колодцем, бросает в него камешки, которые летят несколько секунд, отскакивая рикошетом от стен.

— Какая глубина? — спрашиваю я.

— У меня слишком мало опыта в таком зондировании на слух, но, мне кажется, не менее ста метров.

Ошибки и преувеличение — явление обычное, можно сказать, классическое. Я беру камень величиной с кулак и бросаю его в пустоту в самом центре колодца, чтобы по возможности избежать ударов о стены. Камень летит со свистом, все же ударяется о стены и наконец падает, по-видимому, на осыпь, катится по ней и останавливается.

— Пятьдесят метров, — говорю я решительным тоном, — если учесть сопротивление воздуха, рикошеты и скорость возвращения звука, то есть весь комплекс факторов, который очень трудно поддается оценке.

Слишком много источников возможных ошибок, поэтому такого рода акустические зондажи почти всегда обманчивы. В данном случае, поскольку камень падал строго по вертикали, результаты оказались приемлемыми. Позднее, при спуске, взяв с собой лестницу и веревку, мы убедились, что дно колодца Жель находится на глубине пятидесяти двух метров.

Для обратного спуска на дорогу, где в канаве спрятаны наши велосипеды, мы выбираем другой склон горы, чтобы пройти через деревню Жиросп, где, как мне сказали, есть провал в земле прямо посреди улицы. Наше внимание привлекает выющаяся тропа, и мы ускоряем шаг. Метрах в двадцати слева я замечаю выход скалы. Заметить еще не значит увидеть, но теперь я рассматриваю его внимательно и вижу нечто похожее на вход или ложный вход в грот. Я показываю его Элизабет, и по обычаю, решив не пренебрегать никакими приметам подобного рода, мы направляемся к нему. Ничего интересного не обнаруживаем: совсем мелкая впадина метра два в глубину. Пока я пытаюсь объяснить моей спутнице, что существует много всяческих неровностей почвы, которые выглядят, как пещеры, но при ближайшем рассмотрении оказываются пустой видимостью, я замечаю, что впадина, о которой идет речь, кем-то нарочно завалена камнями. Часто так поступают охотники с норами и трещинами, в которых могут укрываться барсуки и лисы. Но в данном случае камни слишком велики и хорошо пригнаны. Кроме того, мох и лишайник покрывают их и соединяют в одно целое со скалой, свидетельствуя, что работа проделана очень давно. Меня охватывают сомнения, и я пытаюсь разобрать камни.

— Не знаю, есть ли под ними пещера, — говорю я жене, которая с удивлением смотрит, с каким жаром я принимаюсь за работу, — но мне кажется, мы скоро это выясним.

Растянувшись на животе, я вытаскиваю мелкие камни и передаю их жене, которая складывает их в кучу позади себя. Засунутые в щели камни крепко пригнаны друг к другу. Вытащив их, я открываю отверстие величиной с кулак и ввожу в него зажженную свечу, но она освещает плохо, так как я сам еще нахожусь на дневном свете. Удаленная земля и щебень уже образовали за нами небольшую горку. С трудом мне удастся вытащить из щели между двумя блоками известковую плитку. Образовавшаяся лазейка еще слишком узка для меня, но тоненькая Элизабет решила попытаться пролезть в нее ногами вперед и разведать, что находится дальше. Извиваясь, как червяк, она уже почти исчезла в дыре. Я сжимаю ее плечи,

расправляю складки свитера, чтобы не образовывалось валика, и наконец ей удается победить эту узкую щель, она успешно пролезает в нее и оказывается по ту сторону.

Я подаю ей свечу, она делает несколько шагов и возвращается, потрясенная.

Оказывается, это пещера! Почва идет под уклон, высота свода почти в рост человека, но так темно, что почти ничего не видно. Там, внутри, ей легче и удобнее, чем мне: ведь я работаю лежа, головой вниз. Она пытается увеличить проход, чтобы я тоже смог проникнуть внутрь.

Как я уже говорил, с недавнего времени мы начали применять ацетиленовые лампы, но сегодня мы отправились просто на рекогносцировку, и у нас с собой всего одна свеча. И с таким жалким освещением нам приходится исследовать пещеру!

С первых же шагов я слышу какой-то особенный хруст под ногами Элизабет. Землистый и очень покатым пол усеян человеческими костями и глиняными черепками. Нам приходится передвигаться с величайшей осторожностью, сильно нагнувшись, чтобы лучше "прочесать" пол.

На следующий день мы вновь оказались у входа в эту откупоренную нами пещеру, о которой никто не подозревал и которую мы называли пещерой Жиросп по названию деревни, расположенной у подножия горы.

На этот раз у нас с собой ацетиленовые лампы, и мы можем внимательно осмотреть всю пещеру, которая круто идет вниз и насчитывает в длину метров семьдесят при высоте свода почти в человеческий рост, а местами гораздо ниже. Однако все наше внимание поглощено полом, и мы убеждаемся, что многочисленные человеческие скелеты, в том числе несколько детских, не были захоронены. Они разбросаны в полнейшем беспорядке.

В дальнейшем вход в грот был полностью расчищен, и мальчишки вместе с самозванными археологами перевернули, переломали все внутри и растащили кости и черепа. Грот был разорен без всякой пользы для науки, и его исследование стало невозможным.

Что касается меня, то с самого начала я был очень заинтригован и сообщил о нашей находке академику Камиллу Жюльену, который всецело согласился с моими предположениями и даже подкрепил их историческим свидетельством, содержащимся в "Комментариях" Цезаря.

В "Комментариях" говорится, что при завоевании Галлии Цезарь, или, точнее, Помпей, поскольку речь идет о Пиренеях, много раз приказывал замуровывать в пещерах и душить дымом аквитанцев. Маленький грот Жиросп, по-видимому, был как раз одной из тех пещер, где замуровали и умертвили целые семьи несчастных галлов. Каменные блоки, закрывающие вход в пещеру, неопиcуемый беспорядок, в котором валялись скелеты, скудость бытовых предметов, — все это наводит на мысль, что пещера Жиросп была свидетелем убийства невинных жертв (присутствие детских скелетов отвергает предположение, что это могли быть пленные галльские воины).

Мы покинули эту мрачную пещеру с тяжелым чувством и больше в нее не возвращались: до такой степени потрясло нас зрелище, открывшееся нам, и мы живо представили себе ужасную трагедию, которая здесь когда-то разыгралась.

На следующий год, во время пребывания в Сен-Жан-де-Люз, куда я привез жену и детей (Рауля четырех лет и Мод двух лет), я прочесывал на велосипеде Страну Басков в поисках пещер. Проезжая мимо деревни Сар, увидел объявление о пещере, специально приспособленной для посещения туристов, и сделал крюк, чтобы побывать в ней.

Вход в грот Сар находится под очень живописным портиком, но сама пещера не оправдывает надежд, вызванных таким театральным входом. Коридоры пещеры очень заурядны, их не спасает даже хорошее электрическое освещение. Я шел по пещере вместе с группой туристов, приехавших на автобусе с гидом, который навязчиво указывал на формы и силуэты некоторых выступов скалы и сталактитов, пытаясь заставить нас согласиться, что они напоминают пагоды, статуи и даже окорока, подвешенные к потолку.

Но все же в этой пещере мне при шлось увидеть захватывающее зрелище. Проходя через один из залов, наш гид сказал что-то о доисторических людях, живших в пещерах, и,

повернув электрический выключатель, осветил один из закоулков, до этого погруженный во тьму. О, неожиданность! Мы увидели семью, собравшуюся у примитивного очага. У сложенного из дров костра (крестообразно положенные поленья были снизу подсвечены красной электрической лампочкой) сидели на корточках старик, женщина и двое детей с всклокоченными волосами, одетые в звериные шкуры, пожирая заднюю ногу каменного барана или северного оленя, а двое охотников, тоже одетые в шкуры, вооруженные дубинами, бросали к очагу тушу убитого ими медведя.

Вся эта группа, быть может, несколько наивная и грубая, представляла собой любовную и трогательную реконструкцию семьи мустьерской эпохи. Окружающая обстановка помогала воображению, и, можно сказать, все это выглядело весьма внушительно.

Эта группа (с тех пор она пропала, а жаль) обязана своим происхождением резцу, или, вернее, мастерку, художника Габа из По. Персонажи, одетые в настоящие меха, были, вероятно, сделаны из цемента, если учесть сырость в пещере. Ничего интересного, кроме этого мустьерского семейства, в пещере Сар нет, и все же она производила на туристов сильное впечатление. Под влиянием только что увиденного, полный мыслями о первобытном человеке, я направился на велосипеде к испанской границе, которую пересекает между двумя деревушками — Данчария и Данчаринья, разделенными рекой Нивель. На испанской территории я покинул дорогу в Пампелун и въехал в расположенный вблизи границы маленький известняковый массив, богатый пещерами. Здесь очень много подземных ручьев, и здесь же бытуют бесконечные рассказы и легенды о пещерах, проходящих под самой границей. В местности, где контрабанда пользуется большим почетом и где ею занимаются очень активно, подобных историй рассказывают много, и все принимают их за чистую монету. Я приехал не для того, чтобы искать подземные пути, соединяющие Францию и Испанию, а лишь желая внести в свой перечень еще несколько пещер. Я этим сжимался с большим упорством, помногу раз возвращаясь в эти места, а моя жена, которая не могла покинуть побережье, целыми днями плавала и ныряла и учила плавать Рауля и Мод.

Гроты Страны Басков носят характерные названия, в которых я несколько запутался: Мачингонья, Сукаррамурди, Селейтакорда, Жазизиоага. К счастью, плохая память на названия компенсируется у меня хорошей памятью на местность, благодаря чему я все же не заблудился в этих наваррских пещерах. Во многих из них мне удалось найти неолитические черепки и палеолитические стоянки, особенно в очень красивом подземном убежище под скалой по названию Эрроберрия около деревни Алькверди. На несколько метров выше по склону я нашел пещеру, вход в которую находился под довольно низким навесом шириной метров в десять. Глубина грота была около сорока метров, в нем было много весьма запутанных извилистых и узких ходов. Как и во всех подземных полостях, которые я посещал в этом районе, я тщательно обследовал стены в поисках наскальных рисунков, которые, по моим предположениям, должны были здесь быть.

В то время царила теория, что в этой части Пиренеев не существует "разукрашенных" пещер, то есть пещер с наскальными рисунками и живописью. Считалось, что в районе от Сен-Годенса (Монтеспан, Гаргас, Лабастид) до знаменитых кантабрийских пещер в окрестностях Сантандера и Бильбоа (Альтамира, Кастильо, Ла-Пасьега), то есть на протяжении двухсот километров, рисунков не существует.

Специалисты по первобытной истории называли это "зиянием" или "расщелиной" Западных Пиренеев. Никогда особенно не доверяя непогрешимым теориям кабинетных ученых, я был убежден, что рисунки и живопись доисторических людей могли вполне существовать в этой пресловутой "расщелине". Пещера Алькверди доказала мою правоту.

Пробираясь ползком по узкому ходу и освещая себе путь свечой (свет ацетиленовой лампы был бы слишком ярк для такого рода исследований), я водил пламенем свечи у основания стен, чтобы получить боковое мерцающее освещение, при котором лучше всего выявляются малейшие детали. Вдруг я с волнением увидел что-то еле нацарапанное, а несколько дальше голову быка, очень тонко выгравированную и едва заметную. Скала в этой пещере была сильно выветрена. В самом дальнем конце противоположного хода на гладком и

зализанном сталагмитовом натеке, испещренном именами и датами, которые оставлены современными посетителями, мне также удалось обнаружить почти невидимые, находящиеся в последней стадии разрушения силуэты животных — быков, оленей и лошадей. В течение пяти лет после посещения пещеры Монтеспан я не находил следов доисторического человека в пещерах, и теперь меня охватило сильнейшее волнение.

Сами рисунки в Алькверди не были сенсационными, но они, бесспорно, существовали. Мадленцы, посещавшие пещеры здесь, то есть в том месте, где теперь находится испанская Наварра, рисовали точно так же, как их современники из пещер Центральных и Кантабрийских Пиренеев. Итак, "расщелины" не оказалось, а в дальнейшем, после того как обнаружили рисунки в пещерах Истюриц и Тардец, это стало еще более очевидным.

Разумеется, Элизабет, ставшая пламенным спелеологом и убежденным палеонтологом, также захотела увидеть пещеру Алькверди. Вооружившись картой и подробной схемой, которую я сделал для нее, чтобы легче найти пещеру и рисунки, однажды утром она выехала из Сен-Жан-де-Люз на моем гоночном велосипеде, а я остался лепить пирожки из песка с Мод и Раулем.

Расстояние в оба конца составляло не более пятидесяти километров, а Элизабет была хорошим велосипедистом, поэтому, когда она не вернулась к вечеру, я начал волноваться. Особенно беспокоила меня одна подробность. Я рассказал ей, что в пещере Алькверди в глубине одного из ходов есть глухой колодец глубиной в восемнадцать метров, в который я спустился, соскользнув по длинному корню дерева, очень занятно свешивающемуся с потолка и доходящему до самого дна колодца. На плане пещеры колодец был отмечен, и я боялся, что Элизабет тоже пожелала в него спуститься и не смогла выбраться, или, вернее (поскольку Элизабет очень хорошо умела подниматься по гладкой веревке), что корень оборвался и она, может быть, раненная, лежит на дне колодца.

"Случается только непредвиденное", — говорил Наполеон, как я уже цитировал раньше. Причина задержки оказалась гораздо менее серьезной.

Чтобы иметь в запасе целый день, Элизабет выехала из Сен-Жан-де-Люз в пять часов утра и к шести добралась до границы у Данчарии. Пересекая пограничный мост через Нивель, она проехала мимо часового, дремавшего в своей будке, и таким образом она въехала в Испанию тайно. А при возвращении, когда она хотела вновь пересечь границу, у нее возникли затруднения. Ее объяснения показались часовому неубедительными, еще большее подозрение вызвало то, что у нее с собой не было никаких документов, что она ехала на мужском велосипеде, и что ее юбка была перепачкана мокрой глиной, а это казалось необъяснимым в августе при сильнейшей засухе.

Пытаясь наверстать потерянное время и поскорее вернуться в Сен-Жан-де-Люз, где, как она знала, я очень волновался, Элизабет мчалась на полной скорости, но все же несколько запоздала.

Однако, несмотря на это, она была в полном восторге от проведенного дня. Она видела рисунки и, конечно, спустилась в колодец, не желая упустить редкую возможность поупражняться в столь оригинальной гимнастике!

XVIII

Спелеологи на вершине горы Нетху

В предыдущих главах речь шла только о пещерах и пропастях, и можно подумать, что мы страдали геотропизмом, ценили только подземное существование и нас привлекала лишь полнейшая темнота.

Однако горы тоже пользовались нашим вниманием. Мы поднимались на многие пиренейские вершины, и, хотя рассказ о восхождениях может показаться неуместным в воспоминаниях спелеолога, я решил, чтобы избежать обвинений в чрезмерной специализации и профессиональных излишествах, рассказать здесь об одном из наших горных походов, в котором участвовала вся наша семья, то есть кроме меня еще моя мать,

жена и брат Марсиаль. Для таких походов мы выбирали маршруты не слишком трудные, чтобы идти можно было по нормальным дорогам, побродить по горам в свое удовольствие и испытать легкое головокружение от восхождения на прекрасные вершины.

Спелеолог может одновременно быть альпинистом и ценить горы за их вершины, а не только за находящиеся в них пещеры. Горы и в самом деле заслуживают того, чтобы их гордые пики изучали не меньше, чем их таинственные недра. Мы всегда так думали и действовали соответственно.

Восхождение на Нетху, или пик Ането, — один из самых интересных маршрутов в Пиренеях как по высоте (3404 метра), так и по прекрасным видам и чувству полнейшего одиночества — одной из привлекательнейших особенностей Пиренеев. К этому примешивается очарование от ходьбы наугад по пустынным просторам диких гор.

Пиренеи часто упрекают за то, что им недостает снежных вершин. Это замечание, может быть, справедливо для июля и августа, но никак не относится к остальным месяцам года. Все восхождения на Нетху — высшую точку живописного испанского массива Мон-Моди (Маладета) и всей цепи Пиренейских гор — начинаются от Баньер-де-Люшон.

Итак, от Люшона, или "Царицы Пиренеев", мы отправились на приступ царственной вершины испанских гор, начав его с тротуаров знаменитой улицы Алле-д'Этиньи, еще пустынной в начале мая 1928 года, а летом обычно заполненной элегантной толпой.

Наши мешки невероятно набиты, так как мы отправляемся на много дней, от этого мы кажемся горбатыми. Чтобы войти в темп, мы сразу же проходим десять километров. С самого выхода из Люшона испанская дорога идет вдоль Пика, бурного потока, вытекающего у пограничного перевала Венаск и вбирающего в себя потоки в долине Лис. В 1925 году на Пике был необычный паводок, причинивший большие разрушения, и в течение всего пути нам встречаются группы рабочих, воздвигающих защитные заграждения и дробящих взрывами гигантские гранитные блоки, которые загромождают русло реки. После паводка пришлось ремонтировать не только мосты, но и дорогу. У нового моста Рави мы оставляем долину Лис справа и идем дальше по долине, ведущей к Французскому Приюту, которого достигаем к концу дня после длинного подъема по лесистому склону.

Этот Приют поочередно принадлежал монахам Сен-Жан-де-Ерузалем, рыцарям Родоса и мальтийским рыцарям, дававшим путешественникам кров и защиту, теперь превратился в обыкновенный постоялый двор.

Дом стоит на поляне, у которой кончается Национальная Тулузская дорога, идущая здесь уже по испанской территории. Дальше дорога перестает быть проезжей, и идет лишь тропа для мулов, крутые петли которой, спрятанные под снегом девять месяцев в году, взбираются до перевала Венаск на высоте 2450 метров.

Приют открылся всего несколько дней назад, так как здесь, в высоко расположенной долине Верхней Гаронны, снег только что стоял, но уже вокруг расположились стада овец, перегоняемых на пастбища. Мы прокладываем себе дорогу среди стада крупных овец пиренейской породы и добираемся до двери, в проеме которой, как в раме, виден атлетический силуэт Гориллона, содержателя Приюта, и прославленного гида по району Люшона.

Вероятно, в этом году мы его первые постояльцы, и он извиняется за скудость своих припасов. Он удивляется, что мы решили совершить восхождение на Нетху в такое необычное время года, и делится с нами своими пастушескими заботами. Полчища полевых мышей опустошают необозримые пастбища Кампсор и Румингау, медведи стали слишком дерзкими, и под их когтями уже погибли восемь овец и прекрасная собака пиренейской породы. Стада нельзя ни на минуту оставлять без присмотра, и на ночь, вместо того чтобы держать их на высокогорных пастбищах, приходится сгонять вниз до самого Приюта, где они находятся под охраной больших сторожевых псов.

На следующий день в пять часов утра, пока мы медленно, как и полагается в начале пути, идем по лесистым склонам долины в верховьях Пика, нас нагоняет, окружает со всех сторон и обгоняет бескрайнее стадо овец, совершающее свой ежедневный переход на

пастбища.

Пастух на ходу приветствует нас на грубоватом пиренейском наречии. Он показывает на тучи, выползающие из-за пограничного гребня, предсказывает грозу и советует нам не идти на Венаск, где сегодня будет много обвалов. Действительно, хотя путь через перевал Венаск кратчайший, но в такое время года он очень опасен, и в этом году там уже погибли под обвалами три испанца. Поэтому мы решаем пересечь границу у Пор-де-ла-Пикад, где местность более открыта и менее подвержена обвалам.

Не успели пастух и стадо скрыться за поворотом, как мы услышали неясный, но сильный грохот. На другой стороне долины с вершины горы Пик, гордо устремленной в небо, срывается лавина — первая, которую мы видим за сегодняшний день. Это зрелище нам хорошо знакомо, но оно неизменно захватывает и производит сильное впечатление, и мы как знатоки оцениваем его зловещую неистовую силу.

В восемь часов утра пастбище плато Кампсор, исполосованное языками снега и покрытое светлыми движущимися точками — овцами, остается далеко позади. Мы подходим к границе снега.

Прежде чем вступить на снег, который нам придется теперь месить часами, мы принимаем меру предосторожности из-за слепящего солнца (совершенно неэффективную, но принятую в то время) — покрываем лицо угольной пудрой.

Снег хорош, он не покрыт ледяной коркой, не слишком рассыпчат и хорошо "держит". Мы спешим добраться до Пас-де-ла-Мунтжуай, седловины в пограничном гребне, открывающей доступ в испанскую долину Жуэу.

Дойдя до этого маленького перевала, мы продолжаем подниматься по гребню и медленно приближаемся к пику Эскалетте, причем часто получается так, что одна нога у нас находится во Франции, другая — в Испании. Множество белых куропаток взлетает из-под ног, мы любимся тонкими цепочками на снегу — следами пиренейских серн.

Из-за длинного перехода и встретившихся препятствий мы немного задержались и теперь с явным удовольствием доходим до того места, откуда видна большая ложбина, ведущая к перевалу Пикад. Здесь мы вдруг ощущаем сильнейшую усталость. Защищенные от высокогорного ветра, который вверху умерял ярость солнца, мы чувствуем себя как в пекле, а снег, который был достаточно плотным до сих пор, становится прескверным.

Это тот самый тяжелый снег, которого так боятся на Пиренеях и где он часто встречается. Вот и сегодня мы страдаем от жары, а тем временем ноги наши мерзнут в тающем снегу. Но мы слишком любим горы и не боимся трудностей, поэтому, несмотря на необычное нарушение физического равновесия из-за холода в ногах и удушливой жары, становящейся еще нестерпимее от сильного отражения солнечных лучей, и от тяжести наших мешков, лямки которых больно впиваются в плечи, мы упрямо, как муравьи, шаг за шагом поднимаемся к перевалу. Идущий впереди, на долю которого приходится изнурительная и неблагодарная задача прокладывать след в рыхлом снегу, старается набирать высоту, часто меняя направление.

При этом он может дать себе полную свободу, так как уверен, что его команда слепо последует за ним, прилагая все внимание, чтобы использовать его следы и поставить свою ногу прямо след в след. Передовиком становятся все по очереди. Время от времени тот, кто прокладывает след, устает, делает шаг в сторону и переходит в хвост группы, где наслаждается сравнительным отдыхом, передвигая ноги по утопанному снегу и не заботясь больше ни о чем, тогда как новый передовой, лишившись возможности идти механически, поднимает глаза, устремляет взор на все еще далекую цель и продолжает в свою очередь прокладывать извилистый путь тяжелым спотыкающимся шагом, оставляя свои следы на ослепительном снегу. Хоть мы и не станем повторять слова знаменитого альпиниста и талантливого писателя (который, кстати, не нес сам свой рюкзак): "Ходить по горам — наслаждение", — но все же скажем, что, несомненно, в течение первого часа восхождения организм адаптируется и образуется некая привычка, как к любому упражнению на выносливость, благодаря чему можно идти подряд десять, двенадцать часов, не ощущая

усталости.

Наконец мы достигаем перевала. Мы дружно сбрасываем на снег мешки. Одышка, появившаяся в результате последнего усилия, быстро проходит под резким холодным ветром, дующим здесь, как и почти всегда в расселинах горных цепей. Этот живительный ветер восстанавливает наши силы за несколько минут.

Одного вида достаточно, чтобы заставить нас забыть всю усталость. Властно привлекает взоры изумительный массив Мон-Моди, от которого нас отделяет лишь дикая долина. Глаз охватывает его целиком во всем его одиноком великолепии — от гигантских лент ледников до пятнадцатикилометрового гребня с острыми зубцами. Но больше всего привлекает внимание снежная вершина Нетху, самая высокая из всех, наша цель. С трудом верится, что завтра к этому времени мы преодолеем столько препятствий и заберемся так высоко.

Сейчас мы находимся на границе двух провинций — Каталонии и Арагона. Здесь же проходит европейский водораздел: на западе воды текут в Атлантику, на востоке — к Средиземному морю.

Эрудит нашего каравана не преминул напомнить своим спутникам эти гидрологические и географические сведения. За географией последовала история. Он же напомнил нам, что на этом самом перевале Пикад (который тогда не был покрыт снегом, так как дело происходило в разгар лета 1711 года) во время конфликта между Филиппом V и эрцгерцогом, послужившего поводом для войны за испанское наследство, батальон французской пехоты дал бой и победил испанских пехотинцев.

Маленький караван, подбодренный едой, отдыхом и рассказом о почти неизвестной эпохе, снова тронулся в путь.

С перевала Пикад мы должны спуститься глубоко вниз, в долину под названием Долина Прудов, и мы спускаемся быстро на большой скорости, скользя на "салазках" (то есть попросту сидя на снегу, который на этом склоне, к счастью, твердый), с вытянутыми вперед ногами, плотно сжатыми пятками и крепко держа в руках альпеншток, служащий нам рулем, а при необходимости — тормозом.

Далеко не все видели такое скольжение и испытали пьянящее чувство головокружительного спуска, во время которого тело освобождается от усталости. Позже мы рассказывали, как, с трудом за час преодолев последний покрытый снегом участок на склоне Мон-Пердю, на спуск мы затратили всего каких-нибудь одиннадцать минут. Такие скоростные спуски не обходятся без падений, но на "салазках" так же, как на лыжах, падения скорее "живописны", чем опасны. Все же после неизбежных падений, несколько оглушенные и совершенно мокрые от снега, мы все четверо оказываемся на дне долины. Знаменитый пиренеист граф Руссель сравнил это место с долиной Иосафат. Может быть, летом скалы из выветренного известняка и гигантские сосны, поблескивающие белесоватыми стволами, из которых многие засохли от старости, погибли от удара молнии или были с корнями вырваны бурей, — все это представляет довольно приятное зрелище, но в это время года с массой снега и множеством мелких озер, в большинстве покрытых льдом, Долина Прудов очень напоминает Арктику.

Одно из этих озер необычайно зеленого цвета, который бывает лишь в горах, показалось нам таким прелестным, что мы почти инстинктивно останавливаемся на отдых на его берегу, и также инстинктивно, повинаясь давней привычке, мы с Марсиалем вынимаем из мешков купальные трусы, раскладываем промокшую и испачканную одежду на куске гранита, освещенного солнцем, и с разбегу ныряем в озеро, ледяная вода которого моментально расслабляет все тело и вызывает благотворную физическую реакцию, благодаря которой выходишь из воды, совсем не ощущая холода, и не дрожишь, а чувствуешь себя полным энергии, в прекраснейшем расположении духа. После купания мы прыгаем по снегу, ожидая, пока наша одежда немножко подсохнет. В это время другая половина каравана дремлет на гранитных плитах.

Мы хотели здесь немножко отдохнуть, прежде чем отправиться к Рефуж-де-Ранклюз,

но со стороны Венаска надвигается гроза и тучи уже выются над Маладетой, подгоняя нас поскорее достигнуть пристанища.

Ранклюз! Наконец мы до него добрались. Новое здание, но двери заперты и ставни закрыты, к дому прибита доска с надписью: "Каталонский экскурсионный центр". Этот горный приют открывается лишь в июле, а сейчас он на запоре. Мы направляемся к находящейся по соседству лачуге. Эта скромная хижина служит приютом тем немногим альпинистам, которые отваживаются прийти сюда не в сезон. Увы! Легкомыслие или недоброжелательство — явления интернациональные, и здесь так же, как когда-то на Мон-Пердю, мы застаем окна и двери открытыми, а внутри помещения снегу намело более чем на метр. Из-под снега выступает только дощатая верхняя койка. И на том спасибо.

В Пиренеях надо всегда заранее подготовить себя к мысли, что спать будешь плохо, если вообще придется спать, и ночевка в Ранклюзе, которую мы провели, не защищенные от ветра, на досках, всего лишь в десяти сантиметрах над снегом, подтвердила наше мнение о ненадежности горных приютов. Мы поспешили сократить свой ночлег.

В четыре часа утра (луны не было, и мы не могли выйти раньше) кофейник уже кипел на спиртовке. Через несколько минут, оставив большую часть груза в лачуге, мы тронулись в путь и побрели в темноте к нашей весьма отдаленной цели, тем более проблематичной, что никто из нас дороги не знал.

Поднимаясь по долине вдоль русла потока, вытекающего из озера Падерн, который трудно различить под плотным снегом, мы дошли до гигантского фирна, скованного ночным холодом. Надо спешить, так как ясное небо и заря, занимающаяся на востоке, предвещают солнечный день.

Идем, борясь с одышкой, с мелкими задержками, свойственными началу восхождения. Один останавливается поправить покосившийся мешок, другой — чтобы энергично потереть уши, а третий оделся слишком тепло, вспотел на подъеме и теперь снимает с себя свитер, исчезающий в зияющей пасти мешка, куда его заталкивают кулаком, быстро затягивая веревку, словно для того, чтобы мешок не успел слишком раздуться.

Мы идем уже около часу, и неплохо было бы передохнуть. Останавливаемся, чтобы отдышаться и осмотреться. Приют Ранклюз далеко внизу, и видно, как наши следы, начинаясь внизу, в долине у потока, вытекающего из озера, не прерываясь, доходят сюда к нам.

Озеро Падерн, или, вернее, место, где оно находится, мы узнаем по большой впадине. Это и есть озеро, ледяная поверхность которого покрыта толстым слоем снега.

Поднимаясь на Мон-Моди, мы видим только ту ее часть, где выступает гребень Портиллон, который мы должны пересечь, чтобы добраться до ледника Нетху. Перед нами с севера виден до мельчайших подробностей весь пограничный гребень, который мы вчера преодолели. На седловине перевала Пикад отчетливо видны следы наших вчерашних "салазок", и каждый пытается определить свой след.

Но сейчас у нас перед глазами начинается новое зрелище. Поочередно (в зависимости от положения и высоты) на пограничных пиках загорается "альпийский рассвет". Феерия длится недолго, но сегодня интенсивность красок просто удивительная: косые лучи солнца окрашивают снег то в розовый, то в красный цвет, а скалы и крутые склоны, лишенные снега, принимают различные оттенки розовато-лилового, фиолетового и золотистого цвета. Яркость и нежность красок контрастируют с еще погруженной в мрак остальной частью пейзажа.

Но надо снова трогаться в путь и подниматься по еще не освещенной стороне на гребень Портиллон, все зубцы которого четко вырисовываются на фоне светлого неба. "Альпийский рассвет" закончился, вершины озаряются все ярче, но солнце от нас еще скрыто гребнем, к которому мы приближаемся.

Снег плотный, и каждый может идти как хочет. Мы видим, как Марсиаль поднимается вверх большими шагами, обгоняет нас и останавливается на вершине покрытого снегом гранитного выступа, в данный момент скрывающего от нас гребень Портиллон. Вот-вот

появится солнце. Небо освещается все сильнее, и снежный выступ также, как силуэт моего брата, окружен сиянием.

Здесь мы впервые стали свидетелями феномена, который затем наблюдали часто. Та часть неба, где должно появиться солнце, наполняется сверкающими точками, которые быстро движутся, некоторые из них, приблизившись к силуэту Марсиаля, гаснут на лету, другие, наоборот, увеличиваются.

Летающее впереди и выше нас насекомое помогает нам понять причину такого явления. Его крылья уже освещены лучами солнца, а мы еще находимся в тени, и нам кажется, что насекомое светится. Оказывается, все эти искорки, парящие в воздухе, — насекомые. Но самое удивительное, что благодаря эфемерному отблеску их можно видеть в полете на расстоянии более двухсот метров. Различать простым глазом мошку или комара на расстоянии вдвое больше, чем выстрел из ружья. Поразительно!

Нам хочется получить объяснение еще одного факта, правда менее удивительного, но начинающего нас интриговать. На что смотрит стоящий там тихо и неподвижно Марсиаль, который теперь делает нам знак поскорее подойти к нему? К сожалению, мы слишком поздно присоединились к нему, чтобы полюбоваться играми целого стада резвящихся серн, которые при нашем приближении убегают с удивительной быстротой.

Гораздо менее изящно и быстро, чем они, мы тоже добираемся до бреши, куда скрылись серны, и наконец нам видна Нетху, от которой нас отделяет спускающийся с нее ледник — обширная нетронутая ледяная пустыня с небольшим уклоном.

Мы находимся на перевале Портиллон, давшем свое имя длинному гребню, тянущемуся с севера на юг и разделяющему два больших ледяных массива. Поту сторону Нетху виден перевал и пики Короне, Мильо, перевал Моды и пик Маладета, который доминирует над всеми. Маршрут кажется очень простым: достаточно пересечь ледник по диагонали, идти по направлению к перевалу Короне и оттуда, взобравшись на пики Дом и Эполь, достичь вершины Нетху.

Хотя у нас нет ни малейших сомнений относительно направления, мы вскоре встречаемся с труднопроходимым препятствием. Талый снег очень затрудняет весеннее восхождение, и нам приходится барахтаться в нем в течение многих часов.

Во время этого длительного испытания, когда отражение солнечных лучей и сильная жара преследуют нас на всех изгибах ледника, мы думаем лишь об одном — во что бы то ни стало добраться до перевала Короне! Мы предпочли бы идти по скованному морозом и сильно пересеченному трещинами леднику, как это бывает в конце лета, чем увязать при каждом шаге в тяжелом мокром снегу.

У перевала Короне, до которого мы в конце концов все же добираемся, пытаемся найти указанное на карте замерзшее озеро. Уж не собираемся ли мы в нем искупаться? Нет, приходится умерить свой пыл: на такой высоте в это время года вода встречается только в виде снега и льда. Оставив у перевала мешки и всю поклажу и взяв альпенштоки, мы поднимаемся по очень крутому склону Дома и подходим к небольшому уступу под названием Эполь, где нас встречает резкий ледяной ветер, несущий странные косматые тучи. После удушливой жары мы сразу начинаем страдать от холода, тем более что оставили мешки на перевале и нам нечего на себя надеть.

Нам не терпится поскорее увидеть вершину и знаменитый Мост Магомета — единственное действительно трудное место на всем нашем маршруте, о котором гиды всегда говорят, употребляя эпитеты "головокружительный" и "опасный". Это очень узкий, возвышающийся над пропастью тридцатиметровый гребень. Название Мост Магомета происходит по аналогии с лезвием сабли, по которому, как по мосту, должен пройти каждый магометанин, чтобы попасть в рай.

Вероятно, мы уже приближаемся, так как склон, по которому мы идем, выгибается и суживается. Дойдя до одного из уступов, мы останавливаемся пораженные. Вершина вот здесь, совсем близко, но нас приковывает к месту и гипнотизирует не она, а необозримая, разворачивающаяся перед нашими глазами панорама. Кажется, будто ты попал в какую-то

неведомую страну и открыл никому не известную горную цепь, но все же постепенно мы начинаем узнавать и называем многие вершины, на которых уже побывали, — от Арьежа и Андорры до массивов Гаварни и Балайту.

Трудно описывать такие виды и, кроме того, что значат названия или сведения о высоте над уровнем моря и даже о границах государств? Перед диким великолепием заснеженной горной цепи, особенно если смотреть на нее с самой высокой центральной вершины, все кажется таким мелким и суетным.

После первого взрыва восторга мы возвращаемся к мысли, как преодолеть несколько метров, отделяющих нас от вершины, на которой виднеется пирамида, сложенная из нагроможденных камней. Самый беглый взгляд на Мост Магомета говорит нам, что в это время года он непроходим:

узкое лезвие гребня одето снежной бахромой, она свешивается с обеих сторон над пустотой в виде воздушного карниза. Невозможно вступить на опасный балкон, который не выдержит даже легкой серны. На этом наше восхождение придется закончить.

С совершенно мусульманской покорностью судьбе, как и подобает перед Мостом Магомета, один из нас пишет ледорубом на снегу всего одно слово: "Мектуб".¹

Прежде чем окончательно покинуть крышу Пиренеев, мы еще смотрим на недостижимую для нас вершину и на Мост Магомета, на середине которого можно различить маленький железный мальтийский крест, выступающий из снега. Хотела ли таким образом католическая Испания приблизить к христианству это место с названием, данным ему "неверными", или же этот крест поставлен для того, чтобы каждый, проходя мимо него, уповал на милость бога?

Это мы узнали только через два дня, расспросив арагонского пастуха, которого мы встретили в долине Эзера у перевала Венаск.

Крест стоит здесь в память погибших: немецкого альпиниста и его испанского проводника, убитых ударом молнии во время грозы на этом мрачном узком гребне.

— Теперь я понимаю, почему массив назван Маладета, — сказал один из нас. Страшное одиночество, коварные ледники, нависающие вершины, ужасные бури — в самом деле "проклятые горы".

— О нет, сеньора, совсем не поэтому, — возразил пастух и продемонстрировал нам, что расхождения во мнениях бывают даже при самом здоровом подходе, — они прокляты потому, что не родят травы!

XIX Грот Рычащего Льва

Весной 1930 года я приехал на велосипеде в маленькое селение Лябастид-де-Нест, расположенное у начала плато Ланнемезон в сорока километрах от Сен-Годенса.

Через это любопытное селение, построенное на дне глубокой впадины, протекает ручей, который затем попадает в просторный зал, где в глубине пол смыкается с потолком. Здесь ручей исчезает в очень узкой и никем не исследованной расщелине, а в двух километрах ниже вновь появляется с другой стороны горы у деревни Эспаррос.

Я знал об этом уходящем под землю ручье уже в течение семи лет. Друг отца Леон Дюкасс, прокурор республики в Тулузе, рассказал мне о нем на следующий день после моего похода в пещеру Монтеспан.

— В моих краях, — сказал он (он был родом из Лябарт-де-Нест, деревни, находящейся неподалеку от Лябастида), — тоже есть уходящий под землю ручей, и, может быть, вам удастся и там найти следы доисторического человека, как у ручья в Монтеспане.

И он добавил, что, по рассказам, в Лябастиде, также как в Монтеспане, утки, плывшие по подземному ручью и прошедшие под землей, выходили на свет "слепые и без перьев". Сюжет удивительный, но относительно пещер распространенный в фольклоре народов всего

¹ Мектуб (арабск.)? "предназначение". (Прим. перев.)

мира.

Конечно, сегодня я приехал в Лябастид лишь затем, чтобы попытаться исследовать то, что сейчас находится у меня перед глазами: большой свод, обширный зал, по которому с журчанием бежит и пенится ручей, и зловещую щель, куда исчезает этот бурный и весьма холодный в начале апреля поток.

Со времени моих приключений в Монтеспане мне пришлось исследовать уже немало подземных потоков, причем иногда очень глубоких, как, например, ручей Изо, по которому я плавал в лодке. Здесь, в Лябастиде, не было сифона, как в пещере Монтеспан, просто вода быстро и с шумом уходила в очень низкий ход. Первым делом я разделся догола, спрятал одежду в кустах у входа в пещеру и подошел к расщелине, чтобы попытаться проникнуть в нее ползком на животе головой вперед. У меня в берете был спрятан коробок спичек. В затопленной водой очень узкой щели, по которой я передвигаюсь с величайшим трудом, мне еще приходится огибать выступающие из воды камни, иногда достигающие до самого потолка. Кроме того, беспокоят пласты глины, в которых я глубоко вязну, хотя они облегчают передвижение, так как, погружаясь в них, я отдаляюсь от свода.

Пройдя сорок метров все время по воде, я дошел до полного и непроходимого сифона. Здесь ручей уходит в отверстие такое узкое, что в него невозможно даже просунуть голову. Препятствие гораздо более трудное и серьезное, чем в пещере Монтеспан. Подобные сифоны называют "прокатный стан".

Приходится повернуть назад, так как я лежу плашмя в холодной воде и меня пробирает дрожь. Продвижение ползком, сведенные мускулы, низкая температура и нервное напряжение утомили меня, я дышу с трудом и решаю передохнуть несколько минут на крохотном песчаном пляжике, который я нащупал рукой. Подползаю к нему и подтягиваюсь как можно выше, чтобы вылезти из воды, в которую я все еще частично погружен. Но внезапно я скольжу по песку и оказываюсь под немного более высоким сводом, где можно посидеть и отдышаться перед обратной дорогой.

Я мечтал только о том, чтобы иметь возможность где-нибудь посидеть, а вместо этого попал в продолжение пещеры, по которой могу передвигаться сначала на четвереньках, потом согнувшись, а затем даже во весь рост. В полном восторге обхожу большой высокий зал кругом и нахожу продолжение — неровный извилистый ход. Проникаю в него, воодушевленный неожиданным поворотом судьбы, приведшим меня из труднопроходимой, заполненной водой узкой щели в большую неизвестную пещеру.

Я лихорадочно двигаюсь вперед. Но, может быть, я слишком спешу? Или простудился в холодной воде? Я чувствую себя каким-то ослабевшим и подавленным, в ушах звенит, виски ломит. Никогда в жизни я не падал в обморок, но сейчас, кажется, это произойдет. Я уже прислоняюсь спиной к стене, но потом рывком возвращаюсь в зал и сажусь на камень. Дыхание восстанавливается, головная боль проходит, и я начинаю понимать, что произошло. За поворотом коридора, по которому я доверчиво шел, меня подстерег самый опасный и коварный враг спелеологов — углекислый газ. Это редкое явление, и поэтому оно очень опасно. Газ незаметно накапливается под землей. Никто об этом не подозревает, поскольку он лишен запаха. Теперь я всеми легкими вдыхаю чистый воздух зала, и бронхи мои оживают. Я вспоминаю деталь, подтверждающую присутствие этого смертоносного газа в коридоре: пламя ацетиленовой лампы, сейчас горящей нормально, уменьшилось и пожелтело как раз тогда, когда я почувствовал себя плохо. Пламени тоже не хватало кислорода.

Я колебался между любопытством и страхом, но мне очень хотелось проверить свою догадку. Медленно, осторожно я вновь делаю несколько шагов по коридору. И вновь ощущаю первые признаки отравления, по-своему их чувствует и моя лампа. Получив подтверждение своей гипотезы, я поскорее поворачиваю назад, спеша вернуться в безопасное место в зале, где все опять приходит в норму.

Я еще никогда не встречался в пещере с такого рода опасностью. Привык к препятствиям, трудностям, опасным ситуациям, но встреча с этим скрытым и смертоносным врагом, притаившимся где-то за поворотом, как легендарный дракон, производит сильное

впечатление и отрезвляет меня. Значит, в пещерах тоже есть свои темные и дурные стороны? Да, безусловно. Известны пещеры, где углекислый газ присутствует постоянно, особенно часто это наблюдается в вулканических районах, и некоторые из таких пещер никогда не удастся исследовать.

Возвращение по воде ползком подействовало на меня как очистительная ванна. С необычайной радостью увидел я вновь голубое небо, солнце, зелень и синиц, посвистывающих в кустах орешника под навесом скалы.

Мне повезло: ведь если бы содержание углекислоты было повыше, я свалился бы как подкошенный. Обычно так и происходит, как мне позднее рассказал Мартель. Ему тоже пришлось познакомиться с действием углекислого газа.

Однажды он спустился по веревочной лестнице в пропасть Кре-дю-Суси (в Пюи-де-Дом), но так и не смог приблизиться меньше чем на четыре метра к берегу подземного озера, на котором плавала его заранее спущенная лодка. Над поверхностью воды скопился плотный слой углекислого газа. По неопытности или из упрямства Мартель пытался сопротивляться действию ядовитого газа и выиграть еще один-два метра, чтобы лучше рассмотреть размеры зала с озером. Но ему удалось лишь испытать на себе всю гамму обычных в таких случаях симптомов — нарастающее мучительное удушье и головокружение. Одновременно он заметил, как померкло его освещение. Все это дорого ему обошлось: его подняли на поверхность в жалком состоянии, и пришлось принимать специальные меры, чтобы привести его в чувство.

В 1903 году во время путешествия по Кавказу Мартелю представилась возможность посетить расположенную на побережье Черного моря, в Мацесте, очень интересную пещеру, из которой вытекает горячий источник. Дойдя до конца пещеры, он нагнулся, чтобы измерить температуру подземного источника, и упал без сознания под действием сероводорода. Его с трудом спасли.¹

Через месяц я вернулся в Лябастид и по тому же водному пути проник в коридор, в котором меня остановил углекислый газ. Я знал, что этот "бродячий" газ легко перемещается, и, надеясь, что, может быть, на этот раз его не окажется на старом месте, решил попытаться счастья. Мое упрямство было вознаграждено: я не встретил никаких следов СО₂ и смог исследовать пещеру еще на целый километр до большого зала, где нашел подземный ручей и глубокое озеро, которое пересек вплавь (со свечой, укрепленной на лбу резинкой), добравшись таким образом до сифона, преградившего мне дальнейший путь.

Это исследование граничило с безрассудством, которое я допускал во время первых занятий спелеологией. Пересечь озеро, расположенное так глубоко под землей, было, конечно, далеко не безопасно. Но это дало мне возможность достигнуть конца пещеры и убедиться, что пройти под горой и выбраться на дневную поверхность невозможно.

И все же это произошло. Через месяц после моего первого знакомства с подземной рекой Лябастид я вновь находился под большим сводом и грелся на солнышке. Затем, не одеваясь, так как я всегда охотно возвращался к своим старым методам, направился к другой расположенной поблизости пещере. Эта пещера находится на дне глубокой впадины (нечто вроде провала), и ее свод (около двенадцати метров в ширину) выходит во вторую внутреннюю пропасть, которую можно обойти по естественному карнизу. Я добираюсь до входа и предпринимаю второе за этот день исследование. Но сразу же начинаются неприятности. Горелка лампы стукнулась обо что-то, когда я выходил из подземного ручья. Она скривилась, горит еле-еле и коптит. Как всегда, настроенный слишком оптимистически, чтобы не сказать — легкомысленно, я не захватил с собой запасной горелки, и мне пришлось довольствоваться этим скудным освещением.

Пещера становится все больше, и по резонансу я угадываю величественную галерею, противоположную стену которой я, к сожалению, не могу разглядеть. Это неприятное обстоятельство заставляет меня идти все время вдоль правой стены. Так я по крайней мере

¹ Этот случай описан Э. А. Мартелем в большой прекрасно изданной и иллюстрированной книге "La Cote d'Azur Russe (Riviera du Caucase)" (Paris, 1909), посвященной его кавказскому путешествию.

уверен, что не заблужусь.

Практически я совершенно не вижу пещеры, но все же мне удастся продвинуться очень глубоко, следуя по трудному и сложному маршруту. Я уже поднялся по крутому земляному склону, пересек нагромождение камней, преодолел много выступов. Пересек даже какую-то топь длиной метров в двадцать, шлепая по очень жидкой глине и увязая в ней. Обычно это указывает на то, что поблизости есть озеро, но здесь я не встречаю водной поверхности, наоборот, почва вновь становится сухой и неровной. Я попадаю в маленький зал, которым, как мне кажется пещера (или по крайней мере одно из ее ответвлений) заканчивается. Здесь потолок на высоте человеческого роста практически горизонтален. Почва тоже совершенно ровная, без всякого уклона. Впечатление такое, что она снивелирована и как будто утрамбована.

В этот миг мне начинает казаться, будто я все это уже где-то видел, возникает какое-то неясное воспоминание, которое вдруг становится отчетливым, и перед моим мысленным взором встает зал с медведями в пещере Монтеспан, ведь там тоже пол был утрамбован.

По ассоциации я начинаю инстинктивно осматривать стены, то есть продолжаю делать то, что не раз проделывал под землей. Но сегодня испорченный фонарь дает слишком плохое освещение, и это должно было бы уже давно побудить меня вернуться просто из-за самой элементарной осторожности. Но разве можно повернуть назад под сводами незнакомой пещеры!

Итак, я почти касаюсь камней мерцающим и коптящим пламенем там, где из-за низкого потолка мне пришлось присесть на корточки. Вдруг я ощущаю особое состояние, которое уже испытывал раньше и которое трудно, думаю, даже невозможно описать. Я увидел нацарапанную черту, потом еще несколько, и вот, потрясенный, задышавшись от волнения, я смотрю на великолепно выполненную голову льва!

Этот мадленский¹ шедевр представляет собой голову льва в профиль, нарисованную в натуральную величину с неподражаемым искусством. Лев рычит, пасть его разинута, клыки угрожающе обнажены. Дикий зверь рычит в глубине пещеры Лябастид. Он рычит уже двадцать тысяч лет, с того самого дня, когда при пламени жирового светильника, такого же коптящего, как и мой сегодняшний фонарь, дикий охотник встал на колени в том же самом месте, где я сам сейчас стою на коленях. Здесь на глине остались отпечатки его колен, и вот теперь я как бы сливаюсь с ним своим присутствием и преемственностью, которая связывает нас через века.

Тот человек, одетый в грубую накидку из шкуры, почти голый и босой, как и я сейчас, взял острый камень и задумался в глубокой тишине и мраке пещеры. Может быть, он еще не владел даже членораздельной речью и его неясный, окутанный туманом разум с трудом пробуждался среди ему подобных, навсегда таинственных предков человека. И вот он стал рисовать. Одним штрихом, без всякого наброска, без возможности исправить он одним росчерком изобразил голову льва. Несмотря на плохое освещение, неудобное положение, неровности скалы, этот великий художник-анималист нарисовал по памяти расвирепевшего льва грубым кремневым орудием. Кто из современных художников отважился бы повторить подобный опыт?

Я, человек XX века, со всей его цивилизацией, культурой, эволюционным развитием, накопленным более чем за двести веков, прекрасно понимаю, что ничего не стою по сравнению с пещерным человеком — охотником за львами из пещеры Лябастид. Если бы я вздумал нарисовать льва по памяти, мне бы это, конечно, не удалось, мой лев не рычал бы, а вызывал лишь насмешку.

Я поднимаюсь на ноги, освещаю потолок в другом месте и сразу вижу, как возникают другие рисунки, другие звери, ими покрыто буквально все вокруг. При отвратительном освещении, при удивительных обстоятельствах я, оказывается, только что открыл новые доисторические пещеры: Монтеспан, Алькверди, Лябастид... Впоследствии мне пришлось открыть еще и другие пещеры, и всегда я испытывал то же волнение и восхищение

¹ См. прим. 12 к гл. XIII.

художниками, превратившими в колыбель искусства те места, которые впоследствии стали Францией.

Взволнованный обилием рисунков, я поворачиваю назад. Мне хочется поскорее сообщить эту новость Элизабет, которую часто удерживают дома обязанности матери и хозяйки. Я знаю, что ей захочется самой найти новые рисунки, мы с ней придем сюда вместе, чтобы сделать полную опись рисунков и продолжить исследование пещеры.

Богатый приключениями день готовил мне еще одну, последнюю неожиданность. Когда я вышел из пещеры и направился к кустам, где была спрятана моя одежда, я увидел, что долину, такую пустынную при моем приходе, наводнило стадо овец. Правда, беспокоили меня не овцы, а пастух, который сидел, прислонившись к дереву, поблизости от моих вещей.

Я был, как читатель помнит, в таком виде, что даже пещерные люди нашли бы мое одеяние слишком скудным. Тело было покрыто грязью и ссадинами. Я не мог показаться в таком виде кому бы то ни было, и мне пришлось ждать сумерек, когда пастух вместе со своими белыми овечками ушел в деревню.

Деревня Лябастид расположена во впадине вдаль от любых путей сообщения. Это превращало ее в настоящую дыру, которую никогда никто не посещал, так как в то время к ней можно было проехать лишь по прескверной проселочной дороге. Ни у кого из жителей деревни не было автомобиля, сюда попадали изредка лишь торговцы на грузовиках. Незадолго до этого я приобрел автомобиль, и на нем мы с Элизабет через несколько дней приехали в Лябастид. Остановились там, где одна из улиц была немного шире, и местные жители считали это место площадью. Несколько женщин показалось на пороге домов, кое-кто из них стал подходить к автомобилю. Если бы нам нужны были какие-нибудь советы, нам их щедро дали бы, так как, по-видимому, все весьма охотно вступили бы с нами в разговор. Одна из женщин, более решительная, чем остальные, подошла к нам вплотную и заглянула в машину. Вероятно, осмотр ее не удовлетворил, и между нами завязался довольно курьезный диалог:

— Что вы продаете?

— Мы ничего не продаем.

— Но что же вы тогда собираетесь здесь делать?

— Мы собираемся посетить пещеру.

Деревенские жители были так же удивлены нашим ответом, как и мы их первым вопросом. Автомобиль, приехавший в Лябастид, мог принадлежать только мелкому торговцу. Тот факт, что мы туристы и собираемся посетить пещеру, вызвал град комментариев, главным образом неодобрительных, и поток советов быть поосторожнее, из чего мы заключили, что пещера Лябастид (или Спуга, как называли ее местные жители) пользовалась дурной славой и даже наводила ужас. Нам задали вопрос, наивностью которого мы были просто озадачены (впрочем, такого рода вопросы нам задавали постоянно): "А у вас есть освещение?"

Чтобы покончить наконец с избытком внимания, вполне, правда, благожелательного (все они, право, были очень милы), мы спросили, можно ли оставить машину на площади, и, хотя это был совершенно излишний вопрос, все начали уверять нас, что наша машина никому не мешает, так как автомобили приезжают в Лябастид нечасто.

С мешками за плечами, фонарями в руках мы вышли из деревни, а вслед нам понеслись различные советы, чаще всего такие: "Главное, смотрите, не повредите себе чего-нибудь!" Мы окончательно убедились, что местное население не испытывает особого интереса к пещере.

Пока мы натягиваем наши брезентовые комбинезоны под большим сводом, куда уходит ручей, я объясняю и комментирую здешние места. Мы смотрим туда, куда исчезает ручеек, берем из него воду для наших карбидных ламп и направляемся к расположенной выше пещере, уже окрещенной нами гротом Рычащего Льва. В наших мешках лежат запасные карбиды, свечи, рулон бумаги, чтобы скопировать рисунки. Поскольку это очень кропотливая работа, требующая большой тщательности, и, может быть, нам придется провести под

землей целый день, мы захватили с собой кое-что перекусить. В общем, сегодня надо провести обследование, совершенно непохожее на то, что я делал в прошлый раз.

Пещера очень понравилась Элизабет, она нашла ее величественной и интересной, полной таинственных закоулков, в которых она искала наскальные рисунки. Про себя я могу сказать, что сегодня открываю пещеру заново, ведь в прошлый раз я прошел ее вслепую, почти на ощупь. Сюрприз следует за сюрпризом, и красота такая, что я о ней даже не подозревал.

Смогу ли я ориентироваться и найду ли сразу зал Рычащего Льва? К счастью, мне это легко удастся. Мы проходим у подножия огромного обломка скалы, упавшего с высокого свода и завалившего часть галереи. Вертикальная поверхность этого камня очень гладкая, вроде большой ровной плиты. Проходя мимо, я ударяю по ней рукой.

— У этих мадленцев были странные представления, — говорю я. — Они пренебрегали такой великолепной стеной, как эта, и рисовали, стоя на коленях или лежа на спине, в самых неудобных местах, где им приходилось высекать рисунки на очень неровных поверхностях.

Естественно, все мои помыслы заняты первобытной историей, примитивным искусством и рисунками, которые мы собираемся расшифровать и скопировать. За несколько метров до входа в маленький зал Льва я замечаю крутой обрывистый ход (продолжение главной галереи), которого я в прошлый раз не заметил. Значит, можно будет продолжить исследования в этом направлении.

Мы входим в зал Льва, но я ничего не говорю. Я подстроил так, чтобы Элизабет шла впереди. Она пересекает зал, доходит до тупика и поворачивается ко мне. Но я остановился, присел на корточки и опустил голову, делая вид, что завязываю шнурки.

— Этот зал не имеет выхода... — начинает она, но внезапно понимает, в чем дело.

— Так ведь это и есть зал Льва! И она быстро направляет свет на стену и начинает искать выцарапанные линии. Но я останавливаю ее.

— Иди-ка сюда, посмотри сначала на льва. Всего несколько дней назад я увидел этот шедевр, и теперь счастлив, что могу показать его своей спутнице, которая тоже смотрит на него с восторгом.

— Я думаю, ты первая женщина, которая видит этого льва.

— После мадленских женщин однако! — добавляет Элизабет.

— Нет, ведь в те времена женщин не допускали к магическим обрядам, им запрещали присутствовать или даже смотреть на такое табу под страхом смерти.

Мы кладем мешки на землю и начинаем делать опись рисунков — здесь сейчас настоящий вернисаж доисторической выставки. Мы обнаружили громадное количество силуэтов животных, главным образом крупных. Здесь же оказался длинный фриз с изображением лошадей величиной каждая метра в полтора-два. Рисунки покрывают не только стены, но и потолок, часто они переплетаются и накладываются друг на друга в связи с техническими особенностями изображения и, по-видимому, в соответствии с требованиями обряда.

Среди лошадей виднеется несколько бизонов и северных оленей. Но больше всего поражают, напоминая о гроте Трех Братьев, два изображения человека. Одно из них находится в центре среди лошадей. Голова нарисована в фас, но лицо похоже на человеческое. Это ритуальная маска, маска колдуна, подобные до сих пор еще встречаются среди диких племен. На совершенно круглом лице совершенно круглые глаза, образованные двумя глубоко процарапанными концентрическими кругами. Вместо носа — морда животного с расширенными ноздрями. Рот — зияющий прорез без губ, как у примитивной маски. Подбородок закрыт острой бородкой. Нельзя понять, что это: борода человека или бизона — совсем как у колдуна в гроте Трех Братьев. Сбоку другой рисунок выгравирован такими тонкими линиями, что его трудно заметить. В нем можно угадать обнаженного человека в маске, тело его наклонено вперед, колени согнуты, руки вытянуты горизонтально. Такой позой начинается ритуальный танец, который танцует колдун в гроте Трех Братьев.

Чтобы обнаружить все эти рисунки и снять с них копии, понадобилось много часов

кропотливой, изнурительной работы, так как один должен был держать бумагу, прижимая ее к скале, пока другой обводил контуры фигур мягким карандашом. Операцию эту приходилось проделывать в полусогнутом положении, наклоняясь то назад, то вперед, то сидя на корточках или стоя на коленях, в зависимости от высоты свода. У нас ломило руки, ноги и поясницу. Восхищение нашими предшественниками, первобытными художниками, от всего этого только возрастало. Ведь им приходилось не просто копировать, а еще и придумывать, составлять и вырезать свои рисунки на этих неровных стенах и, что самое поразительное, делать все это по памяти.

Мы позволили себе всего один короткий отдых, во время которого позавтракали совсем как первобытные люди.

И вот наконец мы собираем свои большие листы бумаги, укладываем мешки и покидаем этот богато декорированный зал, направляясь в еще не исследованную часть пещеры. Чтобы сэкономить время, мы разделяем работу: каждый будет внимательно осматривать только одну стену, ту, вдоль которой идет.

— Главное, без спешки, все дело в том, чтобы хорошенько смотреть, — говорю я.

И мы трогаемся в путь. Для себя я выбрал очень неудобную, сильно пересеченную и разрушенную стену. Мне даже приходится влезть на глиняную горку. Здесь, можно сказать, вообще нет стены, свод начинается прямо от ската. Я спускаюсь и с завистью смотрю на противоположную стену, вдоль которой Элизабет идет спокойно, будто проходит перед витринами. Ничто не нарушает тишину, нам нечего сигнализировать.

Стены сближаются, и кажется, что они через несколько метров сомкнутся. Интересно, конец ли это пещеры? Мы тоже сходимся и видим, что свободный проход составляет не более пятнадцати сантиметров. Мы вежливо уступаем друг другу дорогу, как в дверях какого-нибудь салона.

Коридор вновь расширяется и идет дальше. Мы тоже двигаемся дальше, продолжая наше исследование. Вдруг Элизабет восклицает:

— Рисунок! Это птица. Я бы сказала, птица! Это и в самом деле птица, дрофа, изображение которой очень редко встречается в рисунках первобытных художников.

Продолжаем наш путь и доходим до конца пещеры. В большом хаотическом зале мы не обнаруживаем никаких новых рисунков на стенах, однако делаем интересную находку. На широком земляном возвышении над полом пещеры видны следы очага, вокруг которого положены камни, служившие сиденьями. Близ очага валяются кости разных животных, обработанные кремни и плитки известняка, украшенные очень тонко выцарапанными изображениями бизона и лошади.

Этот день, столь богатый открытиями, готовил нам еще один, последний сюрприз на нашем обратном пути домой.

Проходя у подножия большого обломка скалы, именно там, где не далее как сегодня я заявил, что здесь нет никаких рисунков, я вновь взглянул на нее, но теперь с некоторого расстояния. И внезапно увидел то, что невозможно было рассмотреть вблизи: громадную красную лошадь двухметровой длины. Расположенный высоко на стене рисунок мог быть выполнен только благодаря естественному возвышению и вызывал восхищение как тем трудом, который потребовался на его исполнение, так и искусством, с каким он был сделан. У лошади изящно выгнутая шея и густая грива щеткой, написанная черной краской. Корпус лошади выцарапан кремнем и раскрашен пятнами охристого и красного цвета, подчеркивающими рельеф корпуса и оттенки масти. Аббат Брейль, которому мы имели удовольствие показать в том же году нашу пещеру, сказал, что это одна из самых прекрасных древних лошадей. В непосредственной близости от этого рисунка мы нашли еще несколько наскальных изображений.

По горло сытые открытиями и изрядно усталые, мы поспешили к выходу и вдруг услышали крики.

Мы сразу же отозвались на этот многократный призыв. Нас встретил у входа в пещеру человек из Лябастида, охотник с собакой и ружьем, давно поджидавший нас в ночной

темноте. Охотник дошел до самого входа в пещеру, но, не имея никакого освещения, кроме огнива, не отважился пойти дальше. Его отправили сюда жители деревни, обеспокоенные нашим долгим отсутствием. Наша маленькая машина одиноко стояла на площади и показалась им покинутой.

Ночь давно уже наступила. Лихорадка открытий и фантазии на доисторические темы завели нас в глубь пещеры, как во тьму веков. Мы пережили незабываемые часы!

XX Истинный исток Гаронны

Сложнейшей проблеме, известной под названием Тру-дю-Торо, и связанному с ней вопросу об истоке Гаронны, как нам кажется, нет места в воспоминаниях спелеолога, разве только с занимательной стороны, о которой мы здесь и расскажем.

Не будем касаться технических деталей или по крайней мере сократим их до минимума. Скажем только, что с 1926 года под влиянием Элизабет мы много раз ходили в горы. Войдя во вкус после открытия ледяного грота Кастере, мы занялись исследованием массива Маладета, над которым царил вершина Нетху.

Мы не нашли больше ледяных пещер, зато нас привлекла к себе одна интереснейшая гидрогеологическая задача: найти, где, в какой местности вновь появляется на поверхность земли большой поток, полностью исчезающий под землей в пропасти Тру-дю-Торо у подножия Нетху.

На решение этой задачи было потрачено три летних сезона (с 1928 по 1930 год), в ходе которых я открыл и исследовал много пещер и подземных потоков, но не смог установить, однако, всю водную систему Тру-дю-Торо. Сопоставление многих фактов и наблюдений привело меня все же к догадке, чтобы не сказать — уверенности, что исчезающие в Тру-дю-Торо воды вновь выходят на поверхность в месте, называемом Глаз Юпитера, в виде великолепного источника, считающегося главным из многочисленных истоков Гаронны. Этот неожиданный итог моих наблюдений, к несчастью, противоречил всем признанным географическим, геологическим и гидрогеологическим данным, а также всем общепризнанным мнениям, и моя гипотеза не нашла поддержки у специалистов.

В 1930 году стало известно, что одно испанское гидроэлектрическое общество составило проект каптировать и отвести воды Тру-дю-Торо выше пропасти, чтобы ниже в долине Эзера построить большую гидроэлектростанцию. Общество не предполагало встретить какие-либо препятствия, поскольку по проекту отработанная вода возвращалась в ту же долину, куда, по общему мнению, она и так попадала естественным образом, то есть в бассейн Эбро, а не Гаронны.

Пришлось вмешаться мне, так как я был уверен в обратном и очень опасался за исток Гаронны. Если Глаз Юпитера иссякнет, то дебит Гаронны там, где она пересекает границу Франции, уменьшится наполовину.

Я предложил представить неопровержимые доказательства связи между Тру-дю-Торо и Глазом Юпитера, проведя исследование путем окрашивания воды.

Ввиду большого объема воды, подлежащей окрашиванию (8-10 куб. м/сек), необходимо было применить большую дозу самого мощного из всех известных красителей — флуоресцеина, слишком дорогого для такого одиночки, как я. С большим трудом и благодаря активному вмешательству минералога Альфреда Лакруа, члена Французской академии, и Э. А. Мартеля я стал обладателем шестидесяти килограммов драгоценного красителя и взял на себя задачу бросить его в Тру-дю-Торо.

Мои трехлетние усилия подходили к концу, и чисто научные гидрогеологические исследования, которые я проводил на собственный страх и риск, могли теперь дать важные и полезные для общества результаты.

19 июля 1931 года мы пересекли естественную узкую выемку у пограничного перевала Венаск в двенадцати километрах к югу от Люшона.

Эта расселина прорезает пограничный гребень, отделяющий департамент Верхней Гаронны от Арагона, и оттуда открывается грандиозная панорама — одна из самых замечательных в Пиренеях. Единым взглядом можно окинуть весь массив Маладеты с его ледниками и глубокую долину Эзера, которую граф Руссель сравнивал с долиной Иосафата.

За эти три года я (обычно в одиночестве) пересек перевал Бенаск восемнадцать раз. Теперь нас целая группа: моя мать, жена, две ее приятельницы и я. Такой мирный на вид караван, состоящий главным образом из женщин, был нарочно подобран так, чтобы не возбуждать подозрения карабинеров, достаточно бдительных летом 1931 года, когда в Астурии назревала революция.

Впереди нашей группы шел "контрабандист" и его мул, нагруженный десятью бочонками с чем-то вроде пороха, что, согласитесь, довольно рискованно в стране, в которой назревают большие события. Впрочем, это в достаточной мере безобидный порох: ведь это всего-навсего шестьдесят килограммов флуоресцеина, предназначенного для нашего исследования. Но в случае встречи с карабинерами, я думаю, нам было бы трудно их убедить, что весь груз предназначен лишь для того, чтобы бросить его в воду!

Предварительно я навел справки и знал, что если бы я запросил разрешение проделать свой опыт, то мне было бы в этом отказано. Поэтому пришлось организовать тайную, но мирную экспедицию, однако чреватую большими последствиями, причем надо было торопиться, так как я уже заметил, что долина между Тру-дю-Торо и местом будущей электростанции пикетировалась. Необходимо срочно доказать, что воды пропасти Тру-дю-Торо принадлежат бассейну Гаронны, а не Эбро.

Через перевал мы перешли без всяких приключений, даже не встретив карабинеров. Этот первый успех не был случайным: мы воспользовались опытом и проницательностью нашего "контрабандиста" — погонщика мула, который назначил точный день и час нашего перехода.

Теперь мы торопимся добраться до Тру-дю-Торо, расположенной в долине ниже, то есть как раз напротив жалкой таверны, служащей казармой карабинерам, загнанным в эти дикие горы, за которыми они еще должны следить.

Мул быстро спускается к руслу Эзера. Подозрительный груз накрыт брезентом для палатки, а наши дамы идут за ним в пестрых брюках с туристскими палками в руках.

Мы выглядим, по крайней мере я так надеюсь, как группа экскурсантов, собирающихся разбить лагерь на пастбищах Агвалрлюта, рядом с Тру-дю-Торо. Я часто останавливаюсь, чтобы подробно рассмотреть в бинокль изрезанный гребень Темпет, снежный купол Нетху, длинную мрачную стену Маладеты, но внимательнее всего я исследую складки долины и пытаюсь рассмотреть людей в серо-зеленой форме, которых я часто встречал в этих местах в прошлые годы.

Судьба нам благоприятствует. Мы без всяких задержек доходим до пропасти Тру-дю-Торо, пенящийся водопад которой виден от перевала Венаск.

Металлические бочонки мы тщательно спрятали в зарослях рододендрона. Наш симпатичный и скромный погонщик, получив плату за свое "должностное преступление", уходит от нас пружинящим шагом, а за ним идет мул, у которого, как только сняли груз, стал совсем счастливый вид. В общем, все чувствуют облегчение: люди и животные.

Сейчас всего два часа дня, а к окрашиванию можно приступить лишь после захода солнца, когда мы будем уверены, что в поздний час ни один карабинер не рискнет сюда подойти.

Переносим наши горные мешки в маленькую полуразрушенную лачугу, где собираемся ночевать, и долго отдыхаем неподалеку от пропасти, которую наши друзья — мадемуазель М. Касс и мадемуазель М. А. Сед — видят впервые.

Над нами высится громада Нетху с ледником, из которого рождается поток, беловатый от переполнявшего его гранитного песка. Поток постепенно успокаивается и вьется по травянистому и болотистому плечу отрога, принимая небольшие притоки. Это пастбище на высоте двух тысяч метров над уровнем моря резко обрывается у скалистого склона, с

которого вода низвергается водопадом. От подножия водопада начинается узкий глубокий каньон, заканчивающийся пропастью Тру-дю-Торо. Сама пропасть представляет собой известняковую арену восьмидесяти метров в диаметре с вертикальными обрывами, где поток исчезает в зыбучем песке.

Четыре года назад я стоял один на краю этой пропасти и спрашивал себя, как и многие другие, куда идет дальше эта вода — в Средиземное море или в Атлантику? Тогда же я решил, что займусь этой проблемой, не поддающейся моим любимым методам прямого исследования, так как вода и песок покрывают все дно пропасти.

Сегодня я с нетерпением ожидал захода солнца и думал, что спрятанные в нескольких шагах от нас шестьдесят килограммов флуоресцеина должны наконец дать ответ на вопрос, который в течение двух веков разделял географов и геологов на два лагеря. Наконец наступили сумерки. Час настал. Бочонки вытащены из укрытия, подкачены к началу каскада и раскупорены. Мыс Элизабет берем пригоршнями коричневый порошок и бросаем его в каскад, который моментально принимает волшебный флуоресцирующий зеленый цвет. Сила краски такова, что она быстро окрашивает весь поток и зеркало дремлющей на дне пропасти воды. За три четверти часа все шестьдесят килограммов порошка брошены таким образом в воду, а вслед за ними летит компрометирующая нас тара. Интенсивный зеленый цвет виден даже в полной темноте.

Жалкая заброшенная лачуга не дает нам возможности выспаться и отдохнуть. Что касается меня, то мой ум возбужден: слишком много мыслей теснится в голове в ночь, когда краситель неуклонно прокладывает себе путь в недрах гор, чтобы дать долгожданный ответ на мой вопрос. В часы бессонницы я слышу рев водопада, который сравнивают с мычанием быка. Отсюда и произошло название Тру-дю-Торо — "дыра быка".

Мы проснулись, вернее, поднялись в четыре часа утра. Вода на дне пропасти вновь стала прозрачной, весь краситель ушел.

Было условлено, что "отряд Эзера" — моя жена со своими приятельницами — сейчас же отправится в путь вниз по Эзеру, чтобы наблюдать за серией источников, находящихся в этой долине, тогда как мы с матерью — "отряд Гаронны" — пересечем гребень, отделяющий нас от Каталонии, чтобы подстеречь появление краски у Глаза Юпитера.

Моя жена и ее подруги не обнаружили никакого окрашивания в бассейне Эзера, мы же с матерью заметили у Глаза Юпитера струю воды ослепительно зеленого цвета, который продержался двадцать семь часов и распространился километров на пятьдесят, неопровержимо доказав, что Гаронна рождается на леднике Нетху, у самой высокой точки Пиренеев.

Тот факт, что Тру-дю-Торо сообщается с Глазом Юпитера, помог решить одну из географических проблем. В противовес установившемуся в течение веков общему мнению теперь доказано, что истинный исток Гаронны находится не в Каталонии, в Валь-д'Аран, а в Арагоне, в массиве Маладета.

С точки зрения гидрогеологии этот факт вносит большой вклад в понимание в высшей степени причудливой подземной циркуляции вод. В данном случае, например, подземный поток идет в обратном направлении по отношению к наземному руслу и, проходя под линией Европейского водораздела, производит обмен вод различных бассейнов и удивительный переход с одного склона на другой.¹ Воды, родившиеся в бассейне Эбро, которые по всем правилам должны течь в бассейн Средиземного моря, проходят под цепью Пиренеев, проникают на много километров сквозь каменные скалы, чтобы вновь появиться на поверхность уже как воды реки Гаронны и впасть в Атлантический океан.

Понятно, какие последствия имели ответы на этот вопрос для экономики и изучения водных ресурсов. Необходимо было срочно и неопровержимо доказать, что такое подземное сообщение существует, так как каптирование и отведение вод Тру-дю-Торо в Эбро, как собирались сделать наши соседи, вызвали бы неизбежные и непоправимые природные

¹ Несовпадение в направлении течения подземных потоков с поверхностной топографией и с поверхностными водоразделами в карстовых областях наблюдается довольно часто

изменения в худшую сторону во Франции.

Пытаясь защитить общий дебит текущей по Франции Гаронны и сумев точно определить ее исток, я исполнил свой долг и добился поставленной цели. Остальное не входило в мою компетенцию и превышало мои возможности. Настало время для переговоров с Испанией, и слово принадлежало теперь министрам и дипломатам.

Принципы международного права относительно естественных источников воды вполне определены и неопровержимы, так что в результате опыта с окрашиванием воды испанскому правительству пришлось признать представление, сделанное нашим послом в Мадриде. Проект квитиования вод Тру-дю-Торо и строительства гидроэлектростанции был оставлен.

Гаронна моего детства, моей юности стала мне еще ближе, позволив открыть загадку ее происхождения, и на душе у меня было очень радостно.

Но увы, неомраченной радости не бывает. Через месяц я потерял отца. Он был со мной при моих первых успехах в Монтеспане и Лябастиде (к моей большой радости, эту пещеру он даже посетил) и успел порадоваться успехам нашей экспедиции к истокам Гаронны. Постепенно он успокоился относительно моей карьеры, показавшейся ему вначале совершенно бесперспективной и ненадежной. Потеряв его, я потерял лучшего из отцов и самого близкого друга.

XXI

Подземная жемчужина — пещера Сигалер и самая глубокая пропасть Франции — пропасть Мартеля

Существовало когда-то предприятие, производившее работы по каптированию вод одного горного цирка. Оно называлось Пиренейский электрический союз, и поле его деятельности охватывало цирк Лес, вблизи испанской границы.

Проект заключался в том, чтобы каптировать все воды на высоте двух тысяч метров и по туннелю перебросить их в озеро, расположенное в нижележащем цирке.

С самого начала работ в 1931 году инженеры заметили, что на высоте двух тысяч метров, то есть на двести метров выше запроектированного коллектора, небольшой поток уходит под землю в известняковой зоне, полной трещин. В место утечки, в которое невозможно было проникнуть, они бросили флуоресцеин и констатировали, что краска появилась в воде источника, в который проникнуть было тоже невозможно.

Этот озорной поток, по-видимому, не хотел подчиняться планам союза, который, прослышав о результатах моих недавних работ по определению истока Гаронны, решил обратиться ко мне как специалисту по подземным исследованиям.

Однажды рано утром я вошел в цирк Лес, где собирался взглянуть на источник, в котором появилась краска. Проникнуть в источник, казалось, совершенно невозможно, так как вода вытекала и была ключом через скважины среди хаоса камней.

К концу дня я подошел к барaku на строительной площадке на высоте двух тысяч метров, где меня встретили инженеры, поспешившие ввести в курс дела и поделиться со мной своими предположениями относительно подземного пути потока и возможности его обнаружить и изучить. Но я их остановил и сказал, что, не будучи ни ведуном, ни колдуном, я все же нашел уже доступ к подземному руслу и успел подняться по нему более чем на километр!

Действительно, по пути я заметил отверстие в склоне горы, до которого добрался, мне удалось в него проникнуть, и при свете свечи я пересек гигантский зал, нашел подземный поток и возвратился только потому, что не хватило освещения.

Для инженеров это было полнейшей неожиданностью, они были ошеломлены таким быстрым и неожиданным поворотом событий. Случай сильно помог мне, но я сам тоже помог случаю своим чутьем спелеолога, так как никто никогда об этом гроте не сообщал.

На следующий день четыре инженера, горевшие желанием посетить пещеру и увидеть

подземный поток, решили принять участие в моем походе. На этот раз мы были вооружены ацетиленовыми лампами. Накануне я заметил, что пересек очень большой зал, но не смог определить его размеры. Мы достигли того места, где я остановился в прошлый раз, прошли около шестисот метров по новому маршруту, встретили другие залы с поистине феерическим декором, с обилием сталактитов и гипсовых кристаллов, каких я никогда не видел ни раньше, ни позже, настолько они были чистыми и так их было много. Эта удивительная пещера, по видимому, скрывала тот самый водный поток, который меня просили исследовать, и, кроме того, давала возможность полюбоваться неслыханными красотами. Но она же выставила против меня самые разнообразные и грозные препятствия, какие только можно встретить под землей, и потребовала больше любой другой пещеры усилий и выдержки, пока мне удалось ее полностью исследовать.

Вечером после второго похода было решено назвать эту пещеру гротом Сигалер, так как вход в нее лежал на крутом обрыве, носящем название Сигалер. Было также решено, что я еще вернусь в пещеру, чтобы обследовать ее с точки зрения возможности перехвата и использования подземных вод, поскольку именно это было целью и причиной моего приезда в цирк Лес.

Если бы я знал, что для достижения этой цели мне понадобится двадцать три года, возможно, я не согласился бы взять на себя эту задачу. Но теперь, когда все уже в прошлом, а приятные воспоминания, как правило, превалируют над неприятными, я ни о чем не жалею. Однако не будем забегать вперед.

Грот Сигалер был открыт поздней осенью, плохая погода с обильными снегопадами помешала мне продолжать исследования, и я вернулся к ним только весной 1932 года.

Осенью 1931 года я остановился на расстоянии тысячи шестисот метров от входа перед очень узким проходом в скале, который пришлось расширить двум минерам — служащим компании. Лишь после этого я смог проникнуть в него и сразу же попал в большой зал, нашел подземный поток и поднялся по его течению около двух километров, где меня остановил каскад, низвергавшийся с десятиметровой высоты.

Здесь-то и начались совершенно исключительные трудности, характерные для этой пещеры. Чтобы подняться по водопаду, нужен был бы отряд опытных спелеологов, способных вступить в бой с ледяной водой, а также соответствующее оборудование и снаряжение.

Ни о чем подобном не подозревая, полный оптимизма, я решил продолжить исследования вдвоем с женой и преодолеть каскады с помощью раздвижного металлического шеста, который служил бы нам как мачта с призами на народном гулянье.

Во время этого памятного похода, ознаменовавшегося падениями в воду и опасными гимнастическими упражнениями, нам с большим трудом удалось достичь восьмого по счету каскада высотой в пятнадцать метров, находившегося на расстоянии трех километров от входа. Девятый каскад, по меньшей мере восемнадцатиметровой высоты, я счел непреодолимым.

Во время этих мучительных, я бы даже сказал, нечеловеческих трудностей Элизабет проявила себя стойким спелеологом, нечувствительным к низким температурам и не боящимся промокнуть насквозь; она была неутомима и неукротима в своем стремлении идти вперед. Однако нам волей-неволей пришлось остановиться у подножия этого огромного девятого каскада, отбивавшего охоту к любым дальнейшим попыткам.

Пропать Мартеля

Покинув грот Сигалер, я решил побродить по верху цирка вокруг того места, где поток Альб уходит под землю в такое узкое отверстие, что, увы, в него совершенно нельзя проникнуть. Но однажды в зарослях рододендронов мне удалось найти узкое отверстие вертикального колодца, в который я спустился по веревке до глубины в двадцать метров. Колодец шел дальше вниз, откуда до меня донесся характерный рев. Это и был поток,

который я искал.

Только что открытый мной подземный колодец, о существовании которого никто не подозревал, был естественным глазком, позволяющим наблюдать за подземной циркуляцией воды и, возможно, открывающим доступ в нижележащий грот Сигалер. А это позволило бы проследить с начала до конца подземный путь потока и, может быть, использовать потерянные воды в промышленных целях.

Нам с Элизабет очень хотелось атаковать эту пропасть, но у нас не было лестниц, и нам пришлось обратиться к нашему другу и коллеге Роберту Жоли, президенту Французского спелеологического клуба, который сам изобрел и сам изготовлял эти очень легкие и портативные приспособления из стальной проволоки с электроновыми переключателями.

Снабженные прекрасными лестницами, с помощью двух отважных и преданных минеров — Кабале и Ледо, — мы спустились в следующий весьма мокрый вертикальный колодец этой новой пропасти, где на нас обрушился град крупных камней, выведенных нами из равновесия. Спуск в колодец глубиной в шестьдесят метров под душем с температурой воды два градуса (поток рождался от таяния фирна) был достаточно сильным испытанием, тем более что на нас не было водонепроницаемых костюмов. Несмотря ни на что, мы все глубже спускались в пропасть, пока нас не остановила непроходимая трещина, через которую могла проникать только вода. Не обнаружив соединения пещер, на которое надеялись, мы все же достигли глубины трехсот трех метров и установили, что это самая глубокая пропасть Франции, которую мы называли в честь нашего учителя и друга пропастью Э. А. Мартеля.¹

Результаты, ради которых я получил задание найти и исследовать подземные воды, оказались весьма полезными, интересными. По моим указаниям в склоне горы был пробит горизонтальный туннель, который выходил в пропасть Мартеля как раз между двумя водопадами. Была построена небольшая плотина, позволившая вынести на поверхность и направить по трубам в главный коллектор Пиренейского электрического союза воды, которые раньше исчезали и без всякой пользы терялись в недрах горы.

Наша миссия была выполнена, и цель достигнута. Однако, ко всеобщему удивлению, заметили, что после отвода воды из пропасти река Сигалер ниже по течению хоть и стала менее полноводной, но не иссякала. Значит, ее питали еще какие-то источники, кроме пропасти Мартеля, и их надо было найти. Этим я занялся, вернувшись вместе с Элизабет к ужасным каскадам Сигалер. Но наши первые попытки пресекла война 1939 года.

XXII

В пропастях Атласа

В 1934 году, после того как мы достигли дна пропасти Мартеля, нам предложили заняться исследованиями пещер и пропастей в Марокко, в горах Среднего Атласа. Впервые я изменил родным Пиренеям и их пещерам.

Мы впервые покидали на целый месяц наших троих детей — Рауля, Мод и Жильберту, — о которых я до сих пор ничего не говорил, так как слишком юный возраст не позволял им занять место в воспоминаниях спелеолога, но из этого, конечно, не следует, что они не играли главенствующей роли в нашей жизни.

Моя жена, как и я, питала пристрастие к пещерам, но более всего она любила свой домашний очаг и детей. Она мечтала иметь шестерых детей и с радостью думала, как шесть раз станет матерью, хотя, конечно, это должно было лишить ее возможности путешествовать и принимать участие в подземных исследованиях. Мне хочется еще раз сказать, что Элизабет никак не походила на амазонку и не играла в исследовательницу. Спелеология была для нее не более чем любимым занятием на досуге, и она, например, не любила, когда при ней

¹ Позднее во Франции было обнаружено много значительно более глубоких карстовых пропастей. Глубочайшими пропастями Франции и всего мира сейчас считаются пропасть Пьер-Сен-Мартен (1171 м) в Пиренеях, на границе с Испанией (о ее исследовании речь идет впереди) и пропасть Берже (1141 м) на плато Сорнен в Веркоре, в передовых поднятиях Альп.

говорили, что, спустившись в пропасть Мартеля, она установила мировой рекорд для женщин.

Мне вспомнилась забавная подробность, связанная с нашей поездкой в Марокко. Наши дети (девяти, семи и четырех лет) помогали нам укладывать вещи в четыре объемистых брезентовых мешка, в которых должно было находиться все снаряжение и оборудование "экспедиции". Это вносило, конечно, некоторый беспорядок. Когда же все было уложено и оставалось только завязать мешки, нам пришлось все начать снова, так как мы сунули куда-то в багаж спичечные коробки, что строго запрещается по правилам морских перевозок. Мы аккуратнейшим образом вынули все содержимое из всех мешков, так как неизвестно было, в каком из них находятся запрещенные предметы.

Наше плавание от Бордо до Касабланки на борту судна "Марракеш" было похоже на волшебный сон. Таким же было и путешествие, во время которого мы пересекли Марокко на автомобиле с запада на восток, а наше прибытие в Тазу Берберскую показалось нам сказкой из "Тысячи и одной ночи" — так очаровали и ослепили нас приемы и празднества.

Но мы приехали в Марокко не для того, чтобы предаваться удовольствиям. Выполнив светские обязанности, мы отправились во внутренние области Марокко и разбили палатки в массиве Тазека, где еще сохранились кедры Большого Атласа. Нам дали переводчика, бывшего шахтера-подрывника по имени Ликси, и группу носильщиков-берберов.

Каждое утро на рассвете Элизабет, Ликси и я выезжали верхом на мулах, а за нами следовали носильщики, неся на голове наши мешки. Эти небольшого роста, хилые на вид люди не переставали в течение целого месяца удивлять нас своей выносливостью, выдержкой, веселым и приветливым нравом и монотонными песнями. Впрочем, как только мы подходили к входу в пещеру или краю пропасти, эти сильные и, конечно, смелые люди, ибо они принадлежали к свободолюбивому народу, не оказывали нам ни малейшей помощи. Подобно носильщикам-баскам, сопровождавшим Э. А. Мартеля в его первых походах по Нижним Пиренеям, наши носильщики отказывались спускаться под землю. Баски боялись ламинов, берберы в Атласе опасались дженунов и других подземных духов.

Ликси тоже никогда не спускался в пещеры. Он должен был присматривать и руководить маневрами с веревками и лестницами, когда мы спускались в пропасть.

Марокко, а особенно Средний Атлас, богатый подземными полостями, и мы впервые в этой стране предприняли спелеологические исследования. Вскоре мы занесли на свой счет две самые глубокие пропасти в Африке — Кеф-эль-Сао и Фриуато.¹

Каждый день мы совершали экскурсии по очень сильно пересеченной местности и спускались во множество пропастей. Отсутствие спутников под землей нам не очень мешало, так как мы продолжали действовать в Атласе так же, как в Пиренеях. Нас просили то отыскать под землей красивые пещеры, способные стать туристскими достопримечательностями, то поискать там воду и гуано. Все это мы нашли в избытке и смогли представить подробный отчет, наполненный сведениями, ценными со всех этих трех различных точек зрения.

Что касается приключений и происшествий, не вошедших, правда, в отчет, но обогативших наш опыт и хорошо запомнившихся, то в них недостатка не было.

Ввиду исключительного изобилия подземных полостей, которые надо было исследовать, мы решили действовать порознь, разделив наши обязанности. Это позволило увеличить число исследованных пещер, но в свою очередь увеличивало трудности, а также возможность любых случайностей: ведь Ликси никак не мог разорваться пополам!

Однажды я спустился в пропасть Улад-Айах на глубину ста двадцати метров и стал исследовать ее ходы. Вернувшись к нижнему концу вертикального колодца головокружительной высоты, я с удивлением и некоторым волнением увидел, что моя

¹ Н. Кастере в книге "Десять лет под землей" (М., Географгиз, 1956, стр. 97) указывает глубину 210 м как наибольшую, достигнутую в карстовых пропастях Атласа. В комментариях к русскому изданию этой книги нами указано, по спелеологической сводке Ф. Тромба (F. Trombe. Traité de speleologie. Paris, 1952, p. 352), на значительно более глубокую (539 м) пропасть Ану Буссуей в хребте Джурджура в алжирской горной области Кабилии. Для пропасти Фриуато теперь указывают глубину 305 м

лестница из стальной проволоки исчезла! Ее вытащили из колодца по какому-то неправильно понятому распоряжению.

Всеми заброшенный, я пребывал на дне пропасти, и мои сигналы, подаваемые свистом, оставались без ответа. Я пытался представить себе все мыслимые мотивы и немыслимые причины в оправдание такого поступка. В конце концов лестницу мне бросили, но так грубо и неловко, что за лестницей посыпались камни, которые могли сломать оборудование.

Подъем оказался страшно трудным и опасным. Носильщики вяло тянули вверх страхующую веревку, она все время провисала, и мне приходилось с неслыханным трудом подниматься собственными силами по стодвадцатиметровой лестнице, которая качалась над черной пустотой. Выбравшись на дневную поверхность, я растянулся обессиленный на земле, так и не узнав, что же, собственно, произошло.

Выше я говорил, что носильщики не хотели и не смели спускаться под землю. Однако один из них, по имени Фрегато, который был более храбрым и развитым, чем другие, спускался с нами во многие гроты. Однажды он решил превзойти самого себя и потребовал, чтобы ему разрешили спуститься по электроновой лестнице в вертикальный колодец, на что до тех пор он не отваживался.

Надев на него пояс пожарного с крепким кольцом и показав ему много раз, как вдевать в это кольцо карабин от страхующей веревки, я сначала спустился сам, должным образом подстрахованный, и вскоре ко мне присоединилась Элизабет на дне первого вертикального колодца семидесятиметровой глубины, которым начиналась эта пропасть. В этой пропасти мы затем спустились до глубины ста сорока метров.

По условному свистку наш переводчик и другие носильщики начали спускать Фрегато, привязанного к страхующей веревке.

Наш ученик спускался довольно ловко, хотя и наградил нас своими *babouches*,¹ которые один за другим упали нам на головы. Но когда, задохнувшийся, потрясенный и все же веселый, он опустился около нас, моя жена, собиравшаяся поздравить и подбодрить его, вскрикнула от ужаса, а вслед за ней вскрикнул и я, увидав, в каком снаряжении прибыл наш смельчак!

Широкий бело-красный пояс, которым он очень гордился, был надет как полагается, поскольку мы его надевали сами, ацетиленовая лампа висела на предназначенном для этого крючке, но кольцо, в которое мы учили его вставлять карабин от веревки, было пусто! В последнюю минуту по какой-то необъяснимой причине Фрегато решил, что лучше прикрепить карабин к ветхой и размочаленной петлице своей куртки.

Наш носильщик отважился на свой первый спуск в пропасть без какой-либо другой страховки, кроме моральной и иллюзорной надежды на свою петлицу. Мысленно мы поздравили себя, что на голову нам падали только *babouches*.

В другой раз, когда я только что вышел из грота, где обнаружил гуано, увидел бежавшего ко мне одного из носильщиков, ушедшего с Элизабет, единственного знавшего несколько слов по-французски. Больше жестами, чем словами, он пытался объяснить мне, что Элизабет встретила в пещере с каким-то животным, по-видимому очень страшным, судя по его выразительной, однако малопонятной мимике.

Гиена? Шакал? Я ничего не мог понять. Но все же не пантера, надеюсь! Хотя мне было известно, что в нашем секторе пантера водилась. Я бегом отправился вместе с бербером до входа в пещеру и нашел жену, сидящую под сенью перечного дерева, в добром здравии, но с перевязанным коленом, на которое была наложена повязка с сулемой. Она никого за мной не посылала, носильщик побежал звать меня по собственной инициативе. Пробираясь ползком по узкому ходу, Элизабет напоролась на иглу дикобраза, которая глубоко вошла ей в колено. Эти животные часто встречаются в пещерах.

Иглы дикобраза считают ядовитыми, и действительно у жены образовался большой нарыв, доставивший ей много страданий; из-за него ей пришлось отказаться от участия в заключительной части нашей кампании.

¹ **Babouches** ? туфли без задка и каблука. (Прим. перев.)

Берберы обычно ходят босиком и хорошо знают, какие неприятности приносят колючки дикобраза, и потому один из них решил меня поскорее предупредить: он приписывал мне, так же как и вообще всем французам, знакомство с хирургией. Кроме того, в Тазе меня снабдили маленькой аптечкой и, главное, пилюлями хинина, которые мне надлежало раздавать во внутренних областях Марокко, в случае если мне попадутся кочующие бедуины.

Наша "подземная кампания" в горы Атласа дала нам очень много и была весьма полезной, поскольку теперь мы могли сравнивать карстовые явления Пиренеев и Атласа. Кроме того, она явилась для нас источником разнообразных знаний об этой привлекательной пустынной стране с ее дикой красотой. Берберы, гордые полукочевники, вызвали нашу горячую симпатию, особенно неожиданным и трогательным, очень характерным для них качеством — удивительной любовью к маленьким детям.

XXIII

Двадцать пять лет с летучими мышами

Весной 1936 года профессор Бурдель из Парижского музея естественной истории вручил мне сотню алюминиевых колец, чтобы я окольцовывал встречающихся мне в пещерах летучих мышей. При этом он сказал, что о жизни и повадках этих маленьких животных известно очень мало и было бы интересно кольцевать их более или менее регулярно, чтобы точнее определить продолжительность их жизни, которая, как полагают, достигает трех или четырех лет.

Я весьма легкомысленно отнесся к своему новому оригинальному занятию — метить этих зверюшек — и отправился в хорошо известную мне пещеру, где еще раньше приметил колонию рукокрылых, висящих на своде на высоте шести или семи метров.

Вероятно, 8 апреля 1936 года можно считать исторической датой в анналах истории изучения летучих мышей, так как именно в этот день я стал первым во Франции, кто занялся отловом, кольцеванием и систематическим изучением их в естественной среде.

Теперь мною создана целая школа, а служба центра изучения миграции млекопитающих и птиц при Парижском музее насчитывает добрую сотню кольцевальщиков летучих мышей, в том числе, кажется, одну женщину.

Итак, вооружившись громадным полотняным сачком на длинной ручке, я отправился в пещеру Тиньяхюст (так на местном наречии называются летучие мыши). Начало оказалось успешным: добросовестно поведив сачком по своду, где висела колония, я сразу же до отказа наполнил свою ловушку.

Выйдя из пещеры, я расположился у входа и осмотрел добычу — двести двадцать пять летучих мышей вида мурин¹ (*Myotis myotis*). Это самые крупные летучие мыши в нашей стране (в среднем 40–42 см).

К счастью, летучие мыши были в состоянии оцепенения, почти зимней спячки. Они двигались и защищались вяло, и я без труда брал их в руки, осматривал и окольцовывал штук сто. Это заняло у меня довольно много времени: ведь у меня не было опыта, и я еще не научился надевать крошечное алюминиевое колечко не на лапу, а на крыло животного. На каждом кольце очень тонко, почти незаметно выгравированы слова "Парижский музей", затем буква, обозначающая серию, и регистрационный номер.

Первый сеанс кольцевания остался у меня в памяти как скучная и довольно неприятная процедура, так как животные, пробуждаясь, становились агрессивными, с ними было труднее справляться, и они награждали меня многочисленными укусами. По окончании кольцевания мне не пришлось нести мою добычу обратно в пещеру. Почти все животные проснулись и смогли сами долететь до своего родного свода.

¹ Название "мурин" дано здесь неудачно. Имеется в виду большая ночница (*Myotis myotis* Borkh). Ее не следует смешивать ни с двцветным кожаном (*Vespertilio murinus* L.), ни с трубконосами (род *Murina*), которые редки и распространены только в Азии. Н. Кастере говорит о виде "мурин", очевидно, потому, что прежде *Myotis myotis* называлась *Vespertilio myotis* и *Vespertilio murinus*.

Итак, в этот день я окольцевал сотню летучих мышей без всякого восторга, и, признаюсь, не имею особого желания продолжать это занятие, тем более что, вернувшись домой, должен был сесть за скучнейшее дело: передавая мне кольца, профессор Бурдель вручил также печатные листки, которые надо было заполнить в трех экземплярах на каждое окольцованное животное. В этих листках следовало аккуратно отметить дату и место кольцевания, вид, пол и возраст (молодая, взрослая или старая) каждой летучей мыши. С этого момента животные заносились в регистр, в котором предусмотрены также другие графы — дата, место и обстоятельства повторного отлова данной особи.

Насколько мне известно, на летучих мышей никто не претендует, даже собственники пещер, в которых они обычно живут, и каждый раз, когда я ловил одну из них, кольцевал и регистрировал, мне было приятно думать, что она становилась немножко моей собственностью! Сегодня это сделало бы меня сказочно богатым обладателем стада более чем в двенадцать тысяч голов летучих мышей: ведь именно столько рукокрылых я окольцевал с тех пор!

Не эта ли забавная и сомнительная награда влечет меня к "моим" летучим мышам? Не думаю. Но во всяком случае я довольно скоро проникся интересом и даже некоторой нежностью к этим робким, всеми презираемым и оклеветанным созданиям.

Должен сказать, что моя жена тоже поделила со мной эту весьма редкую склонность и, став ловким кольцевальщиком, всегда отпускала своих временных пленников не иначе, как нежно почесав у них за ушками!

Раньше я относился к этим подземным обитателям с полным безразличием. Кое-что я, конечно, успел заметить мимоходом (например, что летучие мыши, по-видимому, имеют свои излюбленные пещеры). Много раз я был свидетелем их неправдоподобной ловкости, когда, пролетая по очень узким проходам, они лишь слегка задевали меня. Иногда во время зимней спячки я снимал их со стен пещеры, рассматривал их перепончатые крылья, мягкую и густую короткую шерстку и "страшное лицо, застывшее в гримасе".

Но с того дня, когда я впервые окольцевал и зарегистрировал летучих мышей пещеры Тиньяхюст, я проникся к ним интересом, который возрастал, по мере того как я, изучая и наблюдая их повадки и нравы, открывал удивительные вещи.

Пещера Тиньяхюст оказалась идеальным местом для наблюдений. Она расположена в двадцати километрах от Сен-Годенса, и до нее легко добраться на велосипеде, а это мой любимый способ передвижения. Достаточно отдаленная и хорошо замаскированная на склоне крутой и лесистой горы, она практически никому не известна, в ней нет ничего особенно привлекательного, и никто ее не посещает. Поэтому я был уверен, что смогу без помех проводить наблюдения, предполагая вести их в течение полного годового цикла.

Я стал отлавливать и кольцевать летучих мышей и сразу же натолкнулся на первую странность — в колонии примерно в тысячу особей были только самки.

Вскоре у меня образовалась привычка всегда навещать эту спящую глубоким сном стаю. Позднее я решил, что, поскольку летучие мыши — животные ночные, наблюдения надо вести ночью, если хочешь получить какие-нибудь результаты. Действительно, оказалось, что рукокрылые не только зимуют в пещерах с ноября по апрель, когда находятся в состоянии спячки, но и спят в них также в течение всего дня в другие времена года. С наступлением ночи они пробуждаются и оживленно вылетают на охоту за насекомыми, которых ловят на лету, как настоящие ночные ласточки.

Я совершенно не представлял себе, в какое время летучие мыши отправляются на охоту. После многократных наблюдений заметил, что они вылетают через час после захода солнца. Наблюдение за вылетом открыло новые необъяснимые, или, лучше сказать, необъясненные, особенности их поведения.

Пещера Тиньяхюст состоит из двух смежных залов, соединенных низким и узким проходом. Колония летучих мышей расположилась во втором зале, примерно в шестидесяти метрах от входа в пещеру. Здесь всегда царит полный мрак.

Вот как развивались события: место для наблюдений я выбрал под наклонной аркой

входа. Я расположился на своем посту, как только зашло солнце, часов в восемь (дело происходило в мае), и замер, стараясь ничем не напугать летучих мышей, чтобы они не изменили своего обычного поведения.

Сумерки сгущались и переходили в ночь, и я ожидал, что сейчас колония пробудится от дневного сна и вылетит дружно, как стая воробьев, чего вполне можно было ожидать от таких стадных животных, как летучие мыши.

Однако только около девяти часов, то есть через час после того, как солнце скрылось за горизонтом, я услышал характерный звук, производимый одним или двумя животными (этот звук возникает, когда летучая мышь энергично бьет крыльями, чтобы затормозить перед поворотом). Одна-две летучие мыши влетели в первый зал. Я слышал, как они приближались, пересекли порог пещеры, пролетев в нескольких сантиметрах от моего лица, и сразу пропали на фоне ночного неба.

Прошло несколько минут. Быстро по прямой линии пролетает еще семь-восемь летучих мышей. Затем число вылетающих животных возрастает, и они летят уже сплошным потоком.

Но довольно скоро поток начинает редеть. Теперь я опять различаю каждое отдельное вылетающее животное и могу пересчитать их. Ритм вылета заметно снижается. Еще несколько летучих мышей покинули пещеру, и наконец я отмечаю, что последняя летучая мышь вылетела в десять часов пятнадцать минут. Странность такого нарастающего и снижающегося вылета побудила меня много раз повторять эти наблюдения в те бессонные ночи, которые я посвятил летучим мышам пещеры Тиньяхюст.

С того дня я вел наблюдения с блокнотом и карандашом в руке и светящимися часами на запястье, и результаты всегда совпадали с первоначальными. Теперь я мог сказать с полной уверенностью, что вылет всегда длится более часа (а это немало для колонии в какую-то тысячу особей). Сначала вылетает по одной летучей мыши в минуту, затем наступает максимум — пятьдесят особей в минуту, и под конец за последнюю минуту вылетает одно запоздавшее животное.

Точные цифры, которых здесь не буду приводить, давали на бумаге колоколообразную кривую, называемую "кривой Гаусса", заинтересовавшую многих метрологов.¹ Сам же механизм этого странного явления объяснить так и не удалось.

Теперь следовало определить, когда и в течение какого времени животные возвращаются с охоты.

Здесь наблюдения показали полнейшую анархию или по крайней мере такое разнообразие вариантов, что мне не удалось обнаружить в них какой-либо закономерности. Сравнивая отметки в моем блокноте в различные дни, я увидел, что первые летучие мыши возвращались около полуночи, а последние прилетали лишь на заре.

Иногда, впрочем, животные возвращались группами и гораздо раньше, например, между одиннадцатью часами вечера и часом ночи. Но эту кажущуюся неправильность всегда было легче понять, чем загадочный вылет "колоколом". Теплой безветренной ночью в воздухе летает много ночных насекомых, и летучие мыши быстро находят обильный корм и, насытившись, возвращаются в свою пещеру. Если же ночь холодная, ветреная, да к тому же немного дождливая, насекомых в воздухе совсем нет или во всяком случае очень мало, и муринам, чтобы насытиться, приходится долго охотиться, иногда до самого рассвета, всю ночь прочерчивая воздух в различных направлениях, чем и объясняется их возвращение в пещеру лишь к утру.

Когда я вел наблюдения в течение одной или нескольких действительно холодных ночей или в дождливую погоду, я отмечал, что, несмотря на наступление вечера, летучие мыши вообще не покидали пещеру. В это время они ничем не питались, и их пост длился столько же, сколько и дурная погода. Я заметил также, что им не требуется ничего, чтобы определять время суток. Безошибочный инстинкт подсказывает им это.

В Тиньяхюсте колонию летучих мышей отделяло от входа каких-нибудь шестьдесят метров, и можно было заподозрить внешние воздействия. Но я мог убедиться, что в других

¹ Метролог — специалист, работающий в области метрологии — науки о мерах.

пещерах, где летучие мыши жили очень далеко от входа, иногда на глубине многих километров, они "знали", какая погода, и не трогались с места в те ночи, когда погода не благоприятствовала их полетам и не обещала хорошей добычи.

Однажды солнечным утром мы с моим другом аббатом Домиником Катала вошли в гигантскую пещеру Алден (департамент Од). Мы долго бродили по нижним горизонтам пещеры. На обратном пути около полуночи я увидел на высоком своде колонию летучих мышей, которую заметил еще утром. Она неподвижно и безмолвно висела в полном составе, и я легко пришел к определенному выводу.

— Мы намокнем, когда выйдем из пещеры. Идет дождь.

— Странно, — сказал аббат, — ведь утром была такая хорошая погода.

— Да, но теперь идет дождь.

— Вы что, колдун?

— Нет, но знаю, что идет дождь, — продолжал я упрямо настаивать.

Через двадцать минут, когда мы вышли под небольшой навес входа, мы заколебались, идти ли дальше, чтобы добраться до нашей машины, которую оставили в пятнадцати минутах ходьбы. Лил проливной дождь. Аббат Катала убедился в точности моего прогноза и был поражен, когда я поделился с ним секретом.

Я продолжал посещать пещеру Тиньяхюст и вести там наблюдения и был немало удивлен, когда заметил, что между 1 и 3 июня более тысячи самок, как одна, произвели на свет по детенышу (очень редко двух). Едва родившись, эти голые и слепые крошки с помощью маленьких коготков прицеплялись к матери и присасывались ротиком к ее соску. В таком положении они проводили примерно месяц. В течение этого времени мать и детеныш как бы составляли одно целое. Днем это не так удивительно, как ночью. В течение всего июня я наблюдал ночные вылеты муринов, и каждая самка вылетала на охоту вместе с детенышем.

Дети росли довольно быстро, и уже к концу июня самкам стало не под силу летать с такой ношей. И вот в одну прекрасную ночь мне пришлось присутствовать при удивительном, поистине единственном в своем роде зрелище.

В повадках летучих мышей все очень точно упорядочено (в том числе роды — все самки колонии разрешились от бремени в течение двух суток). Однажды ночью в конце июня самки, по-видимому, "решили", что детеныши могут теперь повисеть под сводом одни, пока взрослые летучие мыши будут заниматься своей обычной ночной охотой.

"Операция отделения" детенышей от матерей была проведена блестяще за один раз.

Самки "решили" избавиться от необходимости таскать на себе лишнюю тяжесть, а напуганные детеныши ни за что не хотели отпускать матерей. Началась страшная потасовка. Мурины "болтали" и кричали совсем как попугайчики. Можно себе представить, какой гам стоял в пещере. Наконец матери одержали верх, освободились от детенышей и улетели, а молодняк, повиснув на потолке, остался ждать их возвращения. Ждали они отнюдь не молча, а испуская все время резкий и жалобный писк, очень похожий на писк отбившихся цыплят.

Я заметил, что в этот раз, а также в следующие ночи летучие мыши возвращались гораздо раньше, чем обычно. Вероятно, они спешили к своему потомству. Можно было предположить, что у животных, ведущих стадный образ жизни, чувство коллективизма развилось до такой степени, что каждая самка воспитывает любого первого попавшегося детеныша. Но это совсем не так.

Мы наблюдали тысячу самок, которые, возвращаясь в пещеру к тысяче малышей, образующих копошащуюся в темноте массу, умудрялись каждая находить своего детеныша (как овца и ее ягненок находят друг друга в большом стаде). Чтобы убедиться в этом, мы много раз пытались оторвать детеныша от матери и заставить его прицепиться к чужой матери, но нам это ни разу не удалось. Самка начинала кусаться и не принимала чужого детеныша.

Наблюдения я вел в глубине пещеры Тиньяхюст, которую посещал много раз в полном одиночестве под покровом двойной ночи — ночи на земле и вечной ночи подземелья. Иногда

я говорил себе, что вот сейчас полночь — час, когда театры, кино и мюзик-холлы переполнены публикой. Зрителям предлагают самые разнообразные, сенсационные и утонченные зрелища. Я же, усталый и невыспавшийся, не согласился бы променять свое место на ложу в опере, ибо вкушаю тот острый и хмельной восторг разума, ту радость познания, которая роднит между собой астрономов, физиков, химиков, философов, любых исследователей, даже любителя летучих мышей.

Да, любым зрелищам, любым театрам я предпочитаю мои пещеры, где я наслаждаюсь свободой, фантазией, неожиданными открытиями. Кроме мерного звука капель, падающих с потолка, ничто не нарушает полной тишины.

Однажды я заметил, что все летучие мыши покинули пещеру. Молодые мурины окончательно возмужали, стали самостоятельными и независимыми и отправились на ночную охоту вместе с матерями. Удвоенный за счет молодых животных контингент держался вместе еще два с половиной месяца. Но около 20 августа колония покинула свое обиталище и куда-то исчезла, куда — я так никогда и не узнал. Позднее я понял, что Тиньяхюст — это вроде "роддома" для летучих мышей. Сюда оплодотворенные самки прилетали в конце марта или в начале апреля одновременно с появлением ласточек в этой местности. Здесь они жили в течение всей беременности, родов, выкармливания и "отлучения от груди" детенышей. Как только молодь начинала достаточно хорошо летать, вся колония куда-то переселялась.

Среди младшего поколения, родившегося в Тиньяхюсте, самцов было столько же, сколько самок, но молодые самцы больше никогда не возвращались в родную пещеру, тогда как молодые самки неизменно возвращались вместе со своими матерями, бабушками и прабабушками.

Мне показалось, что наблюдать летучих мышей днем и ночью в течение пяти месяцев, которые они проводили в родной пещере, недостаточно, и я стал производить с ними различные опыты. Самыми интересными и, как мне кажется, самыми ценными были попытки отлавливать животных и переносить их в незнакомые места, чтобы заставить их проделать то, что я назвал "полет-возвращение".

В проведении этих опытов мне с большим воодушевлением помогала моя жена. Мы отлавливали в пещере двадцать — тридцать летучих мышей, кольцевали их, уносили на далекие расстояния и отпускали, наблюдая, сумеют ли эти животные найти пещеру, в которой обитали.

Что касается сравнительно коротких расстояний, как, например, Сен-Годенс или Сен-Мартори (от восемнадцати до тридцати шести километров), мы не были особенно удивлены тем, что летучие мыши легко отыскивали свой дом (что нам становилось ясно, когда мы обнаруживали в своем сачке животных, окольцованных для этих экспериментов). Окрыленные успехом, мы начали увеличивать расстояние. Иногда мы сами увозили подопытных животных в различные отдаленные места, иногда отправляли в плетеной корзине по железной дороге.

Мы выпускали летучих мышей в Тулузе (100 км), Ажене (120), Каркассонне (150), Сен-Жан-де-Люз (180), Молье-Пляже в Ландах (200), Сет (265), Монпелье (280) и в Ангулеме (300 км).

Все опыты увенчались успехом и показали, что летучие мыши одарены такой же удивительной способностью ориентироваться, как почтовые голуби и перелетные птицы. Кроме того, наши опыты показали, что все беременные мурины стремились разрешиться от бремени только в своей пещере Тиньяхюст и нигде больше.

Из-за трудности перевозок летучих мышей по железной дороге (очень много животных погибало в пути) я отказался от мысли выпускать летучих мышей дальше чем за триста километров. Мне казалось, что результаты опыта достаточно убедительны, и животное, способное найти дорогу на расстоянии триста километров, вероятно, сумеет найти ее также за четыреста и пятьсот километров.

Однажды нам представился случай быстро доставить в Париж десяток мурин. Это

взяла на себя госпожа де Сед, принимавшая участие в окрашивании вод в Тру-дю-Торо в 1931 году. Она выпустила животных со своего балкона в Нейли в два часа ночи при свете луны.

Она не сразу отпустила всех летучих мышей, а выпускала их одну за другой, чтобы иметь возможность проследить за их поведением. Все животные сначала делали ориентировочный круг, обычный в таких случаях, и все затем прямо направлялись на юг, то есть к пещере Тиньяхюст, находившейся в семистах километрах по... полету летучей мыши. К сожалению, животных было только десять, и в своем сачке я так никогда и не нашел ни одной из этих путешественниц. Само собой разумеется, что в своих опытах и наблюдениях я не ограничивался пещерой Тиньяхюст.

Я окольцевал с тех пор свыше двенадцати тысяч летучих мышей (главным образом в департаментах Верхней Гаронны и Верхних Пиренеев), которые дали мне много драгоценных наблюдений.

Неоднократно я встречал, да и теперь встречаю, в тех или других пещерах окольцованных мною летучих мышей. Между прочим, я никогда бы не поверил, как часто поступают сведения об окольцованных летучих мышах из совершенно различных мест от людей, заинтригованных кольцом и охотно сообщающих о своей находке Парижскому музею. Смысл и цель кольцевания в том и состоит, что оно дает драгоценные свидетельства.

Чтобы рассказать только о самых удивительных случаях, я упомяну о скаутах из Бове (департамент Уаза), которые дважды сообщали в музей о находке в соседних подземных карьерах в Сен-Мартен-ле-Нод летучих мышей, окольцованных мною в Верхних Пиренеях, то есть за семьсот километров от места находки. Здесь уже не могло быть речи о "полете-возвращении", и животные перекочевывали добровольно. Был такой случай: особь семейства подковоносов (обычно считающегося оседлым), которую я окольцевал в пещере Гаргас (Верхние Пиренеи), отловили в Фринбахе в Баварии, то есть на расстоянии одной тысячи ста километров.

Я мог бы рассказать массу интересных историй, но ограничусь одной, в которой речь пойдет не о дальности преодоленного расстояния, а об удивительных совпадениях.

В мае 1938 года Андре Бонмезон, штукатур, ремонтировал деревенскую мэрию в Эсканекрабе (Верхняя Гаронна) и обнаружил забившуюся в трещину летучую мышь, на которой было кольцо с надписью "Парижский музей Н 149".

Бонмезон отпустил животное и, заинтригованный своей находкой, написал в Париж, что летучая мышь Н 149, которая "удрала из музея", обнаружена в Эсканекрабе.

Служба музея поблагодарила его и написала, что данная летучая мышь не беглянка из музея, а что ее окольцевал Норбер Кастере в феврале этого же, 1938 года в Сен-Годенсе, в пещере Тибиран (Верхние Пиренеи). Этот случай повторного отлова не представлял особого интереса: расстояние от места кольцевания всего тридцать три километра, время от момента кольцевания только три месяца.

Через шесть лет, 24 января 1944 года, в пещере Тибиран я обнаружил в своем сачке эту же летучую мышь, которая зимовала здесь же, как в 1938 году. Но представьте себе, что 5 мая этого же года тот же самый штукатур Бонмезон, ремонтируя стену церкви, опять нашел эту же летучую мышь! Она лежала в трещине мертвая, он без труда достал ее, снял кольцо с меткой Н 149 и отправил его мне. Как без кольцевания можно было бы узнать, что эта летучая мышь семейства подковоносов, зимовавшая в пещере Тибиран, имела обыкновение летом "посещать" мэрию и церковь в Эсканекрабе!

И кто знает, сколько раз она проделала этот путь! По меньшей мере в течение семи лет, как можно установить на основании этого интересного эксперимента, в котором главную роль сыграло самое невероятное совпадение — двукратная поимка животного одним и тем же человеком.

В настоящее время на основании своих наблюдений я могу составить некоторое представление о продолжительности жизни летучих мышей. Как помнит читатель, профессор Бурдель, вручая мне первые кольца, сказал, что эти животные живут примерно

три-четыре года.

Я начал кольцевать летучих мышей с 1936 года и мог сообщать музею об отлове своих "подопечных", окольцованных пять, десять, пятнадцать лет тому назад.

В настоящее время рекорд (можно говорить о мировом рекорде, поскольку кольцевание проводится во многих странах и специальные публикации помещают результаты отловов для сведения кольцевателей) принадлежит особи семейства подковоносов, которую я повторно отловил 2 января 1960 года в пещере Лябастид (грот Рычащего Льва). Эта самка летучей мыши (кольцо G 106) — моя старая знакомая, так как я уже пять раз отлавливал ее в этой пещере, где она входит в колонию примерно из ста пятидесяти особей.

Я окольцевал ее 30 декабря 1938 года, то есть двадцать три года назад! Но поскольку к моменту кольцевания она была уже взрослым животным, можно считать, что этой летучей мыши по меньшей мере двадцать пять лет, а может быть, и гораздо больше.

Я внимательно осмотрел эту "старейшину" и не обнаружил никаких характерных признаков старости. Ее клыки стерты только наполовину, в то время как мне приходилось видеть животных с совершенно стертыми клыками. Сколько же лет в таком случае живут летучие мыши? Вопрос остается открытым.

Заканчивая главу, мне хочется сказать, что мы лишь слегка коснулись многих удивительных аспектов жизни рукокрылых, обитающих в небольшом уголке Пиренеев, тогда как эти животные обитают во всем мире: от экватора до полярного круга — и сильно различаются как повадками, так и размерами (крыланы или летучая лисица тропиков величиной с кошку, а нетопырь — карлик наших чердаков — весит всего четыре грамма!).

Мы ничего не рассказали, например, о знаменитом природном радаре (или, точнее, сонаре), позволяющем животным летать и находить направление в полной темноте самых глубоких пещер, так как это увело бы нас слишком далеко за рамки наших воспоминаний. И все же мы с сожалением покидаем этих робких и привлекательных созданий, совершенно безобидных и очень полезных. Они, кроме прочих заслуг, вдохновили французского изобретателя Клемента Адера, "отца авиации", который точнейшим образом скопировал строение крыла летучей мыши, когда создавал свою знаменитую "Летучую мышь", поднявшуюся 9 октября 1890 года над парком замка Арменвилье в департаменте Сена и Уаза.

XXIV

Пещеры и молния

Это произошло незадолго до моей женитьбы. Мы с матерью и братьями Жаном и Марсиалем поднялись на пик дю-Миди-де-Бигор. Это был наш первый поход в горы и наше первое восхождение.

В то время еще не было дороги, соединяющей перевал Турмалет с вершиной пика, и подъемника, конечно, тоже еще не существовало. Восхождение на пик дю Миди занимало тогда очень много времени. Мы вышли из селения Грип и шли ночью, чтобы до наступления дня добраться до вершины. Тогда было принято — отголоски эпохи романтизма — подниматься на горы и там встречать восход солнца. Мы еще принадлежали к этой школе и были очень рады, что достигли вершины до зари.

Из Сен-Мартори пик дю Миди кажется самой высокой точкой Пиренеев. Такое ложное впечатление создается благодаря тому, что эта вершина несколько выдвинута вперед к долине. Ее гармонично правильный купол притягивает к себе взгляды. Прекрасная гора была у нас перед глазами в течение всей нашей юности. Много раз у нас возникали и лопались планы восхождения на нее, но только сегодня нам наконец удалось осуществить эту мечту; мы ждали зарождения нового дня, дрожа и прижимаясь к триангуляционному знаку на вершине.

Наконец за гребнями Арьежа появилось солнце, и мы восторженно следили за его восходом над морем пиков и долинами Гаскони.

В те времена вершина еще не была срезана на семнадцать метров для установки на ней

телевизионного пилона, и мы находились выше площадки, на которой стоит обсерватория.

Пока в этот утренний час мы дрожали от холода, на площадке появилась какая-то фигура. Это был наблюдатель. Он посмотрел на приборы, стоящие под навесом, взглянул на солнце и увидел нашу маленькую группу, сгрудившуюся у пирамидки, таким образом ища защиты от ледяного ветра, который поднялся с наступлением дня. Он нас окликнул, сказал, чтобы мы не замерзли там наверху, и пригласил погреться.

В ответ на это любезное приглашение мы двинулись вниз, стараясь рассмотреть человека, который ожидал нас на пороге своего дома. Высокий рост, немного сутулая фигура, рыжеватая борода и в особенности голос пробудили у нас с Жаном одинаковые воспоминания.

— Да ведь это Дозер! — сказали мы в один голос. За десять шагов до него всякие сомнения исчезли: мы узнали нашего бывшего учителя физики и химии в Тулузском лицее! Мы потеряли его из виду с начала войны 1914 года и не знали, что он стал директором обсерватории на пике дю Миди.

Конечно, это был Дозер. Он пригласил нас зайти, угостил обжигающим кофе в своем кабинете и наговорил маме комплиментов по поводу того, что она поднялась в горы ночью вместе со своими взрослыми сыновьями. Он добавил, что обычай ночных восхождений все больше уходит в прошлое.

Короче говоря, он был очарователен, полон внимания, и мы вновь нашли в нем любезнейшего человека, превосходного учителя, которого знали раньше. Он и не подозревал, что перед ним два его бывших ученика, но мы сказали ему об этом, и все вместе погрузились в старые довоенные воспоминания.

Дозер был очень гостеприимен и показал нам свою интереснейшую обсерваторию.

Это восхождение и посещение обсерватории не остались без последствий и не забылись.

В 1928 году я вновь поднялся на пик дю Миди с женой, на этот раз на лыжах, так как дело происходило 28 января. Снегопады были исключительно обильными (на террасе обсерватории снежный покров достигал шести метров). Из поселка Грип мы вышли ночью, и на восхождение нам понадобилось одиннадцать часов из-за большого количества снега, плохого снаряжения и наших неисправных лыж.

Хотя конец восхождения был очень мучителен из-за снежной бури, в общем это был прелестный поход и даже — я не сомневаюсь в этом — первый в своем роде: первое восхождение женщины на лыжах на пик дю Миди. Это маленькое обстоятельство занесли в журнал два сотрудника обсерватории — Убер Гарриг и Жозеф Дево.

Из-за снежной бури и лавин, которые делали невозможной любую попытку спуститься, мы три дня пользовались гостеприимством хозяев обсерватории.

Летом мы много раз поднимались на пик дю Миди и дважды нанесли визит господину и госпоже Дозер, жившим зимой в Баньер-де-Бигор.

Господин Дозер, обладавший острым умом ученого, интересовался решительно всем, даже нашими подземными исследованиями и наблюдениями, и неустанно расспрашивал о них. Здесь, наверху у пика, он начал проводить значительные строительные работы по расширению и модернизации помещений обсерватории. Это учреждение было делом всей его жизни, он отдавался ему целиком.

Проходили годы, и однажды весной 1937 года раздался телефонный звонок из Баньер-де-Бигор. Взволнованный и совершенно растерянный Дозер сообщил мне поистине удивительную новость и просил меня оказать ему большую услугу.

Положив телефонную трубку, я рассказал жене, которая в это время занималась в кабинете с нашими тремя детьми, какие неслыханные вещи произошли в обсерватории пика дю Миди и что случилось с беднягой Дозером.

В 1937 году страна переживала всевозможные потрясения. Отголоски этих событий достигли вершины пика дю Миди, где без всякого предупреждения покинули свои посты двое служащих обсерватории, обеспечивавшие работу метеорологической службы. Наверху

остался только повар, который тоже не замедлил бы спуститься, не помешай ему то обстоятельство, что он плохо ходил на лыжах, а состояние снега было неблагоприятным.

В конце концов Дозер дал сигнал бедствия и умолял меня прийти на помощь, чтобы обсерватория не осталась покинутой и чтобы наблюдения, которые велись по точному расписанию в течение пятидесяти трех лет, не были прерваны столь досадным образом.

Помню, с какой готовностью Элизабет помогла сложить в рюкзак все, что могло мне понадобиться для жизни на большой высоте, где царили низкие температуры. Дети прильнули к окну, глядя на совершенно белый пик дю Миди, "где папа проживет целый месяц".

В полдень мы прибыли в Баньер, как раз вовремя, чтобы позавтракать с Дозерами. Потом меня ввели в курс моих обязанностей сменщика и наблюдателя. В обсерватории Баньер-Вилль были такие же приборы, как и в обсерватории пика, так что я смог ознакомиться со своими новыми функциями наблюдателя, и в шесть часов вечера Элизабет высадила меня в селении Грип, у подножия Турмалет, где я должен был переночевать и на следующее утро подняться в горы вместе с одним лыжником из долины, пожилым носильщиком, постоянно доставлявшим грузы в обсерваторию.

Наверху в обсерватории я встретил повара Кармуза, плотного горца лет пятидесяти, кроткого и приветливого, который обрадовался моему приходу, потому что телефонные провода были порваны лавиной и Кармуз был полностью отрезан от долины. Мы с ним поладили очень быстро.

Он поместил меня в собственной комнате генерала Нансути, основателя обсерватории, который провел здесь одиннадцать лет, зиму и лето, в очень изменчивых, часто опасных условиях.

Это была крошечная, очень темная комнатка, настоящая келья, но в ней я только спал. Все остальное время я проводил вне помещения, если температура была не слишком низкой, или в кабинете-столовой, где в моем распоряжении была библиотека, несколько, правда, старомодная, но интересная.

В полдень на первую трапезу подали артишоки. Вечером на ужин были тоже артишоки. На следующий день как на завтрак, так и на обед все весьма обильные блюда были опять из артишоков. На третий день Кармуз не моргнув глазом вновь поставил на стол... артишоки!

— У нас их еще много? — спросил я, несколько озадаченный.

— А что, вы их, может быть, не любите?

— Если бы я их не любил, я бы сказал вам об этом сразу. Я люблю артишоки, однако же не каждый день! Вы могли бы подавать их, скажем, через день-два...

— Ну хорошо, хорошо, — отвечал бодро Кармуз. И он объяснил мне, что здесь большой запас банок с консервированными артишоками, но оба наблюдателя запретили подавать артишоки, пригрозив, что забросают ими потолок, так как полностью пресытились и получили отвращение к ним до конца жизни.

Исключительная высота обсерватории над уровнем моря (2870 метров), живописность местности привлекают сюда летом многочисленных ученых и бесчисленных туристов. Но период бурной деятельности недолог — всего лишь с середины июля до конца сентября. В это время обычно поднимают сюда на мулах все припасы (топливо, продукты и т. д.). Вереницы туристов и выючных мулов встречаются и расходятся на склонах гор, но уже к концу сентября высокогорье вступает в свои права и первый снежный шквал и туман без всякого перехода обрывают короткое лето. Пик вновь погружается в полное одиночество. Персонал обсерватории сокращается до зимней нормы: два наблюдателя и повар. Им предстоит жить так девять месяцев. В это время они не видят нового человеческого лица, кроме тех случаев, когда отважные и энергичные носильщики добираются до них на лыжах с несколькими килограммами мяса, свежих овощей и, главное, с письмами, которых наверху ждут с огромным нетерпением.

С тех пор как построена дорога почти до вершины пика, а к обсерватории подведен подъемник, соединяющий ее с долиной, условия жизни здесь, конечно, совершенно

изменились.

Мы с Кармузом вели жизнь отшельников.

Он жил в своей кухне и кладовой, где в его распоряжении было целое царство провизии и консервных банок. В определенные дни он пек хлеб на целую неделю из муки, хранящейся в металлических коробках, так как здесь было много мышей и крыс. Каждый день ему приходилось ставить на плиту полные кастрюли снега, чтобы получить воду.

Мы встречались с ним только к вечеру и сумерничали у печки в столовой. Мы подолгу болтали, а иногда он читал "Кругосветное путешествие капитана Кука" в старом объемистом издании, в то время как я писал страницы своей будущей книги, которая, хоть и была написана на вершине пика, тем не менее называлась "На дне пропастей". Кроме того, я добросовестнейшим образом выполнял обязанности наблюдателя, ради которых поднялся в обсерваторию.

Главное место среди обстановки столовой занимал радиоприемник, громоздкий и бесполезный, "обезвреженный" моими предшественниками, которые, может быть, были чудаками, но не без здравого смысла и не желали, чтобы покой и одиночество пика тревожили отголоски внешнего мира.

Эти наблюдатели осуществляли эксперименты и исследования, вели собственную научную работу, и в результате оба написали здесь свои докторские диссертации. Физические упражнения тоже не оставались забытыми, поскольку на пике дю Миди приходилось заниматься изнурительным спортом, относящимся к самым трудным видам, — вечной ожесточенной борьбой против снежных заносов.

Обсерватория расположена на площадке длиной двадцать четыре метра и метров пятнадцать — двадцать в ширину. Кругом зияют пропасти. Поскольку площадка никак не защищена от почти постоянных ветров с гор, толщина снежного покрова на ней достигает каждую зиму пяти-шести метров. С заносами приходится неустанно бороться, чтобы не быть засыпанными и не оказаться в полной темноте, почти без воздуха.

Киркой и лопатой с грехом пополам прорывают глубокие траншеи перед дверьми и окнами, но стоит подуть ветру или пойти снегу, как траншеи вновь засыпает, и работу приходится начинать заново. Кроме того, на высоте почти трех тысяч метров работать мучительно: одышка и усталость из-за разреженного воздуха заставляют все делать медленно и с частыми передышками.

Как бы это ни казалось парадоксально, но наша горная обсерватория очень напоминала корабль. Огражденная барьером терраса, две мачты французского радиовещания (ТСФ) двадцатипятиметровой высоты напоминают мачты корабля, а блокгауз — капитанский мостик.

Подобно кораблю обсерватория часто погружается в туман и вдруг появляется из моря облаков и словно плывет по бескрайнему океану. Внутри сходство становится еще разительнее: узкие проходы, лестнички, тесные кабинки и койки, кабина ТСФ, угольный бункер, камбуз, цистерна с талым снегом, печь для выпечки хлеба. Наконец, чтобы ничего не упустить, вспомним бортовой журнал, в который каждые три часа заносятся результаты наблюдений за атмосферными явлениями, происшествия и достойные упоминания случаи.

Как на корабле, всегда кто-нибудь стоит на вахте, что бывало особенно затруднительно: ведь нас было только двое! В полночь, когда столько людей мирно спят или разбирают свои пальто в гардеробах театров и кинематографов, наблюдатель на пике вскакивает с койки и бежит по длинному подземному ходу, ведущему к блокгаузу, где открытые всем ветрам стоят приборы и инструменты.

Почти всегда приходится соскребывать покрывающий их слой льда, затем — еще взгляд по горизонту, чтобы определить состояние неба, направление ветра, и продрогший наблюдатель возвращается в свою каморку.

В три часа ночи будильник звонит подъем. Наблюдатель, настоящий мученик науки, надевает калоши, шубу, идет в ночной обход, записывает арктические температуры, которых не знают люди в долине.

Наконец в шесть часов утра, когда многие еще спят, дверь блокауза вновь открывается. При ветре и метели, в холодном мраке или в великолепии ясной ночи, когда мерцают сигнальные огни Биарица и Тулузского аэропорта (отсюда 270 километров), под колдовским сиянием луны или в синеватом отблеске рассвета вновь появляется нелепая тень наблюдателя, которая движется туда-сюда, поворачивается, нагибается и исчезает. Упрямо, добросовестно он делает свою работу, выполняет свой долг каждый день, каждую ночь, в течение многих месяцев и долгих лет.

Однажды в девять часов утра, когда я возвращался из блокауза к своим записям, Кармуз вбежал в столовую.

— Два лыжника выходят из ущелья Сенкур! Это не наши обычные снабженцы, — добавил он, — и даже можно подумать, что один из них — ребенок!

Случай был поистине необычный, можно даже сказать — исключительный. Впервые в этом году на склоне пика мы увидели лыжников, а если предположить, что один из них был действительно ребенком, то случай был совершенно неслыханный! Пик дю Миди, покладистый летом, зимой никак не годится для горнолыжников.

Мы вынесли на площадку сильную подзорную трубу с треножником, привели в боевую готовность, и я направил ее на два маленьких черных пятнышка, которые взбирались вверх и, казалось, собирались добраться до нашей обсерватории.

Более высокий из двух лыжников шел, сгибаясь под тяжестью большого мешка, тогда как другой двигался впереди и прокладывал лыжню, и я узнал его без труда.

— Я знаю этого ребенка, — сказал я Кармузу.

— Кто же это?

— Моя жена!

Это действительно была она. Вместе с Фуркадом — одним из лучших носильщиков — она поднималась из селения Грип.

Кармуз сразу же соорудил флягу с чаем. На высоте обсерватории вода кипит при 90° и чай никогда не удается, как говорят знатоки. Я взял флягу, завернутую в фуфайку, и быстро спустился навстречу нашим гостям, которые несли нам новости, письма и, главное, радость своего присутствия.

Чтобы не нарушать правила, запрещающего носильщикам задерживаться в обсерватории (так как иначе на них придется истратить часть съестных припасов, доставленных с таким трудом), Фуркад сразу же спустился вниз. Но для Элизабет было сделано исключение, и она прожила в обсерватории двое суток, познакомилась с моими наблюдениями и записями, увидела изумительную панораму заснеженной горной цепи, простирающуюся от Атлантического океана до Андорры; в некоторые дни можно различить даже Монтань Нуар, или Черную Гору.

Мне удалось дважды показать ей явление, которое многие никогда не видели, а другие вообще отрицают его существование, но которое довольно часто можно наблюдать на пике дю Миди как при восходе, так и при закате солнца. Я говорю о знаменитом зеленом луче.

Кармуз старался превзойти самого себя. Не слишком расточая свои запасы, он ухитрился приготовить сложное кондитерское изделие — нечто вроде гигантского бриоша, напоминающего пик по форме, причем к вершине шла тропка, представляющая собой сделанную карамелью надпись: "Добро пожаловать, мадам Кастере". Пользуясь удобным случаем, Кармуз трижды подал нам артишоки!

Прошел месяц. Наблюдатели, покинувшие свой пост, вернулись в обсерваторию (скажем в их оправдание и к их чести, что один из них провел на пике пять, а другой семь зимовок подряд).

Я спустился в долину в восторге от своего курса лечения одиночеством и полной изоляцией на одной из самых прекрасных вершин мира.

На этом не закончились наши связи и сотрудничество с Дозером. После того как он завлек меня на вершины гор и познакомил с метеорологическими явлениями, пришла моя очередь показать ему пещеры и раскрыть некоторые их тайны.

Камил Дозер, будучи физиком, давно уже занимался изучением зарождения гроз и града и для этого совместно с натуралистом-самоучкой Жозефом Буже вел обширный опрос в районе Баньер-де-Бигор о местах, пораженных ударами молнии.

Жозеф Буже пришел к заключению, что молния поражает обычно те породы, которые лучше всего проводят электричество. Он уточнил, что молния поражает не только определенные горные породы (сланцы и граниты), но в основном места контакта двух различных минералогических образований. Профессор Дозер развил и уточнил практические наблюдения своего коллеги и на основе их выдвинул новую гипотезу, утверждая, что степень притяжения молнии в той или иной местности зависит от степени ионизации воздуха, а ионизация в свою очередь зависит от степени радиоактивности. Таким образом, подтвердились наблюдения Жозефа Буже, согласно которым наиболее радиоактивными из горных пород являются граниты, а наименее — известняки.

Это дает возможность объяснить и установить зависимость частоты ударов молнии и геологического строения земной поверхности. И все же в отношении известняков, расположенных у входов пещер и пропастей, по-видимому, существует любопытное исключение.

Вот по этому вопросу и подключили меня к своим исследованиям Дозер и Буже, и я смог сообщить им, что часто у краев пропастей находил следы ударов молнии в виде воронки, растрескавшихся камней и в особенности деревьев, отмеченных характерными бороздами, остающимися от удара молнии.

Я приводил Дозера к сводам у входа в пещеры, где он с помощью счетчика Гейгера измерял ионизацию воздуха. Измерения производились также внутри пещер и подтвердили (Эльстер и Гейтель обнаружили это явление еще в 1930 году), что воздух подземных полостей радиоактивен.

Летом в период гроз пещеры, в которых наблюдается поток сильно ионизированного воздуха, улавливают электрический заряд молнии, которая ударяет в свод пещеры или в отверстие пропасти.

Под огромным скалистым порталом пещеры Лябастид я нашел великолепный фульгурит величиной с кулак, состоящий из одного стекла, — неоспоримое свидетельство удара молнии в это место. Э. А. Мартель уверял меня, что пропасть Падирак часто притягивает молнии во время сильных летних гроз.

Такого рода наблюдения и свидетельства бесчисленны, и нет никакого сомнения, что во время грозы было бы неосторожно искать убежища у входа в пещеру.

В заключение я хочу напомнить легенду о "молниях" Юпитера, выкованных Вулканом и циклопами в подземных жилищах, о знаменитых бронзовых молниях, которые пытался украсть из грота Меркурий в раннем детстве, но не смог унести, так как они оказались слишком тяжелыми.

Древние, часто показывавшие себя тонкими и проницательными наблюдателями, возможно, заметили, что пещеры "привлекают" молнии, и создали миф о подземном происхождении молний.

XXV

Подземная река Лабуиш

Не все мои исследования проходили в атмосфере изолированности и таинственности первых одиноких походов.

За этим героическим периодом, очень увлекательным, но также очень опасным, наступил период, когда я исследовал пещеры не один — сначала с Марсиалем, затем с женой. Но двоих не всегда достаточно, чтобы преодолевать препятствия под землей и выносить сильные и острые эмоциональные нагрузки.

Постепенно в наших походах стали принимать участие наши друзья, с которыми мы проводили все более сложные исследования во все более обширных подземных полостях.

Именно это и было настоящей спелеологией, а не рискованной авантюрой или смертельно опасными исследованиями.

Рано или поздно это неизбежно должно было привести к большим летним экспедициям (со сбрасыванием оборудования на парашютах, с лагерями, разбитыми на поверхности и под землей), насчитывающим иногда до тридцати участников. Без таких экспедиций невозможно покорить и исследовать большие разветвления пещер и пропастей.

Первый шаг на пути к массовой и организованной спелеологии я сделал в 1937 году в Арьеже у подземной реки Лабуиш, когда взял себе помощника, который, конечно, мог оказаться случайным человеком, но стал моим самым верным сотрудником, ибо мы работаем вместе уже более двадцати лет.

В 1908 году Мартель проводил лето в Пиренеях, и ему показали у горного прохода Фуа вход в пещеру, где таился неисследованный водный поток, изучением которого он немедленно занялся. Река оказалась глубокой, и Мартелю с товарищами пришлось сесть в разборную лодку и подняться вверх по реке на полкилометра. Выше они столкнулись с препятствием, заставившим их вернуться.

На следующий год, то есть в 1909 году, Мартель вновь пришел сюда с экспедицией, состоявшей из девяти участников, и начал исследование пещеры. Они поплыли по реке на пяти лодках. Экспедиция была неудачной и чуть не закончилась трагически. Первая лодка опрокинулась на четырехметровой глубине, и экипажу с большим трудом в полной темноте удалось выбраться вплавь из этой принудительной ванны. У другой лодки корпус был пробит обломком скалы, и она пошла ко дну под тяжестью двух пассажиров, которые едва добрались до берега. Так что в тот день чуть не произошло "массовое" потопление.

Три уцелевшие лодки продолжали свой путь на триста метров выше места "кораблекрушения", но экспедиция подверглась слишком большим испытаниям и неудачам, помощи и спасения неоткуда было ждать, и трем лодкам-разведчицам пришлось тоже вернуться. По подземной реке Лабуиш они проплыли около 1200 метров, но у Мартеля так и не хватило времени вновь вернуться к исследованию этой реки.

В 1935 году, то есть через двадцать шесть лет после описанных событий. Инициативному синдикату Фуа, а затем Фермерскому обществу эксплуатации пришла мысль попытаться исследовать реку как можно дальше и приспособить пещеру для посещения туристами. Разные спелеологи вплоть до 1937 года предпринимали попытки исследовать реку, но обнаружили, что по реке возможно проплыть только два километра, затем поток исчезает в непроходимом сифоне.

Тогда обратились ко мне и попросили попытаться пройти сифон. Жена ждала четвертого ребенка и не могла сопровождать меня, и я приехал в Лабуиш один.

Я предполагал подплыть к самому сифону на надувной лодке, но мое предложение вызвало замешательство и колебание среди присутствовавших членов Фермерского общества. По-видимому, они не решались пустить меня одного плыть по этой длинной и коварной реке. Мне сказали, что один молодой человек, весьма ловкий и надежный, может сопровождать и помогать мне. Оказывается, он был уже экипирован, готов следовать за мной, и мне его представили.

Юноша был застенчив, скромно держался в стороне, но произвел на меня хорошее впечатление, может быть, как раз благодаря такому поведению. В действительности у него не было никакого снаряжения, даже каски, он держал в руке очень старый ацетиленовый фонарь и показал мне сделанную им самим надувную лодку из камеры грузовика, обернутой парусиной.

Я поговорил с этим добровольцем несколько минут. Он сообщил мне, что не знает никаких пещер, кроме Лабуиша, но будет счастлив сопровождать и помогать мне, так как ему очень нравятся такие исследования.

Рекомендация была не очень весомой, и я спросил, умеет ли он по крайней мере плавать. Ответ был утвердительным, остальное я принял на веру, и, мерно покачиваясь в лодке, мы отправились в плавание по реке в сторону сифона, находившегося на расстоянии

двух километров.

Этот этап исследований был очень напряженным, и мы поочередно опрокинулись на трудных местах, что, вероятно, мало смутило моего спутника и не отбило охоту плыть дальше, а это было хорошим признаком.

Первое подземное плавание с юным арьежцем положило начало сотрудничеству, которое длится до момента, когда я пишу эти строки, — уже двадцать три года. Время скрепило нашу дружбу, глубокую, как пропасти, которые нам пришлось преодолевать вместе во время наших памятных экспедиций. Так я встретил и "открыл" Дельтейля, который с тех пор всегда был рядом со мной.

В результате длительного плавания, которое нам то и дело приходилось прерывать, чтобы пересаживаться у каждого каменного порога, у каждого водопада, мы добрались наконец до глубокого беспокойного проточного озера, которое заканчивалось знаменитым сифоном. Я внимательно осмотрел и исследовал сифон и нашел его слишком большим и глубоким, чтобы можно было отважиться нырнуть в него одному без герметической лампы и страхующей веревки, попросту говоря, без ничего.

Мы повернули назад, к большому облегчению Дельтейля, который очень боялся, что я нырну в сифон и не вернусь обратно... Несмотря на все это, когда вечером мы вышли из пещеры на поверхность, где нас поджидали с нетерпением и беспокойством, я смог сообщить, что мы прошли сифон, снова обнаружили подземную реку выше сифона и проплыли по ней еще целый километр.

Это сообщение произвело большое впечатление на всех присутствующих и привело их в восторг. Дело в том, что благодаря моему опыту мы с Дельтейлем обнаружили неизвестный этаж, о существовании которого я догадывался по некоторым признакам. Исследование этого верхнего этажа — древнего пересохшего русла реки — потребовало от нас сложных и трудных гимнастических упражнений и расчистки заваленных проходов, и я убедился, что Дельтейль — прекрасный товарищ. У него не хватало только опыта, но он быстро приобрел его.

Самым ярким был момент, когда мы шли вдвоем по галерее и вдруг слышали рев каскада. Дойдя до водопада, мы поняли, что нашли реку выше сифона, останавливавшего раньше все экспедиции, включая и нашу, не далее как сегодня утром.

Наши лодки остались на приколе у подножия стены высотой тридцать метров, на которую мы взобрались, чтобы исследовать верхний этаж. Теперь нам приходилось отправиться по неизвестной верхней части потока без плавательных средств. Но это я решил проделать один. Может быть, сказалась привычка бывшего спелеолога-одиночки, но, вероятнее всего, на мое решение повлияло то, что Дельтейль оказался очень посредственным пловцом (в чем он сам затем признался). Я попросил его подождать меня на берегу, а сам погрузился в воду во всей одежде (в течение многих часов я все равно уже был совершенно мокрым), чтобы ознакомиться с рекой еще на полкилометра, и дошел до сифона, показавшегося мне менее серьезным, чем предыдущий; в него я решил нырнуть в следующий раз, когда вернусь сюда уже не один.

По многим причинам, главным образом из-за войны 1939–1945 годов, этот следующий раз задержался не на несколько недель или месяцев, а на годы, точнее, на целые восемнадцать лет. Только в 1955 году нам удалось привести к конечному сифону Лабуиш английских и французских аквалангистов.

Мои оценки и предположения не оправдались: сифон оказался очень глубоким и, к сожалению, непроходимым. Мишель Летран из общества "Лионские Тритоны" прошел под водой семьдесят два метра на глубине двадцати трех метров и наткнулся на слишком узкий ход, совершенно непроходимый.

Тем временем мы с Дельтейлем обследовали все сложные этажи Лабуиша, нашли и определили происхождение подземной реки. Гораздо выше под землю уходил ручей. Исследование с окрашиванием показало нам прямую связь этого ручья с рекой в пещере Лабуиш. Различные колодцы — естественные окна — дали нам, кроме того, доступ к

некоторым участкам подземной реки, которую предстоит еще исследовать, вероятно, на расстоянии примерно двенадцати километров...

Что касается той части подземелья, которая приспособлена для туристов, то она открыта с 1938 года. Посещение пещеры включает плавание на больших прогулочных лодках в оба конца, что составляет около трех километров, а это самый длинный подземный туристский водный маршрут в мире.

XXVI Пропась Эспаррос

В 1937 году случай свел меня с Дельтейлем, и в том же году я встретился с другим начинающим спелеологом, который тоже вскоре стал моим близким другом и преданным сотрудником. Стечения обстоятельств и требования жизни оторвали его через десять лет от этого сотрудничества и нашей дружбы, которая, к счастью, сохранилась, несмотря на разлуку.

Жермен Гатте, директор завода в Буссоне, неподалеку от Сен-Годенса, не был молод подобно Дельтейлю: ко времени первых спусков под землю ему уже было сорок два года. Такое "позднее призвание" должно было само по себе заставить его наверстывать упущенное время, и действительно, мы вдвоем, иногда с Элизабет, принялись ускоренными темпами исследовать гроты и пропасти Комминжа. Мы не стремились к открытиям любой ценой, а просто спускались под землю как можно чаще, чтобы удовлетворить присущую нам обоим страсть к подземному миру и ко всему, что к нему относится. Жермен Гатте еще очень увлекался фотографированием под землей.

В противоположность обычным спелеологам, а в особенности Дельтейлю, совершенно не умеющим ценить время и всегда опаздывающим, Гатте был всегда не только точен, но и везде оказывался раньше всех. Стоило предупредить его об экспедиции и условиться, чтобы он заехал за мной в половине седьмого утра, я мог быть уверен, что в пять утра услышу, как подъезжает на полной скорости его пятнадцатисильный Ситроен и резко тормозит: Гатте был уже тут как тут, горя нетерпением поскорее попасть в пещеру или пропасть, запланированную на сегодня.

Его торопливость и спелеологический зуд были мне по сердцу: ведь я сам так же относился ко времени и томился той же жаждой поскорее попасть под землю.

Моя жена, которая не могла принимать участие во всех наших вылазках, но постоянно присутствовала при сборах, всегда очень поспешных, однажды обратилась к нашему Другу.

— Главное, — сказала она ему, — будьте осторожны!

— Ну вот, дальше уж некуда! — воскликнул Гатте. — Что касается неосторожности, обращайтесь к вашему мужу.

— Нет уж, дорогой мосье Гатте, мой муж никогда не бывает неосторожен... Я имею в виду вашу привычку слишком быстро вести машину. Вот что я считаю главной опасностью!

Гатте, который действительно водил машину на очень большой скорости, прямо задохнулся от этого замечания, которое он счел незаслуженным; с его точки зрения, опасности начинались только под землей.

Однажды мы приехали к маленькому селению Эспаррос недалеко от пещеры Лябастид (грот Рычащего Льва). В течение многих лет я пытался найти в этом секторе колодец, известный под названием Австрийского, так как австрийцы спускались в него перед самой войной 1914 года.

В этот день один пастух привел нас к отверстию колодца, на поиски которого было затрачено столько времени. Мы развернули лестницы, спустились на глубину двадцати метров и попали в круглый зал, буквально пронизанный множеством вертикальных колодцев.

Отсюда начинался длинный путь по сложной пересеченной местности, преграждаемый спусками и подъемами, анфиладами залов и коридоров. В одном из залов мы прочли на стене имена и дату: "1913 год". Эта надпись подтверждала, что австрийцы действительно побывали здесь. Но потом, добравшись до коридора, в который было очень трудно попасть, мы не

обнаружили никаких следов наших предшественников. Это убедило нас, что мы были первыми исследователями длинного и извилистого коридора, заканчивавшегося, однако, тупиком. Правда, в этом тупике было "окно" в стене, из которого соблазнительно тянуло ветерком.

Мы тут же приступили к расширению "окна" зубилом и молотком. Бесконечная и очень мучительная работа закончилась тем, что отверстие расширилось настолько, что нам удалось пролезть в него, и мы попали в "комнатушку" совершенно вымотанные, но очень довольные. Пещера продолжалась, теперь поток воздуха шел из новой длинной лазейки, наполовину каменистой, наполовину глинистой. Мне удалось проползти это узкое место, и я оказался в очень неровном коридоре, приведшем меня в большой зал, пол которого частично провалился; в нем зияло отверстие внутреннего колодца, куда я не мог спуститься, так как был один и без снаряжения.

Я назвал это место Залом 25 июня и вернулся к лазейке, которую пытался расширить Гатте. Я рассказал ему о своих успехах и поделился с ним многообещающими перспективами исследования "пропасти Эспаррос", как мы решили ее окрестить.

Через несколько дней мы вернулись на то же место и приступили к расширению обоих узких проходов. Это было совершенно необходимо, иначе мы не могли бы пронести оборудование, особенно лестницы, без которых немислим спуск в колодец, найденный мной в Зале 25 июня.

На этот раз Элизабет, соблазненная нашими рассказами о пропасти Эспаррос, пошла вместе с нами. Пока Гатте и я возились с расширением прохода, Элизабет одна добралась до Зала 25 июня, обследовала по дороге ряд маленьких галерей и залов и вернулась в восторге. Она нашла целые букеты эксцентрических сталактитов,¹ которые принялась описывать нам с таким энтузиазмом, что мы побросали инструменты и пошли полюбоваться ее находкой. Никогда в жизни я не видел подобного чуда, таких удивительно нежных и чистых цветов из минералов. Кстати, мы не преминули бросить оценивающий взгляд на колодец, в который сегодня было уже поздно спускаться. Впрочем, мы все равно не смогли бы этого сделать в тот день, так как нам еще не удалось донести наши лестницы до Зала 25 июня.

Все же наступил день, когда мы смогли наконец протащить оборудование через узкое место и спустить его в никем еще не исследованный колодец.

Гатте страшит меня, я спускаюсь на сорок метров и приземляюсь в обширном коридоре, где на каждом шагу мне встречаются чудеса, и я иду по нему, жадный и потрясенный. Стены буквально устланы мириадами белоснежных кисточек и помпонов, образующих самое изысканное и самое роскошное украшение, какое только можно себе представить. В совершенном восхищении я останавливаюсь перед громадным сверкающим соцветием, свешивающимся с потолка, как кисть белых лилий. Букет белоснежных цветов висит на уровне моего лица. Я осматриваю его подробнейшим образом, обхожу кругом, инстинктивно затаив дыхание: такими хрупкими кажутся эти кружевные цветы. Они действительно очень хрупкие, и их не следует срывать. В одиноком покое пещеры, где все неподвижно, где всегда постоянная температура, эти белые лилии "цветут" в течение многих веков и тысячелетий. Каждый из крошечных цветочков идеально белого цвета, по форме похож на лилию, и каждый кристалл сверкает под лучами моей лампы.

Белые лилии Эспарроса, рожденные и существующие в вечном мраке пропасти, мне дороже цветов, родившихся под ласковыми весенними лучами солнца, ибо они неизменны,

¹ Название "эксцентрический сталактит" указывает, что рост сталактита идет не концентрическими кругами, а несимметрично по отношению к основанию сталактита (откуда начинали падать капли) и его первоначальной вертикальной оси. Образование эксцентрических, или эксцентричных, сталактитов связывают с перевесом капиллярных сил и сил кристаллизации над силой тяжести в благоприятных для этого спокойных (без тяги воздуха) метеорологических условиях. Для их образования необходим также ограниченный по объему капез воды с потолка пещеры (Г. А. Максимович. Генетический ряд натечных отложений пещер. "Пещеры", вып. 5 (6). Пермь, 1965). Венгерский исследователь Л. Якуч указывает на важнейшее значение гидростатического давления (L. Jakucs. Untersuchungen über den Dynamismus und Chemismus der Tropfsteinbildung. — "Acta Geographica", t. VI, fasc. 1–4. Szeged, 1966).

время не властно над ними и им никогда не суждено увянуть. Налюбовавшись букетами лилий, я пошел дальше и оказался в волшебном дворце: стены сплошь, как бархатом, покрыты кальцитом и арагонитом, сверкает даже почва, вся усеянная иглами и нитями гипса, тонкими, как паутина. Чтобы их не раздавить, я должен был искать и выбирать место для каждого шага, куда поставить свои подбитые гвоздями ботинки, увы, дробящие эти драгоценности, на которые я смотрю первым из людей. Я поднимаю глаза от пола к потолку, откуда, как опрокинутые экстравагантные канделябры, спускаются многочисленные сталактиты самых сложных форм, наиболее оригинальные из всех, какими мне когда-нибудь приходилось любоваться под землей.

Я прошел уже двести метров, не переставая все время восхищаться, но феерический коридор, по которому я иду, резко обрывается, и это возвращает меня к действительности. Я дошел до края крутого обрыва, который ведет в нижний этаж, куда я сегодня не смогу спуститься: у меня нет лестницы.

Только сейчас я спохватился, что почти забыл о Гатте, который с нетерпением ждет на верху сорокаметрового колодца моего возвращения и результатов разведки. Я быстро возвращаюсь к свисающей лестнице, но, вместо того чтобы привязаться к страхующей веревке и начать подъем, кричу своему другу и зову его спуститься. Эхо и искажение звуков (явление, частое под землей) мешают нам переговариваться, и Гатте не понимает моих слов. Наконец, скандируя и говоря по слогам, мне удается передать ему следующую фразу: "Это вторая Сигалер".

Сообщение возымело действие, и через несколько минут мой спутник, быстро спустившись, приземляется рядом со мной.

В то время грот Сигалер считался самым замечательным и удивительным из всех подземных полостей, но, после того как он подвергся бесчисленным актам вандализма, изумительная аржежская пещера была полностью разорена. Теперь пропасть Эспаррос стала самой богато украшенной из всех известных мне подземных полостей. С 1938 года, то есть уже более тридцати лет, Эспаррос, к счастью, все еще держит это первенство, и хотелось бы, чтобы это подземное чудо никогда не профанировала позорная язва автографов, нацарапанных рисунков и различных надписей, сделанных сажей, чтобы пещеры не коснулись разрушения, которых, к несчастью, всегда можно опасаться и которые, увы, никогда не исключены.

Исследование нижнего этажа пропасти Эспаррос, которое мы проводили совместно с Гатте и Элизабет, привело нас на глубину сто двадцать метров. Здесь мы прошли около километра по колоссальной пещере, стены и частично потолок которой в изобилии были покрыты очень тонкими белыми кристаллами.

Все это так великолепно, что слова не в состоянии выразить то, чем на каждом шагу любуются глаза. Подземные украшения Эспарроса, которые мы смогли показать многим коллегам-спелеологам из числа самых искушенных и опытных, привели их в восторг, и они в один голос заявили, что никогда не видели ничего подобного. Я даже не пытаюсь описать эту пропасть; ведь фейерверк не опишешь, а при попытке рассказать словами о красоте драгоценных камней невольно пришлось бы признать свою несостоятельность.

Австрийцы, побывавшие до нас в пропасти Эспаррос (зашедшие очень недалеко и неглубоко), по-видимому, собирались вернуться сюда на следующее лето, но их никто больше не видел, так как в этом году разразилась Первая мировая война.

Через двадцать пять лет, вскоре после наших исследований этой пропасти, в 1939 году, началась Вторая мировая война, и вполне могло случиться так, что мы тоже никогда бы не вернулись в Эспаррос. Но вначале эта война была "странной войной". Отец четверых детей, в свое время раньше срока призванный в 1915 году, не подлежал мобилизации в 1939 году. Несмотря на это, так же как и мой отец в 1914 году, я явился на призывной пункт, желая пойти добровольцем. Но так же, как и моего отца, меня не взяли.

В то время мне было всего сорок два года, но мобилизация протекала с такими затруднениями и так неорганизованно, что я приписываю полученный мною отказ именно

этой неразберихе.

Гатте был старше меня и тоже не был мобилизован, и мы даже во время войны иногда посещали пропасть Эспаррос. Так, например, 25 июня 1940 года мы подошли к ней под проливным дождем, который был нам очень на руку, так как на этот раз мы выполняли секретное поручение, совершенно неожиданное, во всяком случае такое, которое и вообразить было бы нельзя, если бы не грандиозность событий и трагические обстоятельства того времени.

Штаб саперов французской армии доверил нам три больших мешка со сверхсекретными документами и досье и поручил спрятать их в самой глубокой пещере по нашему выбору и усмотрению, чтобы они не достались врагу. Спустившись в пропасть и пройдя очень сложным ходом, я совершил акробатический подъем до верха одного вертикального колодца, где мне был знаком один очень сухой уголок. Гатте оставался внизу, он завернул все три мешка в большие куски прорезиненной ткани и привязал их к концу веревки, которую я взял с собой наверх. Я поднял мешки и бережно уложил их в потайное место, где они пролежали пять лет, то есть до конца войны.

За это время я три раза побывал здесь, чтобы удостовериться в сохранности документов и в случае необходимости сменить прорезиненное покрытие. Эта предосторожность каждый раз оказывалась излишней: место было абсолютно сухим.

Говоря о специальном использовании пещер в качестве тайников для документов и оружия, стоит рассказать, как в 1941 году я смог указать хорошее укрытие целому кавалерийскому отряду, пытавшемуся спрятать оружие от обысков. В темную и дождливую ночь зимой 1941 года мы сумели перевезти и спрятать десять тонн оружия в ящиках в гроте Монтеспан, моей первой пещере. Разместив этот важный склад, мы завалили и замаскировали вход в пещеру.

В 1943 году оружие достали, и оно послужило армии Сопротивления.

В 1942 году совершенно другой, впрочем столь же неожиданный, род деятельности вновь привел нас к пропасти Эспаррос.

В нескольких сотнях метров от края пропасти остановился грузовик Национального радиовещания. Телефонный провод был протянут до края входного колодца. Диктор Пьер Бовуа взял краткие интервью у трех членов отряда, собиравшихся спуститься в пропасть. Кроме меня и Гатте, с нами был еще наш юный друг Марсель Лубан, которому суждено было через несколько лет трагически погибнуть в глубине пропасти Пьер-Сен-Мартен.

Лестницы были сброшены в первый колодец, и Бовуа с телефонным аппаратом через плечо и микрофоном на шее начал спускаться вместе с нами.

Впервые микрофон был спущен в пропасть, где и состоялся на шестидесятиметровой глубине первый подземный репортаж. Чтобы отметить скромный вклад в великую летопись радио, следует добавить, что этот сеанс состоялся 23 июня 1942 года, диктором был Пьер Бовуа, техниками — Клотт и Петейль, в сеансе участвовали спелеологи Кастере, Гатте и Лубан.

А 27 августа 1958 года я участвовал в первой прямой телевизионной передаче из-под земли, проводившейся из грота Бедейллак (Арже), в которой принимали участие радиореporter Жорж де Коне и отряд спелеологов, состоящий из моих друзей: Жозе Бидегена, Жоржа Дельтейля, Жоржа Лепине и моей дочери Раймонды.

Наконец, в пропасти Эспаррос была отслужена первая месса под землей. Эта церемония, посвященная окончанию войны, состоялась 15 апреля 1945 года.

XXVII

Элизабет Кастере — первая женщина — исследовательница пропастей

6 февраля 1938 года я отправился в грот Тибиран неподалеку от Сен-Годенса, где каждую зиму вел наблюдения за колонией летучих мышей.

Возвратившись домой около шести часов вечера, я с удивлением заметил царящее в доме необычайное оживление. Очень скоро понял его причину: через двадцать минут родился наш четвертый ребенок — Раймонда. Через два года, 22 апреля 1940 года, моя жена дала жизнь пятому ребенку — Мари.

Как я уже говорил, Элизабет хотела иметь шестерых детей. Почему именно столько? Вероятно, потому, что она очень любила детей и ей нравились большие семьи, а также потому, что сама она была единственным ребенком в семье и у нее было скучное детство. Со скрупулезной внимательностью и неиссякаемой энергией она весьма счастливо сочетала обязанности матери семейства и жены исследователя, и иногда ей даже удавалось сопровождать меня в экспедиции.

Удивительно легко ко всему приспосабливаясь, одаренная совершенно исключительными физическими качествами и непоколебимым мужеством, она оказалась прирожденным спелеологом. Элизабет была первой женщиной, исследовавшей пропасти, и на ее счету было около трехсот пещер, пропастей и подземных рек.

Мне не под силу и неловко писать ее портрет, слишком для меня родной и близкий, прославлять ее блестящий ум, высокие моральные качества и великую доброту, которую так ценили все, знавшие ее.

В предисловии к посвященной Э. А. Мартелю книге написана фраза, от которой я и сейчас не отрекусь: "Я не напишу, никогда не напишу о жизни Элизабет Кастере по той единственной причине, что она сама всегда категорически против этого возражала".

Все знали ее улыбчивую скромность, ее твердое желание никогда не афишировать свои поступки и никому не рассказывать о совершенных ею под землей подвигах. По этой причине и из уважения к неизменной линии ее поведения я приведу здесь лишь строки, написанные хорошо знавшим ее Анри Бурелли, из его статьи-некролога, напечатанной в мае 1940 года:

"Дочь госпожи и господина Раймонда Мартина, врача префектуры Сены, Элизабет Мартин родилась 13 мая 1905 года в Париже, где прожила до одиннадцати лет, до тех пор, пока ее отец, выйдя в отставку, не уехал на свою родину в Сен-Годенс (Верхняя Гаронна).

В Сен-Годенсе девочка продолжала свое образование и успешно, с наградами, сдала экзамены на степень бакалавра по двум предметам. Она собиралась изучать медицину, но судьба распорядилась иначе; и она встретила молодого геолога, уже начавшего в то время свою редкую и полную приключений карьеру подземного исследователя, — Норбера Кастере.

Таким образом, мадам Кастере, бесстрашная женщина, хорошо образованная, начала свое трогательное и драгоценное сотрудничество с мужем, едва ей исполнилось девятнадцать лет. Оно длилось пятнадцать лет и было богато открытиями и сенсационными исследованиями, прославившими молодую чету.

Никакие естественные препятствия, никакие страшные опасности и трудности, почти всегда подстерегающие спелеологов под землей, не могли их остановить. Элизабет Кастере знала крошечную вечную тьму и не боялась ее; знала узкие заваленные ходы, штурм отвесных стен, камнепады, обвалы, ядовитые газы, липкую, медленно засасывающую грязь, ледяные воды, внезапные паводки, постоянную опасность заблудиться в лабиринтах пещер, несчастные случаи, тем более опасные, что они происходят под землей.

Из любви к пещерам и суровому подземному спорту молодая исследовательница отказалась от всякого кокетства и надела комбинезон из грубого брезента, железную каску с электрической лампочкой и рефлектором, кованые ботинки, широкий пояс с кольцами и карабинами и, кроме того, взвалила на свои плечи тяжелый альпинистский рюкзак, набитый вязаными свитерами, продовольствием, свечами, кошками, молотком, картами, зондом, компасом и т. д. Снарядившись так, она неустанно исследовала подземный мир и была неутомимой спутницей своего мужа.

В 1926 году был открыт и исследован подземный ледник в массиве Мон-Пердю. Этот ледяной грот, расположенный на высоте 2700 метров над уровнем моря, выше всех

известных ледяных пещер на земле.¹ В нем находятся каскады и колонны из замерзшей воды, настоящие ледяные потоки. Кроме своей необычайной красоты, пещера представляет большой интерес для геологов и гидрологов. С тех пор эта высочайшая ледяная пещера называется грот Кастере.

В 1928 году — новое открытие: могильный грот галльских времен, где в результате предпринятых четой Кастере раскопок обнаружено множество человеческих скелетов, лежащих в таком беспорядке, что историк Камил Жульен пришел к заключению, что это одна из тех пещер, где Цезарь душил аквитанцев дымом во время завоевания Галлии.

В ходе кампании 1929 года, посвященной поискам истинного истока Гаронны, оба спелеолога разделили свои обязанности: пока Норбер Кастере открывал и исследовал грот Торо, его жена спустилась на веревке в неизвестную пропасть глубиной в двадцать метров, чтобы там исследовать подземный поток.

Для завершения поисков истока Гаронны они организовали в 1931 году опыт с окрашиванием потока, который зарождается в ледниках Мон-Моди и полностью исчезает в пропасти на южном склоне Пиренеев в Испании. Для этого опыта, имевшего большие последствия и подтвердившего их предположения, они применили шестьдесят килограммов флуоресцеина.

Супругам пришлось работать в полнейшей тайне и подвергаться значительной опасности. Перейти границу страны, охваченной революцией, и провезти на спине мула шесть бочонков какого-то порошка (даже безобидного) было сложным и трудным делом, и им пришлось пробираться по тропам, которыми обычно пользуются контрабандисты. К счастью, маленький караван, состоявший из Норбера Кастере, его матери, жены и двух приятельниц, не встретил карабинеров и сбросил флуоресцеин в поток без всяких приключений. На следующий день в Гаронне в Валь д'Аран обнаружилась краска, она сохранялась в течение двадцати семи часов на протяжении пятидесяти километров, что вызвало сильное волнение среди франко-испанского населения.

Этим опытом было доказано, что истинный исток Гаронны находится в Мон-Моди на южном склоне Пиренеев и что, таким образом, воды Гаронны проходят под горной цепью по подземному руслу, до сих пор никому не известному. В ходе этого опыта Норбер и Элизабет Кастере должны были разделить свои обязанности, причем она отправилась в Каталонию, а он остался в Арагоне.

Годы шли, и каждый из них вносил ценой трудных и опасных исследований свой вклад в богатейшие открытия.

В 1931 году на стенах грота Ля Бастид (Верхняя Гаронна) были найдены наскальные изображения лошадей, бизонов, северных оленей, львов, медведей и т. д., и это открытие доисторических рисунков обогатило сокровищницу первобытного искусства в Пиренеях.

В 1932 году последовало новое открытие, на этот раз из области гидрогеологии — пещера и подземный поток Сигалер (Арьеж). Здесь оба геолога исследовали пещеру фантастической красоты, в которой обнаружили кристаллы необыкновенного цвета, самые красивые кристаллы из когда-либо виденных на земле. Они нашли в ней также в двух километрах от входа серию каскадов высотой от десяти до пятнадцати метров, на которые им удалось взобраться с помощью раздвижных шестов под мощными потоками холодной как лед воды. В 1934 году супруги посетили Марокко, куда их пригласили с научной целью: исследовать пещеры и пропасти Атласских гор. Там оказалось так много подземных полостей, что Норбер и Элизабет Кастере пришлось вести исследования порознь.

В ходе исследования у мадам Кастере возникли трудности с местными носильщиками, которые под землей бывали совершенно парализованы предрассудками и верой в злых духов. Кроме того, однажды она сильно поранила ногу иглой дикобраза (эти животные часто живут в пещерах). Раны воспалились, и пришлось временно прекратить исследования. Но как только ей удалось вновь присоединиться к мужу, она первая спустилась в пропасти Фриуато

¹ См. прим. 17 к гл. XV.

и Кеф-эль-Сао — самые глубокие на Африканском континенте.¹

На следующий год ей пришлось спуститься еще глубже, причем в опаснейших условиях, на дно ранее неизвестной пропасти в Верхнем Арьеже. В эту пропасть она спустилась вместе со своим мужем на глубину трехсот метров с помощью крюков и веревочных лестниц под ледяным душем. Пропасть оказалась самой глубокой во Франции,² и они назвали ее "Пропастью Мартеля" в честь своего друга и основоположника французской спелеологии Э. А. Мартеля.

Но портрет этой женщины, настоящей француженки, был бы неполным и неверным, если читатель вообразит себе нечто вроде современной амазонки, закоренелой спортсменки, интересующейся исключительно исследованиями и приключениями.

Чтобы написать верный портрет Элизабет Касторе, нам придется обратиться к господину Андре Беллсору, бессменному секретарю Французской академии, который в превосходном предисловии к книге "Au fond des Gouffres" написал следующие слова: "Ее прелестное лицо дышит свежестью, в веселых и открытых глазах есть что-то неуловимо лукавое и задорное. Норбер Касторе нашел в ней больше чем спутника, больше чем помощницу. Все, что делает прекрасной жизнь на поверхности земли, следовало за ним, было рядом с ним в мире мрака.

Храбрость, мужество, выдержка, бесстрашное знакомство с опасностями подземного царства... Но стоит ей снять свою каску исследовательницы, и перед вами во всем очаровании молодости — живой и приятный собеседник, любящая мать семейства. Такова мадам Касторе. Ее веселые ясные глаза не станут говорить вам о тьме, которая в них отражалась, о черных потоках, низвергавшихся перед ними. Но расспросите ее, и она расскажет вам о них, но так, словно бояться ей нечего, если муж рядом с ней, и для женщины так же естественно пересекать подземные озера, находящиеся на глубине двухсот метров под землей, как варить варенье".

Она и в самом деле была не только исследовательницей, но также прекрасной воспитательницей и идеальной матерью, которая сумела, не отрываясь от материнских забот сочетать их с тревожными радостями подземных изысканий.

И вот женщина, избежавшая стольких страшных опасностей, покорившая столько головокружительных пропастей, на счету которой много мировых рекордов для женщин, умерла в тридцать пять лет, давая жизнь пятому ребенку.

Судьба не захотела, чтобы на ее могиле было начертано "Умерла во славу науки", но простые слова, которые она сама выбрала бы по своей скромности: "Умерла на поле битв жизни".

Она оставила по себе незабвенный образ женщины, яркой личности, улыбчивой и скромной, умевшей удивительно просто делать труднейшие вещи.

От нас ушла истинная француженка. Ей были присущи все лучшие качества нашей нации. Она была бы гораздо более знаменита, если бы крайняя скромность, делавшая ее достоинства еще более драгоценными, не мешала ей занять то место, на которое она имела все права и которое нам надлежит потребовать для нее".

Страшное горе — потеря жены — обрушилось на меня мрачной и трагической весной 1940 года, когда французы переживали самые зловещие страницы истории своей родины.

Овдовев и оставшись с пятью маленькими детьми, из которых двое еще не вышли из младенчества, я постарался воспитать их, как мог, — в культе памяти матери, ушедшей из нашей жизни в расцвете счастья и молодости.

XXVIII Хенн-Морт

В 1930 году в поисках пещер, пригодных для исследований, я бродил по массиву Арба,

1 См. прим. 26 к гл. XXII.

2 См. прим. 25 к гл. XXI.

который всегда охотно посещал, и отыскал одну произведшую на меня особенно сильное впечатление и впоследствии сыгравшую очень важную роль в моей жизни.

Моим спутником был человек по имени Лубе, которому довелось в 1909 году быть проводником Мартеля в этом же массиве Арба. На высоте 1300 метров в пихтовом лесу в сильно пересеченной и дикой местности он показал мне отверстие внушительной пропасти со зловещим названием Хенн-Морт (Мертвая Женщина).

Я сделал отметку об этой пропасти в своем блокноте, но не видел возможности ее исследовать, как, впрочем, и многие другие находящиеся в этом районе, считая, что все они слишком труднодоступны и глубоки для одиночки.

Через десять лет, то есть в 1940 году, ко мне пришел юноша, один из тех многочисленных молодых людей, которые писали мне, желали встретиться со мной, проконсультироваться или спросить совета. Этот семнадцатилетний высокий, худой и очень близорукий подросток имеет право на особое место в моей книге, так как из простого любопытствующего, выпрашивающего у меня сведения о соседних пещерах он стал моим другом, учеником, а вскоре и спутником, полным рвения и отваги.

Жизнь Марселя Лубана, увы, слишком короткая, но яркая, переплелась с моей благодаря совместному участию в труднейших экспедициях, получивших широкую известность.

Лубан жил в Мазер-дю-Салат, совсем близко от Сен-Мартори и недалеко от Сен-Годенса. После нанесенного мне визита он ушел, унося с собой все, за чем пришел: перечень нескольких гротов этого района и ряд советов и указаний, как их отыскать и проникнуть в них. Через восемь дней он вновь пришел, чтобы восторженно сообщить мне, что посетил уже все указанные мной пещеры и теперь жаждет сведений о других.

Мне понравились его динамизм и целеустремленность, жадность к знаниям и страсть к исследованиям. Мне показалось, что этот мальчик — прирожденный спелеолог, и я пригласил его присоединиться ко мне на завтра. Я как раз должен был вести под землю отряд скаутов-спелеологов, шефом которых являлся. Эти скауты из Монтобана каждый год навещали меня, разбивали лагерь в моем имении, и я водил их в пещеры или указывал, где можно таковые найти.

Скауты охотно приняли в свою компанию Марселя Лубана, который сам был скаутом Франции, и мы пошли атаковать пропасть в районе Сен-Бернар-де-Комминж. Скауты уже посещали и исследовали различные пещеры, но по веревочной лестнице в вертикальный колодец, на дне которого находился большой пересеченный зал, они спускались впервые.

После каждого похода у костра по просьбе ребят я подводил итоги дня, делал выводы: что же мы достигли благодаря данному исследованию, давал каждому скауту оценку и советы.

Заметив пылкость Лубана, его страстное желание все узнать, все заметить, я похвалил его и посоветовал прочесть книги по спелеологии, особенно принадлежащие перу Мартеля. Но я не скрыл от него, что высокий рост (один метр восемьдесят три сантиметра) невыгоден для него под землей, и посоветовал ему укрепить руки, очень длинные и малоразвитые (в то время ему было всего семнадцать лет). Он проявил большую волю и упорство и с того дня начал упражняться на кольцах и трапедии.

Лубану было трудно подниматься, так как руки у него были слабые, но спуск по веревочной лестнице в пропасть Сюгетт вместе со скаутами-юнионистами ему чрезвычайно понравился, и он попросил меня указать еще пропасти. Тогда я направил его к массиву Арба, сказав, что там их сколько угодно, предупредив, однако, что пытаться спускаться в них одному и без соответствующего оборудования чрезвычайно опасно и иной раз просто невозможно.

Через несколько дней он пришел с девушкой-ровесницей, которую звали Жозетт Сегуфин, и сообщил, что они оба уже успели спуститься в пропасть Хенн-Морт. Он смастерил веревочную лестницу и вместе с Жозетт, спортивной и очень способной девушкой, но такой же неопытной, как и он сам, решил атаковать самую страшную и самую трудную

пропасть массива.

Они отправились в поход при отвратительной погоде, в туман и дождь, по мучительной и трудной дороге, идущей на подъем, неся свое тяжелое снаряжение на собственных спинах.

Марсель Лубан, обладавший методичным и точным умом, не мешавшим, впрочем, ему быть поэтом и мечтателем, пришел рассказать мне об этом спуске в пропасть и, уходя, дал напечатанные на машинке листы с записью своих впечатлений и подробным рассказом о походе.

Эти страницы я бережно храню и могу привести из них несколько выдержек, свидетельствующих о том, сколь необычно и опасно действовали молодые спелеологи. Сперва я принялся упрекать Лубана, но не слишком горячо, так как узнавал в нем собственные ошибки и восторги тех времен, когда я один спускался на простой веревке в различные дыры и особенно в пропасть Пудак-Гран по соседству с Хенн-Морт.

"...Мы наскоро позавтракали на краю пропасти, зачарованные этим зияющим отверстием, которое нам хотелось прозондировать глазами. Вербки и лестница вытащены из мешков и аккуратно спущены вниз. Девять часов утра (вышли из селения Арба в четыре часа утра). Мы готовы к спуску и лихорадочно приступаем к нему.

Первый этап спуска представляет собой как бы лестницу с гигантскими ступенями, по которой мы спускаемся с помощью веревок, таща на себе большой тюк с веревочной лестницей. Теперь нам надо преодолеть совершенно вертикальный обрыв. Двадцатипятиметровая лестница, находящаяся в нашем распоряжении, привязана веревкой и брошена в колодец.

Моя спутница держит веревку, и я начинаю спуск. Десять, пятнадцать метров, и вот конец лестницы. Она висит над пустотой. Я добираюсь до ее конца, подо мной открытая бездна. Вися на последней перекладине, я качаюсь из стороны в сторону.

Вдруг тревога! С грохотом летит камень, пролетает мимо и разбивается на осыпи, которую я угадываю метров на восемь ниже. Мне удается зацепиться за тонкий карниз стены, я оставляю лестницу и при помощи опасной акробатики заканчиваю спуск. Тут же начинается спуск Жозетт, причем без страхующей веревки, и присоединяется ко мне на вершине образуемого осыпью конуса. Отсюда мы начинаем беглый осмотр пропасти.

Осыпь круто идет вниз и заканчивается во втором зале меньшего размера. Наше внимание рассеивается, а потом останавливается на удивительно неровном сбросе. Мы скользим по нему, несколько раз карабкаемся вверх и оказываемся на узком карнизе, нависающем над новым обрывом. Из-за отсутствия снаряжения исследование прекращается.

В полной темноте мы внимательно прислушиваемся, затаив дыхание: на короткое мгновение до нас доносится тихое журчание — песня воды..."

В результате этой подземной авантюры они достигли глубины восьмидесяти метров и слышали доносившийся снизу шум текущей воды, что было очень интересно. Они пришли, чтобы поделиться со мной впечатлениями и пригласить меня сопровождать их при втором спуске. Но на пороге стояла осень, началась плохая погода, снег не замедлил покрыть горы, и мы перенесли наше подземное путешествие на следующий год.

Этот 1941 год был для меня очень трудным: у меня совершенно не было времени, так как я полностью посвятил себя детям, и только в октябре, в самом конце горного сезона, я смог наконец выбраться и подняться с Лубаном к Хенн-Морт. Жозетт Сеуфин не смогла к нам присоединиться, и нам пришлось вновь спускаться в пропасть вдвоем.

В тумане гигантская двойная воронка выглядела по-настоящему устрашающей. Колоссальный провал с вертикальными стенами, у которых летом и зимой лежит много снега, и посреди этого снежного поля зияет вход в пропасть.

В этой очень живописной, но мрачной местности полстолетия назад разыгралась драма, давшая название безымянной до того пропасти. Местная женщина заблудилась в тумане (очень частое явление в этом горном массиве) и, блуждая в темном пихтовом лесу среди хаоса нагроможденных скал, расселин и осыпей, упала в пропасть. Об этом узнали, найдя на краю пропасти ее сабо и зацепившуюся за куст косынку. Никому даже в голову не пришло

тогда спуститься в эту страшную яму, которую называли Клот-де-ла-Хенн-Морт (пропасть Мертвой Женщины).

Сегодня, повторив все акробатические приемы, которые в прошлом году проделали Марсель и Жозетт, мы с моим спутником спустились на подземную осыпь, сильно заваленную снегом, падавшим сюда через вертикальный колодец. Снег скапливается здесь зимой, слеживается и образует белую гору, неожиданно появляющуюся из темноты. Под этим снежным покровом лежит труп несчастной женщины, вероятно хорошо сохранившийся.

Вскоре мы доходим до того места, где закончились прошлогодние исследования, и с помощью веревок и лестниц спускаемся еще глубже. На глубине ста десяти метров нам преграждает путь очень узкая лазейка, которую мы преодолеваем ценой больших усилий, и несколько ниже вновь оказываемся на балконе. Дальше мы не можем идти: у нас не хватает снаряжения. Зондаж показывает сорок метров глубины по вертикали, то есть сто семьдесят метров от поверхности. По дороге мы нашли ручей, журчание которого Лубан и его спутница слышали в 1940 году. Кроме того, мы услышали шум более значительного потока, доносившийся к нам со дна последнего колодца.

Понимая, что вдвоем исследовать пропасть невозможно и опасно, мы набрали отряд добровольцев. Шла война, и наши добровольцы были, попросту говоря, мальчишки-энтузиасты.

Недостаточность питания и другие лишения военных лет делали каждый поход под землю мучительным. К этому надо еще добавить низкие температуры в пропасти и ужасающие каскады, да и оборудование и снаряжение у нас было никуда не годным.

Члены нашего отряда вкладывали в исследование всю душу и заслуживают того, чтобы назвать их имена: Кастеран, Каренини, Компан, Дельвинь, Морель, Пеллегрин, Риуссет, Серей. Все это были товарищи моего сына Рауля, который сам тоже участвовал во всех спусках. Единственным взрослым и опытным членом отряда был Дельтейль, ставший после первого крещения в реке Лабуиш моим неразлучным спутником.

Несмотря на очень неблагоприятные, а порой опасные обстоятельства, мы проникали все дальше, все глубже в эту громадную пропасть.

При седьмой попытке, 18 июля 1943 года, некоторые из членов отряда остались на постах на различных уровнях, чтобы обеспечивать подъем ударной группы в многочисленных колодцах, а мы вместе с Лубаном, Дельтейлем, Морелем и Кастераном достигли глубины двухсот сорока пяти метров. Там оказался зал. Два водопада здесь образовали озеро, которое в свою очередь изливалось пенящимся водопадом в пропасть, расположенную еще ниже. Мне удалось совершить незабываемый спуск в этот вертикальный стометровый колодец, цепляясь за электроновую лестницу в кромешной тьме, так как лампа моя погасла.

Оглушенный водопадом и насквозь промокший, я спустился на дно колодца, и мне тут удалось зажечь лампу и установить, что пропасть продолжалась еще одним вертикальным колодцем, в который также низвергался водопад.

Свистком я скомандовал подъем. Четверо моих товарищей по ударной группе вытащили меня, я вернулся совершенно измученный, вода стекала с меня ручьями, я был без сил, но смог убедиться, что пропасть идет дальше и что нам никогда не покорить ее нашими слабыми силами. Я достиг глубины трехсот сорока пяти метров по вертикали, но это был предел моих возможностей, к тому же мы перешли все границы осторожности.

Несмотря на это, через месяц мы снова вернулись в Хенн-Морт. На этот раз было решено спустить Лубана и меня, вооруженных веревочными лестницами, до того места, где я остановился в прошлый раз, и попытаться атаковать следующий колодец.

На этот раз нас было одиннадцать человек (никогда еще наш отряд не был столь многочислен, и мы были полны оптимизма). В веселом настроении мы проделывали почти механически теперь уже хорошо известные маневры. Наши часовые с песнями располагались на различных балконах-постах и приготавливались ждать нас часиков двадцать. Все шло как по писаному до глубины 220 метров.

Я шел впереди с Дельтейлем и Лубаном, и мы как раз прикрепляли лестницу для спуска в зал озера, когда произошел случай, который Лубан описал в своем дневнике так:

"Вдруг послышался глухой шум... И сразу громкий крик, который прозвучал особенно страшно во мраке, и вслед за тем трехкратный призыв: "Помогите!"

Перепрыгивая с камня на камень, я и Кастере оказываемся около раненого товарища. Это Морель. Он лежит, скорчившись, в воде и сдавленно хрипит. Мы осторожно поднимаем его и прислоняем к стене. Он смотрит на нас. Никогда не забуду этого взгляда — в нем ужас, страдание, растерянность. Наконец к нему возвращается дар речи. Тело его не пострадало, голова была защищена каской. Сломана только левая рука. Морель поддерживает ее здоровой рукой, он совершенно подавлен происшедшим, покачивает головой и тихонько стонет.

Исследование прерывается. С этой минуты у нас одна цель, единственное, за что мы должны бороться, — вынести раненого из пещеры. Никакой паники. Каждый остается на своем месте и всем сердцем отдается трудному делу — подъему раненого.

Шок проходит, мужество возвращается к Морелю, и он изо всех сил помогает тем, кто вытягивает его. Первый колодец, тот, в который он упал, уже позади. Теперь мы у основания нового сорокапятиметрового колодца. Большинство из членов нашего отряда поднимается вверх, чтобы обеспечить подъем пострадавшего.

Через несколько минут рядом с нами троими, оставшимися внизу (Морель, Дельтейль и я), падает страшущая веревка. С большими предосторожностями раненого подвели под самую веревочную лестницу, на него надели прочный спасательный пояс. Мы привязываем его. Два свистка. Подъем начинается и резко прекращается: Морель срывается с двухметровой высоты. По счастью, мы были поблизости и смогли подхватить его на лету. Оборвавшаяся веревка заменяется другой. На этот раз Морель хочет попытаться вскарабкаться на лестницу, помогая себе здоровой рукой. Дельтейль привязывает его вторично. Все предусмотрено. Тактика подъема согласована с верхним отрядом при помощи системы сигнализации.

Я вцепился в лестницу, чтобы держать ее натянутой. Дельтейль связан с Морелем веревкой, чтобы тот не крутился над пустотой. Мы ставим Мореля лицом к лестнице. Дельтейль отступает и свистит, свистит изо всех сил. Страшущая веревка натягивается. Подъем начинается. Все выше и выше... Я держу лестницу изо всех сил, сгорбившись под ледяным душем. Сверху слышатся команды: "Вверх!", которые подает Кастере. Морель молчит. Где он может находиться сейчас? На какой высоте? Не знаю. У меня одна-единственная мысль — удержать лестницу, чтобы мой товарищ не раскачивался и не крутился над пустотой".

Лубан был всецело поглощен своей задачей и мыслями о Мореле и не подозревал, что над его головой висел дамоклов меч, не знал, какой опасности он подвергается...

От края колодца неожиданно оторвался и обрушился кусок скалы. Оглушенный Лубан падает без сознания с переломом ключицы и нескольких ребер.

Не будем останавливаться на кошмарных двадцати семи часах, последовавших за этим, которые понадобились нам, чтобы добраться до поверхности земли с нашими двумя ранеными. Они попали в больницу только утром на третий день после того, как мы, полные надежды, спустились в мрачную Хенн-Морт, которая нас жестоко покарала и вышла из поединка с нами победительницей.

Несчастье произошло на том этапе исследования, который мы уже проходили раньше, и в таком месте, которое не представляло особых трудностей. Хорошо еще, что этот двойной несчастный случай произошел здесь, так как, если бы все это случилось на глубине трехсот сорока пяти метров, на дне стометрового колодца, возможно, нам не удалось бы их спасти.

Во всяком случае, из-за сложившихся обстоятельств (немецкая оккупация Франции) наши попытки исследовать Хенн-Морт на этом закончились и повторные походы стали совершенно невозможными. Кроме того, наш отряд распался. Некоторые из нас перешли испанскую границу, чтобы присоединиться к алжирской армии, другие были депортированы в Германию. Что касается Лубана, то, залечив раны, он стал проводником партизан (маки),

находившихся недалеко от Хенн-Морт, в том же массиве Арба, который он знал, как никто другой.

Я в это время находился в Париже и провел в Саль-Плейель конференцию, посвященную Хенн-Морт. Это произошло в тот же вечер, что и бомбардировка квартала Шапель — самая жестокая бомбардировка Парижа за всю войну. В конце моего доклада я сказал (позволю себе полностью привести заключительную часть своего выступления):

"Вернемся ли мы в Хенн-Морт? Многие задавали этот вопрос, и многие были готовы поддерживать, критиковать или ругать нас в зависимости от нашего ответа и своей точки зрения и темперамента.

У нас по этому поводу никогда не возникало сомнений, или, вернее, ответ на этот вопрос дали Морель и Лубан через какой-нибудь час после случившегося с ними несчастья, сказав, что они снова пойдут на приступ! Они заявили это сами, без бахвальства, но со смутным ощущением, что их несправедливо обошли, остановили на пути к осуществлению задуманного.

И они вернутся, потому что человек отважен, и ни одна пядь нашей планеты не должна остаться неизвестной ему, где бы она ни была — на вершинах самых высоких гор, где человеку почти нечем дышать, но куда ему удалось взобраться; среди полярных льдов или в знойной пустыне, где почти невозможно выжить, но через которые он прошел; на дне океана или в глубине пропастей земли, никем еще не исследованных и из которых — кто знает — удастся ли выбраться живым.

И потому исследования будут возобновлены. Эта огромная пропасть откроет секреты своих страшных глубин только отряду спелеологов закаленных, тренированных и гораздо лучше снабженных и снаряженных, чем были мы, ибо в наше трудное время ничего невозможно достать — ни одного метра веревок, ни куска прорезиненной ткани, ни одной электрической батареи. Понадобится очень много веревок и лестниц, непромокаемого снаряжения, водонепроницаемых электрических ламп и, кроме того, полевой телефон.

При соблюдении всех этих предосторожностей, при соответствующем оборудовании, благодаря приобретенному нами опыту в результате спуска на четырехсотметровую глубину пропасть Хенн-Морт откроет свои секреты и будет побеждена".

После конференции у меня состоялась встреча с моими коллегами из Парижского спелеоклуба, президент которого химик Феликс Тромб сам был родом из Пиренеев и хорошо знал массив Арба. Было условлено, что после войны исследование Хенн-Морт возобновится, причем с лучшими средствами, необходимыми для того, чтобы достичь самого дна такой пропасти.

И вот спелеологи вновь появились у пропасти Хенн-Морт в 1946 году. Парижский спелеоклуб направил туда мощный отряд, усиленный пиренейским отрядом в составе трех человек — Лубана, Дельтейля и Касторе.

Число и квалификация парижских спелеологов, обилие и качество снаряжения позволяли надеяться на лучшее, но проведению операции помешала плохая погода. Проливные дожди усилили подземные водопады, и спуститься ниже отметки двухсот пятидесяти метров не удалось, так как большой стометровый колодец был полностью закрыт пенящимся водопадом.

Все же парижане смогли познакомиться с пропастью, оценить ее значение и трудности и соответствующим образом подготовиться к кампании следующего года.

Летом 1947 года можно было порадоваться образцовой организации, если не сказать — настоящей мобилизации, так как кроме лучших из лучших членов Парижского спелеоклуба Феликсу Тромбу удалось заинтересовать нашей экспедицией еще и армию.

Впервые военные поддержали спелеологов и приняли участие в подземных исследованиях.

Генерал Бержерон, командующий пятым военным округом (Тулуза), обеспечил всестороннее содействие всех частей, находящихся под его командованием, и лично координировал основные направления, по которым армия оказывала поддержку

исследованию, продолжавшемуся с 20 августа по 4 сентября 1947 года.

Согласно плану, был образован отряд для помощи спелеологам при спуске в различные колодцы до отметки двухсот пятидесяти метров. В этот отряд были собраны добровольцы, прошедшие предварительную подготовку в пропастях Страны Басков.

Насколько участие армии было значительным, можно судить по следующим фактам. Около 80 % всей организации на поверхности армия взяла на себя (палатки, разбивка лагеря и т. д.). Кроме того, армия предоставила все средства транспорта (грузовики, джипы, горючее, двадцать пять мулов). На высоту 1300 метров было поднято около шести тонн груза. Армия же обеспечила радио- и телефонную связь между деревней Арба и лагерем на поверхности, расположенным в горах, между этим лагерем и входом в пропасть и от края пропасти вниз до отметки двухсот пятидесяти метров.

Армия предоставила в наше распоряжение кондиционированные индивидуальные рационы "К" для питания спелеологов во время пребывания под землей, комбинезоны, резиновые сапоги, каски, карбидные лампы и палатки.

"Подземный отряд", состоящий из двадцати двух человек, из которых пятеро были военными, должен был достичь зала, расположенного на глубине двухсот пятидесяти метров, и разбить там лагерь из трех больших палаток.

Этим сенсационным нововведением, о котором в то время многие спорили, включая и участников экспедиции, мы обязаны Феликсу Тромбу, и оно оказалось первой ласточкой, так как с тех пор во всех крупных спелеологических экспедициях под землей устраивают подобные лагеря.

Такие приготовления, такой невиданный размах привлекли к самому краю пропасти толпу журналистов, фотографов, кинохроникеров. Это тоже было новшеством. Впервые пресса заинтересовалась подземными исследованиями и посвящала им ежедневно целые репортажи под крупными заголовками.

Пиренейский отряд пополнился еще двумя выдающимися членами — к нам присоединились Бейлак из Тулузы и аббат Катала, с которым мне на следующий год пришлось пережить удивительные часы в гигантской пещере Од. Что касается нас троих — Дельтейля, Лубана и меня, — то можно сказать, что мы грезили наяву. Мы глазам своим не верили, когда глядели на преобразования, происходящие в пропасти и на подступах к ней: мулы, бредущие по лесу по дороге между деревней Арба и лагерем на поверхности, по тем самым местам, по которым нам приходилось с большим трудом, еле-еле двигаясь, переносить тяжести на собственных спинах; группа электриков, расположившаяся у входа в Хенн-Морт, чтобы освещать подступы к пропасти там, где мы во время наших прошлых ночных походов пробирались в полной темноте; уютные палатки, установленные на глубине двухсот пятидесяти метров в зале Озера, который мы раньше достигали только во враждебной атмосфере огромной злой пропасти. Все эти благие перемены казались нам волшебством.

Но неожиданности еще не окончились даже тогда, когда Тромб и Дреско вытащили из многочисленных мешков, доставленных в подземный лагерь, части лебедки и крана, установленного на краю стометрового каскада, и нас пригласили сесть в крохотную люльку подъемника с металлическим щитом, предназначенным для защиты от ярости водопада и падающих камней.

Нас поджидали еще один сюрприз и радостное переживание. В этом неправдоподобном подземном убежище, где царили оглушительный шум водопада и лихорадочное оживление спелеологов, мы увидели, что аббат Катала в полном облачении священника, которое он вынул из своего мешка, собирается отслужить мессу на выступе скалы. Вся эта подготовка и образцовая организация (начиная с военных грузовиков, которые доставили снаряжение от самой Тулузы, и до мешков со съестными припасами и материалами, которые поступили в подземный лагерь, скользя по подвесной канатной дороге), все эти великолепно согласованные и координированные действия завершились тем, что 31 августа в одиннадцать часов утра начался спуск в колодец штурмового отряда.

В штурмовой отряд входили три пиренейца и три парижанина, то есть трое пионеров Хенн-Морт и трое бывших здесь впервые. Дельтейль вместе со мной и с Лубаном должен был составить "самую штурмовую группу", но он был ранен при падении в колодец у отметки ста восьмидесяти метров, и его пришлось заменить тулузцем Бейлаком.

Тромб с полным основанием решил, что к самому страшному водопаду можно подступиться лишь с помощью лебедки и защитного приспособления его изобретения, известного под названием "китайская шляпа". Он не хотел взять на себя ответственность, спуская людей просто по стометровой лестнице под потоками воды и обломками скалы, которые в любую минуту могли посыпаться в гигантский вертикальный колодец в результате произведенных маневров. Он был совершенно прав, так как отряд, промокнувший насквозь и проделавший такой труднейший путь, вероятно, не нашел бы в себе сил для дальнейшего исследования.

К несчастью, лебедка, погнутая от сильных ударов при спуске в несколько колодцев, работала плохо и послужила причиной нескольких неприятных случаев и бесчисленных задержек при спуске и подъеме штурмового отряда. Тем не менее я достиг дна большого колодца почти сухим. Это было то самое место, куда я добрался в 1943 году совершенно промокшим и оглушенным водопадом.

Я радовался от души, спуская электроновую лестницу в нижележащий колодец, в который в прошлый раз мне удалось только заглянуть и в который теперь я спустился. За мной последовал Лубан, тоже трепещущий от радости, приговаривая, что должен взять реванш у Хенн-Морт, которая так плохо обошлась с ним четыре года назад.

Остальные члены отряда остались ждать нас у гигантского каскада, еще двенадцать человек находились в резерве, готовые поддержать нас или сменить. Тем временем мы спускаемся все ниже и ниже, минуем ряд колодцев, расположенных друг над другом, и наконец достигаем места, где каскады образуют почти горизонтально текущий извилистый поток, в который мы вошли и погрузились. Лубан — до пояса, я — почти до подмышек! На нас были водонепроницаемые комбинезоны, но они порвались во время трудного спуска и различных маневров, которые нам пришлось проделать, поэтому мы сильно продрогли в воде с температурой четыре градуса.

За одним из поворотов речки Серпантинки, как мы ее назвали, нас постигло разочарование, можно сказать, шок: мы наткнулись на непреодолимое препятствие — полный сифон остановил нас. Мы достигли дна пропасти Хенн-Морт, исследование которой начали семь лет назад.

Лубан взял-таки реванш и покорил пропасть. Я же в августе 1947 года смог достойно отметить свое пятидесятилетие: ведь мы побывали на дне самой глубокой пропасти Франции, на глубине четырехсот сорока шести метров.¹

Я был счастлив, что нахожусь здесь сейчас со своим учеником, ставшим моим вторым "я". Не часто приходится вот так в одиннадцать часов вечера находиться на дне такой пропасти, стоя по пояс в воде и дрожа от холода. Мы скрепили нашу победу и эту удивительную минуту братскими объятиями.

Празднуя нашу личную победу, что можно было бы посчитать эгоизмом с нашей стороны, мы все же ни на минуту не забывали о самоотверженных участниках экспедиции и о выпавших на их долю трудностях. Но тот факт, что исследование закончили именно мы двое, начав его семь лет назад, невольно возвращал нас к воспоминаниям об этом начале, таком скромном и таком далеком от сегодняшней окончательной победы, и мы ликовали от души.

Все, что подобает сказать в заключение по этому поводу, мы скажем словами Феликса Тромба, начальника нашей экспедиции, написавшего книгу "Тайна Хенн-Морт":

"Когда экспедиция удалась, когда она увенчалась полнейшим успехом, что может быть приятнее для тех, кто потребовал от других больших и часто безвестных усилий, чем выразить им свою благодарность?"

¹ См. прим. 25 к гл. XXI.

В течение трех лет Кастере вместе с отважной командой боролся за Хенн-Морт. Им пришлось временно отступить перед лицом совершенно непреодолимых трудностей. Потом сюда пришел Парижский спелеоклуб вместе с Кастере и участниками первых исследований, пожелавшими тоже присоединиться.

Неудача 1946 года показала всю трудность задуманного предприятия. Вся группа полностью отдала свои силы единой цели — добиться успеха. Размах экспедиции к этому времени при содействии армии принял такие размеры, что личным стремлениям отдельных людей пришлось отступить.

Надо было направлять, организовывать, следить за выполнением решений, выработанных совместно, и случилось так, что для этой миссии выбрали меня.

Армия обеспечила нам великолепно организованный транспорт, лагеря и многое другое. Множество людей, гражданских и военных, взяло на себя неблагодарные обязанности отряда поверхности, запасного отряда, и именно их роль оказалась решающей.

Что сказать в заключение о достигнутых результатах? Справедливо, думается, приписать все заслуги группе в целом, никого в особенности не выделяя.

Усилия армии, усилия спелеоклуба, усилия Норбера Кастере и всех членов его команды заслуживают того, чтобы их вспоминали совместно.

Каждый из них может гордиться участием в экспедиции, внесшей во все области спелеологии — спортивной и научной — решающий вклад. Каждый из них может испытывать моральное удовлетворение от того, что он внес также свой личный вклад, обеспечивая безопасность тех, кому удалось в конце концов без единого несчастного случая покорить такую пропасть, как Хенн-Морт".

XXIX

По следам пещерного человека в гроте Алден

Я не ставил перед собой задачу дать в воспоминаниях полный отчет о результатах всех научных исследований и наблюдений, полученных каждым из участников экспедиции в Хенн-Морт по его специальности.

Поэтому вся экспедиция может показаться чисто спортивным и довольно бесполезным мероприятием, направленным исключительно на установление рекорда, но это далеко не так.

Конечно, нельзя отрицать, что спортивные факторы — опасность и жажда приключений — были достаточно широко представлены при исследовании этой зловещей пропасти, но спелеология включает в себя разнообразнейшие отрасли, и в той области, которая априорно может показаться скучной и однообразной, таится для специалиста много неожиданностей и бесчисленные темы для изучения.

Через год после нашего последнего спуска в Хенн-Морт я получил от аббата Кatala весточку, побудившую меня срочно поехать в его приход Кастельно д'Од. Он также пригласил нашего общего друга Луи Мeroка, сменившего графа Бегуена на кафедре первобытной истории в Тулузе, с которым я неоднократно посещал пещеры и места раскопок в Комминже. Аббат Доминик Кatala, первоклассный спелеолог, участник последнего исследования в Хенн-Морт, в одиночку исследовал пещеры в своем районе на границе Од и Эроль и только что открыл нижний этаж пещеры Алден, никому ранее не известный. Там он обнаружил настолько волнующие вещи, что пригласил Мeroка и меня в качестве арбитров. Он приехал встретить нас на вокзал Лезиньян-Корбиер, куда мы прибыли экспрессом Бордо — Марсель.

В своем автомобиле он провез нас через виноградники и оливковые рощи Минервуа, потом повел машину вверх по южному склону Монтань Нуар, затем мы еще немного проехали по ухабистой дороге, идущей через пустошь, и остановились на краю глубокого рва: дальше под ногами просто не было земли. Ущелье Цесс — классический известняковый каньон, по которому течет лишь капризная пересыхающая речка, — таит на своих крутых,

изъеденных эрозией¹ склонах множество пещер, среди них есть еще не открытые.

По крутым тропкам и живописным карнизам аббат Катала привел нас к входу в грот Алден — одну из самых широко известных пещер. Ее известность связана с тем, что в течение полувека в ней добывали фосфориты. За пятьдесят лет в Алдене было добыто примерно шестьдесят тысяч кубических метров фосфоритов, и в них было обнаружено баснословное количество останков животных (медведей, гиен, носорогов и других животных), живших в доисторическое время.

После краткой передышки под величественным сводом мы спускаемся под землю и быстро проходим широкую галерею, в которой еще видны следы земляных работ, относящихся ко времени добычи здесь фосфоритов, и в которой, конечно, бесполезно искать колонны и сталактиты: их здесь вообще нет.

Но мы приехали не для того, чтобы любоваться обычными подземными красотами. Аббат ведет нас дальше и останавливается перед очень небольшим отверстием, проделанным в цельной породе в виде уходящей вниз норы, из которой идет сильный поток холодного воздуха.

В прошлый раз Катала проник сюда, правда, с большим трудом и не без риска. Ему удалось спуститься на глубину двадцать метров в опасную расселину, и он оказался в нижнем, совершенно неизвестном этаже пещеры, о существовании которого никто не подозревал. Он прошел более километра по сложным ходам и, конечно, вышел бы, никому не рассказав о своих исследованиях, как это всегда бывало раньше при посещении им многих других пещер. Но на этот раз его усилия и настойчивость были вознаграждены сенсационным открытием, самым потрясающим из всего, что можно было вообразить. Вполне естественно, это побудило его отказаться от обычной замкнутости и пригласить нас.

Не без труда преодолев узкую лазейку и спустившись при помощи электроновой лестницы в очень неприятный колодец, мы трое пошли по извилистому горизонтальному ходу. Все наше внимание было направлено на земляной пол, и мы двигались вперед, наклонившись, внимательные, как индейцы племени сиу, идущие по следу дичи.

Мы и в самом деле ищем следы и вскоре находим их: на глине отпечатались следы гиены, лапы которой похожи на лапы большой собаки. Затем след становится менее четким, так как здесь прошло множество животных, их следы перепутались и наложились друг на друга.

Время от времени попадаются кости медведя, но редко и на большом расстоянии друг от друга. Здесь логово гиен, а известно, что эти животные крайне прожорливы и, не удовлетворяясь трупами добытых животных, они дробят своими чрезвычайно крепкими зубами и заглатывают кости даже крупных млекопитающих.

Известно также, что их желудочный сок способен растворять и усваивать кости, которые выделяются потом в виде капролитов. Эти белые капролиты не поддаются разрушению благодаря высокому содержанию карбоната (из переваренных костей). Они встречаются в гроте Алден в большом количестве. Мы не только нашли их, но даже сфотографировали там, где они лежат, точно гиены только что были здесь. Медведи, отдельные кости которых мы иногда встречаем, попадали в эту пещеру не только как добыча гиен. Они тоже заходили сюда, о чем свидетельствуют следы их огромных лап на земле и бесчисленные следы когтей на каменных стенах, изборожденных так густо и глубоко, что, несмотря на прошедшие тысячелетия, невольно представляешь себе, какой должна была быть в те времена встреча слабого человека с этим свирепым зверем.

Мы исследуем стены и почву и доходим до глинистого склона высотой в двенадцать-пятнадцать метров. Мы тут же окрестили его "горкой диких зверей" — настолько этот спуск утоптан, изрыт и исцарапан медведями и гиенами, которые скользили, цеплялись и пытались удержаться на мокром глинистом склоне. Создается впечатление, что эти места посещали

¹ Борта известняковых каньонов бывают обработаны совместным действием эрозии, т. е. размыва, и коррозии — растворения. Растворение действует в первую очередь на спайки зерен горной породы, облегчая, таким образом, размыв. Крутизна стен бортов обусловлена обваливанием известняков по вертикальным трещинам.

целые полчища животных, и невольно задаешь себе вопрос: не катались ли эти звери просто для собственного удовольствия, поскольку известно пристрастие медведей к такого рода упражнениям?

Кроме того, встает вопрос, на который очень хочется найти ответ: что служило гиенам и медведям ориентиром и как они находили дорогу в полнейшей темноте в лабиринтах этой громадной глубокой пещеры?

Можно предположить, что медведи, скелеты которых находят под землей, не сбились с дороги, они жили здесь и производили потомство, о чем свидетельствуют берлоги, или медвежьи лежки, во множестве встречающиеся в пещере Алден. Лежки выглядят как воронки примерно двух метров в диаметре при глубине пятьдесят — шестьдесят сантиметров. Звери ворочались в них и лежали свернувшись; воронки становились все круглее, стены и края сглаживались, ямы приобретали жилой вид, характерный налет. В этих ямах часто можно заметить места, залоснившиеся от трения меха, и даже бороздки — следы шерсти. Эти детали могут показаться неправдоподобными и вызвать насмешку скептиков, но они не удивят специалистов и тех, кто знаком с доисторическим периодом и знает, как хорошо все сохраняется в пещерах и до какой степени глина способна запечатлеть и сохранить с удивительной точностью такие детали, которые кажутся хрупкими и мимолетными.

Однако сюрпризы еще не исчерпаны, и пещера Алден припасла для нас еще много удивительных открытий и ярких переживаний. Проводник приводит нас в обширный бесконечный коридор, мы двигаемся гуськом за аббатом. Он наконец замедляет шаг, по-видимому, колеблется, останавливается, идет немного дальше, наклоняется к земле, внезапно отходит в сторону и, протянув руку, указывает на что-то.

— Вот, — говорит он вполголоса.

И мы с Мероком прирастаем к месту, любопытные и молчаливые, я бы сказал, преисполненные почтения, так как именно это чувство больше всего соответствует представшему перед нашими глазами потрясающему зрелищу. Глиняный пол сохранил в полной неприкосновенности — мы можем их легко различить — многочисленные следы босых ног наших далеких предков, которые прошли здесь (тщательное и убедительное исследование подтвердило это) двадцать тысяч лет назад!

До сих пор удавалось найти следы первобытного человека только в очень редких случаях, причем эти следы довольно плохо сохранились в таких пещерах, как Тюк д'Одубер и Нио (Аржеж), Кабрерэт (Лот) и Монтеспан, тогда как в Алдене количество и четкость этих удивительных отпечатков не идет с ними ни в какое сравнение.

Здесь так же, как и на "горке диких зверей", больше всего поражает свежий вид следов, кажущихся совсем недавними, но это характерная особенность любых отпечатков на глине. Некоторые отпечатки, свидетельствующие о подлинности остальных, совершенно отвердели и покрылись слоем извести, превратившей их в камень, так что на них можно наступать, не боясь их попортить.

Мы не совершаем подобного святотатства и идем с величайшей осторожностью друг за другом, ставя ногу след в след, чтобы оставить не более одного современного следа.

После первых минут раздумья начинаем измерять и разглядывать отпечатки с рулеткой и лупой в руках. В результате осмотра обнаруживаем, что перед нами пять следов различных размеров — от восемнадцати до двадцати пяти сантиметров длиной, что соответствует размерам обуви от двадцать седьмого до тридцать девятого, так что маленькая нога, без сомнения, принадлежала ребенку, причем по величине следа в восемнадцать сантиметров можно полагать, что это был ребенок лет семи.

Не вдаваясь в излишние технические подробности, все же следует сказать, что следы в Алдене мало чем отличаются от следа современного человека. Большой палец несколько расплюснут, как у всех людей, ходящих босиком, а что касается остальных четырех пальцев, то они подогнуты, и последний несколько атрофирован, как и у людей, живущих теперь. Люди, пришедшие в Алден, не были ни косолапыми, ни кривоногими, и ступни их имели

высокий свод. Что касается длины шагов (примерно пятьдесят сантиметров), то она невелика, что может объясняться малым ростом людей или тем, что они шли по скользкой земле в темноте пещеры, по всей вероятности, при очень скудном освещении.

На глинистой почве люди оступались и скользили, и глина преданно приняла и сохранила их отпечатки... В одном месте можно заметить, как вся стопа соскользнула вбок на полметра, в другом — очень четкую борозду длиной сорок сантиметров, прочерченную большим пальцем ноги. Видны также глубокие отпечатки согнутых пальцев ног без следов подошвы. Значит, здесь шли на носках, чтобы лучше удержаться и не скользить.

Одна деталь просто пленила нас, такой она была живой. Палка, служившая посохом одному из шедших, отпечаталась на глине во всю длину. Сбоку, параллельно следу палки, виден след подошвы, причем пальцы отпечатались сбоку. Глина зарегистрировала и позволила точно воспроизвести сцену: человек выронил палку, наклонился, чтобы поднять ее, но для этого ему пришлось согнуть ступню, пятка оторвалась от земли, колено согнулось и тяжесть всего тела пришлась на одни пальцы, которые глубоко ушли в глину...

Какое странное ощущение, когда можешь с такой уверенностью восстановить это мимолетное движение, этот неверный шаг, сделанный столько тысячелетий назад!

Однако неожиданности и волнения не исчерпаны, так как там, где потолок "галереи шагов" опускается все ниже и ниже, мы замечаем, что дальше наши предки продвигались ползком. Здесь мы находим отпечатки рук, локтей и колен людей, пробиравшихся под низкий свод, куда, к сожалению, мы не можем проникнуть, не разрушив эти следы, единственные в своем роде на всем земном шаре. Их даже невозможно сфотографировать: слишком низко нависает потолок.

Надо еще сказать, что время от времени мы видим черные следы в виде полос на каменных стенах на высоте несколько более метра. Эти следы нанесены древесным углем, мелкие кусочки которого валяются на земле прямо под черными полосами, представляющими собой следы факелов, которые терли об стену, когда они обугливались и дымили, чтобы снять нагар и оживить их.

Нет ничего удивительного, что полосы сохранились: древесный уголь находят в большом количестве даже в самых древних очагах. Результаты анализа на углерод-14 показали, что факел был сделан из можжевельника (смолистое дерево, очень подходящее для факелов) и что ему приблизительно 20 000 лет. Исследования показали также, что отпечатки следов человека в пещере Алден древнее, чем следы животных (медведей и гиен), а это подтверждает предположение, что люди принадлежали к ориньякской эпохе.¹

К несчастью, в этом гроте не удалось найти никаких предметов (обработанные кремни, примитивное оружие, изделия из кости), а также никаких наскальных рисунков, которые позволили бы определить более точные даты.²

Что касается доступа в этот нижний этаж в доисторические времена, то он осуществлялся не через узкую лазейку в вертикальный колодец (первый человек, прошедший таким путем, был аббат Катала), а через более удобный низкий ход, теперь заваленный обвалом, в который упирается "галерея шагов".

Именно этот обвал, эта образовавшаяся пробка, безусловно относящаяся к очень отдаленной эпохе, опечатала и сохранила здесь следы медведей, гиен и людей. И только такое редкое стечение обстоятельств позволило все это законсервировать и сберечь.

Лишь такой инициативный и подготовленный исследователь-спелеолог, как аббат Катала, смог, пробравшись очень трудным путем, проникнуть в нижнюю пещеру, где все спало глубоким сном в течение двухсот веков.

XXX

Ледяные пещеры массива Марборе

¹ См. прим. 4 к гл. V.

² Это замечание автора, как и текст предыдущего абзаца, малопонятны. Радиоуглеродный метод, о котором упоминается выше, наиболее тонкий и точный метод определения возраста.

Может быть, читатель помнит, что в 1926 году во время похода в ледяной грот Кастере я проник во второй ледяной грот, но не смог его исследовать ввиду недостатка времени, отсутствия снаряжения и потому, что жена моя в это время отдыхала и ждала меня у входа в грот Кастере, который мы только что прошли насквозь.

Возможно, что читатель не забыл также, что мы собрались как можно скорее вернуться в массив Марборе и продолжить исследование этой второй ледяной пещеры, расположенной на высоте 3000 метров над уровнем моря.

Но на пути к осуществлению наших планов стало очень много препятствий. Все последующие годы я был занят всевозможными исследованиями и работал в других местах.

Сначала мне пришлось выполнять работы по приглашению в различных странах, а потом произошли такие катастрофические события, как гражданская война в Испании, закрывшая надолго франко-испанскую границу, затем Вторая мировая война и все связанные с ней потрясения. По всем этим причинам я смог вернуться в Марборе лишь четверть века спустя, то есть в 1950 году.

В июле этого года я вышел из маленькой деревеньки Гаварни и направился по дороге к цирку. Увы, со мной не было моей жены, которая скончалась за десять лет до того, но все же я был не один. За мной следом шли две девушки, согнувшиеся под тяжестью огромных горных рюкзаков, — мои две старшие дочери, Мод и Жильберта, которым было около двадцати лет, то есть столько же, сколько было их матери в то время, когда мы с ней открыли грот Кастере. Они следовали за мной по фирну у Бреши Роланда.

Ограничения, которые я сам на себя наложил, принимаясь за книгу, позволяют мне говорить лишь о самых важных этапах моих исследований, не останавливаясь ни на чем второстепенном, и я ничего не рассказал о том, сколько сил посвятил воспитанию детей и как руководил их первыми шагами. С четырех-пяти лет они ходили и ползали за мной по пещерам, так как, будучи "ненормальным отцом", как меня иногда величали, я брал их с собой под землю, к их величайшему удовольствию и пользе. Таким образом они с самого детства учились выпутываться из затруднений, не бояться темноты и любоваться подземными красотами. Благодаря такому раннему обучению и, конечно, также двусторонне отягощенной в этом отношении наследственности мои дети в очень юном возрасте стали спелеологами, делающими мне честь, и на них я мог положиться.

В шестнадцать лет Рауль уже принимал участие в весьма сложных спусках в Хенн-Морт. В этом же возрасте Мод и Жильберта без усталости исследовали трудные пропасти и подземные реки и показали себя достойными своей матери.

Давно они мечтали познакомиться с этой странной ледяной пещерой — гротом Кастере, — о которой слышали с детства и видели множество фотографий. Но им не хватало главного — самим побывать в открытой мной пещере. Именно для этого мы теперь поднялись к Бреши Роланда в такой же поздний час, как тогда.

Мы переночевали на том же месте, как и в 1926 году, и на следующий день с рассветом отправились к гроту их мечты.

По пути я спрашивал себя, какова будет их реакция, когда они увидят таинственный широкий тридцатиметровый свод и подземное ледяное озеро.

Реакция была великолепной: воодушевление, нечто вроде исследовательской лихорадки, заставило их быстро пересечь ледяное озеро и исчезнуть в боковых залах. Вероятно, они пытались найти ходы, которые мы тогда прозевали.

Я же, пересекая озеро, остановился и мысленно перенесся на четверть века назад, когда под этими сводами звучал красивый мелодичный голос моей верной подруги. И вдруг я почувствовал себя очень старым, и меня охватила острая тоска при этих воспоминаниях, но в то же время я чувствовал себя умиротворенным оттого, что вновь пришел в это место, бывшее свидетелем нашей былой жизни, и привел сюда своих дочерей как на паломничество... Как и во многих других пещерах, мне на миг показалось, что я ощущаю нежный и легкий призрачный прикосновение моей жены, идущей рядом со мной, как в те былые времена, когда

мы оба, молодые и сильные, шли в неизвестность этого подземного ледника.

Но вот из соседнего зала появился вполне реальный силуэт моей дочери Мод, вошедшей в большую пещеру. Она пересекла ее, дошла до стены. Вот она нагибается и хочет влезть в какую-то горизонтальную трещину. Лежа животом на льду, она тщетно пытается протиснуться в эту неправдоподобную лазейку. Я приближаюсь к ней и пытаюсь умерить ее пыл, говоря, что там ничего не может быть, кроме совершенно неинтересного тупика.

Мои девочки приняли свою роль всерьез: Жильберта еще не вернулась с рекогносцировки, а Мод пытается форсировать узкую щель. Я вижу, как она задвигалась сильнее и сначала медленно, потом все быстрее начала исчезать в трещине, так что я подскочил к ней, чтобы схватить ее за ноги и задержать скольжение, показавшееся мне подозрительным. Мое беспокойство оказалось оправданным, так как за очень низким сводом открывался вертикальный колодец, который затягивал Мод и в который она могла вот-вот свалиться.

Ранее мы не подозревали о существовании этой пропасти. Через месяц мы вернулись с электронной лестницей, позволившей нам спуститься в нее и полюбоваться нижним этажом, целиком покрытым льдом, и фантастической ледяной стеной, которую мы назвали Ледяной Ниагарой.

Оказалось, что Мод и Жильберта не зря продолжили исследование пещеры, которую, как я думал, мы полностью разведали с женой. Но, как я лишний раз убедился, под землей никогда не может быть полной уверенности, что ты действительно все заметил.

Впереди нас поджидало еще интересное открытие: когда мы в конце концов полностью изучили второй грот, в который я с трудом проник в 1926 году, то открыли около него множество других, один прекраснее и интереснее другого. Эти пять подземных ледников были названы нами гротом Серн (однажды мы встретили здесь серн). Мы провели незабываемые исследования в этих гротах. Наш смешанный отряд, состоящий из одного мужчины и двух девочек, конечно, был слишком слаб, чтобы перенести с собой на такую высоту тяжелые и громоздкие материалы (лестницы, веревки, лампы, железные скобы, продовольствие, спальные мешки и т. д.). Нам приходилось довольствоваться очень скромными средствами, что усиливало опасность исследований.

Позже отряды по пятнадцать-двадцать спелеологов, привлеченных нашими открытиями, организовывали горные лагеря в испанском массиве Марборе и экспедиции по всем правилам с целью отыскать и исследовать в нем другие подземные полости.

Наши исследования ледяных пещер были сопряжены с большой опасностью из-за скрытых пропастей, крутых скатов, застывших водопадов, подъем и спуск с которых очень труден.

Длительное пребывание при температурах всегда ниже нуля под мощными потоками воздуха делало особенно мучительными наши исследования. Ночевки под открытым небом из-за отсутствия палатки, тащить которую нам было слишком тяжело, также очень неудобны и плохо восстанавливали силы.

Как бы там ни было, но подземные потоки, превратившиеся в вечный лед, представляют незабываемое зрелище — одно из самых редких и причудливых на земле. В недрах гигантских пиков, где нам посчастливилось открыть ледяной грот, расположенный на самой большой высоте над уровнем моря из всех известных ледяных гротов на земном шаре,¹ все — покой и волнение — застыло в вечной неподвижности. Лишь ледяной ветер мрачно воет в этих пещерах и оживляет одиночество высоких грозных сводов, под которые никогда никто не проникал и под которыми ничто живое не может надолго задерживаться, не поплатившись за это жизнью.

XXXI Пьер-Сен-Мартен

¹ См. прим. 17 к гл. XV.

Пещеры и пропасти не похожи одна на другую. Способы их исследования также разнообразны и зависят в основном оттого, как они проводятся: в одиночку, вдвоем, втроем или целыми специально организованными экспедициями, при которых работу ведут многочисленные, хорошо снаряженные отряды.

Монтеспан — пример исследования в одиночку. Сигалер, пропасть Мартеля и грот Кастере всегда вспоминаются мне как походы вдвоем с женой. Ледяные гроты Серн мы исследовали втроем с дочерьми. Что касается сложных коллективных экспедиций, то мне казалось, что они достигли своего апогея при исследованиях Хенн-Морт. Но для исследования Пьер-Сен-Мартен пришлось собрать еще больше участников и привлечь исключительные средства, во всяком случае для последнего этапа, так как первые исследования так же, как в Хенн-Морт, проводили несколько человек, причем плохо экипированных.

Открытие и история пропасти Пьер-Сен-Мартен неотделимы от имени и личности бельгийского врача Макса Козинса, который, будучи еще ребенком, вместе со своими родителями нашел приют в Стране Басков во время войны 1914 года. Они поселились в горной провинции От-Суль, и в этой стране каньонов и пропастей молодой Макс приохотился к спелеологии, ставшей его любимым занятием, целиком заполнившим впоследствии все летние отпуска, которые он неуклонно проводил в Стране Басков, где построил себе швейцарский домик.

Начиная с 1935 года мне приходилось с ним работать в больших пропастях этого живописнейшего края и изучать здесь сложные пути подземных вод, исследовать которые Мартель начал еще в 1908–1909 годах.

После войны 1939 года Козине, которому посчастливилось уцелеть в страшном лагере Бухенвальд, с новым рвением вернулся к подземным походам в Стране Басков и каждый год организовывал сюда спелеологические экспедиции (в них мне тоже случалось принимать участие). Основная цель экспедиции — разведать подземный поток: существование его предполагал в свое время Мартель, а Козине необычайно активно пытался его найти.

Мой брюссельский друг уже успел подняться в стратосферу и спуститься под воду вместе с профессором Пикаром,¹ а теперь желал с присущим ему спокойным упрямством проникнуть в недра земли.

Для экспедиции 1950 года, в которой по традиции принимали участие французские и бельгийские спелеологи, Козине решил избрать перевал Пьер-Сен-Мартен. Как всегда, он пригласил и меня, но на этот год я планировал вновь посетить наконец массив Гаварни и Мон-Пердю с дочерьми. Этот поход без конца откладывался, и его удалось осуществить лишь с опозданием на двадцать четыре года. В мои планы входило исследование ледяных пещер. Открытия, сделанные в результате этого похода, описаны в предыдущей главе.

В ходе кампании в самом сердце Страны Басков один из участников экспедиции — Жорж Лепине — неожиданно нашел небольшое отверстие, скрывавшее колодец глубиной в триста сорок шесть метров.

Козине сообщил мне об этом лаконичной телеграммой, достаточно, однако, красноречивой для спелеолога: "Открыли самую глубокую из известных пропастей". Я ему ответил в том же духе: "Открыли ледяные пещеры выше всех известных".

Последовал обмен письмами, и было решено посвятить кампанию 1951 года исследованию новой гигантской пропасти, которую в 1950 году из-за недостатка соответствующего оборудования для спуска удалось лишь прозондировать.

¹ **Пикар Август (Огюст)** — швейцарский физик (с 1922 г. профессор Брюссельского университета), стратонавт, сконструировавший и построивший аэростат для полетов в верхних слоях атмосферы — стратостат с шарообразной, герметически закрывающейся гондолой. В 1931 и 1932 гг. Пикаром были совершены полеты на стратостате из Аугсбурга и Цюриха до высоты 15 780 м и 16 370 м с целью изучения космических лучей. А. Пикар является также создателем батискафа. Его сын Жак Пикар опустился в Марианской впадине в батискафе на глубину около 11 км (Е. М. Крепе. "Витязь" в Индийском океане. М., 1963, стр. 48; Н. А. Гвоздецкий. Советские географические исследования и открытия. М., 1967, стр. 310).

Главной частью оборудования была установленная на краю пропасти педальная лебедка с четырехсотметровым стальным тросом, давшая возможность Жоржу Лепине спуститься в глубокий колодец и приземлиться в огромном хаотическом зале с весьма наклонным полом.

Счастливый открыватель пропасти, названной в его честь пропастью Лепине,¹ вернулся на поверхность и уступил свое место на конце троса Жоржу Эрто (одному из участников спуска в Хенн-Морт), который отважился дойти до конца большого зала и услышал рев потока, доносившийся снизу.

Через несколько часов Гарун Тазиев и Марсель Лубан, сменившие Лепине и Эрто, склонились над колодцем, ведущим в нижний этаж. Они развернули лестницы, и Лубан спустился в еще более обширный зал и действительно обнаружил там подземный поток.

Этот гигантский неф² Лубан назвал залом Элизабет Кастере, в память моей жены, которая, как он помнил, в 1934 году поставила рекорд Франции по спуску женщин на глубину в пропасти Мартеля.

Разведка Марселя Лубана закончилась на глубине примерно пятисот метров, и было решено в следующем году провести экспедицию в эту пропасть, оказавшуюся одной из самых глубоких из всех известных.

Если в 1950 году поход в массив Марборе не позволил мне присоединиться к Козинсу и его товарищам, то в 1951 году мне помешали совершенно другие причины. Перед самой экспедицией к перевалу Пьер-Сен-Мартен мой сын Рауль сломал ногу в пропасти Эспаррос, а у моей дочери Жильберты начался сильнейший приступ аппендицита в глубине пещеры Баррабау (о которой я расскажу несколько ниже).

Они оба лежали в одной и той же больнице (один в гипсе, другая после операции), и мы вдвоем по газетам следили за всеми перипетиями спуска Марселя Лубана на пятисотметровую глубину.

В июле 1952 года мне удалось наконец присоединиться ко второй экспедиции в пропасть Лепине (которую с тех пор пресса и наш отряд начали называть пропастью Пьер-Сен-Мартен³).

Кампания, обещавшая быть исключительно плодотворной, началась спуском четырех человек из нашего отряда — Лубана, Тазиева, Оккьялини и Лябейри, — которые должны были разбить лагерь в зале Элизабет Кастере, произвести окрашивание воды подземного потока и убедиться, что пропасть продолжается в глубину. Затем этому первому отряду следовало подняться на поверхность и уступить место штурмовому отряду, который должен был вести я, с целью добраться до самой большой возможной глубины. Но моему отряду не суждено было вступить в действие, так как во время подъема первого отряда Марсель Лубан стал жертвой несчастного случая: он сорвался в ужасающий колодец. Гибель его потрясла всех, кампания 1952 года была прервана. Героическое поведение доктора Мерейя, спустившегося к раненому на насоро ерошенном тросе, не менее выдающийся подвиг наших товарищей — лионских скаутов — Балландро, Эпели и Летрона, которые спустились и закрепились при помощи крюков на разных уровнях в большом колодце, чтобы помочь поднять носилки, — все оказалось напрасным: Лубан скончался.

Наша скорбь усугубилась еще и тем, что нам не удалось поднять тело нашего несчастного товарища, павшего на поле битвы за честь спелеологии в возрасте двадцати восьми лет, и пришлось из-за отсутствия земли временно похоронить его под гигантским камнем в зале Лепине.

Наш замечательный спелеолог, мой лучший ученик и друг заплатил жизнью за спуск в этот опаснейший колодец, глубина которого больше высоты Эйфелевой башни.

Причиной несчастья послужило недостаточно прочное крепление на конце несущего

1 Под именем пропасти Лепине эта пропасть фигурирует в дополнении к спелеологической сводке Ф. Тромба (F. Trombe. *Traite de speleologie*, 1952, p. 361).

2 "Неф" — архитектурный термин, обозначающий вытянутую в длину, обычно прямоугольную в плане часть высокого помещения (храма и т. п.), разделенного в продольном направлении колоннадами или арками.

3 Название Пьер-Сен-Мартен первоначально принадлежало соседней пропасти, в которую в 1908 г. спускался Э. А. Мартель (см. Н. Кастере. Тридцать лет под землей. М., 1964, подстрочн. прим. на стр. 46).

троса в том месте, где он прикрепляется к парашютным ремням, которыми мы были экипированы. Это крепление, то есть эта модель крепления, прекрасно служила все предыдущие годы, и мы испытывали к ней полнейшее доверие, так же как и ко всему прочему оборудованию, добытому Максом Козинсом, которым он пользовался в течение десяти лет. Лично мне приходилось спускаться в 1935 году на более тонком тросе и при помощи более легкой лебедки в вертикальные колодцы соседних с Пьер-Сен-Мартен пропастей Хейл и Утчапа глубиной двести и сто пятьдесят метров соответственно. Очевидно, в оборудовании был дефект, и жертва 14 августа 1952 года была предрешена. Несчастный случай мог произойти с Оккьялини, который последним спустился в пропасть, то есть непосредственно перед подъемом Лубана, или со мной, ожидавшим его возвращения, чтобы спуститься в свою очередь. Злой рок пожелал, чтобы никто не заметил, как самым непредвиденным образом гайка ослабла, и жертвой стал Марсель Лубан.

Разразилась мучительная дискуссия, перешедшая вскоре в бессмысленную полемику, развернутую и использованную известного рода прессой, падкой на сенсации и скандалы, и усиленную еще тем обстоятельством, что нам не удалось вынести тело жертвы на поверхность.

Встав выше бесполезных и достойных сожаления ссор и волнений, правительство посмертно наградило Марселя Лубана орденом Почетного Легиона со следующей формулировкой текста награждения:

"Охваченный бескорыстной страстью к спелеологии с самой юности, он беспрестанно отдавал ей все самые возвышенные качества ума, жажду открытий и отвагу. Исследовав множество пещер и много раз спускавшись под землю совместно со своими отважными спутниками, в августе 1952 года при особо опасном исследовании пропасти Пьер-Сен-Мартен он пал смертью храбрых во славу науки".

В августе 1953 года все мы вновь собрались у пропасти с двумя целями: извлечь останки нашего несчастного товарища (по закону гор мертвых под землей не оставляют); кроме того, мы хотели дойти до самого дна пропасти и покорить ее в память Марселя Лубана, как это сделал бы он сам, если бы не был остановлен на своем пути.

Низкопробная шумиха и недостойная полемика прошлого лета имела все же неожиданные и благоприятные последствия: мы получили некоторое содействие и материальную помощь, главным образом от армии. Уже во время несчастья 1952 года военный самолет с базы в По сбросил нам на парашюте медикаменты и специальные носилки для переноски раненого с множественными переломами. На этот раз два самолета "Дакота" сбросили нам несколько тонн снаряжения и материалов. Эта операция положила начало неожиданному сотрудничеству людей воздуха с людьми подземелий, которое с тех пор не прерывалось и продолжает оказывать значительную помощь спелеологам, работающим в горах или отдаленных труднодоступных районах.

Желая подробнее ознакомиться со строением рокового колодца, усложненного карнизами, трещинами, выступами, забитыми щебнем, непрочно держащимися глыбами, и чтобы заранее изучить трудную проблему подъема тела Марселя Лубана, я первым спустился в страшную пропасть глубиной триста сорок шесть метров на новом тросе с новой лебедкой, которую сделал и которой управлял инженер Квеффелек. На мою долю также выпала печальная и тяжелая привилегия первым преклонить колена перед могилой нашего друга.

Через несколько часов ко мне спустились Мерей, Дельтейль, Эрто, Янссен, Трефар и присоединившийся к нашему отряду испанский спелеолог Ондарра. Всемером мы пересекли залы Лепине и Элизабет Кастере, а затем третий еще более обширный зал — зал Марселя Лубана. Мы вышли в гигантскую галерею с подземным потоком, в который тут же бросили двадцать килограммов флуоресцеина. Длинный ход привел нас к подножию каменного барьера высотой двадцать пять метров, на который мы взобрались, чтобы убедиться, что подземная полость идет дальше.

Перед нами был еще один, четвертый по счету зал, в нем мы услышали рев потока. Мы вернулись к подземному лагерю, который разбили в зале Лепине в нескольких метрах от

места погребения Лубана. Штурмовой отряд под командой Лепине состоял из лионских скаутов Баландро, Эпелли Летрона и бельгийца Теодора.

Лепине не участвовал с нами в кампании 1952 года, так как в то время выполнял работы на Земле Адели (Антарктида), он вернулся во Францию как раз вовремя, чтобы принять участие в экспедиции 1953 года, и ему, поскольку он являлся открывателем этой пропасти, было предоставлено почетное место начальника штурмового отряда.

Этот отважный отряд, который, как мы знали, будет идти вперед до последней возможности, был оторван от нас, и мы не имели о нем никаких сведений в течение трех суток. Только в конце третьих суток отряд подал признаки жизни по телефону со дна громадного колодца.

После трехкилометрового подземного перехода по невообразимому хаосу через семь гигантских наклонных залов, пересеченных вертикальными глыбами, Жорж Лепине и его товарищи достигли дна пропасти на глубине семисот метров. Эта пропасть оказалась самой глубокой на земном шаре¹.

Члены штурмового отряда рассказывали нам об огромных залах, пределы которых невозможно было рассмотреть, и они вполне могли скрывать боковые галереи и ходы. Мне тут же захотелось спуститься в пропасть. Совместно с Робером Леви и доктором Мерейем мы произвели молниеносный спуск, давший нам возможность достичь дна пропасти, однако боковых галерей мы не обнаружили.

Покорить самую глубокую на земле пропасть Пьер-Сен-Мартен мы смогли только благодаря большой помощи извне, а также благодаря преданности и самоотверженности всех членов нашего отряда. Некоторые участники экспедиций, пожертвовав личными интересами, согласились на вспомогательные посты и на выполнение трудных и неблагодарных, однако совершенно необходимых задач. В этом отношении спелеология подобна альпинизму. Все участники восхождения переносят лишения и отдают все силы лишь для того, чтобы двое или трое из них смогли достичь вершины.

Но наша победа была омрачена горечью и разочарованием, так как нам пришлось признаться, что мы не в состоянии выполнить наш священный долг — вырвать у пропасти прах Марселя Лубана.

Может быть, трудно себе представить, что мешало нам поднять носилки по вертикальному колодцу, даже если глубина его составляла триста сорок шесть метров. Но проблема эта не так проста, и хотя пропасть в общем вертикальна, однако это не мешает ей быть в то же время пересеченной опасными выступами, естественными желобами, трещинами и идущими по спирали участками, где спелеологам приходилось очень трудно, буквально не хватало рук и ног, чтобы подтягиваться на руках, отталкиваться ногами, отрываться от расщелин, балконов, освобождать стальной трос, то и дело цеплявшийся за опасные выступы. У нас были основания опасаться, что инертный груз более восьмидесяти килограммов не сможет преодолеть все эти препятствия, и в конце концов нам пришлось решиться еще раз покинуть нашего несчастного друга на дне пропасти.

Нам удалось одержать победу в этот богатый событиями год: ведь именно в 1953 году английские альпинисты достигли вершины Эвереста — самой высокой на земном шаре,² французские и бельгийские спелеологи спустились в самую глубокую пропасть на земле, а батискаф достиг рекордной глубины под водой.³ И все же наша кампания была омрачена неудачей, о которой я только что рассказал.

Поэтому тогда же было принято решение провести в 1954 году кампанию с единственной целью — эксгумировать и поднять тело Марселя Лубана.

Жорж Лепине разработал план операции и сконструировал оригинальные приспособления, пригодные для этих трудных и опасных маневров. Несмотря на все

1 Она и сейчас самая глубокая (см. прим. 25 к гл. XXI). Глубина ее "возросла" до 1171 м.

2 Вершина Джомолунгма (Эверест) была впервые покорена в 1953 г. участниками английской экспедиции Дж. Ханта — шерпом (из народностей Непала) Тенсингом Норкеем и новозеландцем Эдмундом Хиллари.

3 В 1960 г. был установлен новый рекорд погружения в глубину океана на батискафе Жаком Пикаром в Марианской впадине Тихого океана (см. прим. 39 к данной главе).

усовершенствования, операция оказалась очень рискованной и едва вновь не закончилась неудачей.

Алюминиевый контейнер, специально сделанный в форме снаряда, весьма неудачно и бесповоротно застрял под одним из выступов примерно на половине глубины колодца. Пришлось прибегнуть к очень трудному и опасному маневру — спустить одного из спелеологов до этого места. Этот человек, Жозе Бидеген, спустился на стальном тросе с помощью приспособления, называемого самоподъемником (оно состоит из лебедки и люльки, как у рабочих, чистящих фасады домов). Ему удалось спуститься до самого контейнера и освободить его. Потом он неотступно сопровождал гроб, проталкивая на всех трудных местах.

Лучше всего и без всяких комментариев привести рассказ самого Бидегена: "Во время спуска я боялся только одного, как бы кабель, поддерживающий контейнер, не пересекся с гораздо более тонким тросом моего самоподъемника, не прижал его к скале и не перерезал. Роковое падение в пустоту не сулило ничего, кроме гибели. В голове неотвязно звучали слова, сказанные Кастере после выхода из пропасти: "Подъем контейнера будет исключительно опасным... Я хорошо взвесил свои слова..." И все же мой спуск прошел без каких-либо помех, и я добрался до металлического гроба, застрявшего под проклятым выступом. Я передавал команды по ларингофону,¹ и после коротких спусков и подъемов в конце концов мне удалось придать контейнеру то положение, которое я считал наилучшим для преодоления выступа. Все готово. Подъем!

Спиной к стене, отталкивая тяжелый гроб руками и ногами, мне удалось освободить его, и он поднимается, придавливая меня, но все же идет вверх. Полметра... Еще полметра... Так, преодолевая метр за метром, мы поднимаемся оба".

Этот кошмарный подъем, при котором Бидеген каждую секунду рисковал жизнью, длился тринадцать часов. Он добился желаемого, но, выбравшись на поверхность, упал без чувств. Через два дня при молчании собравшихся, среди которых находились официальные лица департамента Верхней Гаронны, семья Лубана получила последнее утешение, проводив прах Марселя до кладбища его родного селения.

Итак, наша экспедиция 1954 года в Пьер-Сен-Мартен была эпилогом этой страшной драмы.

Увы, эта пропасть стоила жизни лучшему из нас. Но спелеология — это не только опасный спорт, но также сложная и увлекательная наука. В пропасти Пьер-Сен-Мартен кроме сбора многочисленных образцов были произведены геологические и минералогические наблюдения. Наблюдались, изучались, регистрировались различные физико-химические и метеорологические явления (эрозия, температура, воздушные потоки, туман, конденсация, ионизация). Мы были уверены, что фауна пещеры будет очень бедной из-за большой высоты над уровнем моря и постоянно низкой температуры (четыре градуса) и что вряд ли удастся найти что-нибудь кроме некоторых видов троглобий,² приспособленных к суровым условиям существования.

Несмотря на все эти домыслы, урожай оказался отличным: восемь различных троглобий, полуводных-полуназемных, из которых две особи принадлежали к новому виду, который доктор Рене Жаннель, профессор музея, назвал в память Марселя Лубана (*Alhaenops loubensi*). Эти существа — представители живших когда-то на поверхности земли животных, исчезнувших с нее миллионы лет назад — живые "окаменелости" подобно знаменитой рыбе целаканту.³

¹ **Ларингофон** — разновидность микрофона телефонного аппарата.

² **Троглобиями** называют представителей пещерной фауны, обитающих только под землей, т. е. не встречающихся вне пещер на поверхности земли. Как правило, у них редуцированы глаза и пигмент, зато сильно развиты органы осязания и обоняния.

³ **Целакант** — рыба из группы кистеперых, очень древних, почти полностью вымерших рыб. Собственно целакант (*Coelacanthus*) известен только как ископаемая рыба, встречающаяся в верхнепермских и мезозойских отложениях, но к отряду *Coelacanthiformes* (или к группе *Coelacanthi*) относятся очень редкие современные представители кистеперых — латимерия и малания, — которых тоже называют целакантами.

Однако больше всего нас интересовала гидрогеология. Открытый Лубаном на дне пропасти неизвестный поток очень заинтересовал специалистов, и это придало практический интерес дальнейшим исследованиям. Наши опыты с окрашиванием воды показали место выхода подземного потока на поверхность, оказавшееся в семи километрах от пропасти и на тысячу двести метров ниже в долине. Этот подземный поток можно каптировать и использовать, отведя его воды по туннелю до самых турбин электростанции так, чтобы он падал на них с высоты шестисот — семисот метров.

Конечно, нам очень хотелось вновь спуститься в пропасть и достигнуть ее дна в зале, названном залом Верна. В этом зале было еще ответвление, в которое мы рискнули зайти вместе с доктором Мерейем, Балландро и Моэром и прошли по нему около километра, но нас остановила глубокая водная преграда, а лодок с собой не было.

Несмотря на наше горячее желание поскорее вернуться в Пьер-Сен-Мартен, ждать нам пришлось очень долго: возникли пограничные затруднения. Где находится пропасть — во Франции или в Испании? На этот деликатный вопрос было практически невозможно ответить, и его удалось уладить лишь через шесть лет. Было признано, что входное отверстие пропасти находится на территории Испании, однако всего в двадцати двух метрах от границы! Пропасть оказалась французской на протяжении двух километров шестисот метров и испанской на протяжении одного километра. Эта удивительная пропасть, как бы оседлавшая границу, может считаться франко-испанской.

Такое странное положение (однако не единственное, поскольку между Венгрией и Чехословакией также существует пещера Аггтелек-Домица длиной восемнадцать километров,¹ соединяющая обе страны) создало настоящий острый конфликт, из-за которого мы до самого 1960 года не могли добраться до "своей" пропасти.

Наконец именно в этом году мы сделали то, что могли сделать гораздо раньше. Оставив дипломатические пути и попытки получить официальное разрешение, мы очень легко и очень эффективно объединились с испанскими спелеологами, то есть с людьми, которым так же, как и нам, хотелось поскорее спуститься в "запретную" пропасть.

С этого момента все препятствия удалось устранить, все стало возможным, и 7 июля 1960 года началась так долго и досадно задерживаемая экспедиция, наконец удовлетворившая желания испанских и французских спелеологов и давшая сенсационные результаты.

Но прошло слишком много лет, чтобы можно было восстановить и собрать французский отряд в прежнем составе. Из старых участников были только Лепине, Бидеген, Дельтейль и Моэр, которые ввели новичков Клота, Сонье и Казилласа. Квеффелек тоже остался верным нашему отряду и явился вместе со своей лебедкой, которую он по этому случаю еще усовершенствовал.

Что касается лично меня, то, взяв на себя хлопоты и заботы по организации и ответственность за успех экспедиции, я решил ограничить этим свою задачу и не спускаться более в пропасть. Шесть лет перерыва и ожиданий, как неоправданных, так и непростительных, не могли, конечно, слишком сильно отразиться на людях тридцатилетних, но мне к этому времени стукнуло уже шестьдесят, а это плохо для спелеологии, для которой "важнее всего, чтобы вам было двадцать лет".

Я решил, что не должен занимать место какого-либо члена отряда в расцвете молодости и сил, и, несмотря на многократные дружеские настояния моих товарищей, включился в команду на поверхности, где, кстати, работы тоже было достаточно. Дальнейший ход событий показал, что я был прав, отказавшись от спуска. Подземному отряду пришлось провести десять дней и десять ночей в холоде, сырости и темноте, причем при столь длительном пребывании под землей они еще выполняли изнурительные работы по переноске

¹ Аггтелекская пещера, или Домица-Барадла, находится в Словацком Карсте на границе Венгрии и Чехословакии. Большая часть пещеры, собственно Аггтелекская пещера, или Барадла, расположена на территории Венгрии. Меньшая часть — Домица, открытая позднее (в 1926 г.), принадлежит Чехословакии. Общая длина пещеры 22 км.

тяжелого оборудования. У них не было даже такого вознаграждения, какое дает прелесть новизны, ощущения, что идешь по нетронутым местам, поскольку они лишь повторили пройденные за прошлые годы маршруты, сопровождая и помогая двум топографам, Сонье и Казилласу, которые выполняли весьма нелегкую задачу топографической съемки полости.

Признаюсь, перспектива продвигаться черепашным шагом в течение нескольких дней среди нагромождения скал и камней, неся на себе тяжелый груз, сыграла немаловажную роль в моем решении не спускаться в пропасть, которую я и так уже прекрасно знал на всем ее протяжении во Франции и на целый километр в Испании.

А что собирались делать в Пьер-Сен-Мартен испанцы? Они пришли, чтобы спуститься в колодец Лепине — самую большую из известных вертикальных полостей, — пересечь гигантские залы Наварры и Кастилии и проплыть в лодке по озеру, остановившему нас в 1954 году, когда мы смотрели на него, жадные и потрясенные, в то время как сильный ветер поднимал на его поверхности небольшие волны.

Роберт Моэр из Безансона, единственный из участников экспедиции 1960 года, достигший в 1954 году конца испанской части пропасти, должен был вести до озера семь испанцев. Самое занятное в этой истории то, что Моэр не знал ни слова по-испански, но под землей есть свои преимущества, и в общем там всегда удастся сговориться, так что все прошло нормально, правда, главным образом благодаря тому, что начальник отряда Феликс Руиз де Аркот, симпатичный спелеолог из Толоса, прекрасно говорил по-французски с живописным и совершенно неожиданным брюссельским акцентом.

Спустили на воду надувные лодки, которых не было у нас в 1954 году, и поплыли вверх, в неизвестность. Ветер, достигавший силы бури в узком проходе пещеры, который так и решили назвать "туннель ветра", оттеснял и отталкивал лодки назад и подземным лодочникам приходилось цепляться за сжимающие их с обеих сторон вертикальные стены. Сверху до них доносился оглушительный шум каскада, о котором я говорил им раньше. Они даже захватили с собой металлический шест, чтобы попытаться преодолеть этот водопад. Однако воспользоваться этим шестом им не пришлось. Дело в том, что каскада не существует. Это ветер воет в туннеле, и кажется, что доносится шум падающей воды. Классическая ошибка, повторившаяся здесь.

С трудом преодолев на лодках сто десять метров по извилистому туннелю, отряд сошел с лодок и продолжил исследование пещеры. Здесь пещера, оставаясь такой же величественной, делится на две ветви. Их сейчас же обследовали. Оказалось, что одна ветвь тянется на четыреста, другая на пятьсот метров. Пришлось переносить лодки, много раз выгружаться и вновь садиться в лодки на все более и более пересеченном маршруте. В конце концов из-за возрастающих трудностей и отсутствия подходящего снаряжения отряду пришлось остановиться. Пещера шла дальше вверх, и исследование можно было продолжать лишь при наличии лучших средств.

В то время как испанцы шли вверх по течению, шесть французов, о которых я упомянул выше, с помощью двух членов испанской группы, Мартина и Гидальги, дошли до дна пропасти в огромном зале Верна и произвели, так же как и в остальных частях пропасти, топографические съемки.

Гигантский неф¹ составляет двести двадцать метров в длину и сто восемьдесят в ширину при высоте свода сто пятьдесят метров на всем протяжении зала. Это самый большой подземный зал из известных.²

¹ См. прим. 41 к данной главе.

² Подразумевается из известных во всем мире (яснее об этом говорится на стр. 211). Это неточно. Большой зал в Карлсбадской пещере в штате Нью-Мексико (США) имеет форму буквы "Т" и протягивается в одном направлении на 610 м, в другом — на 335 м, тоже при значительной высоте (87 м). (У. Холидей. Приключения под землей. М., 1963, стр. 174). В советской карстоведческой литературе приводится суммарная длина самого большого зала Карлсбадекой пещеры 1220 м (очевидно, сумма обоих направлений), ширина 190 м, высота 90 м, соответствующие данным, приведенным в учебнике геоморфологии Хиндса (N. E. A. Hinds. Geomorphology. The evolution of landscape. New York, 1943, p. 739–741). Во всяком случае по длине, ширине и объему этот зал больше (по длине и объему значительно больше), чем зал Верна в пропасти Пьер-Сен-Мартен.

Поток, низвергающийся сюда оглушительным водопадом, вьется и прыгает по каменистому руслу, потом растекается и исчезает, просачиваясь сквозь галечный пляж, занимающий дно зала. Опыт с окрашиванием воды, произведенный в 1952 году и повторенный в 1953 году, показал нам, что этот подземный поток выходит на поверхность в восьми километрах отсюда в долине Сент-Энграс. Общую глубину пропасти вплоть до зала Верна определили семьсот двадцать восемь метров, но эта цифра вызвала сомнения и не была всеми признана; некоторые полагали, что глубина пропасти не превосходит шестисот пятидесяти метров.

Тщательная топографическая съемка, произведенная опытными специалистами с более совершенными инструментами, дала окончательный результат — семьсот тридцать семь метров.¹ Эта точнейшая топографическая съемка, кроме того, показала, что съемка по компасу, произведенная лионскими скаутами Балландро и Летроном в 1953 году, очень точна и чуть ли не превосходит прекрасные топографические планы 1960 года.

В результате была возобновлена и быстро закончена прокладка пробного туннеля длиной в километр, начатого в 1955 году в склоне горы с целью попасть в зал Верна, так как оказалось, что пройти оставалось всего шестьдесят метров.

Подземный поток все же будет каптирован в зале Верна, отведен по туннелю, выведен к склону горы, заключен в трубу, чтобы низвергаться с высоты шестисот — семисот метров на турбину гидроэлектростанции, построенной у селения Сент-Энграс.

Почти наверняка зал Верна, повторяем, самый большой подземный зал в мире, будет приспособлен и открыт для публики. Проникнув в него пешком через искусственный туннель без утомления и не подвергаясь ни малейшей опасности, туристы попадут прямо в грандиозный неф, в котором могло бы поместиться два собора Парижской Богоматери с их семидесятиметровыми башнями и девяностопятиметровыми шпилями, а на них еще можно было бы два раза поставить обелиск с площади Согласия.

Прожекторы будут освещать и выделять детали этого роскошного зала. В 1953 году пять спелеологов добрались до него в результате невероятнейшего спуска на глубину семьсот метров. Они попали сюда под оглушительный шум водопада, низвергающегося в этот неф, который в то время был дном пропасти — самой глубокой в мире.

Пожелаем же, чтобы гиды, которые будут когда-нибудь водить посетителей по "заключительному" залу пропасти Пьер-Сен-Мартен, не забыли сказать несколько слов о трудах и героизме спелеологов, которые первыми отважились спуститься в эту бездонную пропасть.

Еще одно, последнее пожелание и предложение — пусть в зале Верна, в самой глубокой пропасти мира, будет установлена доска из пиренейского мрамора с выгравированным на ней именем Марселя Лубана, павшего смертью храбрых на бранном поле спелеологии в пропасти Пьер-Сен-Мартен.

XXXII

Два "разукрашенных" грота — Баррабау и Тибиран

Наши исследования пропасти Пьер-Сен-Мартен растянулись на четыре года. Это не так уж много, если вспомнить, что Хенн-Морт отняла у нас пять лет, а мой друг Пьер Шевалье лишь к концу одиннадцатого года исследований добрался до конца чудовищного подземного лабиринта Тру-дю-Глас в Дофинэ.

В больших экспедициях обычно занято много участников, и бывает весьма нелегко подобрать время так, чтобы у всех у них совпал отпуск; обычно приходится ограничиваться одной кампанией в год, длящейся две, максимум три недели в самой середине лета, то есть в отпускное время, совпадающее с периодом низкого стояния подземных вод.

Экспедиции в Пьер-Сен-Мартен, проходившие с 1951-го по 1954 год, оставляли лично мне еще немного свободного времени: ведь вся моя основная деятельность связана с

¹ См. прим. 43 к данной главе.

подземными полостями, и я вообще веду полуподземное существование.

Так, в 1951 году я оказался на исследованиях в районе Эйзи в Дордони, очень богатом знаменитыми доисторическими пещерами.

Первого апреля 1951 года по просьбе господина Мофранжа, президента Инициативного синдиката Бюга (в шести километрах от Эйзи), я проводил кое-какие исследования в пропасти Прумейссак, давно уже приспособленной для показа туристам; посещение этой пещеры стало более легким благодаря проведенным с тех пор значительным работам.

После выхода из пропасти Прумейссак я в сопровождении двух моих детей вновь пересек Везер и в полукилометре от городка Бюга увидел вход в грот, про который все говорили мне, что он совершенно неинтересен. Странное название этого грота заинтересовало меня разнообразием в написании: Бара-Бао, Бара-Бахо, Баррабау.

Расположенный на косогоре над дорогой из Бюга в Сен-Альвен вход в пещеру обманчив, поскольку довольно высокий естественный портал оканчивается тупиком, но в пещеру можно проникнуть через низкое и узкое отверстие, за которым сразу же открывается обширная пещера с высоким сводом. Большой прямоугольный вестибюль, загроможденный огромными камнями, упавшими со свода на глинистую почву, произвел на меня исключительно приятное впечатление, и я тут же, к собственному удивлению, объявил своим детям: "В этом гроте в доисторические времена жили люди, и вполне возможно, они оставили рисунки на стенах".

Однако несколько дальше мы заметили следы раскопок. Полузаваленные пробные шурфы и траншеи свидетельствовали о том, что здесь уже побывали специалисты по первобытной истории, и, следовательно, если бы в пещере были рисунки, их бы давно заметили и о них появились бы сообщения. Кроме того, мы были ведь всего в нескольких километрах от Эйзи, в хорошо известной и легкодоступной пещере. Не было никаких оснований надеяться на открытия в этом секторе, хорошо изученном и прочесанном несколькими поколениями археологов.

Оставив слева идущий вниз зал и продвигаясь по главной галерее, мы дошли до прохода, где пол заметно поднимался, а свод, наоборот, опускался. Чтобы идти дальше, пришлось нагнуться. Затем потолок вновь немного поднялся, однако всего на несколько метров. Размеры пещеры не особенно велики, и мы вскоре уперлись в гигантский земляной склон, заваленный обломками скалы. Когда-то здесь произошел большой обвал, в результате которого пол соединился с потолком и дальнейший ход в пещеру был закрыт.

Название Баррабау (или Бара-Бау) могло быть связано с этим обвалом, которым заканчивается пещера, и в таком случае оно является просто звукоподражанием, напоминающим грохот падающих камней. Однако с не меньшим основанием можно вспомнить и о Баррабане, то есть об имени, которым колдуны называют дьявола или шабаш ведьм. В таком случае грот Баррабан был бы, так сказать, гротом Дьявола.

Верный своей привычке исследовать пещеры сначала только в общих чертах, а более подробно осматривать их на обратном пути, я вновь думаю о возможности открыть на стенах доисторические рисунки. Исходя из этого, я распределяю порядок следования и роль каждого. Моя дочь Мод должна внимательно осматривать правую стену, сын Рауль будет следовать вдоль левой стены, а на свою долю я беру обследование низкого и неровного свода.

Каждый занимает свое место, и мы отправляемся. Следует напомнить, что мои дети уже знакомы с такими кропотливыми специальными исследованиями и умеют "видеть" доисторические наскальные рисунки.

Не успел я сделать и трех шагов, как идущая рядом Мод воскликнула:

— Я вижу лошадь!

Я мгновенно поворачиваюсь к ней и замечаю слабо начерченный на потолке силуэт:

— Бизон!

А Мод снова сообщает:

— Еще одна лошадь!

Рауль, который еще ничего не нашел, стремительно бросает свою левую стену

(оказавшуюся, кстати, пустой) и спешит к нам. По пути он внезапно останавливается с устремленным на потолок взглядом и восклицает:

— Здесь медведь!

Через четверть часа, то есть к концу нашего оживленного и лихорадочного похода, мы уже обнаружили и отметили все наскальные рисунки грота Баррабау, расположенные в глубине пещеры, главным образом на потолке. Мы насчитали более полутора десятков изображений животных, из которых самые большие длиной более двух метров: шесть лошадей, два тура, два бизона, два каменных барана, один олень, один носорог, один зверь из семейства кошачьих и один медведь.

Эти рисунки относятся к самым древним (ориньякская культура), и их возраст исчисляется примерно в 30 000 лет. Они сделаны грубо и примитивно. Среди трещин, расселин и шероховатостей выветренной, покрытой грязью скалы они едва различимы, и их очень трудно прочесть. Этим и объясняется, что до нас их никто не заметил, даже те, кто проводил раскопки в гроте и безуспешно искал изображений животных.

Сообщение о нашей находке (может быть, в этом была виновата дата — первое апреля) было встречено весьма прохладно. Нам с трудом удалось сломить недоверие даже тех, кто сам просил нас обследовать пещеры в коммуне Бюг. Никто не мог и не хотел верить, что можно найти доисторические рисунки в хорошо известной всем жителям пещере, где озорничают все мальчишки округи и где побывали бесчисленные археологи, так ничего и не заподозрив!

В конце концов, мы в тот же вечер предложили президенту Инициативного синдиката посетить пещеру, и ему пришлось признаться, что он побежден и убежден. Он даже проявил удивительный энтузиазм и не далее как на следующий день организовал "официальный" визит в пещеру, то есть привел целый караван из трех десятков человек: местная знать Бюга, доморощенные археологи, среди которых был даже управляющий доисторическими памятниками Дордони, журналисты, фотографы — представители прессы. Все дружно заявили, что никто никогда не сообщал раньше о первобытных рисунках в гроте Баррабау и что это — настоящее открытие.

Здесь же, на месте, было решено приспособить пещеру для посещения публики, что считается самым главным для "разукрашенных" пещер Дордони. И это было быстро осуществлено: появилась билетная касса при входе, почтовые открытки, иллюстрированные проспекты, гиды, электрическое освещение, фотографические панно под стеклом, воспроизводящие рисунки прямо под местом их расположения и подчеркивающие силуэты животных, чтобы посетителям было легче их отыскать на потолке. Затем были организованы ночные экскурсии, сопровождающиеся лекцией по доисторическому искусству с показом диапозитивов на экране, установленном в пещере.

Через несколько месяцев аббат Брейль, вернувшись из длительного путешествия по Южной Африке, посетил грот Баррабау и сказал, выходя из него: "То, что фигуры, украшающие левую стену, относятся к четвертичному периоду, не вызывает никакого сомнения. Стена из известняка с мергелем, постепенно превращающаяся в глину и содержащая прожилки кремня, меньше всего подходит для рисунков, однако вся ее поверхность покрыта сделанными пальцами или деревянной палкой бороздами, насечками, точками, которые в большинстве случаев являются изображениями четвероногих, часто наслаивающимися одно на другое, так же как в Сомбареллах. Там тоже можно, правда не без некоторого труда, различить довольно большие изображения животных, начертанные пальцами или палкой. Изображения довольно большие, в один или два метра, и хотя сами по себе рисунки грубы и примитивны, однако они выполнены в прекрасном реалистическом стиле. Баррабау сама по себе не представляет самостоятельной главы первобытного искусства, но зато это отдельный параграф, это документ, оригинальный и важный, с которым должны будут познакомиться и оценить его истинное значение все занимающиеся первобытным периодом".

После краткого путешествия в Перигор я вернулся в свои подземные Пиренеи, где

вскоре нашел новый грот с рисунками или, во всяком случае, установил, что хорошо известная пещера, которую я сам посещал с давнего времени, хранит доисторические рисунки, о которых никто не подозревал.

Это небольшое приключение произошло в гроте Тибиран, где я прилежно изучал колонию летучих мышей.

Может быть, читатель помнит — об этом я уже писал, — что 6 февраля 1938 года, когда я возвращался из грота Тибиран, родилась моя дочь Раймонда, и что в этот же день я окольцевал ту удивительную летучую мышь, которая имела обыкновение зимовать в Тибиране, а летом отправляться на "дачу" то на деревенскую колокольню, то в мэрию Эсканек-рабе, где ее дважды обнаружил штукатур Бонмезон, тогда как я дважды встретил ее в Тибиране.

В эту же пещеру я однажды привел свою младшую дочь Мари, когда ей было всего четыре года, чтобы совершить ее пещерное крещение по довольно оригинальному обряду. Спустившись вместе с ней до низкого и темного зала, я сказал ей спокойно, что забыл кое-что и мне придется вернуться, а она останется на несколько минут под землей одна.

Таким образом я хотел убедиться, была ли эффективной моя система воспитания ребенка. Я всегда старался дать ей возможность привыкнуть к темноте и ничего не бояться. Ей никогда не рассказывали сказок про волков, разбойников, фей и не говорили других глупостей, которые делают детей боязливыми. Ее никогда не пугали темнотой. Короче говоря, представился случай проверить, сможет ли четырехлетняя Мари одна остаться в пещере.

Конечно, я оставил рядом с ней зажженную лампу, показал ей, как играть, делая шарики из глины, причем сам сделал несколько штук, и после этого вышел из пещеры, чтобы вернуться через четверть часа.

Четверть часа одна в пещере... Многие решили бы, что это слишком долго и страшно. К счастью, с Мари ничего подобного не произошло. Она отлично выдержала испытание и совсем не выглядела обеспокоенной или испуганной. Однако я понял, что она не лепила глиняные шарики, а внимательно прислушивалась к тишине, так как сообщила мне, что слышала летучих мышей.

Она ошиблась, летучие мыши не издавали никаких звуков. То были капельки воды, падающие со свода, которые она услышала в спокойной тишине.

Меня очень обрадовало ее поведение и хорошие результаты, которые дал мой метод воспитания. Но все же ради истины я должен сказать, что позднее, около семи или восьми лет, ребенок стал пугливым. Это произошло тогда, когда она смогла сама читать сказки, которые я скрывал от нее, и когда, нарушая мои распоряжения, ей стали их рассказывать в компании сверстников и, конечно, когда кино смутило ее душу, так же как и всей молодежи, да и многих взрослых.

Но вернемся к первобытной истории и к гроту Тибиран, куда я еще раз спустился в 1952 году вместе с Раймондой и Мари, которым в то время было четырнадцать и двенадцать лет.

В этот день, после того как мы отловили и окольцевали летучих мышей, вдруг опрокинулась моя ацетиленовая лампа, и вода разлилась по земле.

Чтобы ее вновь наполнить, мне пришлось ползком пробраться под низкий свод, за которым, как я знал, находится маленькая пещера с крохотным водным бассейном. Дочери последовали за мной в этот закуток, где я наполнил фонарь, и мы уже выходили, когда я увидел, что на стене сажей огромными буквами написано чье-то имя. Оскорбленный, возмущенный этой некрасивой и неуместной надписью, тем более что таких надписей становится все больше и они портят многие пещеры, я решил замазать этот автограф на камне глиной, цвет которой подходил к цвету скалы, и вернуть таким образом стене первозданный вид. Очень довольный своим поступком, я уже совсем собрался уходить, когда глаза мои остановились на гораздо более тусклом, еле заметном рисунке, заставившем биться мое сердце уже не от возмущения, а от волнения. Черты, почти неразличимые, принимали

форму, сливались, образовывали очертания животного, и через миг я уже ясно различал и с восхищением смотрел на силуэт лошади, тонко выцарапанный на скале.

Когда прошло первое изумление, я спросил у детей, видят ли они что-нибудь на стене. Удивленные моим вопросом, продолжая смотреть на глину, которой я замазал стену, они начали уверять меня, что надписи больше не видно.

Едва касаясь стены, я начал обводить указательным пальцем контуры нарисованной лошади. Тут же двойное восклицание показало мне, что они увидели. Они были совершенно потрясены и пришли в восторг от того, как неожиданно появилась на стене лошадь, которую никто не замечал с тех пор, как мадленский художник искусно изобразил ее с помощью кремневого зубила 15 000 лет назад. От радости, в неожиданном порыве Мари поцеловала эту конягу в морду! Такой внезапный поступок напомнил мне ставшую знаменитой реакцию Эмиля Карталяка, который иногда во время раскопок в тишине пещер, если ему удавалось напасть на интересный предмет, запевал "Марсельезу".

Более двадцати лет я знал пещеру Тибиран, находящуюся очень близко от пещеры Гаргас, в которой было найдено много наскальных изображений и около сотни необычайных отпечатков изуродованных кистей рук. Такое соседство в свое время побудило меня искать рисунки на стенах пещеры Тибиран, но я ни разу ничего не нашел и уже давно перестал рассматривать стены.

Значит, плохо искал, и только случай с надписью, которую я решил замазать, и скудное, но благоприятное освещение позволили мне открыть эту лошадь, которая теперь казалась нам очень заметной и просто "бросалась в глаза".

Прежде чем покинуть крохотное помещение, где мы теснились втроем, я инстинктивно оглядел стены. Представьте себе мое изумление, когда в метре от лошади я различил силуэт медведя, а рядом с ним — задние ноги какого-то зверя, опознать которого не удалось, так как остальная часть туловища не сохранилась.

Мы покинули пещеру не раньше, чем тщательно обследовали все стены, однако безрезультатно. Но теперь мы были уверены, что не пропустили ни одного рисунка.

Однако в этих делах никогда ни в чем нельзя быть уверенным, и вскоре мы в этом убедились. Через несколько месяцев после нашей находки, которая довела число найденных в Пиренеях гротов с рисунками до четырнадцати, в пещеру Тибиран отправился один молодой человек из Монтрежо посмотреть открытые нами рисунки.

Интересно, что, потратив на поиски рисунков часть дня, он так и не смог их найти. Но удивительно другое: он написал мне, что, кажется, различил на стенах отпечатки рук, похожие на те, которые обнаружены в соседней пещере Гаргас, но более бледные и менее заметные. Весьма заинтригованный, я отправился в Тибиран с этим молодым археологом, Жаком Жолфром, который действительно показал мне четыре или пять очень бледных и тусклых отпечатков кистей рук, однако вполне явных, которых я до тех пор никогда не замечал.

Это последнее открытие дает пищу для размышлений и свидетельствует о том, что при поисках первобытных рисунков никогда не следует отказываться от них и терять надежду, а надо продолжать искать, вооружившись сосредоточенным вниманием и непобедимым упорством.

Конечно, круг все больше сужается, и неизвестные пещеры с изображениями животных встречаются все реже, ограничивая, таким образом, поле исследований и снижая шансы открыть наскальные рисунки.

Опыт, однако, показывает, что для этого далеко не всегда обязательно иметь дело с ранее неизвестными и неисследованными подземными полостями. Баррабау, Руфиньяк, если говорить только о самых последних открытиях, свидетельствуют, что подобные следы доисторического человека удастся иногда открыть в давно известных и широко посещаемых пещерах. Разве не открыли в 1958 году новые рисунки в узком проходе пещеры Ла Мут, на который раньше никто не обращал внимания, а ведь первые рисунки в этой пещере были найдены еще в 1895 году! Или разве в том же, 1958 году не нашли первобытные рисунки в

давным-давно известной пещере Массат в Арьеже?

Итак, наш вывод: и в Перигоре, и в Пиренеях, как, впрочем, и в любых других районах, еще очень многое осталось неоткрытым.

Никогда археология не вызывала такого интереса, никогда не наблюдалось такой активности, никогда не направлялось столько экспедиций в самые различные уголки земного шара на поиски исчезнувших цивилизаций, истоков человечества, истоков искусства. Привилегированной страной в этом отношении можно считать Францию.

Все, кто посещает пещеры, все, кто спускается под землю, должны быть очень внимательны и тщательно осматривать каменные, а также и глинистые стены и потолки. Рано или поздно испытанная усталость, пережитые опасности будут вознаграждены интереснейшими, захватывающими находками и даже подчас сенсационными открытиями.

XXXIII

Пятьдесят два каскада пещеры Сигалер

Исследовать пещеру или пропасть, в той или иной мере уже известную, открытую (иногда уже давно) кем-то другим, конечно, несравненно менее интересно и привлекательно, чем исследовать полость, которую открыл сам. Поэтому всегда будет больше охотников открывать, чем желающих идти по чужим следам. В альпинизме желание быть первым тоже составляет особую привлекательность, но это несравнимо с первенством под землей.

Ведь альпинист открывает и изобретает только новый маршрут на известную уже вершину, которую достигали и раньше, но другими маршрутами, тогда как в спелеологии, открывая край пропасти или вход в пещеру, исследователь проникает в них как самый первый человек, и с каждым шагом, с каждой ступенькой он продвигается и углубляется в нечто совершенно новое и никому не известное.

Мои мысли часто обращались к пещере Сигалер — одному из моих самых интересных открытий. Я хорошо помнил акробатические трюки и мучительно трудное преодоление водных преград, позволившие нам с женой достичь третьего километра этой великолепной пещеры. Я знал, что пещера идет куда-то вверх от страшного девятого водопада, преодолеть который мы не смогли, и порой спрашивал себя, удастся ли когда-нибудь возобновить эти исследования. Я видел только одну возможность — заинтересовать в исследованиях какую-нибудь сильную команду и совместно с ней организовать сложную и дорогостоящую экспедицию в затерянное в горах подземелье.

Как-то я один дошел до второго километра и здесь у подножия первого водопада вспомнил, как вдвоем с женой штурмовали и преодолели восемь каскадов. Это воспоминание (может быть, потому, что оно было еще свежо) болезненно отозвалось в моем сердце, и я решил больше не возвращаться в Сигалер, тем более что увидел, что спокойствие пещеры нарушено и опошлено посетителями.

И вот однажды в 1953 году в течение одной недели я получил сразу два письма из совершенно различных источников, но относящихся к одному и тому же предмету и содержащих одинаковые проекты. Мне писали бельгийцы из Брюсселя и провансальцы из Марселя, причем и те и другие спрашивали, что произошло с гротом Сигалер, куда, по их сведениям, не было ни одной экспедиции после 1939 года. Они спрашивали о моих намерениях относительно этой пещеры и не буду ли я возражать, если они продолжат ее исследование.

Такое двойное обращение со стороны молодежи меня тронуло и было мне очень приятно. Я ответил им, что у меня нет никаких прав на пещеру Сигалер, что она в равной мере принадлежит всем, если говорить с точки зрения спелеологов, и что их интерес к незаконченным исследованиям в ней меня радует.

Я посоветовал им объединить усилия (в отношении финансирования, организации и оборудования) и провести франко-бельгийскую экспедицию, снабдил их всяческими добрыми советами и дал зарисовки, которые могли им пригодиться (описание местности,

указания на высоту каскадов, рекомендации). Кроме того, я добился, что управление горных разработок (наследники гидроэнергетического предприятия) предоставит в их пользование подъемный канат, а также бараки, расположенные на высоте двух тысяч метров неподалеку от входа в грот.

Экспедиция состоялась в 1953 году. Меня любезно пригласили принять участие в этой франко-бельгийской экспедиции, но по досадному стечению обстоятельств в это же самое время должен был происходить наш спуск в Пьер-Сен-Мартен.

В 1954 году те же спелеологи, члены франко-бельгийской экспедиции, которая на этот раз была более многочисленной и лучше организованной, снова ринулись в наступление на каскады Сигалер. Они вновь меня пригласили, но и на этот раз все совпало с нашим ежегодным спуском в Пьер-Сен-Мартен, и, конечно, я не смог к ним присоединиться.

Только в августе 1954 года нам удалось наконец вырвать у баскской пропасти тело Марселя Лубана, которое покоилось там с 1952 года. В этом же месяце, то есть в августе 1954 года, Сигалер тоже потребовала жертвы: Мишель де Доннеа, молодой брюсселец, которому едва исполнилось двадцать восемь лет, погиб во время паводка в ледяных водах потока Сигалер.

Наконец, поскольку мои экспедиции в Пьер-Сен-Мартен были завершены, в августе 1955 года я смог присоединиться к третьему наступлению на Сигалер.

Во время предыдущих кампаний франко-бельгийская экспедиция проделала огромную работу. В 1953 году им удалось разбить подземный лагерь у подножия седьмого каскада, и с этой базы семь человек, вооруженных металлическими раздвижными шестами, отправились на штурм девятого каскада. После многочисленных попыток, сложных и точных маневров им удалось достичь верха этого трудного и опасного водопада, того самого, перед которым мы с женой когда-то вынуждены были отступить. Все время под ледяными брызгами, они добрались до подножия семнадцатого водопада и повернули назад, продрогшие, обессиленные, почти полностью истратив запас взятого с собой освещения.

В 1954 году новая экспедиция была проведена с еще большим размахом. Отряд, состоящий из пятнадцати хорошо организованных и решительных людей, перенес в грот четыреста метров веревок, триста метров гибких лестниц, двадцать два метра мата из легкого сплава, теплоизоляционные палатки, телефонные аппараты, баллоны с бутаном, ящики с продовольствием в виде концентратов. Три отряда по пять человек в каждом, одетых в непромокаемые комбинезоны, приступили к штурму каскадов.

После нескольких дней в невероятно тяжелой обстановке передовой отряд достиг пятого километра этой адской преисподней у подножия двадцать шестого каскада.

К сожалению, это великолепное и такое удачное начало окончилось трагично. Отряд был уже на обратном пути, когда его настиг внезапный и необычайно высокий подъем воды, создавший угрожающее положение. Под конец отряд оказался отрезанным в одном из залов поднявшейся водой, образовавшей громадное подземное озеро, поверхность которого почти касалась свода.

Во время спасательных работ, организованных членами других отрядов, находившихся на поверхности, произошло крушение, и один из спасателей, Мишель де Доннеа, добровольно взявший на себя опасное поручение, потерял сознание и пошел ко дну.

Перед кампанией 1955 года стояла цель дойти до двадцать шестого каскада и любой ценой попытаться покорить его, чтобы продвинуться как можно дальше.

Мои походы в Пьер-Сен-Мартен закончились, я был свободен и мог теперь заняться пещерой Сигалер, где меня ждали друзья из Брюсселя, Экса и Марселя.

В противоположность пропасти Пьер-Сен-Мартен, где каждый год мы завоевывали новую глубину, то есть продвигались по вертикали, здесь, в пещере Сигалер, как это ни парадоксально, задача состояла в том, чтобы пройти много километров по горизонтали и лишь после этого, вымотавшись, с трудом преодолевать каскады, следовавшие один за другим.

Я вновь пришел к "моей" Сигалер через двадцать три года с очень дерзкими планами,

поскольку в этой экспедиции я должен был вести штурмовой отряд, в который входили Жорж Конрад и Ив Гриозель из Марселя и Ван ден Абеель из Брюсселя.¹

С волнением увидел я вновь такие знакомые украшения стен и сводов и подошел к подножию девятого каскада, перед которым мы когда-то капитулировали — моя жена и я. С нас тогда ручьями текла вода, и мы совершенно продрогли. К каскаду мы пришли с пустыми руками, у нас уже не было шестов, и, кроме того, не могли же мы вдвоем выполнить задачу, которая была под силу только крепкой команде. Этот девятый каскад семнадцатиметровой высоты я теперь прошел очень легко благодаря электронной лестнице.

Я проник в неизвестные мне места, и меня поразили грандиозные размеры пещеры и титаническая работа, проделанная французами и бельгийцами, которые сумели подняться на идущие друг за другом каскады и прикрепить оборудование. Все это потребовало немало труда и представляло большую опасность. Молодые спелеологи совершили подвиг.

Мы остановились, лишь поднявшись на шестнадцатый каскад, туда, где был разбит лагерь — палатка, наискось поставленная на каменной плите над водопадом. Назойливый мощный рев водопада стоял у нас в ушах всю ночь, которую мы провели, сбившись в кучу в нашей жалкой палатке. На следующий день пошли дальше, решив добраться до двадцать шестого водопада и, если удастся, пройти его.

Судьба экспедиции — трехлетний труд — зависела от нас, от успеха нашей миссии. Можно себе представить, с каким рвением и с каким волнением мы подошли к каскаду. До нас, еще в прошлом году, его видел один лишь Конрад, и его сообщения не вызывали оптимизма. Он оценивал высоту в двадцать два метра — это высота пятого этажа — и уверял, что подступы к водопаду защищены глубоким озером, в которое сверху низвергается сноп воды.

Войдя в зал, в котором находился водопад, мы смогли убедиться, что воспоминания нашего товарища совершенно точны и что он ничего не преувеличил. Подойти к каскаду и атаковать его в лоб было невозможно.

Тогда тот же Конрад решил предпринять сложное боковое восхождение, очень опасное, по скользкой стене, состоящей из нагромождения каменных плит, по которой струилась вода и на которой "кошки" совсем не держали или держали очень слабо.

Мы четверо, помогая друг другу и взаимно страхуя один другого при помощи весьма спорных методов и достойных осуждения приемов, особенно если учесть степень выкрошенности скалы, все же сумели победить этот коварный водопад. Испытывали ли мы в этот момент лихорадочный восторг? Ужасный двадцать шестой был покорен. Штурмовой отряд не подвел и возлагаемые на него надежды оправдал. Вступив в ледяную воду с температурой три градуса, мы, давно уже вымокшие до нитки, пошли теперь вперед по просторному и удобному коридору. Сверху не слышалось рева водопада, мы прошли около пяти километров и поднялись от входа в пещеру на двести двадцать метров, что оказалось решающим для будущего использования здешнего подземного потока французской электроэнергетикой. Все шло прекрасно, и мы доверчиво шли вперед, иногда даже прикидывая, выйдем ли мы на поверхность на испанской территории на плато Лиат (мы действительно находились под пограничным гребнем), когда внезапно наткнулись на сужение и непроходимый сифон. Мы были в самом конце пещеры Сигалер.

Мы сделали все, что было в наших силах, и действительно дошли до конца. Но мы были разочарованы, надежды наши были грубо разрушены, словно нас обмануло наше исследование, которое было, однако, больше чем просто почетным.

— Бороться три года, чтобы закончить здесь! — сказал один из нас, и в голосе его звучала горечь (как будто не у всех пещер есть конец!).

— Итак, — сказал я, чтобы поднять настроение, — я ждал этого дня двадцать три года

¹ Перу этого участника исследования (Jean — Pierre Van den Abeele) принадлежит книга об исследовании пещеры Сигалер "A la decouverte des mondes souterrains. (En remontant le torrent souterrain de la Cigalere)". Namur (Belgique), 1958, на которую опубликована рецензия М. Б. Горнунга в сборнике "Спелеология и карстоведение" (М., 1959, стр. 195–198).

и очень счастлив, что узнал, где кончается Сигалер, и что смог дотащить сюда свои старые кости!

Эта конечная часть пещеры, этот последний этаж был назван галереей Элизабет Кастере — справедливая дань памяти и мужеству первой исследовательницы пещеры Сигалер и соседней пропасти Мартеля.

По возвращении в лагерь II, до которого добрались в невообразимом состоянии полного физического истощения, так как уже в течение трех суток находились в холодном мраке и ледяной воде, мы смогли позвонить наверх и сообщить о нашем походе. Чтобы сгладить впечатление от полученных нами жалких результатов, мы добавили, что по пути видели, но прошли мимо, не исследовав, второстепенные притоки и примыкающие галереи, которые, однако, стоили того, чтобы их посетить, и, возможно, скрывали разные неожиданности.

Что касается нас, то мы "получили сполна", как сказал Гриозель, и побрели к выходу, к свету, к солнцу, которое было нам очень нужно.

Дальнейшее исследование семи притоков не дало ничего интересного и ничего не прибавило к пониманию подземной системы, но различные отряды, проводившие эти исследования, выходили из пещеры совершенно обессиленными после пребывания под землей в течение сорока восьми часов.

И все же все отряды накопили великолепный спортивный опыт, преодолев двадцать шесть новых водопадов. Общее число водопадов колоссальной пещеры Сигалер дошло до пятидесяти двух.

XXXIV

В пропастях массива Арба

Победно завершив исследование грота Сигалер, провансальские спелеологи, полюбившие Пиренеи, спросили меня, не знаю ли я другого объекта, массива, где они могли бы продолжить свою деятельность и удовлетворить страстный интерес к подземному царству.

Я заранее предвидел и предвосхитил их желание и на следующее лето, то есть в 1956 году, привел их в массив Арба — мой подземный рай, в те сказочные места, страну необузданных вод, где я исследовал множество полостей: от Пудак-Гран, моей первой пропасти, до зловещей Хенн-Морт.

В 1947 году мы разбили палаточный лагерь на глубине двухсот пятидесяти метров в одном из залов Хенн-Морт под оглушительный шум водопада, низвергающегося в маленькое, вечно волнующееся подземное озеро. В этом лагере мы жили в окружении тумана и ледяной водяной пыли, в насыщенной водой, совершенно нереальной атмосфере, как будто вне времени и пространства.

Однажды незабвенный аббат Катала (преждевременно скончавшийся в 1948 году, сразу же после сделанного им изумительного открытия следов доисторического человека в Алдене) пытался читать свой требник, укрывшись капюшоном. Когда я проходил мимо, он схватил меня за руку.

— Знаете, откуда берется этот дьявольский каскад? — прокричал он.

— Не имею ни малейшего представления! — прокричал я в ответ.

— Так вот, это как раз и есть прекрасная задача и повод для недурной подземной экспедиции.

Мы, правда, знали, где воды каскадов Хенн-Морт выходят на поверхность — опыт с окрашиванием воды показал это место (Буковый источник в долине Планк), — но мы совершенно не знали, откуда эти воды берутся. Многие из нас обращали свои взоры к Озерному каскаду.

Жан Денон из Парижского альпийского спелеоклуба, совершавший уже восхождения в Альпах и в Гималаях, заинтересовался возможностью подняться в карстовую шахту, залитую падающей водой. Но мы не могли одновременно гнаться за двумя зайцами: исследовать

Хенн-Морт в глубину и пытаться, почти наверняка неудачно, подняться в вертикальный колодец, низвергавший на нас массу воды.

Через три года, в 1950 году, я вновь пришел в массив Арба, чтобы попытаться выяснить, какие же все-таки источники питают каскады Хенн-Морт. Поскольку я не мог собрать для этого отряд и организовать спуск в пропасть до отметки двухсот пятидесяти метров, мне пришлось довольствоваться осмотром поверхности в Кум-Уэр, где, как я знал, были выходы пропастей.

Эти исследования я проводил вместе с моими детьми, Раулем и Мод, и действительно, нам удалось обнаружить несколько глубоких карстовых шахт, но мы не могли в них спуститься, так как у нас была только одна веревка да двадцатипятиметровая электроновая лестница.

Как-то под вечер мы разделились, чтобы прочесывать лес порознь и таким образом увеличить вероятность нахождения новых колодцев. Вдруг я услышал доносившийся издали голос Рауля, настойчиво зовущий нас. Я передал сигнал Мод, которая патрулировала еще дальше, в глубине пихтового леса. Идя на голос сына, мы нашли его на очень неровном каменистом участке среди зарослей малины и черники, где он обнаружил нечто весьма интересное.

Это был свод пещеры, из которого тянуло холодным воздухом. В грот вел хаотичный и длинный коридор, в который можно было спуститься, помогая себе руками. Коридор приводил к весьма эффектной развилке, где стояли большие сталагмиты и очень живописные ледяные колонны. Но естественный ледник на этом не оканчивался, он шел вниз несколькими расположенными один над другим колодцами, и мы смогли спуститься в них, упираясь в стены расставленными руками и ногами. Затем нас остановил тридцатиметровый обрыв, причем снизу доносился шум текущей воды. Мы сбросили лестницу, Рауль начал спускаться по ней, а я и Мод его страховали. Лестница оказалась слишком короткой, и сыну удалось, держась на конце раскачивающейся лестницы, направить вниз свет электрического фонарика.

Это беглое исследование, проведенное в таком неудобном положении, все же позволило кое-что определить: подземный ручей вырывался из высоко расположенной диаклазы¹ и направлялся на северо-восток. Такие данные позволили мне предположить, что это один из потоков, питающих Хенн-Морт, но другие исследования и другие экспедиции отвлекли меня от этих мест, другие массивы заняли мое внимание: ледяные гроты Марборе в 1950 году, пропасть Пьер-Сен-Мартен в 1951 и 1954 годах, Сигалер в 1955 году.

Сопровождая своих эских и марсельских друзей в массив Арба в Верхней Гаронне, я рассказал им о возможной связи между пропастью, о которой я сообщил в 1950 году и Хенн-Морт. Мы направили наши усилия на решение этой проблемы, а вся кампания получила название: "Экспедиция Хенн-Морт — 1956".

Экспедиция началась с внушительного сброса парашютов с грузами, осуществленного военными летчиками с базы в По, которые оказали нам неоценимую помощь во время кампании в Пьер-Сен-Мартен. Как только кончилась разбивка лагеря в долине Кум-Уарнед на опушке леса на высоте 1400 метров, несколько отрядов сразу же начали штурмовать многочисленные пропасти и пещеры.

Самый первый спуск в пропасть, в которой мы побывали вместе с Мод и Раулем, дал превосходные результаты. Спелеологи проникли в диаклазу, которую в свое время увидел Рауль, пошли по очень неровной "водной дороге", преодолели ее на несколько сот метров, но, не располагая плавательными средствами, вынуждены были остановиться у глубокого озера.

На следующий день на смену пришел отряд из семи человек. Они захватили с собой надувную лодку, и им удалось переправиться через озеро и продвинуться несколько дальше,

¹ **Диаклаза** — тектоническая трещина без смещения слоев горных пород по ее плоскости (в отличие от сбросовой трещины — "параклазы", для которой характерно смещение). В советской геологической литературе этот термин почти не употребляется. Обычно говорят просто о тектонических трещинах, или трещинах тектонической отдельности.

применяя при этом головокружительную акробатическую технику.

Среди членов провансальского отряда было двое пиренейцев, ветеранов экспедиций в Хенн-Морт: Дельтейль и я. Не меньше других мы были взволнованы и захвачены мыслью, что, может быть, вот-вот попадем в "нашу" Хенн-Морт.

Может быть, виновен был излишний энтузиазм и рвение, а может быть, с трудом карабкаясь над глубоким обрывом, я сделал неловкое движение, но под моими ногами сломался каменный выступ, и я плюхнулся в воду. Это падение было тем более неприятным по своим последствиям, что на мне не было непромокаемого комбинезона. Большая ошибка с моей стороны, так как спелеолог, попавший в воду в одной из горных полостей, где всегда царит очень низкая температура, мало на что после этого пригоден и служит только обузой своему отряду.

Дельтейль, хорошо все это понимавший, забеспокоился обо мне и предложил проводить меня на поверхность. Чтобы пересечь озеро на обратном пути и иметь возможность страховать друг друга при подъеме на лестницы, обязательно надо было идти вдвоем. Но я наотрез отказался, говоря, что мне и не такое пришлось повидать и что я не боюсь холода.

В действительности же я совершенно промок и так дрожал, что с трудом двигался и проделывал нужные маневры. Мне пришлось скрепя сердце отказаться от дальнейшего продвижения со штурмовым отрядом, который как раз подошел к краю шестидесятипятиметрового колодца. Дельтейль, Жикель, Диландро и я превратились во вспомогательный отряд для троих товарищей, спустившихся по лестницам в следующие один за другим эффектные водопады.

Из всех я один не побеспокоился о том, чтобы надеть непромокаемый костюм, и мне пришлось дорого заплатить за эту небрежность: изнурительным двухчасовым стоянием на посту, зацепившись и закрепившись на узком балконе под потоком ледяного воздуха. Меня трясло как в лихорадке, и все же меня поддерживало основанное на личном опыте убеждение, что я выйду из этой передрыги, не "схватив болезнь", как говорил Тартарен из Тараскона, даже без насморка или боли в горле.

Приношу извинения за краткое отступление и за то, что придаю слишком большое значение одной из самых банальных случайностей в сложных перипетиях подземных исследований, но все же скажу, что здесь в полную меру действует как настоящее благодеяние реакция организма, создающая иммунитет, тогда как при других более обыденных обстоятельствах и по меньшему поводу спелеологи подвержены насморку, как все люди.

Тони Бюрнан в своей книге "Охотники из Шамуа" писал то же самое об одном пастухе и страстном охотнике. Он однажды видел, как этот охотник, потный и задыхающийся, быстро поднялся на склон, чтобы приблизиться к сернам, лег на снег, и ему пришлось долго и терпеливо лежать, так как животные его почуяли. Когда охотник вернулся с охоты Тони Бюрнан сказал, что такая снежная ванна может дорого ему обойтись, на что охотник ответил ему: "Видите ли, мосье, пока надеешься, кровь греет!" И он безапелляционно пояснил свою концепцию, выражающую, однако, бесспорный психофизиологический феномен: "Пока я его вижу, он мне не опасен". Разве это не напоминает кошку, такое зыбкое животное, которая может лежать на снегу или даже под снежным бураном, застыв в неподвижности, как факир, часами подстерегая полевую мышь или крота?

Как охотник за сернами, как кошка на своем посту, я ощущал ледяной холод, но не обращал на него внимания. Кроме того, когда после трудных и опасных маневров, проделанных нашими тремя разведчиками на лестницах, мы услышали донесшиеся к нам далеко снизу пять пронзительных свистков, мы ответили на них дикими криками восторга, несколько согревшими нас.

Свистки, которые повторились и которые мы считали с большим волнением, были условным сигналом, что штурмовой отряд попал в пропасть Хенн-Морт.

Действительно, Конрад, Ранжин и Вейдерт после ожесточенной схватки с каскадами приземлились у отметки двухсот пятидесяти метров в зале подземного лагеря 1947 года,

узнали знакомую местность, нашли кое-какие вещи, оставшиеся с тех пор, в том числе знаменитую "китайскую шляпу" — щит из железного листа, защищавший нас от водопадов и камнепадов во время неповторимого спуска до самого дна пропасти.

Таким образом, в 1956 году спелеологи из Экса и Марселя завершили то, чего не смогли сделать парижане и пире-нейцы в 1947 году. Теперь мы, если можно так сказать, глубже изучили гидрологический механизм подземной системы Хенн-Морт.

Эту новую систему, состоящую из пропасти, пещеры и подземной реки, мы назвали пропастью Марселя Лубана. Этим мы отдали должную честь памяти нашего незабвенного товарища, первым спустившегося в Хенн-Морт, тяжело здесь раненного, но все же дошедшего до дна пропасти.

Нам удалось еще лучше ознакомиться с гидрологической системой "Марсель Лубан — Хенн-Морт", когда через несколько дней один из членов нашего отряда поднялся вверх по пропасти Марселя Лубана в направлении известного грота Кум-Нер и в непосредственной близости от него. В свое время этот грот был исследован Феликсом Тромбом. Оказалось, что подземный поток, тот самый, с которым мы встречались в пропастях Марселя Лубана и Хенн-Морт, пересекает фот Кум-Нер из конца в конец на протяжении семисот метров. В недрах земли нечасто удается так удачно найти и проследить циркуляцию воды.

Во время нашей кампании 1956 года в массиве Арба нам удалось провести еще несколько исследований, в подробности которых я не стану вдаваться, а кроме того, сделать интереснейшее открытие в соседней долине. Я говорю о Кум-Уарнед, занявшей нас на много лет.

Итак, в июле 1957 года мы направились в Кум-Уарнед. Сначала наши взоры были устремлены в небо, откуда сыпались парашюты с грузом, сбрасываемые нам летчиками с учебной базы воздушно-десантных частей департамента По, потом мы обратили их на подземное царство, где нам предстояло выполнить важную программу.

Опыт с окрашиванием воды, который мы успешно осуществили прошлым летом, показал, что ручей Кум-Уарнед, уходящий под землю на высоте 1300 метров над уровнем моря, вновь выходил на дневную поверхность через четыре километра у подножия массива. Значит, существовала какая-то подземная водная система, которую мы заранее окрестили системой Тромба в честь нашего коллеги и друга, спелеолога Феликса Тромба, изучавшего этот массив с 1934 года и руководившего экспедициями в Хенн-Морт 1946 и 1947 годов. Задача наша состояла теперь в том, чтобы попытаться проникнуть в эту систему подземной циркуляции, а для этого надо было разыскать шахты, расположенные над предполагаемым руслом подземного потока, и попытаться спуститься в них.

Поиски оказались очень трудными и потребовали от нас пяти летних кампаний (с 1956 по 1960 год), но они были богаты сенсационными открытиями и спортивными подвигами, исключительно сложными, мучительными и порой драматическими.

В тех местах, где до нашего прихода буквально ничего не было известно, нам удалось открыть ряд первостепенных пропастей, некоторые оказались даже более глубокими, чем Хенн-Морт, и теперь считаются самыми грандиозными в нашей стране. Чтобы читатель мог составить себе некоторое представление, перечислю их, причем учитывая только пропасти глубже двухсот метров: Дюплесси (-200), Марсель Лубан (-230), Тру-дю-Ван (Колодец Ветра) (-300), пропасть Раймонды (-492) и пропасть Пьера (-564). Две последние пропасти оказались третьей и четвертой по глубине во Франции, а Хенн-Морт значилась теперь лишь на пятом месте.¹ Но кроме глубины эти пропасти были еще интересны тем, что служили "глазками" в

¹ Позднее для пропасти Пьера стали указывать большую глубину (657 м), учитывая обнаруженное соединение ее с колодцем Ветра, о чем говорится ниже. Но, по-видимому, было пройдено и соединение ее активной водной сети с пропастью Раймонды, так как для всей системы Тромба стали указывать суммарную глубину 911 м (третья по глубине во Франции и в мире, см. прим. 1 к гл. XXI). Пропасть Хенн-Морт сместилась с пятого места, поскольку она уступает по глубине еще системе Дан-де-Кроль в Изере (603 м) и пропасти Каладер в Нижних Альпах (487 м). Пропасть Пиаджа Белла (689 м), расположенную в Приморских Альпах, помещают в списках то как итальянскую, то как пограничную с Францией (Grottan. Organ for Sveriges Speleolog — Forbund, 1966, № 1, стр. 10). Если последнее верно, то ее можно считать четвертой по глубине из

подземное русло ручья Кум-Уарнед, по которому нам удалось пройти и исследовать на редкость поучительную подземную систему Тромба почти из конца в конец, за исключением нескольких участков, оставшихся непройденными из-за сифонов.

Для подробного описания подземной эпопеи, растянувшейся на пять лет, потребовалась бы целая книга, нам же придется ограничиться кратким описанием на нескольких страницах.¹

В этой кампании я сотрудничал с самыми симпатичными из когда-либо встречавшихся мне спелеологов в настоящей дружеской атмосфере. Эти "разведчики" благодаря воспитанию в рядах скаутов обладали дисциплиной и выдержкой, что, по правде сказать, не всегда бывает справедливо в отношении некоторых спелеологов, слишком независимых и несколько склонных к анархизму, а это никак не облегчает взаимоотношений и не делает легче некоторые исследования, когда необходимо проявлять полнейшее послушание и самоотверженность, порой доходящую до полного самоотречения.

Руководители экского отряда Пьер Жикель, Хеллин и Магаль, также как руководители марсельцев Конрад, Пропо, Леши и Гриозель, сумели внушить эти драгоценные качества юным, но первоклассным членам наших отрядов, в которые входили Франжин, братья Феликс, братья Пернэн, Лафон, Раву, Диландро, Ребуль, Налэн, Морель, Паран, Винсент, Каваллэн, Вейдерт, а также всем тем, кто принимал участие в пяти кампаниях в Кум-Уарнед. Нельзя не упомянуть с восхищением и благодарностью преподобного отца Фреми, капеллана группы и члена одного из отрядов, которого прозвали капелланом пропасти Раймонды, после того как он отслужил мессу в этой глубочайшей полости.

Но настоящая книга — это не дневник спелеолога и не трактат о подземных водах, поэтому мы избавим читателя от полного описания всего развития операций в Кум-Уарнед, а также от перечисления полученных результатов и ограничимся тем, что изобразим некоторые сцены и расскажем более или менее яркие случаи.

Для начала следует сказать несколько слов об этимологии и подлинной орфографии слова "уарнед" (Ouarnede), являющегося чудовищным искажением и отвратительным написанием, не имеющим смысла ни на каком языке, а также диалектного слова I overere (Кум Иуернэр значит "зимняя долина или ущелье", то есть "холодное место").

Карты тоже полны подобных ошибок. Одна из наиболее занятных и неожиданных относится к Кум-де-ла-Бак (на местном диалекте Бак значит "корова"), превратившуюся на официальной карте в результате нескольких превращений наперекор всякому здравому смыслу в Кум-д'Эвек (то есть в пропасть Епископа). Короче говоря, рассказывая обо всей этой ереси, творцами которой являются картографы, плохо знающие пиренейские диалекты и, кажется, мало заботящиеся о значении и написании, нам самим все же приходится писать "Кум-Уарнед", чтобы не вступать в противоречие с картой и быть понятыми.

В первый же день первой кампании 1956 года наши друзья из воздушно-десантных частей департамента По облагодетельствовали нас, безукоризненно сбросив груз на парашютах. Все шло как по писаному, самолет "Дакота" нас легко засек благодаря нашей сигнализации при помощи выложенных на земле полотнищ; сбросив нам три десятка парашютов с грузами, он вернулся на свою базу. Вскоре над нами пронесся маленький биплан "Стамп", развернулся на большой высоте и сбросил небольшой пакет с флагом. Пакет был недостаточно тяжелым, его отнесло ветром, и он упал очень далеко от нас. Все поиски были тщетны, пока наконец один из арбаских жандармов, специально прибывших, чтобы присутствовать при сбросе парашютов, нашел его в лесу. Мы поздравили жандарма, и затем поспешно и с большим любопытством открыли пакет. В нем оказалась дымовая шашка, инструкция по ее применению и маленькая сердечная записка, написанная рукой нашего коллеги Дельтейля, желавшего благополучного сброса парашютов!

По примеру знаменитых карабинеров из оперетты Оффенбаха, маленький самолет

французских пропастей, а систему Дан-де-Кроль — пятой.

¹ Экспедиции (по 1959 г.) в пропасти, относящиеся к системе Тромба, более подробно описаны в книге Н. Кастере "Зов бездны" (М., 1962; изд. 2, 1964).

аэроклуба Сен-Жерон прибыл "после драки", и, когда на следующий день наш друг пришел к нам в лагерь, на этот раз с мешком на спине, мы устроили ему неплохую овацию за несколько запоздалые благие намерения! Некоторые предлагали даже поджечь дымовую шашку у него в палатке, когда он заснет. Однако его пощадили, а "горшок с дымом" сохранили для использования при сбросе грузов с парашютами в следующем году.

С первых же спусков в пропасти массива Арба провансальцы были прямо-таки поражены, обнаружив на дне естественных колодцев не только скелеты коров и овец, встречающиеся очень часто, но также скелеты медведей, черепа которых они поднимали на поверхность в качестве трофеев. Дело в том, что этот сплошь заросший лесом горный район, загроможденный хаосом камней, таящим массу укрытий и берлог, представляет собой великолепный биотоп для пиренейского медведя. Я много раз видел его следы на снегу, а в апреле 1960 года Эмиль Бюга — один из наших спелеологов — встретил медведицу с медвежонком.

Может показаться удивительным, что осторожные и ловкие животные иногда сваливаются в пропасти, но некоторые из этих колодцев с отверстиями, замаскированными густым подлеском, служат как бы естественными ловушками. Зимой и весной снег покрывает ветви деревьев и кусты, маскирует отверстия колодцев, образуя коварные снежные мостики, которые проваливаются даже под тяжестью самой мелкой дичи: каменных куниц, белок и, конечно, под очень большой тяжестью стопоходящих животных.

Другой сюрприз, другая находка поджидали нас в одной из пропастей, названной "Ледником", поскольку лед в ней сохранялся даже в самое жаркое время лета. На глубине примерно тридцати метров в одном круглом зале мы нашли остатки примитивной деревянной лестницы и двух грубо сделанных лопат или совков, тоже деревянных, имеющих такую же форму, как лопаты, на которых пекари сажают хлеба в печь.

Эти предметы, неожиданно найденные в таком месте, имели свою историю, которую нам поведал старый пастух, сам слышавший ее от своего деда (значит, факты должны относиться примерно к 50-м годам XIX века).

В те времена два человека из Арба решили спуститься в колодец "Ледник" с помощью лестниц, сделанных, вероятно, тут же на месте, и стали добывать лед лопатами, тоже самодельными, разрабатывая таким образом этот своеобразный карьер. Лед несли в корзинах на спинах в селение (четыре часа ходьбы). Потом его грузили в тележку, запряженную мулом, и везли в Тулузу (сто километров), а там то, что еще оставалось от груза, продавали в больницу Отель-Дьё или в одно из кафе на Больших Бульварах, так как в те времена искусственного льда делать еще не умели.

Этим промыслом они занимались в течение многих лет, несмотря на то что это был тяжелый труд, весьма мучительный и сопряженный с известным риском, а доход от него, вероятно, был весьма небольшим.

В одну из первых ночей летом 1956 года, проведенных нами в палатке в Кум, нас озадачили какие-то необычные звуки: металлическое позвякивание, все время меняющее направление. Виновником странного звука могли быть многочисленные овцы, все лето пасущиеся в массиве, но звук никак не напоминал звон колокольчика, даже надтреснутого.

Объяснение мы получили только утром, когда заметили, что одна овца, проходя мимо нашей свалки, наступила на маленькую консервную банку, так и оставшуюся у нее на ноге. Подкованное таким образом животное всю ночь бродило по камням и производило необычный звук, так нас заинтриговавший. Конечно, мы тут же организовали облаву на "подкованную" овцу и освободили ее от гремящей банки.

Коровы и овцы вскоре стали несколько излишне фамильярны и производили нахальные и опустошительные набеги на наши палатки. Лучшее средство отгонять этих четвероногих, слишком пристрастившихся к сушившимся на кустах перчаткам, белью и носкам и охотно лакомившихся салфетками, туалетной бумагой и мылом, нашел Жан-Мари Ребуль. Он извлекал из своего кларнета такие душераздирающие и диссонирющие звуки, что обычно овцы и коровы сразу же удирали.

Открытие главных пропастей Кум-Уарнед — результат тщательных исследований, проделанных спелеологами. Отверстия пропастей были разбросаны на большой площади, и о них не знали даже пастухи, охотники и лесорубы.

В качестве примера можно привести случай, происшедший в 1956 году, когда Пьер Жикель, командир эских скаутов, открыл узкий лаз, оказавшийся входом в пропасть Пьера — одну из самых больших в мире, глубиной пятьсот шестьдесят четыре метра. В этом же районе и в том же году я открыл Пюи-дю-Ван (Колодец Ветра); скромный свод над ним никто раньше не замечал, но внутренние размеры скрывавшейся за ним пещеры оказались грандиозными.

На следующий год я нашел крохотное отверстие, запрятанное в зарослях папоротника в лесу, оказавшееся входом в пропасть Раймонды. Моя дочь спустилась первой в нее и расширила узенький лаз, открыв доступ в продолжение пропасти глубиной четыреста девяносто два метра.

Во время кампании 1958 года один из участников экспедиции — Феррандес, однажды, придя в лагерь, заявил, что он только что нашел между пропастью Пьера и Пюи-дю-Ван новую пропасть, вход в которую, по его мнению, был не менее эффектен, чем вход в Хенн-Морт! Это сообщение показалось нам настолько неправдоподобным, что мы сразу же пошли проверять слова нашего товарища. Но он несколько не преувеличивал: пасть этой новой пропасти производила сильное впечатление, а при ее обследовании был обнаружен цилиндрический вертикальный почти отвесный двухсотметровый колодец. Это новое открытие, сделанное ровно в ста пятидесяти метрах от Пюи-дю-Ван, который был нам известен уже в течение двух лет, может дать представление о фантастическом хаосе, царящем в вечном полумраке пихтового леса.

Счастливый первооткрыватель этой новой большой пропасти не смог (как это обычно делается) присвоить ей свое имя. Его звали Раймонд, и могла возникнуть путаница с пропастью Раймонды. Скауты из Экса относятся к группе Плесси-де-Гренадан, и Феррандес решил назвать "свою" пропасть пропастью Плесси.

С самого начала отказываюсь даже в общих чертах описать многочисленные спуски, которых потребовало исследование пропастей Кум-Уарнед, занявшее у нас целых пять лет. Но позволю себе рассказать несколько типичных или чем-либо примечательных эпизодов и несколько приключений или происшествий, пережитых в глубине этих гигантских полостей.

Так, например, возвращаясь к пропасти Плесси, можно рассказать, как Феррандес нашел в ней скелет собаки, на ошейнике которой была медная табличка с тщательно выгравированной на ней надписью, содержащей имя и адрес. Из любопытства мы написали по указанному адресу и узнали, что животное пропало три года назад и что хозяин собаки подозревал и даже обвинял соседа, что тот отравил собаку. Оказалось, что овчарка, которая, по-видимому, была великой бродягой, рискнула одна отправиться в горы и случайно свалилась в пропасть.

Находка Феррандеса дала двойной и даже тройной результат: объяснила загадку исчезновения собаки, доказала невиновность предполагаемого отравителя и способствовала примирению соседей. После этого попробуйте только отрицать интерес и пользу спелеологии!

Пропасть Пьера из-за своей исключительной глубины, потребовавшая нескольких последовательных экспедиций, послужила театром многих необычных происшествий. В 1957 году над районом, где находится пропасть, прошла ужасная гроза. В то время в пропасти на глубине четырехсот метров находился штурмовой отряд, и вдруг внезапно начался высокий паводок. Трое — Пернэн, Налэн и Нунци — оказались пленниками под землей.

Тогда Дельтейль, находившийся вместе со вспомогательным отрядом в подземном лагере, отправился к ним на помощь, и ему удалось по переходам, расположенным выше переполненных поднявшейся водой подземных проходов, добраться до пленников, находившихся в крайне опасном положении, и отвести их в подземное убежище, куда не

доходили даже самые высокие подземные паводки. Этот коридор называли галереей Утопленников.

Все восемь человек теперь собрались в безопасном месте, но без малейшей возможности выбраться на поверхность земли, так как все входные колодцы были залиты грязной жижей. Члены отряда, находившиеся в лагере на поверхности, тоже не могли спуститься в эти колодцы и прийти на выручку. Надо было ждать конца паводка, который наступил лишь через сорок восемь часов.

В следующем, 1958 году отряд, в который входил я, зашел очень глубоко и далеко, и нам удалось разбить временный лагерь, из которого отправился штурмовой отряд, дошедший до глубины пятисот шестидесяти четырех метров, до того места, где поток расширяется и образует подземное озеро. Ги Морель и Максим Феликс сели в надувную лодку и проплыли сто двадцать метров до конечного сифона, и здесь им пришлось повернуть назад.

Но при выполнении этого маневра лодка наткнулась на каменный выступ, разорвалась и потекла. Такие случаи — обычное явление под землей, и спелеологам часто приходится переживать подобные крушения. Но на этот раз положение осложнялось тем, что Максим Феликс не умел плавать, и Ги Морелю пришлось действовать очень энергично, чтобы помочь товарищу выбраться из воды. Им это удалось. К несчастью, не так получилось с одним из членов Парижского спелеоклуба, утонувшим при подобных обстоятельствах в подземной реке в Сардинии.

В пропасти Раймонды произошло несколько достойных упоминания или просто занятных случаев.

В августе 1957 года спелеологи из Экса и Марсея организовали без моего ведома церемонию, на которую я был приглашен только в последнюю минуту. В присутствии двадцати шести спелеологов, то есть полного состава экспедиции 1957 года, отец Фреми отслужил мессу. А после этого меня ждал сюрприз.

Мои юные друзья сговорились отпраздновать мое шестидесятилетие и в какой-то мере мой подземный юбилей. Была составлена целая программа, в которую входило назначение меня начальником отряда, награждение медалью и вручение почетной шахтерской лампы. Я ответил со своей стороны "мрачной" речью, произнесенной "пещерным" голосом! Под конец появился еще огромный торт со вставленными в него зажженными символическими свечами, которые я, согласно обычаю, должен был задуть, пока шампанское лилось в кружки. Настоящий кутеж... Но главное — проявление искреннего чувства товарищества и горячей дружбы, очень тронувшее меня.

На следующий год в той же пропасти Раймонды на более диком фоне, чем зал Мессы, и при совершенно других обстоятельствах разыгралась совсем иная сцена.

Мы находились на глубине двухсот метров у начала колодца, в который низвергался поток с тридцатипятиметровой высоты. Чтобы помериться силами с этой поистине достойной Данте пропастью диаметром в двадцать — тридцать метров, нам пришлось доставить к ее краю лебедку в разобранном виде и двухсотметровый трос. Входившие в штурмовой отряд Каваллин, Жикель, Гриозель и Пропо доверились этой технике и приземлились, правда не без происшествий и трудностей, у подножия вертикального обрыва, где обнаружили озеро. Затем поэтапно они спустились до самого дна пропасти Раймонды, где их, как и обычно, остановил непроходимый сифон.

Когда они начали подниматься, мы с ужасом заметили, что стальной трос расщепился, перекрутился и вышел из строя. Мы тотчас же сообщили товарищам по телефону, что прекращаем их подъем и что им придется подождать, пока мы найдем другой трос. Мы поднялись на поверхность, спустились в долину, одолжили машину, чтобы съездить в Тулузу и купить там новый трос (а оба конца — двести километров).

Все это потребовало времени, и лишь через сорок часов заточения в глубине пропасти наши товарищи из штурмового отряда, находившиеся все время во власти воды, водяной пыли и холода, вернулись на дневную поверхность. Они продрогли и до предела устали, но не потеряли бодрости духа.

Спелеологии свойственны самые неожиданные ситуации и контрасты.

В то время как в пропасти Раймонды люди "подыхали" от холода и сидели на голодном пайке, члены другого отряда по-своему праздновали победу в пропасти Пьера. Празднование носило чисто гастрономический характер, и меню подземного пиршества было обильным, но весьма однообразным, хотя и не лишенным оригинальности. Штурмовой отряд устроил пирушку, используя банки со свиным паштетом, из которого приготовили сэндвичи, положив его на ломти анисового пряника, и запивали все это шампанским.

Заметим, однако, что шампанское не относится к обычным напиткам спелеологов! На этот раз бутылки специально хранились четыре года, чтобы выпить их по случаю окончания исследований пропасти Пьера — одной из самых глубоких на земле.¹

Исследованиям положил предел конечный сифон пропасти Пьера, и нам не удалось проникнуть в соседний грот Гуэй-ди-Эр, где подземный ручей системы Тромба выходит на дневную поверхность у подножия горы.

Грот Гуэй-ди-Эр (Око Ада) известен очень давно. Мартель снял его план еще в 1909 году. Кроме того, он не особенно велик, поскольку в ста пятидесяти метрах от входа уже упираешься в сифон, который я дважды пытался пройти. В 1930 году я нырнул в него просто в купальных трусах и без дыхательного аппарата и потерпел неудачу. В 1948 году, снабженный автономным скафандром системы Ле Приер, к сожалению неисправным, я оказался не более счастливым.

Но после того как наш опыт с окрашиванием воды в Кум-Уарнед показал существование системы Тромба и ее прямую связь с гротом Гуэй-ди-Эр, интерес к преодолению сифона повысился, как никогда. Здесь заслуга принадлежит доктору Иву Дюфуру из Парижского спелеоклуба, который преодолел сифон в 1956 году, пользуясь скафандром системы Кусто-Ганьян, и констатировал, что за сифоном идет, по-видимому, очень длинная галерея. Вернувшись в Гуэй в 1957 году, он вновь прошел сифон, но, к несчастью, погиб в нем.

На следующий год трое наших товарищей-провансальцев решили вновь попытаться пройти зловещий сифон.

Первым нырнул Ги Морель. Он исчез под погруженным в воду сводом, и через полторы минуты три рывка веревки, за которую мы его держали, подстраховывая, сообщили нам, что он благополучно прошел сифон. Затем нырнул Ив Гриозель. Прошло две минуты — никакого рывка веревки, никакого сигнала не последовало. На третьей минуте последний аквалангист Жак Паран нырнул на поиски необъяснимо молчащего Гриозеля. Через нормальный промежуток времени, то есть через минуту сорок секунд, мы почувствовали три долгожданных рывка. Паран добрался благополучно. А Гриозель?

Зазвонил телефон, который захватил Морель, таща за собой телефонный шнур, и начался оживленный разговор.

— Что с Ивом? — спросили мы.

— А что с ним должно быть? Ив с нами, — удивился Морель.

— Но мы не получили от него условного сигнала — трех рывков веревки!

На несколько секунд телефон замолк, потом послышался голос Гриозеля.

— Простите меня, — сказал он, — Все прошло очень хорошо, но я был так счастлив успехом и тем, что прошел первый в жизни сифон, что позабыл о сигнале!

Так объяснилось наполнившее нас ужасом мертвое молчание.

Наши трое аквалангистов освободились от тяжелого и неудобного оборудования — масок, баллонов со сжатым воздухом и ластов — и отправились на короткую разведку вверх по подземному ручью. Так они прошли километр четыреста метров то вплавь, то бредя по воде. К сожалению, их остановил новый сифон с глубоко погруженным в воду сводом, в который они не смогли нырнуть, оставив все приспособления у первого сифона.

Неисследованный участок между конечным сифоном пропасти Пьера и гротом, в

¹ Глубина пропасти Пьера оценивалась тогда в 564 м. Пропастей с такой и большей глубиной сейчас известно в мире довольно много. Глубочайшие указаны в прим. 25 к гл. XXI; 55 и 60 к данной главе.

котором находится источник Гуэй-ди-Эр, теперь сузился до нескольких сот метров, но, чтобы попытаться покорить его, придется организовать новую экспедицию.

Оставалась еще одна не исследованная до конца пропасть в Кум-Уарнеде — Пюи-дю-Ван, которую я открыл в 1956 году и в которой штурмовой отряд остановился в 1958 году на глубине двухсот метров перед колодцем, так и оставшимся неисследованным из-за отсутствия надлежащего оборудования.

Для продолжения исследований в 1959 году новый штурмовой отряд был отправлен в Пюи-дю-Ван. Через двадцать часов отряд вышел на поверхность с совершенно неожиданным сообщением.

Все четыре члена отряда (Ив Феликс, Жорж Брандт, Марк Пуликен и Раймонда Кастере) долго блуждали по очень хаотичному залу на глубине двухсот метров, но, несмотря ни на какие усилия и попытки ориентироваться, колодца, о котором сообщали их предшественники в 1958 году, им обнаружить не удалось. Чтобы найти ответ на эту загадку, весной 1960 года был организован специальный поход налегке в Пюи-дю-Ван. В это время года снежный покров был еще довольно значителен, и активное таяние снегов никак не облегчало работы в пропасти, где вода текла со всех сторон.

Отверстие внутреннего колодца, которое, по правде сказать, действительно, трудно найти, было на этот раз обнаружено, но, к большому разочарованию, колодец оказался неинтересным: на глубине двадцати метров он заканчивался тупиком. Отряд уже собирался подняться и не солоно хлебавши вернуться в наземный лагерь, когда чье-то внимание привлек мощный ручей, которого летом не было, но который был полноводен весной и исчезал в узком, малозаметном ходе. Два человека (Каваллин и Раву) проникли в этот лаз и нашли весьма интересное "продолжение" — ряд расположенных друг над другом очень сильно орошаемых колодцев, в которые им удалось спуститься. Однако из-за отсутствия лестниц им пришлось остановиться у семидесятиметрового отвесного обрыва, по которому вода низвергалась грозным водопадом. Дно этого колодца должно было находиться на одном уровне с нижними этажами пропасти Пьера и где-то очень от него недалеко.

Эту весьма вероятную связь между Пюи-дю-Ван и пропастью Пьера надо было попытаться найти летом 1960 года. Юношам, настойчиво исследовавшим недра Кум-Уарнеда в течение пяти лет, такой успех, конечно, дал бы большое удовлетворение. Кроме того, эта связь положила бы конец трудоемкому и мучительному гидрогеологическому исследованию, которое мы взяли на себя и неуклонно продолжали в течение пяти кампаний в массиве Арба — одном из самых богатых пещерами в нашей стране.

Так, 26 июля 1960 года на поляне в Кум-Уарнед собралось восемнадцать спелеологов, а военные летчики из По вновь благодетельствовали нас, сбросив все наше снаряжение на парашютах. Разбирая снаряжение (в общей сложности четыре тонны груза), мы с удивлением обнаружили какие-то плоские весьма тяжелые коробки, содержавшие, как мы сначала подумали, карбид кальция для питания наших ацетиленовых ламп. Но количество и вес этих коробок заставили нас предположить, что их содержимое не предназначено для освещения.

Вскрыв коробки, мы с недоумением увидели, что они наполнены мелкими камнями! Это был просто балласт, который летчики положили между нашим багажом для равновесия. В некоторых местах приземления парашютов коробки открылись и содержимое их высыпалось. Вскоре камешки скатятся под уклон, их унесут воды ручьев. А какой-нибудь попавший в эти края геолог найдет эти кусочки гранита, кварца и гнейса в известняковом массиве Арба, и находка покажется ему необъяснимой. Прежде чем он напишет заметку об этой аномалии, мне бы хотелось, чтобы он прочел эти строки, объясняющие, как обломки скал из аллювиальных наносов Гав-дю-По очутились (по воздуху!) на высоте 1300 метров на склоне сложенных из известняка гор Верхней Гаронны.

Летняя кампания 1960 года должна была быть полностью посвящена исследованию пропасти Пюи-дю-Ван, которую я открыл в 1956 году и исследовал всего на несколько метров. Поскольку в 1959 году в этой пропасти уже была достигнута глубина двести метров и было весьма вероятно, что она окажется значительно глубже, я решил вновь в нее

спуститься.

Свое решение я принял не без внутренней борьбы, некоторых опасений и угрызений совести. Дело в том, что я сам себе поставил предел, решив, что с шестидесяти лет откажусь от спуска в пропасти, во всяком случае в большие пропасти. Я далеко перешагнул этот предел, и сам нарушил собственное решение, спустившись на глубину нескольких сот метров в пропасть Раймонды и в пропасть Пьера в 1958 и 1959 годах.

В 1960 году я уже на три года превосходил назначенный возраст и вновь нарушал свой обет, решив спуститься в Пюи-дю-Ван в возрасте шестидесяти трех лет...

В течение многих дней пропасть оборудовали, то есть все спускавшиеся в нее крепили лестницы и веревки в расположенных один над другим колодцах, очень характерных для Пюи-дю-Ван — пропасти, идущей почти вертикально до глубины ста пятидесяти метров. В эту пропасть, не похожую ни на одну другую из тех сотен пропастей, которые я повидал на своем веку, мы спустились вместе с Ивом Феликсом.

Начиная с входного отверстия, приходится протискиваться через извилистый лаз, потом скользить по бесконечному ряду диаклав и спускаться по таким узким колодцам, что все время ощущаешь давление на спину и грудь. Для преодоления некоторых переходов приходится прибегать к гимнастическим упражнениям и труднейшим фокусам, чтобы добраться до небольших расширений, где вдвоем невозможно уместиться. Ждешь, пока компаньон уцепится и распластается на лестнице, и лишь после этого можно последовать за ним в вертикальный колодец (прямо какая-то акушерская спелеология!). И такое длится до глубины более ста метров. Не ощущается ни малейшего головокружения: настолько колодцы узки, сплющены и в них невозможно упасть, даже если пожелаешь — зацепишься и застрянешь между стенами. Но человек, склонный к клаустрофобии,¹ пережил бы здесь настоящий кошмар при мысли, что ему никогда не удастся выбраться из каменных объятий этой могилы, спрятанной в недрах горы.

Действительно, невольно задаешь себе вопрос: можно ли спасти заболевшего или раненого товарища в таком непрерывном ряду вертикальных ловушек и щелей? Этот вопрос задавали себе все участники экспедиции в Пюи-дю-Ван, иногда его обсуждали сообща; ответ был единодушным — тяжелораненого вынести на поверхность невозможно. Есть такие полости, в которых "ни в коем случае нельзя допустить, чтобы случилось несчастье".

По склонам, через трещины, извиваясь, как черви, продвигаясь ползком в любых положениях, так что иногда приходилось снимать каску и держать ее перед собой, мы добрались наконец до последнего наклонного лаза, к которому была прикреплена лестница.

— Внимание! — сказал мой спутник. — Мы теперь находимся на глубине ста двадцати метров, и с узкими проходами покончено. Сейчас мы попадем в большой зал и повиснем на его потолке.

Действительно, едва я освободился от объятий последней узкой щели, как очутился на лестнице, раскачивающейся над бездной, напомнившей мне переживание, уже ранее испытанное в пропасти Пьер-Сен-Мартен, когда, спустившись на глубину двухсот пятидесяти метров, внезапно оказывался висющим над гигантским залом Лепине. Но здесь ощущение еще более острое, так как до этого долго ведешь борьбу с бесчеловечно узкими лазейками, и лишь затем попадаешь в абсолютный мрак громадного зала.

Только внизу под собой угадываешь в глубине какие-то нагромождения камней, на которые вскоре приземляешься. Ив присоединяется ко мне, и под его руководством (он знает пропасть еще по прошлому году) я пробираюсь по очень наклонному залу, который мы обходим кругом.

— В длину триста пятьдесят метров с перепадом высот в сто метров, — уточняет Ив, — и сейчас мы находимся примерно в центре зала.

Высота свода колеблется от двадцати до пятидесяти метров, и при нашем скромном освещении мы его почти не различаем. Что касается ширины зала, то она нигде не превышает тридцати метров, и не знаешь, чем его считать — очень вытянутым залом или

¹ Клаустрофобия — болезненная боязнь закрытого помещения.

колоссальной подземной галереей.

Пересекая крутые склоны и хаотические нагромождения камней, мы доходим до верхнего конца зала, где свод резко понижается.

— За этим низким лазом пещера продолжается и вновь обретает значительные размеры, — сообщает Ив.

Я беру это сообщение на заметку и, удовлетворившись полученным описанием, решаю вернуться к подножию нашей веревочной лестницы, чтобы осмотреть другую половину зала.

Это и в самом деле очень большая пещера, которую мы пересекаем по невероятному хаосу камней. Поражаешься, когда осознаешь, что наш длительный и очень трудный спуск в исключительно узкий и извилистый колодец привел нас в циклопический подземный мир. Так это крохотное отверстие не зря проделано в величественном нефе,¹ оно лишь "глазок", столь же узкий и извилистый, сколь и благословенный, открывающий доступ в нижний этаж, необычайные пропорции которого привели меня в замешательство. Если бы только камни могли говорить...

По залу Ветра вьется и прыгает ручеек. Дойдя до нижнего конца зала, он меняет русло, растекается на множество рукавов, образуя одинаковые совершенно горизонтальные глинистые пляжи. Здесь был разбит подземный лагерь: три палатки с надувными матрасами и пуховыми спальными мешками, в которых умещалось девять человек.

Несмотря на мрачное, несколько дьявольское окружение лагеря, несмотря на низкие температуры и сырость, царящую в пропасти, его очень ценили различные сменявшие друг друга отряды, которые могли в нем отдохнуть, возвращаясь с очередного "штурма" пропасти. Один из нас, Жан-Мари Нико, прожил в лагере шесть дней и шесть ночей подряд, так что можно сказать, что он провел в нем двенадцать ночей.

Ручей полностью исчезает в самом низком месте зала через очень маленький ход, тот самый, который был обнаружен и пройден в апреле 1960 года во время нашего краткого весеннего похода.

Я подхожу вместе с Ивом, чтобы взглянуть на это отверстие, через которое струя воздуха, идущая вниз, жадно втягивает дым от сигареты моего спутника. Именно через это окно теперь и пробрались наши отряды, чтобы спуститься в многочисленные пятнадцатили двадцатиметровые колодцы. Отряд I, который возглавлял Пьер Жиккель, пришел сюда 29 июля, но решил остановиться у большого колодца, чтобы произвести зондаж, прежде чем бросить лестницы и спустить людей. Отвесный зонд показал глубину девяносто четыре метра.

В момент, когда Жиккель вытаскивал зонд, послышалось какое-то странное рычание, вслед за которым сразу же из колодца появилась пена. Из-за страшной грозы в Кум-Уарнед начался подъем подземных вод, сметающих все на своем пути. Жиккель, Лафон, Пуликен и Каррер едва успели спастись на выступах и стали ждать дальнейшего развития событий.

Поскольку они собирались только на короткую вылазку, у них с собой не было продуктов и лишь очень ограниченное освещение.

В большом зале Ветра вспомогательный отряд тоже был застигнут врасплох внезапностью и яростью подземного паводка: узкий проход оказался затопленным, закрытым и совершенно непроходимым. Только через тринадцать часов стало возможным по нему пробраться. Понижение уровня воды позволило вспомогательному отряду рискнуть спуститься в следующие колодцы до двадцатиметрового каскада, у подножия которого находились четверо отрезанных спелеологов. Теперь им можно было помочь выбраться под струями стекающих вод отступающего паводка.

Штурмовой отряд II тоже не избежал незавидного плена, во время которого четверем членам отряда пришлось делить между собой скудные запасы шоколада и несколько кусков сахара.

Новый отряд в свою очередь достиг края колодца с каскадом, падающим на глубину девяноста четырех метров. В него спустились Максим Феликс и Жан-Мари Ребуль. Двадцать

¹ См. прим. 41 к гл. XXXI.

четыре часа от наших двух разведчиков не было никаких вестей, но наконец с помощью Ива Феликса и Жоржа Брандта они вернулись из глубины пропасти. Их разведка дала самые обнадеживающие результаты, так как они неуклонно двигались вперед в смысле направления и глубины в сторону нижней части системы соседней пропасти Пьера.

Третий штурмовой отряд — Жан Паран, Пьер Лафон, Марк Пуликен и неутомимый Жан-Мари Ребуль — вновь направился в глубины Пюи-дю-Ван и поднялся на поверхность через сорок восемь часов с полной победой. Этим четверым удалось добраться до нижних этажей пропасти Пьера, совершив очень трудный, но очень эффектный переход. Оказалось, что пропасть Пюи-дю-Ван и пропасть Пьера образуют одну грандиозную пропасть глубиной шестьсот пятьдесят семь метров. За исключением некоторых очень небольших участков, система Тромба теперь была почти полностью известна и пройдена. И после того как удалось найти соединение пропастей, Пюи-дю-Ван оказалась одной из самых глубоких пропастей в мире (точнее говоря, четвертой).¹

Остается еще пройти лабиринт из гигантских галерей, оставшихся необследованными из-за недостатка времени и крайней усталости членов отряда. Эти галереи могут сообщаться с пропастью Раймонды, расположенной очень близко. Это предположение послужит поводом для кампании 1961 года, которая, надеемся, будет успешной и даст новые интересные сведения.

XXXV "Темные истории"

Само неприветливое название — спелеология — способствует тому, что обычно ее считают суровой наукой. Признавая, что этот род деятельности человека поднимает жгучие проблемы и открывает неожиданные перспективы, требуя в то же время отваги, силы и хладнокровия, все же надо сказать, что со спелеологами под землей случаются подчас весьма веселые истории, трагикомические приключения, бывают смешные ситуации, оживляющие чаще, чем полагают, монотонность и тяжесть суровых и опасных изысканий.

В давно разошедшейся книге под названием "Histoires au-dessous de tout" я собрал массу историй, которые должны были показать, что подземные исследователи не являются ни мизантропами, ни неврастениками; наоборот, это очень уравновешенные люди, не боящиеся козней и коварства подземного мира и не отступающие перед ними. Будучи проповедниками и последователями принципа: "В здоровом теле — здоровый дух", они при случае не отказываются от юмора в темных безднах и доносят смех — отличительное свойство человека — до самых недр земли.

Чтобы подкрепить это утверждение свидетельствами, тем более что они вполне уместны в моих воспоминаниях, я позволю себе рассказать несколько незначительных, но забавных приключений, случившихся со мной под землей.

В 1920 году, вскоре же после окончания Первой мировой войны, только что демобилизовавшись, я возобновил свою подземную деятельность, прерванную войной на четыре года. Однажды под вечер я оказался в Тарасконе. К ночи я дошел до скал Судур и около полуночи расположился на ночлег под навесом пещеры Прадиер, находящейся над большой горной осыпью.

Добравшись до пещеры, я стал свидетелем всегда яркого и поразительного зрелища — ночной грозы в горах. Раскаты грома эхом отдавались в глубине пещеры, и казалось, все дьяволы преисподней собрались здесь под гулками сводами.

К двум часам ночи гроза прекратилась, и природа успокоилась. Я собрался уже спать, как вдруг услышал шаги на осыпи и шум посыпавшихся камней. Удивленный и встревоженный, я заметил, что шаги приближаются и поднимаются к пещере. Человек или

¹ Систему соединенных пропастей стали именовать пропастью Пьера (большая часть системы) и к ней относить суммарную глубину (см. прим. 2 к данной главе). Вся система Тромба считается теперь третьей по глубине в мире. Четвертая по глубине пропасть — Сплюга-делля-Прета (879 м) в Италии (Верона).

животное? Пока я искал ответа на этот вопрос, шум все приближался, и вдруг неожиданно в торжественной тишине ночи послышалось звонкое чиханье, несколько сдержанное, окончательно поразившее меня, так как я понял, что приближается человек. Тут я вспомнил, что несколько часов назад в Тарасконе я делал кое-какие покупки в бакалейной лавочке-буфете и, разговаривая с бакалейщиком, задал ему два-три вопроса, чтобы уточнить дорогу, сказав, что намерен переночевать в пещере Прадиер. В лавочке находилось несколько человек, на вид — настоящие бандиты, закусывавшие в уголке. Намерения человека, поднимающегося к пещере в два часа ночи, по-моему, не вызывали сомнений; конечно, кто-то из вчерашней компании собирается застать меня врасплох в моем подземном убежище и ограбить. В ту же минуту, когда грабитель замер, напуганный собственным несвоевременным чихом, я услышал шаги еще нескольких человек, поднимавшихся по осыпи. Значит, сделана засада, причем в таком месте, где у меня не остается шансов на спасение.

Пробираясь на ощупь в полной темноте между камнями, рискуя сломать шею, я добрался до глубины пещеры и затаился. Когда немного рассвело, я отважился выйти.

Через минуту я уже был в центре первого зала, немного успокоился и стал внимательно прислушиваться к малейшему шуму, присматриваясь к любой подозрительной тени. Вдруг из-за камней показалось одновременно несколько неясных фигур, во всю прыть бросившихся удирать, так что эхо раздалось под гулкими сводами.

К счастью, это было последнее волнение за всю беспокойную ночь, так как я понял, что просто четыре овцы нашли убежище в пещере. Именно их приближение, их подъем по щебню напугали меня. Что касается чиха, нагнавшего на меня столько страха, то в эту ночь я убедился на собственной шкуре, что овцы кашляют и чихают совсем как люди!

Описанная мной тревожная ночь относится к 1920 году. А через десять лет я пережил другое ночное приключение, на этот раз не в пещере, а в жалкой пастушьей хижине, затерянной на высоте двух тысяч метров в массиве Мон-Моди. Сюда я пришел один, чтобы попытаться разгадать гидрогеологическую загадку Тру-дю-Торо — ключевую проблему, связанную с истоком Гаронны. После скитаний по горам с наступлением ночи я расположился на ночлег в бедной избушке поблизости от Тру-дю-Торо.

Скорчившись на затхлой подстилке из хвои, я пытался во сне забыть неудобства, выпавшие на мою долю. Предвиделась очень неприятная ночь, так как на дворе было весьма холодно. Все же убаюканный вечным монотонным завыванием водопада Тру-дю-Торо, я погрузился в сон, как вдруг посреди ночи внезапно пробудился. Кто-то изо всей силы дергал никуда не годную расшатанную и плохо пригнанную дверь моего убежища, которую я запер при помощи ледоруба. Приход ночного посетителя в одну из очень малочисленных хижин в массиве Маладета — уже само по себе достаточно удивительное событие. По силе рывков я решил, что это должен быть арагонский пастух, а может быть, заблудившийся путник. Потревоженный среди сна, я поднялся на своем ложе и громко спросил: "Кто там?" Мой вопрос, повторенный по-испански, остался без ответа.

Дверь перестала сотрясаться, все вновь погрузилось в тишину. Недоумевая, я уже начал спрашивать себя, не приснилось ли мне все это, когда дверь вновь начала сотрясаться, на этот раз дольше и еще более свирепо.

Настойчивость и упрямое молчание того, кто пытался ко мне вторгнуться, — вещи малоуспокоительные, и я решил в свою очередь действовать внезапно и бесшумно. Одним прыжком я вскакиваю на ноги, хватаю ледоруб, вторым прыжком распахиваю дверь, но там никого нет. Цепи гор купаются в сиянии полной луны, воздух морозен, все неподвижно, горы погружены в глубочайший покой. Поблизости нет ни дерева, ни камня, за которые мог бы спрятаться человек. Инстинктивно я обхожу вокруг хижины, держа ледоруб наготове, — там тоже никого нет, все совершенно пустынно. Взволнованный, я вновь ложусь, не переставая спрашивать себя: кто же все-таки дважды дергал мою дверь и сразу куда-то исчезал? Я начинаю думать, что это был медведь — животное, еще встречающееся в Центральном Пиренеях.

Короче говоря, я предавался своим эмоциям и самым разнообразным домыслам, но любопытство мое оставалось неудовлетворенным, пока однажды один профессор геологии, которому я рассказал свое неприятное приключение, не дал мне вполне естественного объяснения, которое, конечно, никогда не пришло бы мне в голову: массив Маладета довольно часто подвергается подземным толчкам, и, безусловно, именно два таких толчка сотрясали мою дверь. Я сам не почувствовал этого небольшого землетрясения, но обычно так и бывает, когда человек лежит на самой земле.¹

В гроте Сигалер, о котором рассказано выше и в котором я когда-то бродил с моим братом Марсиалем, мы однажды были буквально пригвождены к месту целой серией потрескиваний, создававших впечатление, что свод вот-вот обрушится. Треск возобновлялся трижды, в то время как мы, прижавшись в страхе к колонне, не отрываясь смотрели на потолок, ожидая, что он сейчас разверзнется и раздавит нас. Потрескивание прекратилось, мы немного пришли в себя и решили продолжать исследование.

Через час, когда мы с трудом пробирались по подземному потоку, ужасный треск возобновился с такой силой, что, исчерпав все предположения, мы подумали о землетрясении. В тот же вечер инженеры Пиренейского электрического союза, строительная площадка которых находилась в том же массиве, объяснили нам явление, произведшее на нас такое сильное впечатление. Мы слышали звуки взрыва мин в одном из разрабатывавшихся туннелей. Время взрывов совпадало со временем, когда мы слышали треск. Оказалось, что звук способен проходить многие километры через скалу.

В верхних этажах подземной реки Лабуиш, которые я исследовал вместе с моим преданным спутником Жозефом Дельтейлем, мне тоже пришлось испытать сильное волнение, когда однажды до нас донеслись столь страшные, сколь и загадочные звуки. В то время как мы с большим трудом пытались пробраться ползком в узкий и извилистый лаз, покрытый липкой глиной, до наших ушей донесся неясный рев, быстро нараставший и потом так же быстро утихший. Никогда в жизни я не встречался с подобным явлением.

Мы были в нескольких километрах от входа в пещеру, и я терялся в догадках о происхождении странных звуков, которые не мог объяснить никакими естественными причинами. Однако на мой немой вопрос на лице у Дельтейля появилось двусмысленное, я бы сказал, насмешливое выражение, и мне показалось, что он знает об этом явлении больше, чем я.

— Ну, вы мне объясните наконец, в чем дело? — начал я, сильно заинтересованный.

— Да ведь сейчас шестнадцать часов тридцать минут.

— Шестнадцать тридцать? Ну и что?

— Значит, мы слышали поезд! Только что прошел поезд в шестнадцать тридцать.

Дельтейль, частый посетитель грота Лабуиш, был знаком с загадочным феноменом и знал, что железная дорога из Фуа в Сен-Жерон проходит над самой пещерой и что через известняковые скалы очень четко слышится шум проходящих тяжелых поездов.

Внезапное упоминание о поезде, который мчитя среди освещенного солнцем пейзажа, заставило меня представить себе пассажиров, мирно сидящих в вагонах, покачивающихся из стороны в сторону, каждый из них погружен в свои мысли. Из всех пассажиров, от первого до последнего, рассеянного или озабоченного, внимательно смотрящего в окно или погруженного в чтение, могли хоть один вообразить, что у него под ногами, под ошеломляющей толщей скал два человеческих существа, затерянные в многокилометровом лабиринте, в это время за разговором ножами соскабливают с себя мокрую глину?!

Исследование пропасти Мартеля, открытой мной в 1933 году и в течение десяти лет считавшейся самой глубокой во Франции, досталось мне ценой больших усилий. Плохо снаряженный, работая с помощью жены и еще двух отважных, но неопытных товарищей, я пережил в этой пропасти беспокойные часы.

¹ Вторую коммента́рий приходилось в горах Средней Азии (в долине Сурхоба у Таджикибада), лежа на земле в спальном мешке под пологом экспедиционной палатки, явственно ощущать подземные толчки и сотрясения почвы.

Во время моего первого спуска в эту пропасть я остановился на глубине шестидесяти метров там, где подземный каскад исчезает под нагромождением колоссальных камней, почти полностью закрывающих весь наклонный туннель. Обследовав это препятствие, я убедился, что оно находится в состоянии неустойчивого равновесия и малейший толчок может вызвать камнепад. Через несколько дней я отважился влезть на эту гигантскую ловушку, считая, что основные мои козыри — ловкость и малый вес.

Добравшись до вершины, я спустился по другую сторону, очень довольный, что прошел без всяких затруднений и что наклонный коридор идет дальше. Чары были разрушены, и с тех пор я много раз с женой и помощниками проделывал свои опасные упражнения. Но однажды произошла катастрофа. Каменный барьер, который я с самого начала считал очень опасным, но к которому мы постепенно привыкли, рухнул с ужасающим грохотом. Глыбы в три-четыре кубических метра летели кувыркком и разлетались в стороны в русле потока, у которого мы все стояли. Чудом никого не задело, и во всей этой передрыге погибла лишь часть оборудования, которое у нас буквально вырвало из рук.

В 1934 году в громадном гроте Шикер, расположенном в Атласских горах, я открыл подземную реку, протекающую по нижнему этажу, и уже собирался сесть в крохотную надувную лодку, когда услышал необычайный шум. Сильные взрывы заставили меня поспешно вернуться к веревочной лестнице, у верха которой на узком выступе должны были находиться носильщики и переводчик Ликси.

Подойдя к низу колодца, я с изумлением увидел, что пропасть надо мной освещена ровным светом и что взрывы и раскаты несутся сверху! Шум смешивался с каким-то ревом и выкриками, еще больше удивившими меня. Я цепляюсь за лестницу и начинаю подниматься. Но тотчас же до меня доносится голос Ликси, перекрывающий весь этот гам: "Не поднимайтесь, лестница горит!"

Я сваливаюсь вниз, ошеломленный и взбешенный, так как не могу понять, что же все-таки происходит. Я стою, прижавшись к каменной стене, ожидая, когда упадет лестница, которая, конечно, должна оборваться. Наконец взрывы становятся реже, слабее, и испуганный голос кричит: "Если можете, поднимайтесь!"

Я карабкаюсь по лестнице, но, прежде чем добраться до верха, попадаю в облако удушливого дыма и на ощупь заканчиваю подъем. Мой отряд в полном составе, но в каком виде! Сквозь густой дым я вижу почерневшие лица, задыхающихся людей, все кричат, кашляют, плачут одновременно.

Весь этот шабаш объяснялся просто, но как я мог об этом догадаться? Готовясь к длительному подземному походу, я решил взять запас карбидов для перезарядки наших ацетиленовых ламп. Совершенно разумная, даже просто необходимая предосторожность. Но вместо того чтобы использовать металлический бидон, человек, на обязанности которого лежало обеспечение этого запаса, предпочел бидону, показавшемуся ему слишком громоздким, большой капюшон собственного бурнуса. Пока я занимался разведкой в нижнем этаже, он, передвигаясь на четвереньках по узкому выступу, где все меня ждали, выронил все содержимое своего капюшона в водный бассейн у основания массивного сталагмита, к которому была прикреплена моя веревочная лестница.

Желая исправить свою неловкость, несчастный приблизил зажженную лампу к поверхности воды, в которой бурно кипели карбиды, и в результате произошел первый сильный взрыв, сопровождающийся пламенем, за которым последовали дальнейшие взрывы. Пока импровизированный ацетиленовый генератор не был полностью истощен, он все время давал пламя, взрывы и густой дым, а испуганные свидетели сбились в кучу и, не имея возможности потушить пламя, старались подбодрить себя криками. Лестница скрылась, оказавшись в центре пылающего костра, но, к счастью, она основательно намокла, пока ее прикрепляли к основанию сталагмита, и это спасло ее от обрыва. Носильщик, сильно обожженный, лежал в углу в полной прострации. У него были ожоги на руках, на лбу и на щеках, исчезла его короткая вьющаяся борода. Глаза чудом уцелели.

Когда волнение улеглось и каждый вновь занял свое место, я опять спустился, чтобы

закончить прерванную разведку. Возвращение было мучительным. Все мы отравились ацетиленовым газом и чувствовали себя плохо, кружилась голова, началась рвота.

Другая сцена, достойная театра ужасов, разыгралась во время нашего беспокойного и тяжелого подъема из пропасти Хейль в Стране Басков. В 1934 году двум бельгийским спелеологам. Макс Козинсу и Ван дёр Эльсту, удалось спуститься в эту громадную пропасть (в то время она считалась второй во Франции). На следующий год эти двое молодых ученых пригласили меня повторить спуск вместе с ними в надежде, что в глубине удастся найти какие-нибудь еще неизвестные продолжения пропасти. В последний момент что-то помешало Козинсу принять участие в экспедиции, и мы с Ван дёр Эльстом спустились в пропасть вдвоем по новому для меня способу.

Отказавшись от электроновых и веревочных лестниц, эти два спелеолога-летчика исследовали пропасти с помощью простой крохотной металлической лебедки собственного изготовления. Так, опутав себя парашютными ремнями, поддерживаемые стальной проволокой с пятимиллиметровым сечением, мы спускаемся в эту пропасть, начинающуюся абсолютно отвесным обрывом, сразу на глубину ста сорока пяти метров (на четыре метра больше, чем высота шпиля собора Парижской Богоматери).

Несмотря на пренебрежительное кручение тонкой проволоки над бездной, спуск прошел вполне благополучно. Мы побродили по нижним этажам пропасти и около девяти часов вечера вернулись к подножию большого обрыва и связались по телефону (соединенному посредством тонкого стального кабеля) с отрядом на поверхности, но телефон оказался неисправен, и разговаривать было очень трудно. Наконец голоса друзей дошли до нас. Нам сказали, что наверху черная ночь и идет сильнейший дождь. Не повреждено ли что-нибудь? Нашим двоим помощникам показалось, что приспособление действует не очень хорошо. Мой спутник натягивает на себя ремни, чтобы начать подъем, который обещает быть очень беспокойным, так как мы заметили какое-то позвякивание. Он сказал по телефону, что готов, и дал сигнал к началу подъема. К нашей большой радости, рывок прошел очень плавно, и подъем шел, по-видимому, вполне гладко. Но так продолжалось недолго. На высоте десяти метров произошла первая внезапная остановка, рывок — и длительный перерыв в подъеме. А сколько таких остановок с ужасающими паузами произошло во время этого подъема, который невозможно забыть?

Я испытывал сильнейшее беспокойство за товарища, раскачивающегося над пустотой все выше и выше, там, где обрыв проволоки был бы уже роковым. Ни на минуту он не терял спокойствия, ни разу не окликнул наших помощников, которые там, наверху, находились в страшном напряжении, боясь, что им не удастся нас вытащить из пропасти.

Естественно, что кроме волнений за товарища я испытывал также страх за себя. Прежде всего ремни, которые мне спустили на конце троса, удалось надеть и приладить лишь после бесконечных попыток, так как во время спуска они очень неудачно зацепились за выступ. Затем последовало почти точное повторение первого подъема: то остановка, то толчок, отвратительная вибрация и подергивание, так что каждый раз очень живо себе представляешь обрыв и падение в бездну... Лебедка, казалось, совсем вышла из строя. Кроме того, в темноте я плохо прикрепил ремни, которые причиняли мне боль, и я чувствовал, как под тяжестью всей этой сбруи и различных приспособлений я постепенно съезжаю набок.

Позднее, когда я спросил своего друга о его переживаниях во время этого рискованного предприятия, он признался, что все время спрашивал себя, начиная с какой высоты можно быть уверенным, что в случае падения умрешь на месте...

Подземный паводок — кошмар спелеологии, грозная опасность, одна из самых коварных и страшных, которая может встретиться под землей, где всяческих козней и так достаточно. Кто хоть однажды слышал глухой рев подземного паводка или видел внезапный подъем воды, никогда не забудет этого зрелища, которое будет продолжать тревожить порой его сон и заставлять разыгрываться воображение во время одинокого плавания в лодке под сводами, полными угрозы.

Однажды я плыл по подземной реке Лабуиш (Аррьеж), исследованной мной на

протяжении многих километров. Я уже возвращался и беспрестанно греб, скорчившись в маленькой надувной лодке. Вдруг однообразие плавания было прервано отдаленным и неясным гулом, в котором я узнал шум падающей воды. Это меня очень удивило, так как на Лабуиш всего два водопада, которые уже давно остались позади. Кроме того, шум нового загадочного водопада слышался впереди.

Я был заинтригован и прибавил скорость, не зная, что подумать, не понимая, откуда мог идти шум падения воды, теперь уже не вызывавший сомнения и слышавшийся очень явственно, поскольку я к нему приблизился. Звук становился все сильнее, и внезапно на одном повороте я увидел струю воды, стекающую в реку через трещину в высоком своде!

Никогда в этом месте я не замечал ни малейшего просачивания воды, и вот совершенно неожиданно вижу разлетающуюся брызгами струю грязной воды, падающую в реку.

Перед лицом подобного зрелища мои мысли заработали так же быстро, как и рефлексy. Изо всех сил налегая на весла, я поспешил к еще далекому выходу.

Я понимал, что снаружи, вероятно, бушевала небывало сильная гроза, если выведенные из равновесия инфильтрационные воды¹ проникли через свод грота. Скоро река переполнится водой, поднимется, даст сильнейший паводок и превратится в грозный поток.

Далеко внизу я знал довольно длинный проход под низким сводом и благодаря следам тины и травинкам, приставшим к стенам и потолку, понимал, что эта часть реки во время подъема воды служит отводным каналом.

В каноэ или в каяке я бы несся как стрела, но надувная лодка, что-то вроде овального поплавка с плоским дном, приспособлена для маленьких весел, называемых шлепалками, не рассекает воду, а позволяет лишь держаться на воде, как будто плывешь в бочке. Короче говоря, до подземной пристани я добрался беспрепятственно, но не без волнений. Там я вытащил свою лодку из воды, и роли переменялись: теперь я нес лодку на спине по галерее, которая должна была вывести меня наружу, куда мне очень не терпелось добраться, чтобы посмотреть, насколько сильна гроза.

О, неожиданность! Стояла великолепная погода, никаких признаков прошедшей, настоящей или будущей грозы, солнце сияло, как в самые ясные дни! Пораженный, очень заинтересованный, я спустил воздух из лодки, сложил ее, снял все оборудование и, тяжело нагруженный, начал подниматься на крутой склон, чтобы добраться до дороги из Фуа в Сен-Жерон.

Изнемогая под лучами солнца, я рассуждал сам с собой: откуда же мог внезапно появиться подземный каскад там, где до сих пор я не замечал ни малейшего просачивания? Я уже был склонен отнести это чудо к разряду необъяснимых загадок, когда размышления были прерваны: мое внимание привлекла толпа народа. На скалистом склоне у дороги, до которой я наконец добрался. Общество по использованию грота (по просьбе которого я исследовал неизвестные участки подземной реки) собиралось расширить какую-нибудь наклонную трещину, которая, как предполагали, сообщалась с нижележащей пещерой. За последние несколько дней, о чем я не знал, рабочие-минеры нашли и расчистили очень узкую, почти непроходимую, но, по-видимому, глубокую щель.

Руководители и акционеры Общества поспешили посмотреть на нее своими глазами, так как они планировали сделать здесь искусственный вход. В случае удачи отпала бы необходимость в длительном и мучительном пешем походе до естественного входа в пещеру. Посетители могли бы подъезжать на машинах и останавливаться перед новым входом.

Когда, сильно уставший после трудового дня, проведенного в исследованиях, я подошел к этой трещине, ко мне обратились члены Инициативного синдиката и подрядчик, производившие минные работы. Я коротко рассказал о поставленных передо мной задачах и о проделанных исследованиях, а потом поспешил поведать о последнем приключении и о том, как меня поразил загадочный водопад. Я боялся, что мне не поверят, но единственным

¹ Термин "инфильтрационные воды" применен неточно. Инфильтрация — просачивание воды вглубь через поры горной породы, проникновение же воды через каналы и трещины сплошным потоком называется инфлюацией.

следствием моего рассказа был дружный взрыв хохота и полнейший восторг! Я совершенно ничего не мог понять. Наконец между двумя приступами веселья подрядчик кое-как смог заговорить.

— Если бы вы пришли сюда на час раньше, — сказал он, — вы бы уже обладали ключом к вашей загадке.

Последовало объяснение одной из самых занятных шуток, сыгранных со мной за всю мою карьеру подземного исследователя.

Когда минеры отыскивали на склоне горы и расчистили уходящую вглубь трещину, производившему работы подрядчику пришла оригинальная мысль привести сюда гигантские автоцистерны, принадлежавшие управлению мостов и дорог, и через резиновые шланги вылить в трещину всю содержащуюся в них воду. Этот-то поток воды, сильно загрязненный мусором и разрытой землей, я встретил в том месте, где он низвергался в реку, но ничто не давало мне повода заподозрить его искусственное происхождение. Просто подрядчику захотелось посмотреть, вся ли вода будет поглощена трещиной, что было бы хорошей приметой.

Мое наблюдение пришлось как нельзя более кстати и, хотя заставило меня пережить большую тревогу, дало великолепные экспериментальные результаты. Земляные работы были успешно завершены, и с 1939 года люди в грот попадают через искусственный колодец по винтовой лестнице. Этот вход позволяет посетителям быстро достигать того места подземной реки, где их ждут прогулочные лодки.

Под землей часто бывают недоразумения, но они далеко не всегда носят такой драматический характер, как те, о которых было только что рассказано. Гораздо чаще их можно отнести к разряду более приятных и совсем безобидных.

Однажды мы с моим верным спутником Жерменом Гатте и помощником Марселем Понсом бродили по нижним этажам пропасти Эспаррос в Верхних Пиренеях. Гатте, только что отделивший очень красивые кристаллы кальцита от покрытого сталагмитами пола, поднялся на ноги, предварительно запаковав и бережно уложив хрупкие минеральные образцы. Понс, с интересом наблюдавший всю эту операцию, нагнулся, может быть, для того, чтобы убедиться, что ничего интересного не осталось.

Он резко выпрямляется, размахивая чем-то очень маленьким:

— Смотрите, перо летучей мыши!

Вот уж поистине неожиданность. Мы подходим к нему, недоверчивые и насмешливые: прямо скажем, есть с чего! А он, ликуя, сует нам под нос крохотное шелковистое перышко, которое держит толстыми, запачканными глиной пальцами. Мы сотрясаемся от хохота, такого хохота, который, конечно, никогда не раздавался в этой пропасти.

Понс, растерянный и обиженный, продолжает настаивать: "Я не вру, я его только что нашел здесь, на земле!" — и снова предьявляет нам вещественное доказательство. Несколько успокоившись, мы попытались посвятить нашего спутника в элементарные понятия зоологической классификации рукокрылых и уверить его, что летучая мышь из басни¹ врала ласке, пытаясь сойти за птицу. Однако все это, конечно, не могло объяснить необычного в таком месте присутствия воробьиного пера, и я тщетно пытался найти разгадку.

Последнее слово принадлежало Гатте, давшему нам ключ к этой загадке. Дело в том, что он всегда старался как можно надежнее переправлять хрупкие сталактиты, которые терпеливо собирал с большим знанием дела. На этот раз он решил попробовать упаковать их в перья, и благодаря такому новшеству Понсу удалось найти "перо летучей мыши" в пропасти Эспаррос!

Через час мы расположились перекусить на глубине ста сорока метров в дальнем конце обширных галерей пропасти. Усевшись кружком, мы молча жевали, как вдруг Понс остановился и поднял палец:

— Слышите?

— Нет, а что?

¹ Басня Ж. Лафонтена "Летучая мышь и две ласки".

— Петух! Прокричал петух!

В том месте, где мы находились, ответ был столь неожиданным, что мы приснули со смеху при этой новой выдумке нашего компаньона. Представьте себе петуха, кукареканье которого слышно в глубине пещеры, находящейся на самом дне пропасти. Но Понс твердо стоял на своем: он слышал крик петуха. "Кстати, — добавил он, — петухи никогда не поют по одному разу, он обязательно прокричит еще". Оставалось только ждать и слушать. В конце концов мы прошли длинный и сложный подземный маршрут, давно уже потеряли направление, и вполне возможно, например, что наш грот был теперь отделен от наружного склона горы только тонким слоем камня. Может быть, над нами находилась какая-нибудь ферма селения Эспаррос.

И вот мы застыли в ожидании, тихо и несколько недоверчиво. Вдруг Понс опять поднял палец и призвал нас в свидетели: петух пропел вновь. Честно говоря, услышанный звук лишь очень слабо напоминал кукареку, но, несомненно, мы слышали отдаленный голос птицы.

— Должно быть, это сова, — уточнил Понс.

Заинтригованные, мы продолжали прислушиваться, избегая малейшего шума, малейшего шуршания. И опять послышалось приглушенное далекое пение птицы, на этот раз более явственно и долго. Мы все трое повернули головы в одну и ту же сторону, наклонились, и взрыв общего хохота закончил это происшествие: стоявшая в нескольких шагах лампа Гатте с засоренной ацетиленовой головкой, угасая, издавала странное посвистывание, которое и послужило поводом к недоразумению.

Мнимый петушиный крик стал лебединой песней для нашего исследования.

Весной 1928 года, через два года после открытия ледяного фота Кастере, я оказался один в массиве Мон-Пердю, и мне вдруг захотелось мимоходом вновь заглянуть в подземный ледник.

В это время года на такой высоте держится еще значительный снежный покров. Пройдя целый час по снегу, я позволил себе немного отдохнуть, прежде чем спуститься под землю при свете простой свечи. Я не хотел перегружать мой и так уж очень тяжелый рюкзак дополнительной тяжестью ацетиленовой лампы.

Я зажег свечу и вошел в грот, но буквально ничего не мог различить. Глаза, привыкшие к яркому солнечному свету, лишь постепенно приспосабливаются к темноте, и всем известно, что в таких случаях лучше всего двигаться очень медленно и осторожно, пока глаза не адаптируются. Но на этот раз я с удивлением и досадой замечаю, что обычной адаптации не происходит. Я довольно долго жду, еле-еле продвигаясь дальше, но мне все время кажется, что я двигаюсь в полной темноте. Пламя свечи продолжает выглядеть тусклым и желтоватым, я не различаю почвы под ногами, не говоря уже о своде, и моя слепота в конце концов совсем выводит меня из себя.

Я недоумеваю и начинаю уже беспокоиться, не ухудшилось ли вообще мое зрение за последнее время. Потом решаю, что, конечно, причиной моей слепоты является длительный переход по снегу при ярком солнечном свете.

Я присаживаюсь на камень, решив терпеливо ждать адаптации, которая теперь должна уже вскоре наступить. Но минуты проходят одна за другой, а я остаюсь слепым. Тогда я решаю, что сильное отражение света от фирна вызвало у меня снежную слепоту. Однако, сказал я сам себе, ведь я надел темные очки, и они должны были защитить меня. Дойдя в мыслях до этого места, я вскрикнул и одним движением вернул глазам обычную остроту зрения. Ведь я отправился под землю в дымчатых очках! Поскольку я носил очки постоянно, то, конечно, забыл о них и не снял, хотя они вовсе не годились для путешествия по подземным переходам.

Из всех людей, имеющих дело с пещерами, энтомологи больше всего нуждаются в хорошем зрении и хорошем освещении, чтобы различать крохотных насекомых, за которыми они ведут наблюдения и которых пытаются отлавливать.

Примерно в 1923 году один из моих друзей, страстный и уже известный энтомолог, решил навестить графа Сен-Пьера, который вместе с женой занимался раскопками

первобытных стоянок в гроте Леспюг.

У моего друга были к этому две побудительные причины: ему было очень любопытно посмотреть статуэтку из бивня мамонта, недавно извлеченную знаменитым археологом из ориньякского очага, которая получила большую известность среди предметов доисторического искусства под названием Леспюгской Венеры, а кроме того, граф был не только специалистом по первобытной истории, но также выдающимся энтомологом.

Со своим обычным радушием господин и госпожа Сен-Пьер показали гостю место раскопок и бережно завернутую в вату, уложенную в коробку знаменитую фигурку, возраст которой определялся в 20 000 лет. В настоящее время она находится в музее национальных древностей в Сен-Жермене.

Граф показал также коллекцию пещерных насекомых, очень заинтересовавшую моего друга-энтомолога.

В находящемся поблизости гроте, где группа рабочих, сидя кружком на маленьких табуретках, разминала в руках и тщательно исследовала содержимое первобытных очагов, лежала в углу большая куча помета летучих мышей, изобилующая личинками и насекомыми, водящимися в гуано.

Археолог с женой и энтомологом в сопровождении верного фокстерьера пошли взглянуть на ловушки для насекомых, расставленные над кучей гуано. Вдруг археолог вскрикнул и показал пальцем на мушку, перелетавшую с места на место.

— Муха с синей головой! — залепетал он. — Редчайшая муха с синей головой!

Все застыли, следя за причудливым полетом двукрылого.

— У меня нет с собой сачка! — застонал Сен-Пьер. — Нам ни за что ее не поймать!

Тогда мой друг предложил свои услуги. Его предложение было с трепетом принято, и началось преследование насекомого. Муха оказалась удивительно подвижной и беспокойной, в чем, по-видимому, был повинен свет ламп.

На минуту муха присела на носок ботинка одного из присутствующих, почистила крылья, перепорхнула на камень и замерла неподвижно. Пока энтомолог приближал к ней согнутую корытцем руку, чтобы быстрым движением поймать ее, все затаили дыхание, а направленные в одну точку взгляды, казалось, хотели пригвоздить насекомое к месту. Наступила торжественная минута. Сидящие в нескольких шагах рабочие прекратили свое занятие и тоже следили за развитием событий. Поистине можно было бы услышать полет мухи! Фокстерьер, заинтригованный всеми этими маневрами, следил за движениями ловца, наострив уши и наморщив лоб, с большим интересом, увы, даже со слишком большим интересом, так как внезапно разразилась катастрофа.

Эта шавка, паршивая собачонка, ревнуя к вниманию, уделенному не ей, выпрямилась, как змея, чавкнула, схватила драгоценную муху, с гордостью ее проглотила и выразила полнейшее удовлетворение, завиляв обручком хвоста, счастливая своим успехом!

Все были ужасно расстроены. Вот как получилось, что ни в коллекции графа Сен-Пьера, ни в коллекции моего друга нет мухи с синей головой!

В апреле 1924 года, за несколько дней до моей научной поездки в Англию, я зашел в Инициативный синдикат Тулузы посмотреть расписание поездов Париж — Гавр и пароходов Гавр — Саутгемптон.

Как только я вошел, мое внимание привлекли странная мимика и интонации какого-то англичанина, тщетно пытавшегося заставить понять себя одну из служащих, испуганно выглядывавшую из своего окошечка. Она была совершенно растеряна от неожиданной просьбы странного путешественника, который, очень слабо владея нашим языком, медленно повторял одну и ту же фразу, заставившую меня насторожиться.

— Я хочу видеть колдуна, — говорил он упрямо с неподражаемым акцентом.

— Какого колдуна? — спрашивала опешившая молоденькая служащая.

— Колдуна из пещеры, — подтвердил англичанин, ища на лице своей собеседницы каких-нибудь проблесков понимания. Но, поскольку долгожданных проблесков не появлялось, скорее наоборот, он вновь повторял свою просьбу в уверенности, что рано или

поздно его поймут.

Я подошел, очень гордый своей проницательностью и уверенный, что путешественник будет меня благословлять за мое вмешательство и помощь, и спросил:

— Вы хотите видеть танцующего колдуна из грота Трех Братьев?

Даже не благословение, а настоящий рев обрушил на меня удивительный путешественник, стремительно повернувшись в мою сторону.

— О! Йес, Трех Братьев! — в экстазе повторял он.

По-видимому, я угадал. Этот англичанин, помешанный на первобытной истории, как и многие британцы, добрался до Тулузы сначала пароходом, потом на поезде и собрался провести свой отпуск во Франции, чтобы осмотреть достопримечательности доисторических пиренейских гротов.

Через четверть часа мы уже вместе с ним были у графа Бегуена, которому принадлежала пещера Трех Братьев, а на следующий день майор Арчибальд Комбер из Королевских воздушных сил восторгался рисунками арьежской пещеры и среди них ставшим знаменитым в анналах первобытной магии и искусства изображением мадленского колдуна.

Несколько дней я водил моего нового друга по нашим прекрасным пещерам, а на следующей неделе он уже был моим гидом на улицах и в музеях Лондона. В течение многих лет майор Комбер приезжал навестить меня в Пиренеях, где предавался ловле форели и посещениям доисторических гротов... Но это уже совсем другая история, как говорил Киплинг.

Однажды около 1930 года, разъезжая на велосипеде в постоянных поисках пещер по окрестностям селения Монтеспан, я подъехал к копавшему землю крестьянину и спросил, не известны ли ему какие-нибудь пещеры, естественные колодцы или трещины в находящихся поблизости скалах. Он мне тут же сообщил о соседнем гроте Монтеспан. Когда я сказал, что эту пещеру знаю давно, а мне хотелось бы найти другие, он спросил, не я ли случайно Норбер Кастере.

Получив утвердительный ответ, он сложил руки на рукоятке лопаты и начал с любопытством меня рассматривать.

— Значит, это вы открыли и исследовали наш грот в 1923 году?

Вновь получив утвердительный ответ, он смерил меня взглядом с головы до ног.

— Тогда извините, очень странно, что вы разъезжаете на велосипеде, — сказал он.

— Почему же? — спросил я с удивлением. Но по резкому и даже несколько враждебному тону его неожиданного замечания я уже понял, куда он гнет. Мой ответ вызвал то самое заявление, которого я от него ожидал.

— Продав статуи из пещеры в Америку за десять тысяч долларов, я думаю, можно было бы обзавестись неплохим автомобилем.

Я начал ему со смехом объяснять, а затем изо всех сил доказывать, что открытые мной скульптуры медведя и львов сделаны из глины и их невозможно переправить куда-либо, что они все еще находятся в пещере, и, кроме того, еще в 1923 году я первый просил, чтобы их объявили национальными историческими памятниками. Однако я вскоре понял тщетность моих попыток убедить собеседника. Мне пришлось смириться с тем, что в глазах этого корыстолюбивого крестьянина я навсегда останусь искателем сокровищ, занимающимся их перепродажей, и утешиться мыслью, что мой уважаемый коллега по первобытной истории граф Сен-Пьер тоже слыл человеком, продавшим за большие деньги и тоже в Америку статуэтку из мамонтовой кости, известную под названием Леспюгская Венера, которую знаменитый ученый открыл в 1922 году в пещере Леспюг, неподалеку от Монтеспана, и которую он великодушно передал в дар музею в Сен-Жермене.

Чтобы покончить с "темными историями" этой главы, но, разумеется, не исчерпав эту неисчерпаемую тему, расскажу еще последний анекдотический случай, имеющий одно единственное достоинство, что он заставит нас подняться из подземного мира, в который читатель все время погружался на страницах этой книги, и вновь вернуться на поверхность земли.

Эта история о лифте, или о подъемнике. В марте 1946 года меня пригласили приехать в Париж прочесть лекцию, и я не без колебаний и страха спустился в гигантское, запутанное подземелье, переполненное всяческими ловушками, каким является метро. Будучи истым провинциалом, живущим на опушке леса в общении с природой, в восьмистах километрах от столицы, куда приезжаю лишь изредка, я опасаясь этой колоссальной мышеловки, где многочисленные западни вроде дверок, открывающихся только в одну сторону, автоматически захлопывающихся дверей и всяких механических лестниц превращают подземные коридоры в подобие аттракционов Луна-Парка, в которых, суется и толкаясь, циркулируют тысячи несчастных человеческих существ, снующих, спешащих и сдавленных со всех сторон.

Заняв наконец место в одном из поездов метро, стоя в углу вагона, куда меня загнала и зажала толпа, я обдумывал, как лучше использовать время и как утрясти расписание, оказавшееся очень неудобным: в девятнадцать часов тридцать минут у меня был назначен обед со спелеологами у одного друга, а в двадцать один час — лекция в зале Плейель на другом конце Парижа. Надеюсь преодолеть все препятствия и избежать ошибок в маршруте, которые могли бы задержать меня и заставить опоздать на трапезу и беседу, я внимательно следил за проезжаемыми станциями, названия которых понятны парижанам, но мало дают для понимания топографии города приезжему. Я едва успеваю бросать рассеянные взгляды на целые километры мрачных и неживописных туннелей, по которым быстро мчался, покачиваясь на рельсах, наш ярко освещенный поезд.

Наконец последняя пересадка, последний бросок через путаницу дверей и лестниц, и наконец моя последняя станция. Еще несколько шагов, и я выхожу на свет, или по крайней мере на свежий воздух, так как уже наступил вечер. Кидаю взгляд на визитную карточку, чтобы еще раз проверить название улицы и номер дома, где меня ждут, и устремляюсь по указанному адресу. К счастью, в конце концов я добираюсь, не заблудившись, однако сильно устав, так как пришлось большой кусок пройти пешком, а я уже с утра на ногах как одержимый.

Привратница мне объясняет: "Восьмой этаж, дверь направо". Восьмой этаж, черт его побери! Не очень-то я люблю и другого представителя парижской "фауны", носящего название "подъемник". Мирный вид и кажущаяся простота конструкции не помешали этим машинам сыграть со мной уже не одну гнусную шутку, и я не намерен постоянно служить козлом отпущения, застряв между этажами, и разыгрывать вызывающего о помощи потерпевшего кораблекрушение.

Как к пугливой верховой лошади, осторожно подхожу к клетке для этого животного и вижу, что она пуста: птичка вылетела, у нее свои дела! Пустить в ход подъемник нетрудно, я уже достиг этой степени цивилизации, чем втайне горжусь, но вызвать его, обуздать, заставить остановиться у моих ног мне всегда кажется чем-то слишком смелым, почти дерзостью. Я всегда боюсь увлечь вместе с собой какого-нибудь разгневанного пассажира или увидеть, как он с грохотом падает сверху вниз.

Короче, раз подъемника не оказалось (значит, у него есть веские причины быть не на месте), я быстро, чтобы никто не видел, что не умею обращаться с подъемником, начинаю подниматься по лестнице пешком.

На ходу я для верности считаю этажи, но вскоре прихожу в замешательство, не зная, считать или не считать антресоль, и сбиваюсь со счета. Но я утешаю себя, говоря, что я ведь не в Нью-Йорке, а всего лишь в Париже и, дойдя до восьмого или девятого этажа, непременно упрусь в крышу! Рассуждая с самим собой и преодолевая пролет за пролетом, я замечаю, что меня ни разу не обогнал и не попался мне навстречу подъемник. Не найду ли я его насмешливо стоящим на восьмом этаже? А может быть, он находится на ремонте или его совсем убрали? Откуда мне знать?

Уф! Наконец добираюсь до последнего этажа. Звоню — дверь тотчас же открывается, и мой коллега Раймонд Гашэ, президент Парижского спелеоклуба, протягивает мне приветливо руку.

— А почему вы не поднялись в лифте? — спрашивает он.

— Ах, да, подъемник... то есть я... Сейчас объясню...

— Все понятно, — останавливает он меня. — По-видимому, вы его просто не нашли?

— Да, вот именно это я и хотел сказать. Я сразу же понял, что его нет на месте. Давно ли вам приходится обходиться без него?

Взрыв хохота, последовавший за моими словами, привел в полное замешательство того, кто хотел показаться таким уверенным в себе.

— Но он на месте, — объяснил наконец хозяин. — Он совершенно на месте, но, можете утешиться, это случилось не с вами первым, его довольно трудно заметить. Подъемник весь сделан из стекла без обшивки и крыши. Нечто вроде аквариума. Внизу вы прошли мимо, не заметив его.

"Черт бы побрал эти современные подъемники-невидимки!" — подумал я про себя. Но мы уже перешли в гостиную, затем в столовую, и обед прошел очень оживленно. Мы были здесь среди спелеологов, и во время обеда только и было разговоров, что о предполагаемой экспедиции в Хенн-Морт, в которую я до этого уже спускался с несколькими спутниками, несмотря на отсутствие нужного оборудования и на то, что в этой пропасти много полноводнейших ледяных водопадов. В следующей экспедиции Парижский спелеоклуб, имеющий крепкий коллектив спелеологов и прекрасные материальные средства, собирался принять участие и попытаться спуститься как можно ниже в эту страшную пропасть.

Очень холодные и сложные водопады — главное препятствие в предстоящей экспедиции, и они были гвоздем всех разговоров, причем каждый предлагал непромокаемую одежду, более или менее хорошо продуманную, чтобы защититься от мучительных и опасных душ. Но стрелки часов идут неумолимо, и зал Плейль уже открыл двери для лекции, которую мне предстояло начать читать ровно в двадцать один час.

Я собрался уходить одним из первых вместе с еще тремя товарищами, в том числе одной дамой, действительным членом спелеоклуба. Мы подошли к выходной двери квартиры. Другие гости тоже собрались уходить, не задерживаясь. Мы оказываемся все вместе на лестничной площадке, но знаменитый подъемник, хотя и невидимый, все же не резиновый, и нам придется спускаться в нем по четверо.

Он и в самом деле почти невидим. Бесшумно, почти незаметно, он осторожно подходит, чтобы забрать нас.

Внимательный и любезный хозяин закрывает за нами двери подъемника и перегибается через перила, чтобы пожелать нам приятного вечера. Благодаря отсутствию крыши у подъемника мы можем обмениваться с нашим собеседником улыбками и веселыми замечаниями, и вдруг посреди приятного, тихого и плавного спуска, когда мы в последний раз вспоминаем предмет наших мечтаний — Хенн-Морт, — происходит нечто столь неожиданное, что сначала я думаю, что мне просто показалось, будто я нахожусь под каскадами пиренейской пропасти. Но резкий возглас моей соседки, протесты и громкая ругань моих спутников показывают мне, что я не сплю: сверху на нас льется холодная вода, а наш друг хозяин, встряхивая своей пышной шевелюрой, продолжает кропить нас водой! Мы, пленники аквариума, продолжаем спускаться, а с восьмого этажа доносится голос, а за ним лукавый хохот:

— Потренируйтесь-ка до лета, до спуска в Хенн-Морт! Через полчаса с еще мокрым пристежным воротничком и отворотами куртки я выхожу на эстраду читать лекцию в зале Плейль. На почетных местах в первом ряду, как раз у моих ног, расположилась и хитро на меня поглядывает та самая компания, которая была повинна в моем недавнем душе. Тут я решаю, что могу неплохо отомстить: рядом со мной на столе для лектора стоит графин с водой и стакан, мне стоит лишь протянуть руку.

Увы, я всегда был слишком робким и не посмел сделать этого жеста отмщения.

Может показаться странным, что, после того как я столько говорил о себе, о своих поступках, своей деятельности, приключениях, открытиях и исследованиях, о своих выступлениях и взглядах, я посвящаю себе еще одну главу, на этот раз своим физическим данным. Это может стать навязчивым, даже просто невыносимым.

Я знаю и никогда не забываю, что местоимение "я" надоедливо, и позволяю себе злоупотреблять им только в свете уже процитированного, заимствованного у Стендаля высказывания, написавшего в "Воспоминаниях эгоиста": "Я совершенно убежден, что лишь полнейшая искренность может заставить читателя забыть вечное выпячивание автором своего "я". Главное — мне хочется дать совет и ободрить тех многочисленных юношей, которые пишут мне, спрашивая, какими физическими данными надо непременно обладать, чтобы преуспеть в спелеологии, и какие упражнения помогут стать хорошим спелеологом?"

Вероятно, мои юные корреспонденты представляют себе меня гигантом "могучим и грозным, перед которым ничто не может устоять", нечто среднее между подземным Тарзаном и Самсоном, сокрушающим встречающиеся на его пути колонны, или Сизифом, катающим огромные камни! Мне легко в это поверить, так как часто, встречаясь с незнакомыми людьми, я читал в их глазах удивление и разочарование, и не менее часто мне говорили: "Как странно! Я-то думал, вы человек высокого роста и крепкого сложения..." Затем, как правило, фраза повисала в воздухе, но я мог бы ее продолжить, не рискуя ошибиться: "А на самом-то деле вы... такой, как вы есть!"

Но вернемся к моим действительным данным и сообщим, к разочарованию многих, но к счастью для меня, что мой рост всего один метр шестьдесят шесть сантиметров, вес шестьдесят шесть килограммов. К счастью, сказал я: ведь лишние десять сантиметров роста и десять килограммов веса становятся под землей препятствием. Что касается тех, чей рост метр восемьдесят и кто обладает соответственно большим весом, то заниматься спелеологией им трудно, даже мучительно, так как им будет очень неловко в узких маленьких лазейках.

Скромный рост 1 метр 66 сантиметров (скажем, средний рост, ибо средний рост француза составляет 1 метр 65 сантиметров) я приобрел не сразу. Я рос до двадцати двух лет.

Ребенком я был слишком мал для своего возраста, всегда был самым маленьким в классе, что было для меня источником многих обид. Каждый раз, когда дома кто-нибудь упоминал о моем маленьком росте по сравнению с братьями, рост которых был 1 метр 76 и 1 метр 77 сантиметров, мой отец (его рост — 1 метр 71 сантиметр) говорил, смеясь: "Этому никогда не стать артиллеристом!" (В те времена, чтобы двигать пушки и управляться с ними, нужны были "силачи".)

Теперь пушки несравненно больше и тяжелее, но управлять ими стало легче. И, несмотря на отцовское предсказание, я как раз стал артиллеристом!

Из спелеологов, которые помещаются под планку антропометра, не поднимая ее выше 1 метра 65 сантиметров, я хочу назвать моих непосредственных коллег — Гатте, Дельтейля и моего сына Рауля. А как не вспомнить, что рост моей матери, жены и четырех дочерей колебался в пределах от 1 метра 52 сантиметров до 1 метра 57 сантиметров.

Не могу не упомянуть также моего коллегу Рене Жана, великолепного спелеолога из Карпентра, точного роста которого я не знаю, но часто я бывал свидетелем того, как он пролезал не хуже крысы в ходы и трещины, куда никто не мог за ним последовать.

В некоторые особенно сложные и узкие лазейки я отправлял младшего брата Марсиаля, пока он был меньше меня. Также, будучи "противоестественным отцом", я использовал маленький рост собственных детей, когда они были еще совсем юными. Они прекрасно — с большой охотой и преданностью — справлялись с подобными ответственными заданиями, для которых были незаменимы. Они не уступили бы своего места за полцарства!

Из спелеологов, маленький рост которых ставил их в выгодное положение, самым "большим" был Э. А. Мартель — 165 сантиметров.

Небольшого роста, но хорошо сложенный, он держался очень прямо, двигался быстро и

решительно. Короткая вьющаяся бородка подчеркивала энергичное выражение лица. У Мартеля были правильные черты лица, четко выделялась линия профиля, которую, казалось, лучше всего было определить как профиль "исследователя и завоевателя"; обращали на себя внимание трепещущие ноздри, но больше всего запоминались ясные голубые глаза, которые, по прелестному выражению моей жены, "позволяли ему даже в самых глубоких и темных пропастях всегда нести с собой кусочек голубого неба".

Эти спокойные и порой мечтательные глаза смягчали своим добрым выражением резкость профиля. В изгибе губ таилось что-то лукавое, чуть-чуть насмешливое: ведь Мартель часто бывал очень весел и остроумен.

Мартель обладал совершенно удивительной способностью видеть и запоминать местность. Там, где он прошел, редко кому удавалось после него открыть что-нибудь новое. У него был орлиный взгляд, и ничто не ускользало от его внимания. Даже при очень беглом осмотре или исследовании, проведенном в тяжелейших условиях при плохом освещении, каким пользовались в те времена, он делал очень точные зарисовки и давал подробные описания.

Насколько точно и верно он запоминал места, пройденные им хотя бы однажды, было как-то продемонстрировано в гроте Демуазель около Ганж в департаменте Эро.

Через сорок три года после исследований Мартеля этот грот оборудовали для туристов с редкой роскошью: фуникулер, искусственный вход в виде туннеля, великолепная высокая терраса из армированного бетона, головокружительные лестницы, художественно оформленное освещение и т. д. Работы были закончены, и грот открыт для публики. Вдруг спохватились, что Мартель когда-то сообщал о существовании в этой пещере естественного двадцатипятиметрового колодца, которого никто не заметил во время производства этих сложных и длительных работ. Попытались отыскать колодец, но безуспешно. Тогда написали самому Мартелю с просьбой указать местонахождение колодца более подробно. Мартель ответил и точно указал место, где находится узкий вход в этот колодец. Однако его все же не смогли отыскать и решили, что со времени первого исследования могло произойти опускание почвы или обвал, которые и закрыли вход в колодец. Вновь написали Мартелю, уверяя его, что никаких следов колодца не осталось и что, возможно, он спутал эту пещеру с какой-нибудь другой. Мартель ответил совершенно категорически, что колодец существует, что он сам в него спускался и, конечно, смог бы его отыскать, если бы вновь попал в пещеру. Исследователи начали обыскивать всю пещеру в надежде найти колодец в другом месте, считая, что за столько лет воспоминания Мартеля могли потерять точность. Были и более решительные и обидные предположения. Время шло, "дело о колодце" положили на полку, если не забыли, и вот через три года в том самом месте, на которое указывал Мартель, один спелеолог, сунув голову за завесу из сталактитов, несколько отступающую от стены, обнаружил наконец вход в знаменитый колодец, которого так долго не могли найти.

Мартеля очень позабавила эта любопытная история. Но что самое удивительное — он был близорук. Правда, близорукость его была незначительной, однако ему приходилось носить очки. И знаменитый исследователь мира мрака, проделавший столько акробатических номеров на веревках и веревочных лестницах, всегда под землей и на земле носил на шее старомодное пенсне на черном шнурке.

У нас с моим учителем был общий для исследователя недостаток, и однажды мы с ним имели случай обсудить сравнительные преимущества и недостатки пенсне, к которому он питал большое пристрастие, и очков, которыми я всегда пользовался. "Как вам удастся протирать стекла, когда они заляпаны глиной, запотели, забрызганы грязью, а руки перепачканы землей?" — спросил он.

Заметив мое замешательство, поскольку я довольно часто испытывал такого рода затруднения, он взял свое пенсне и, к моему великому удивлению, провел языком по стеклам, заявив: "Вот так! Не надо колебаться, поскольку под землей часто язык — единственная чистая вещь, которую вы имеете при себе!" Мне это никогда не приходило в голову, но он был прав, и с тех пор я ничего другого для протирки очков и компаса не употребляю.

После отступления, посвященного Мартелю, поскольку никогда не надоедает говорить о таком человеке, каким был он, вернемся к нашим соображениям о росте спелеологов.

Мне бы не хотелось, чтобы мое выступление создало впечатление, что рост, скажем, выше метра семидесяти не оставляет никаких надежд на занятие спелеологией. Я очень далек от такого категорического заявления, поскольку встречал среди спелеологов людей высокого роста: Феликс Тромб, Макс Козине, Жозе Бидеген, Марсель Лубан и многие другие. Но я видел, как трудно им приходилось в узких извилистых ходах, не представлявших особых трудностей для людей маленького роста, и я даже видел, как они признавали себя побежденными, ибо не могли преодолеть особенно узкие лазы.

Все же у людей большого роста есть также ряд преимуществ: например, они могут дотянуться до зацепки или достать до противоположной стены и сделать "шпагат" между стенами, расположенными слишком далеко друг от друга для человека маленького роста.

Итак, перестанем противопоставлять людей большого и маленького роста и скажем, что под землей, и не только под землей, преимущества будут на стороне людей проворных и ловких. Негибкость, врожденная неловкость, невнимательность, безответственность, безрассудная отвага — самые большие враги спелеолога, представляющие опасность как для него самого, так и для его товарищей. В исключительных и необычных условиях пещер и пропастей необходимо постоянно быть начеку и обладать способностью рефлекторно молниеносно реагировать на любые неожиданности. Ловкий и опытный спелеолог инстинктивно не поставит ногу на готовый сорваться камень, он не схватится за сомнительную или трухлявую опору, никогда не остановится без особой надобности в опасном месте на дне колодца, где любое движение может вызвать камнепад.

Мы не будем рассматривать всевозможные случайности такого рода, к тому же, конечно, бывают неотвратимые несчастные случаи, такие, как поломка снаряжения, обвалы, внезапные сильные паводки, перед которыми отступает и оказывается беззащитным даже самый опытный человек. Но, повторяю, ловкость, хладнокровие и решительность — основные качества, необходимые подземному исследователю. Приведу несколько примеров.

В 1946 году Марсель Лубан решил воспользоваться для спуска в колодцы Хенн-Морт водонепроницаемым комбинезоном, от которого очень неприятно пахло, но который, по-видимому, действительно не промокал.

Он спускался по электронной лестнице, которую нам удалось подвесить несколько в стороне от водопада, так что, хотя брызги долетали до нее, лестница все же не была залита водой, как в прошлые разы. Внезапно пламя ацетиленовой лампы, висевшей на поясе Лубана, лизнуло комбинезон, который немедленно воспламенился. Лубан тотчас же оценил опасность и рефлекторно качнулся под струю водопада, сразу потушив огонь.

Впервые подземный водопад принес пользу! Хладнокровие и правильная реакция спасли тогда Лубану жизнь.

В 1951 году доктор Мерей (который через год так героически вел себя в пропасти Пьер-Сен-Мартен во время несчастного случая, стоившего жизни Марселю Лубану) оказался вместе с шестью товарищами в одной из пещер Юры, когда внезапно начался подземный паводок. В отряде возникла паника, и все бросились бежать, пытаясь перегнать подъем воды и добраться до выхода из пещеры, но шестерых из семи членов отряда вода настигла, и они утонули.

Доктор Мерей постарался сохранить хладнокровие и решил остаться на месте, там, где свод был повыше и, кроме того, образовывал нечто вроде выемки. Его расчеты могли не оправдаться, поскольку вода дошла ему до плеч и, кроме того, ему все время приходилось бороться с бурным течением. Вода отступила только через двадцать семь часов. Мерей совершенно обессилел от холода и усталости, но продолжал бороться с водой и "устоял". Он уцелел в этой катастрофе, причем единственный из всего отряда.

Лично со мной никогда не случалось особенно страшных происшествий, и я отделялся всего несколькими царапинами, шишками и неприятными переживаниями, которые относятся к неизбежным "профессиональным опасностям" спелеологии. Но я очень

хорошо понимаю, что во многих случаях избег критических ситуаций только благодаря быстроте реакции, превращавшей в пустую тревогу то, что могло стать катастрофой.

Последний раз подобный случай произошел со мной в 1960 году, когда мне уже шел шестьдесят третий год.

Вместе с дочерью Раймондой и Жерменом Лабатю мы поднимались в вертикальную карстовую шахту, а это одна из труднейших задач в спелеологии. Мы поднялись уже метров на двадцать и достигли балкона, на минуту собрались на нем, чтобы продолжить подъем. Обвязавшись по поясу нейлоновой веревкой, я уже приготовился к трудному скалолазанию по стене почти без уступов. Мне удалось подняться на пять-шесть метров, и я оказался как раз под каменистым выступом величиной с хорошую тыкву. Если бы мне посчастливилось дотянуться и закрепиться на этой посланной мне судьбой удобной приступке, дальнейший подъем оказался бы гораздо легче.

Осторожно, почтительно, как и подобает, я касаюсь рукой этой шишки, ударяю по ней ладонью, потом кулаком, пытаюсь ее расшатать, но она держится прочно и составляет единое целое со скалой. Значит, я могу на нее положиться. Схватив ее обеими руками, я пытаюсь подтянуться, чтобы ступить на нее ногами. В этот момент камень отрывается, как спелый плод, и я падаю вместе с ним, под ним!

Раймонда и Лабатю застыли от ужаса в ожидании несчастья: я спиной падаю на пол, ошестинившийся острыми камнями, а на меня летит двадцатипятикилограммовый камень, который, конечно, меня сейчас раздавит.

Падение действительно произошло, и несколько секунд я, оглушенный, пролежал неподвижно на земле, но за короткое время моего падения я успел выиграть игру. Мне удалось в воздухе без точки опоры отклониться назад, чтобы камень упал не на меня, а передо мной. Я не могу объяснить этот маневр, по-видимому, это какое-то движение в поясице, подобное переворачиванию кошки, которая всегда умудряется падать на лапы, в каком бы положении ее ни бросили.

По-моему, только прыжки в воду с высоты и прыжки на лыжах, которыми я в свое время занимался с большим рвением, способны развить умение менять положение в воздухе. Во всяком случае оба свидетеля этой сцены были поражены, когда с большим облегчением увидели, что я приземлился гораздо лучше, чем "стартовал". А когда мы подняли камень, чтобы прикинуть его вес, то заметили, что лежащая на земле нейлоновая веревка перебита в трех местах.

Кроме необходимых физических качеств и решительности следует также упомянуть об известных эмоциональных состояниях, безусловно связанных со страхом, от которого не избавлен ни один спелеолог и который выражается как неподдающееся рассудку смутное волнение, ощущаемое накануне или за несколько часов до начала серьезного исследования.

Мартелю была хорошо знакома тягостность этих переживаний. Он, на счету которого были сенсационные подвиги, требующие особенной отваги, так как он действовал в совершенно неизведанной области, куда никто до него не отваживался проникать, очень страдал от излишней чувствительности и нервной возбудимости.

Он, никогда не отступавший перед опасностью и даже искавший ее, можно сказать, всю жизнь, накануне и даже на следующий день после некоторых экспедиций переживал страхи, кошмары и ужасы, и это делает его опаснейшие исследования еще более достойными уважения.

По свидетельству членов семьи Буше, содержателя гостиницы в Лик-Атерей, в которой Мартель останавливался, чтобы быть в самом сердце Страны Басков, во время своих кампаний 1908 и 1909 годов, ученый, уходивший на заре и возвращавшийся к вечеру совершенно обессиленный, по ночам спал очень плохо.

Каждый день он спускал свои лестницы и веревки в страшные пропасти под канонадой камней. Каждый вечер он от этого терял сон. Каждое утро он вновь храбро шел на приступ.

Два обстоятельства особенно сильно беспокоили его: шум фонтана, бьющего в бассейне перед гостиницей, и топот мулов, стойло которых находилось в нижнем этаже дома.

Он нашел средство борьбы с фонтаном: по вечерам он прикреплял к крану матерчатый мешочек, который разбивал струю и делал ее бесшумной. Он попытался также обернуть тряпками копыта беспокойных мулов, но животные быстро от них освобождались, и Мартелю пришлось переехать в самую отдаленную комнату, но, даже несмотря на это, до него продолжал доноситься глухой и назойливый топот.

Через сорок лет я остановился в той же гостинице у Буше вместе с врачом-астронавтом и бельгийским спелеологом Максом Козинсом, и мы почти ежедневно спускались по следам Мартеля в пропасти, находившиеся в лесах Хейль и Кагуэт.

Во время этих походов много раз при различных условиях Козине выказывал исключительное хладнокровие и удивительную уравновешенность. Но больше всего мое удивление он вызвал в гостинице, и я почувствовал к нему настоящую зависть, когда он спокойно сказал мне: "Сегодня после обеда я пойду посплю у себя в комнате перед завтрашним походом".

В отношении нервов и бессонницы я очень похож на Мартеля, и это спокойное заявление и уверенность в возможности поспать "впрок" привели меня в полный восторг.

— Но как же вам удастся засыпать по команде? — спросил я.

— Для этого достаточно приказать мозгу и нервам, — ответил он. — Надо только уметь полностью себя контролировать.

Не обладал этим "полным контролем" мой друг Жермен Гатте, так же как и я, и мы с ним составляли пару спелеологов нервной конституции, вечно соревнуясь друг с другом и подсчитывая, кто из нас меньше спал и раньше встал!

В 1939 году мы договорились вдвоем спуститься в пропасть Мартеля в Арьеже, которую мы открыли и исследовали вместе с моей женой в 1934 году.

Накануне мы поднялись в барачный поселок горняков, расположенный на высоте двух тысяч метров недалеко от пропасти.

Мы обеспечили себя носильщиками, которые должны были донести наше снаряжение до края пропасти и оказать нам некоторую помощь при спуске в первый колодец. Зная, что впереди трудный день, мы решили лечь пораньше и отправились спать в девять часов вечера, но это оказалось лучшим способом совсем лишиться сна.

Нас поместили в уютной комнатухе с электрическим радиатором, перед которым мы развесили одежду, вымокшую под разразившейся в горах грозой. Постели, по правде сказать довольно жалкие, состояли из множества одеял, что на такой высоте было очень кстати.

Макс Козине или любой нормальный спелеолог спал бы здесь как сурок. Но, увы, это никак не относилось к нам.

В те времена пропасть Мартеля считалась (и продолжала еще считаться в течение десятилетия) самой глубокой пропастью Франции. Я припомнил трудности и подстерегавшие нас опасности, которые мы встретили когда-то с Элизабет. Я знал, что в одном месте нагромождение камней может обрушиться, как это уже однажды случилось при нашем походе. Я не был особенно уверен в одной из веревок, на которой можно было заметить признаки износа, и представил себе один каменный выступ, на котором мы собирались укрепить лестницу, но который всегда казался мне недостаточно крепким. А главное — я вовлекал в этот труднейший спуск на дно ледяной и очень мокрой, труднейшей пропасти товарища, которого в то время еще очень мало знал и действительные возможности которого были мне тогда не известны.

Короче говоря, страх и чувство ответственности не давали мне заснуть, и я был обречен бесконечно "пересчитывать баранов".

Я слышал, как около меня вздыхал, зевал и ворочался в постели Гатте. Он тоже не спал, его тоже одолевали сомнения.

Около полуночи его кровать начала все чаще поскрипывать, и я слышал, что он что-то бормочет.

— Вы спите?

— Нет, не сплю. Вам что-нибудь нужно?

— Так вот, я хочу вам сказать, что завтра не полезу в эту пропасть...

— Что вы?! Но что случилось? Вы заболели?

— Нет, я не заболел, но ничего не подделаешь, завтра я спускаться не намерен. Я обязательно хотел вам это сказать. Теперь, когда я вас предупредил, я наконец смогу спокойно уснуть.

Конечно, разговор на этом не окончился. Я уговаривал и успокаивал своего друга и одновременно успокаивался сам. Ведь наша бессонница была вызвана не только страхом, но, я думаю, главным образом возбуждением, скрытым восторгом, который мы испытывали при мысли о предстоящем спуске в такую величественную пропасть. Наконец мы заснули и, конечно, на следующий день добрались до дна пропасти Мартеля, посмеиваясь над вчерашней ночной комедией.

Спелеологи не похожи один на другого, и наряду с нервными людьми, наделенными излишним воображением, есть люди, принимающие любые события такими, какими они приходят, и пропасти, какими они в действительности есть, не создавая себе воображаемых забот.

Первым из этих бесстрашных, закованных в тройную броню надежной пассивности и абсолютного спокойствия я назову мое второе "я", моего неразлучного спутника — Жозефа Дельтейля. Под землей он всегда знает, что делать, и, подвергаясь тяжелейшим испытаниям, принимает, как они есть, с совершенным спокойствием, даже самые худшие положения, никогда не теряя хладнокровия.

Сколько раз я видел его во время случайной задержки в самых неудобных диаклазах забившимся в уголок и занимающимся мелкими починками, перед тем как двинуться дальше.

Чтобы покончить с подобными рассказами, а заодно и с этой написанной очень бессвязно главой, познакомим читателя с одним случайным спелеологом, поразившим меня однажды своим олимпийским спокойствием при весьма трагических обстоятельствах.

Мы встретили Жана Карелини, коренастого дровосека и охотника, уроженца гор, во время наших первых спусков в пропасть Хенн-Морт. Он каждый раз приходил помочь нам, с невероятной силой вытаскивая со дна пропасти на веревках громадные мешки или измученных спелеологов, с которых вода текла в три ручья.

Тронутые его добровольной помощью и преданностью, как-то раз мы предложили ему спуститься вместе с нами, что он с благодарностью принял, однако из-за своей удивительной флегматичности не выразил никаких чувств. К несчастью, именно этот спуск оказался самым беспокойным и драматичным из всех, которые мы пережили в зловещей пропасти Хенн-Морт. На глубине двухсот сорока метров произошли сразу два несчастных случая.

Марсель Лубан был тяжело ранен, а Клод Морель, упав с высоты нескольких метров, сломал себе руку. Нам было исключительно трудно поднять пострадавших в расположенные друг над другом колодцы. Несчастья преследовали нас: оборвалась веревка, на которой поднимали раненых.

В кульминационный момент выпавших на нашу долю испытаний, когда некоторые юные члены отряда начали проявлять признаки нервозности, граничащей с паникой, и когда все говорили и двигались в крайнем смятении. Карелини, который впервые в жизни спустился в пропасть и курил трубку, прислонясь спиной к мокрой стене, вдруг тронул меня за плечо. "Господин Кастере, — сказал он со своей обычной флегмой, вынимая трубку изо рта, — мне кажется, мы начинаем делать глупости!"

XXXVII

Писатель и лектор

Как и когда мне пришла в голову мысль написать книгу? Боюсь, что не смогу ответить на этот вопрос. Просто я не могу уже этого вспомнить — настолько все происходило постепенно.

Собрав статьи, которые я помещал в различных периодических изданиях, я

опубликовал рукопись первой книги под названием "Dix ans sous terre" ("Десять лет под землей"), хотя к тому времени прошло более десяти лет, как я душой и телом отдался подземным исследованиям. Книга вышла 14 июля 1933 года, и, хотя мне самому не подобает судить о собственной книге, могу все же сказать, что она была принята критикой гораздо лучше, чем меня самого принимали различные издатели, когда я предлагал им своего пещерного "кота в мешке"!

Моя книга была даже отмечена Французской академией и очень быстро переведена на многие языки, но мне показалось наиболее занятным то, что первой страной, выразившей желание приобрести право на перевод, оказалась Голландия — страна, в которой нет ни одной пещеры.

Благодаря такому успеху я вошел во вкус и разразился второй книгой — "Au fonds des gouffres" ("На дне пропастей"), получившей "Гран-при" Литературной академии в Тулузе. Потом я написал еще ряд книг, материал для которых мне давали мои подземные исследования и которые все были написаны по одному рецепту: первая часть — динамическая, в ней рассказывается об открытиях, вторая — статическая, включающая главы, написанные с целью популяризации.

Однако я не ограничился одним жанром. Мне захотелось написать приключенческий роман "Terre ardente" ("Пылающая земля") и роман из спортивной жизни "La longue course" ("Длинная дистанция"). Я даже изобразил, конечно в несколько беллетризированной форме, однако основываясь на действительных фактах и научных данных, жизнь летучей мыши.

Позволено ли мне будет сказать, что "Une vie des chouve souris" ("Жизнь летучей мыши") имела известный успех? Во всяком случае, я могу утверждать, что ее оценили дамы, заинтересованные, даже плененные приключениями маленькой мурины¹ Мио. Заставить женщин полюбить летучую мышь! Никогда бы не подумал, что я могу быть до такой степени убедительным!

Будучи исследователем и писателем, я не имел права, я просто не мог не стать также лектором. Никто не заставлял меня заниматься подземными исследованиями и тем более не просил писать о моих открытиях и издавать книги. Но рассказывать перед аудиторией о том, что я повидал под землей, меня начали приглашать очень рано.

Поскольку никто не бывает пророком в своем отечестве, случилось так, что на первое публичное выступление меня пригласили в Лондон, куда я приехал, чтобы навестить мисс Г., молодую специалистку по первобытной истории, которую за год до этого я побудил посетить несколько пиренейских гротов.

С помощью словаря и мисс Г. я составил по-английски сообщение о моем недавнем открытии в пещере Монтеспан, и в тот же вечер в отеле Пикадилли, в штаб-квартире Первобытноисторического общества Восточной Англии, я оказался, как на скамье подсудимых, перед избранной и очень смущавшей меня аудиторией.

Сидя по правую руку от председателя за пюпитром, на котором я лихорадочно раскладывал листки с записью доклада, я слушал, ничего не понимая, довольно длинную преамбулу и переживал все муки страха, задавая себе с ужасом вопрос: как я мог совершить такое безумие и принять предложение сделать доклад по-английски, тогда как я никогда не выступал даже по-французски в своей родной стране?

Председатель продолжал что-то говорить. По-видимому, он спросил о чем-то аудиторию, и мне показалось, что я уловил одобрительный шумок.

Председатель обратился ко мне по-французски. Он сказал, что нет лучшего места для изучения первобытной истории, чем Франция, и поэтому большинство членов ассоциации знают знаменитые гроты Дордони и Пиренеев и более или менее понимают по-французски. Так что, если мне удобнее и легче, я могу говорить на французском языке при условии, что буду говорить медленно и отчетливо.

Это меняло дело, и я сразу освободился из ужасного положения, в которое попал.

Таково было начало нескольких тысяч лекций, с которыми мне пришлось выступать не

только во Франции и Англии, куда я неоднократно возвращался, но также в Шотландии, Ирландии, Голландии, Дании, Бельгии, Люксембурге, Швейцарии, Италии, Югославии, Испании, Тунисе, Алжире, Марокко и Соединенных Штатах Америки.

В отношении публичных выступлений нельзя сказать, что трудны только первые шаги. Учиться выступать приходится очень долго, и страх, сохраняющийся в течение очень длительного времени, может вдруг совершенно неожиданно вернуться. Бывает даже так, что лицо, представляющее докладчика (персонаж, которого в одинаковой мере опасается как сам докладчик, так и публика), ставит его в исключительно неловкое положение.

Например, в Нанси, в зале Пуарель, человек, представлявший меня публике, оказался слишком многословным и слишком увлекся похвалами, очень подробно и пространно рассказывая о моих подземных кампаниях и "подвигах".

Все это время я, к сожалению, стоял за кулисами, и после напыщенной заключительной части оратор простер руку в мою сторону. Я вышел, стараясь быть как можно проще и скромнее, и вдруг мой мучитель присвоил мне еще один эпитет, который приберег под конец. Положив руку мне на плечо, как импресарио, представляющий боксера, он вдруг воскликнул: "Вот гигант пещер!" — и удалился.

Оставшись один, я вышел вперед, подавленный и смущенный тем, что мне приходится показываться публике с физическими данными, весьма мало соответствующими тем, которые были обещаны, и жалобным голосом, в знак бессилия разводя руками, сказал:

— Метр шестьдесят шесть!

Взрыв смеха и аплодисментов — мое признание и лаконичный протест против неуместного восхваления сломали лед и спасли положение.

Что касается выступлений, подчас весьма оригинальных, мне хочется рассказать об одном моем выступлении в зале Плейси. Я приехал в Париж, чтобы рассказать о ледяных пещерах, которые открыл и исследовал сначала вместе с женой, а потом с двумя дочерьми. Господин Кисген, очень симпатичный директор и вдохновитель журнала "Connais-sance du Monde" ("Познание мира"), выразил сожаление, что я не привез с собой Мод и Жильберту, поскольку они тоже принимали участие в исследованиях. Я написал им, чтобы они приехали в Париж, но они побоялись оставить младших сестреночек одних в Сен-Годе́нсе и приехали все вчетвером.

Публика была озадачена, увидав на сцене группу из пяти человек, державшихся за руки.

— Нет, дамы и господа, — сказал я, — мы не собираемся делать пирамиду, и мы не умеем выполнять сенсационные прыжки! Но, прежде чем говорить о пещерах, позвольте мне представить вам мою команду, моих помощников. Вот Мод, вот Жильберта, вместе с которыми я открыл и обследовал ледяные пещеры, расположенные на самой большой высоте в мире. А вот Раймонда и Мари, которые идут по их следам, а также по стопам своей матери, которая была великолепным спелеологом.

После этого я отпустил детей, которые ринулись за кулисы. Выход был несколько "театральным", но публика приняла нас с восторгом и большой симпатией.

Формальная сторона представления не единственное испытание на пути лектора. Настоящие испытания начинаются с налаживания контакта с аудиторией, особенно если у лектора есть какой-нибудь действительный или кажущийся ему недостаток. Для меня таким недостатком является мой акцент южанина.

Как только я произношу традиционные слова "мадам" и "месье" где-нибудь в Лилле, Турсе, Эпинале или Бресте, я неизбежно замечаю усмешки на лицах публики первых рядов, и начинается перешептывание.

Везде, как правило, подсмеиваются над южным акцентом, особенно если он ярко выражен и несколько тяжеловесен. Но я на опыте узнал, что часто улыбки, расцветавшие при моих первых словах, выражали не столь насмешку и желание поддразнить, сколько удовольствие от теплого, чеканящего слово голоса, вызывающего представление о голубом небе и жарком солнце юга.

Однажды в Бельфоре одна дама, желая доказать свою проницательность и основываясь на моем акценте, сказала мне:

— Вы, конечно, баск?

— Нет, мадам.

— Из Бэарна?

— Нет, мадам.

— В таком случае каталонец?

— Никак нет, мадам. Я гасконец.

— Как, значит, вы гасконец! Почему же вы сразу этого не сказали?

— О мадам, ведь хвастаться нехорошо!

Кроме того, мой южный акцент оказывал мне хорошую услугу, когда мне приходилось говорить по-французски с иностранцами, и, например, в Белграде, Амстердаме или Сан-Франциско я не раз слышал, что говорю более отчетливо и меня легче понимать, чем лекторов-парижан.

Заговорив об иностранцах, я приведу здесь один разговор, поистине необычайный по своей лаконичности, который произошел у меня с одной американкой перед самым началом лекции в Чикаго. Эта дама подошла ко мне просто из желания заговорить со мной.

— А у меня во Франции есть двоюродный брат, — сказала она. — Он священник.

— Он живет в Пиренеях?

— Да, в маленьком пиренейском селении.

— Случайно не в Мае д'Азиль?

— Да, именно в Мае д'Азиль.

— Уж не доктор ли это Бордрей?

— Ну да, это как раз доктор Бордрей! Как вы угадали? Вы с ним знакомы?

— Мадам, во время войны 1914 года я лежал у него в походном госпитале. Он спас мне жизнь. Мир, как видите, весьма тесен.

Разъезжающий лектор — вечный странник, который везде и всюду бывает и которого приглашают выступать как в столицах, так и в скромных районных центрах. Он должен обзавестись тройной броней против всяческих превратностей, неожиданностей и случайностей.

С точки зрения лектора, Пуатье — очень хороший город, в котором я много раз выступал с успехом. Однажды приезжаю доверчиво и совершенно спокойно и вдруг оказываюсь перед чрезвычайно немногочисленной, почти пустой аудиторией. Мне объясняют, что в этот же вечер дают бал драгуны, а это — событие года, которого ждут, на которое все в Пуатье стремятся попасть.

В другой раз, приехав в Лезиньян в департаменте Од, я застаю местного организатора лекции в полном расстройстве и самом траурном настроении. И есть отчего: одновременно со мной в этот маленький городишко приехал цирк Пиндер.

С обоюдного согласия мы решаем просто отменить мою лекцию, ибо я не чувствую себя в силах конкурировать со львами, акробатами и другими цирковыми аттракционами.

Но вот с утра подул ужасный ветер, как нередко бывает в тех местах. Ветер все крепчал и перешел в такой ураган, что директор цирка не рискнул раскинуть шатер своего шашито. Представление не состоялось.

Все жители города и соседних селений, настроившиеся пойти в цирк, переметнулись на мою лекцию, и я выступал в переполненном, битком набитом зале, причем многим пришлось стоять.

"Плох тот ветер, который никому не приносит пользы", — гласит английская поговорка, нашедшая на этот раз свое подтверждение в горах Корбьере.

В Данди (Шотландия), когда я однажды выступал в амфитеатре аудитории химического факультета университета Сен-Мартин, со мной произошел очень занятный случай. Я делал доклад, стоя за большим столом для химических опытов, покрытым белой керамикой. Машинально я дотронулся до рожка Бунзеновской горелки, так же машинально открыл его и

сразу же заметил характерное шипение.

Продолжая говорить, я пытаюсь перекрыть кран, но мне это не удается: его заело, и газ продолжает выходить. Я останавливаюсь, как провинившийся школьник, поворачиваюсь к мисс Белл — организатору моей лекции, которая представляла меня публике, и жалобно говорю:

— Мадемуазель, я открыл газовый кран и никак не могу его закрыть!

Мое неожиданное заявление и растерянный вид привели всех в восторг, я же тем временем ожесточенно, теперь уже не таясь, налег изо всех сил на проклятый кран. Невыносимо пахло газом. Тогда поднялся один исключительно широкоплечий шотландец, спустился по ступенькам амфитеатра и поспешил мне на помощь. Кран не поддавался. Пришлось сбегать за клещами в соседнюю лабораторию и закрыть ими заупрямившийся кран. Лишь после этого мне удалось продолжить прерванный рассказ о спуске в глубины пропасти Хенн-Морт.

В зале Рамо в Лионе, где внимательная аудитория слушала меня затаив дыхание, я внезапно услышал несущийся из-за кулис храп и увидел спящего механика, рассеявшегося чуть ли не на сцене! Эти звуки весьма неприятны при любых условиях, но особенно они обидны для лектора.

Я был оскорблен до глубины души и совершенно растерялся. Неприличный храп становился все громче, и наконец его услышали в зале, публика стала посмеиваться и двигаться. Мне ничего не оставалось другого, как покориться несчастью и продолжать говорить, исполняя дуэт с механиком, храпевшим изо всех сил. Наконец я не выдержал. Покинув на несколько секунд сцену, я разбудил молодца и попросил его выбрать для сна какое-нибудь другое место.

В парадном зале института Сен-Жозер в Родезе мне пришлось однажды рассказывать о первобытных людях, и я попытался дать представление о возможном языке наших далеких предков каменного века. Я высказал предположение, что их призывный крик или боевой клич, может быть, напоминают современные кличи пастухов и горцев, и которые вполне могут быть наследием давно прошедших доисторических времен. Пока я рассуждал о "зовах" овернцев, басков и других простонародных кличах, до сих пор бытующих в некоторых горных местностях, вдруг в глубине зала раздался страшнейший шум. Кто-то с силой колотил в дверь ногами и, казалось, даже булыжниками, а с улицы доносились нестройные дикий вой и крики, напоминавшие те, о которых я только что рассказывал.

Неуместный гам встревожил публику, и она заволновалась.

— Может быть, это те пещерные люди, о которых я вам только что говорил, — продолжал я развивать свои соображения и гипотезы относительно гортанных кличей, которые должны были раздаваться в глубине веков.

После окончания лекции мы узнали, кому приписать эти неуместные крики, составившие аккомпанемент моему рассказу. Оказалось, это были подвыпившие новобранцы, верные традиции, если не доисторической, то, во всяком случае, достаточно древней и распространенной, носившиеся с превеликим шумом по улицам Родеза.

В Пети-Россель, в самом центре Мозельского угольного бассейна, однажды я выступал перед четырьмя сотнями учеников-горняков в возрасте от пятнадцати до восемнадцати лет. Я рассказывал им о подземных исследованиях, которые мы с женой провели в пропастях марокканских Атласских гор. Чтобы молодежь могла полюбоваться подземными пейзажами, искрящимися кристаллами и нетронутыми сталактитами, лекция сопровождалась показом диапозитивов.

После лекции, когда я пересекал двор, где резвились будущие шахтеры, ко мне подошли двое юношей. Они сказали, что их очаровала красота подземного царства, особенно по сравнению с мрачным видом шахт, и что спелеология привлекает их куда больше, чем тяжелый труд горняка.

Потом, понизив голос, боясь быть услышанными товарищами и особенно находящимися поблизости преподавателями, они сообщили мне, что готовы бросить школу и

отказаться от своей будущей профессии, если я согласен взять их на работу!

Мне пришлось объяснить этим мальчикам, жаждущим приключений, что профессия спелеолога не может прокормить посвятившего себя ей человека.

В театре Сен-Омера, когда я рассказывал о своих одиноких исследованиях, произошла авария электросети, и зал погрузился в полнейшую темноту. Как обычно при подобных обстоятельствах, публика заволновалась. Но я сказал, что эта авария ниспослана нам судьбой, так как она усиливает впечатление.

— Вот мрак пещер, — сказал я. — Ничего лучшего я не мог бы пожелать для финала моего рассказа о подземной одиссее в пещере Монтеспан. — И я продолжал рассказывать.

Когда улеглось первое движение, вызванное неожиданностью, публика продолжала совершенно спокойно и в полной тишине слушать меня. Однако под конец суждено было произойти еще одному комическому эпизоду. Аварию никак не удавалось ликвидировать. Но как раз под конец лекции, в тот момент, когда я говорил о выходе из пещеры и возвращении к дневному свету, один старательный, но, право, малосведущий служитель наконец выскочил на сцену, неся какой-то довольно тусклый светильник, который он поставил на столик передо мной под общий хохот.

Дело в том, что этим светильником был старинный, отысканный где-то на складе бутафории фонарь со свечой для представления мелодрам тридцатых годов прошлого века!

На многих страницах я рассказывал, как из любителя пещер я стал писателем и лектором. Если бы я обошел это молчанием, то упустил бы очень существенную часть моей жизни — мое всегдашнее стремление и попытки пером и живым словом знакомить людей с подземным миром и, если удастся, заставить полюбить его.

Смею надеяться, что мои книги и голос более или менее успешно передают и заставляют разделить мою страсть. Некоторые из моих работ пользовались успехом, некоторые из моих бесед давали мне удовлетворение и уверенность, что я не остался непонятым.

Это — большая поддержка для того, кто проповедует и защищает деятельность, считающуюся априорно излишне оригинальной, слишком опасной или совершенно бесполезной. Я не могу ни забыть, ни умолчать, что книги и лекции были для меня также источником существования, способом зарабатывать на хлеб насущный. Необходимое и справедливое вознаграждение, без которого занятие спелеологией действительно не имело бы никаких перспектив, и мой отец с полным основанием говорил, что эта дорога, никуда не ведущая с материальной точки зрения.

Непризнанная, не дающая права на вознаграждение, наука и деятельность в области подземных исследований — бедная родственница всех других наук и исследований — смогла прокормить человека, себя ей посвятившего, и его пятерых детей лишь благодаря доходам от книг и лекций.

И в то же время успех книг или законное удовлетворение, испытываемое лектором, — всего лишь побочные продукты спелеологии, и только стечение обстоятельств, которого я, конечно, никак не мог предвидеть, заставило меня взяться за перо и начать выступать публично, борясь за существование. Лично у меня не было к этому никакого влечения, и когда я обо всем этом думаю, то больше всех удивляюсь сам. Для истинного спелеолога никакое самое роскошное издание, никакие театральные эффекты не заменят и не затмят скромного грота, в котором человек может спокойно предаваться размышлениям и вести немой диалог с природой, а это становится возможным и даже неизбежным под сенью пещер. Любая позолота удивительно легко блекнет и стирается, не выдерживая сравнения с великолепием подземелий.

Человек не создан жить в одиночестве, это неоспоримый факт, но он также не создан, чтобы вечно раздваиваться, разбрасываться, невольно расточать свои силы и нравственно расшатываться. А лишь в подземном уединении можно очиститься, сбросить с себя груз забот, набраться новых душевных сил.

Там же под землей приходится прибегать к забытым, казавшимся ненужными

физическим упражнениям, заставляющим размяться мускулы и весь организм. Право, некоторые спортивные навыки обязательны и необходимы, чтобы подняться по гладкой веревке; спускаться или карабкаться по сотням метров тонких и гибких веревочных лестниц, качающихся над пустотой; вползать в узкие лазы, извилистые ходы и, извиваясь, пробираться по ним; шлепать по ледяной воде и иногда плавать в ней; переносить невообразимые тяжести в трудных проходах и совершенно невозможных положениях.

Все эти чисто физические и спортивные достижения находятся в гармоничном слиянии и дополняются (в здоровом теле — здоровый дух!) научными и духовными ценностями, которые встречаются и познаются в глубинах земли. Накопление научных знаний и притягательная сила неизвестного, призыв тишины, несравненные интеллектуальные радости вполне окупают мучительные и трудные минуты, когда тащишься весь в грязи, преодолеваешь головокружение и обдираешь свою кожу о камни.

Для спуска под землю недостаточно материально экипироваться, необходимо также нравственно подготовиться и вооружиться, ибо на глубине пещер может встретиться такое, что поразит и смутит даже самого примитивного человека, заставит грезить поэта и философа, вызовет восторг у ученого и поставит его в тупик.

Может быть, то, о чем я сейчас говорю, недостаточно проявилось на страницах, посвященных дорогим старым воспоминаниям, из которых я рассказал и упомянул лишь самые занятные и красочные. И конечно, подобные воспоминания не могут служить точным отражением полувека жизни, отданной подземным исследованиям.

Сейчас, когда я пишу эти строки, я только что вернулся из колодца Пюи-дю-Ван, имеющего глубину шестьсот пятьдесят семь метров и считающегося четвертой по глубине пропастью в мире.¹

Конечно, я не спускался до самого дна, так как мне уже нет места в штурмовом отряде. Но я достиг отметки двести метров и в одиночестве бродил там по одному из самых больших подземных залов, к тому же одному из самых загроможденных камнями. В диком и поистине величественном окружении я долго ходил, вспоминая всю мою жизнь под землей, гораздо более напряженную и разнообразную, чем она выглядит со страниц этой книги, которую, как и всякую автобиографию, написать было очень нелегко. Но я не хочу дальше распространяться, потому что мне кажется, я и так слишком много рассказал о себе и, может быть, наскучил читателю.

В тот же августовский день 1960 года, когда я с фонарем в руке бродил по хаосу зала в колодце Пюи-дю-Ван, перед моим мысленным взором прошли все ощущения и радости моего полуподземного существования, и я вновь убедился и сам себе сказал, что подземное царство, из которого каждый раз возвращаешься, очистившись душой и более счастливым, не может надоеть.

Первооткрыватель и исследователь пещер

Из спелеологов, писавших книги о своих исследованиях, Н. Кастере, несомненно, наиболее популярный автор.

Книга, которая предложена вниманию читателя, написана позднее его предыдущих изданных у нас книг.² Ее оригинальное издание было осуществлено в 1961 году. В ней коротко подытожены все основные события и результаты полувековой исследовательской деятельности автора в подземном мире.

Многие факты, такие, как обнаружение сделанных из глины первобытным человеком мадленской эпохи статуй медведя, львов, а также наскальных изображений животных в гроте Монтеспан, рисунка головы рычащего льва в пещере Лябастид, открытие ледяного грота

¹ См. прим. 55 и 60 к гл. XXXIV.

² В 1956 г. была издана книга "Десять лет под землей" (М., Географ-гиз, 1956). Затем были изданы книги "Тридцать лет под землей" (М., Географгиз, 1959. Изд. 2. "Мысль", 1964) и "Зов бездны" (М., Географгиз, 1962. Изд. 2. "Мысль", 1964).

Кастере, пещеры Сигалер и пропасти Мартеля, открытие истинного истока Гаронны, — все во Франции и на границе ее с Испанией уже известны из прежних книг.

В новой книге автор подробнее рассказывает об исследовании пропастей Атласа в Африке, подземной реки Лябуиш в Арьеже, пропастей Эспаррос и Хенн-Морт, об изучении совместно с Д. Катала отпечатков ног первобытных людей в пещере Альден, исследовании ледяных пещер — гротов Серн массива Марборе.

Что касается исследований грандиозной пиренейской пропасти Пьер-Сен-Мартен, глубочайшей в мире (глубина ее сейчас оценивается в 1171 м), то о них подробнее говорится в книге "Тридцать лет под землей", к которой можно отослать интересующихся деталями читателей. Но в настоящей книге есть дополнение о спусках в пропасть и ее исследованиях после 1953 г. — экспедиции 1954 и 1960 гг.

Исследованию пещеры Сигалер (гл. XXI) автор посвятил специальную книгу.¹ Об этом исследовании говорится и в книге бельгийского спелеолога Абееля.²

Глава "В пропастях массива Арба" (XXXIV) содержит резюме тех сведений, которые даны в посвященной исследованиям (по 1959 г.) этих пропастей книге "Зов бездны". Новое в этой главе — материал об исследовании 1960 г. Материал этот важный, поскольку в 1960 г. было обнаружено соединение пропасти Пьера с колодцем Ветра. В дальнейшем, по-видимому, было обнаружено и соединение этой системы с пропастью Раймонды, что позволило системе пропастей массива Арба — системе Тромба — занять третье во Франции и во всем мире место по глубине среди карстовых полостей (991 м, второе место занимает пропасть Берже в передовых поднятиях Альп).

Не было в предыдущих книгах хорошо нарисованных в ряде глав портретов французских спелеологов-исследователей, в особенности Э. А. Мартеля (гл. XVI и XXXVI) и супруги автора книги Элизабет Кастере (гл. XXVII).

Книга "Моя жизнь под землей. Воспоминания спелеолога" во многом автобиографична. Она вся пронизана отношением автора к виденным и описываемым объектам. Формальные же биографические данные разбросаны по разным местам и главам. Если собрать их воедино и коротко суммировать, мы получим следующую канву жизни автора.

Н. Кастере родился в 1897 году в семье адвоката. До восьмилетнего возраста он жил в своем родном селении Сен-Мартори в департаменте Верхняя Гаронна. Здесь же мальчик получил начальное образование. Затем его семья переехала в Тулузу. Там он учился, возвращаясь в родное селение на время летних каникул. Сначала Норбер обучался в лицее, а затем на гуманитарном факультете Тулузского университета. Занятия в университете были прерваны начавшейся первой мировой войной.

Восемнадцати лет, в 1915 году, Норбер Кастере вступил добровольцем в артиллерийский полк. На войне он получил серьезное ранение и оказался в походном госпитале.

В 1919 году перед демобилизацией досдал экзамен на степень бакалавра на специальной сессии, устроенной для студентов — участников войны.

После войны Норбер Кастере продолжал образование на юридическом факультете Тулузского университета, в Школе нотариусов (получил диплом о ее окончании), был вольнослушателем факультета естественных наук и Сельскохозяйственного института, много занимался в библиотеке и лаборатории Тулузского музея естественной истории, увлекался различными видами спорта и имел в этой области большие достижения (см. гл. IX).

В 1921 г., еще будучи студентом, Н. Кастере принял участие в конгрессе Международного института антропологии в Арьеже, чрезвычайно его заинтересовавшем. Здесь его увлекли доклады, научные беседы и дискуссии выдающихся археологов, а во время экскурсий по пещерам — памятникам доисторического искусства он приобрел важные

1 N. Casteret. *Au pays des eaux folles*. Paris, 1958. Рецензия на нее помещена в сборнике "Новости карстоведения и спелеологии", № 2, 1961, стр. 104–105 (Н. А. Гвоздецкий. Новые книги Норбера Кастере)

2 Jean-Pierre Van den Abeele. *A la decouverte des mondes souterrains (En remontant le torrent de la Cigalere)*. Namur (Belgique, 1958). Ред.: М. Б. Горнунг. В поисках подземных миров. — Сб "Спелеология и карстоведение". М., МОИП, 1959, стр. 195–198.

практические навыки их изучения.

Вскоре за определение местонахождения древнего поселения Калагурриса Кастере был удостоен премии Тулузской академии наук и литературы. Это было первое признанное научное достижение исследователя, за которыми последовали многие другие, о чем подробно говорится в книге.

В 1924 году Норбер Кастере женился на Элизабет, дочери Раймонда Мартина, врача префектуры Сена. Она подарила ему пятерых детей. В 1940 году 35 лет Элизабет умерла, давая жизнь пятому ребенку. Элизабет Кастере была постоянным спутником Норбера в его подземных исследованиях. Теперь ее заменили дочери, в особенности Раймонда, в честь которой названа глубокая пропасть массива Арба в Пиренеях.

Заботы о детях после смерти жены отнимали у Кастере много времени, но он не оставлял спелеологических поисков и исследований и уже осенью 1941 года спустился в пропасть Хенн-Морт.

Норбер Кастере исследовал более 1200 пещер и пропастей (естественных шахт). В одной из пропастей — в пропасти Раймонды массива Арба — друзья отметили его 60-летний юбилей, но и этот солидный возраст не остановил неутомимого исследователя подземелий.

Систематического естественнонаучного образования у Кастере не было, что не помешало ему, однако, сделать выдающиеся открытия в области не только археологии, но также и биологии (эксперименты с перелетами летучих мышей и т. п.), гидрогеологии, говоря образнее, подземной гидрографии, минералогии и, конечно, в первую очередь — подземной топографии.

Есть большая разница между спелеологом — археологом или палеонтологом и спелеологом-геоморфологом с географическим или геологическим образованием. Первых интересуют главным образом объекты, скрытые и захороненные в пещерах, — остатки материальной культуры первобытного человека и его искусства (настенные рисунки и живопись, скульптурные изображения животных, изучению которых так много уделил внимания Н. Кастере), а также палеонтологические остатки. Пещеры для них — это лишь место и условия захоронения, отчасти — среда обитания древних людей и животных. Для спелеолога же геоморфолога основной объект — это сама пещера или естественная шахта (пропасть). Он пользуется археологическим и палеонтологическим методами для установления возраста и расшифровки истории развития пещер и пропастей. Поэтому археолог и палеонтолог, исследующие подземелья, являются спелеологами как бы по совокупности.¹

Геоморфолог же и географ-ландшафтовед, изучающие подземный мир, — это, собственно, ученые-спелеологи, поскольку основные объекты их исследования — сами пещеры и пропасти, их морфология (для геоморфолога) или весь их природный комплекс, включающий подземную топографию, гидрографию, климат, растительность, животный мир, образующие разные сочетания и природные единства в разных частях пещер (для географа-ландшафтоведа).

Есть еще большая группа спелеологов-спортсменов — любителей пещер. Они посвящают спелеологическим исследованиям свой досуг и отпуск и часто оказывают большую помощь ученым в их подземных исследованиях.

Кастере как естествоиспытатель был самоучкой, но его уважали и ценили крупные ученые. Они внимательно прислушивались к его советам. Не раз они вместе с ним спускались в подземные полости.

Кастере хорошо знал Феликса Тромба, химика по профессии (о нем упоминает Н. Кастере в своей книге), автора известного труда "Traité de Speleologie" (Paris, 1952), который свои познания в области химии и физики широко применил в научных спелеологических исследованиях.

Из ученых-спелеологов следует упомянуть Б. Жёза, автора книги "La speleologie

¹ То же можно сказать и о биологе, исследующем пещерную фауну, или о минералоге, изучающем минеральные образования пещер, как таковые.

scientifique" (1965), первого президента Международного спелеологического союза, — геолога, профессора геологии Сельскохозяйственного института в Париже; известного французского карстоведа и спелеолога Жана Корбеля — географа-путешественника, погибшего на своем "боевом посту" на маршруте в Испании, и др.

У нас в СССР спелеологическими исследованиями занимаются многие географы и геологи. Для многочисленной группы географов и геологов СССР изучение карста представляет основную тематику их научных исследований или практической деятельности в производственных организациях. В составе участников международных спелеологических конгрессов и конференций мы всегда видим ученых различных специальностей и спелеологов-спортсменов. Соответствующим образом обычно организуются и связанные с ними экскурсии, включающие как научные, так подчас и специально спортивные подземные маршруты.

В предисловии к русскому изданию книги Н. Кастере "Десять лет под землей" (1956) мы писали об успехах изучения карста в СССР и о сравнительно слабом еще развитии спелеологических исследований, об отставании от общих карстоведческих исследований непосредственного обследования карстовых пещер и особенно пропастей.

В конце пятидесятых годов наметился определенный сдвиг в этом отношении, отражением которого отчасти может служить сборник "Спелеология и карстоведение", изданный в 1959 г. географической секцией Московского общества испытателей природы. Там были помещены материалы о результатах непосредственных обследований естественных шахт и пещер Горного Крыма и западной половины южного склона Большого Кавказа (в Западной Грузии). Позднее подобные исследования быстро развивались в этих же районах, а также в Приднестровской Подолии, Средней Азии, горах Южной Сибири (Саяны, Алтай, Прибайкалье). За "первой ласточкой" — сборником "Спелеология и карстоведение" стали выходить серийные спелеологические издания: сборники "Пещеры" (вып. 1(2) — 13, 1961–1972), издаваемые в Перми под руководством проф. Г. А. Максимовича,¹ в Тбилиси сборники "Пещеры Грузии" (5 выпусков к 1973 г.).

За последнее десятилетие в СССР были открыты громадные по суммарной длине карстовые пещеры: пещера Оптимистическая длиной 105 км в Приднестровской Подолии, занимающая третье место среди длиннейших карстовых пещер мира (второе место — из европейских пещер), пещера Озерная (более 80 км) в том же районе (четвертое место в мире и третье в Европе). Обе эти пещеры — крупнейшие из гипсовых пещер мира.

Определенные успехи достигнуты и в исследовании глубоких карстовых пропастей. В верховьях реки Хосты на Западном Кавказе открыта пропасть Назаровская около 500 м глубиной, а недавно на Бзыбском хребте в Абхазии над селением Дурипш обнаружена еще более глубокая карстовая полость — пещера-пропасть Снежная.² Наши спелеологи спустились в нее на глубину 770 м, установив рекорд глубины карстовых полостей для СССР.

Спелеология — комплексная наука, она занимается всесторонним изучением пещер и других полостей в земной коре, доступных для проникновения в них человека. Причем пещеры и полости эти могут быть разного происхождения. Однако крупные пещеры и глубокие подземные полости — пропасти, или естественные шахты, открывающиеся с поверхности и уходящие вглубь на десятки, сотни и более чем на тысячу метров, бывают связаны с карстовыми процессами.

Карстовые явления, как известно, возникают в растворимых природными водами горных породах — известняке, доломите, гипсе и т. д. — при ведущем процессе в их образовании выщелачивания горной породы, который может сопровождаться размывом, обрушениями под действием силы тяжести и др. Термин "карст" происходит от названия нагорья Карст, или Крас (по-словенски), на северо-западе Югославии, в Словении, по

1 Первый сборник издан еще в 1947 г. под названием "Спелеологический бюллетень". Естественно, что он не мог отразить отмеченного сдвига в отношении подземных спусков для исследования глубинных карстовых форм.

2 Не очень удачное название, так как Снежной (Снежна) ранее названа самая глубокая карстовая пропасть Польши в Татрах (780 м).

границе с Италией, где эти явления типично выражены и давно стали объектом географического исследования.

В областях, где развиты явления карста, ни одно серьезное хозяйственное мероприятие не может быть осуществлено без их специального изучения, иначе возможны непредвиденные неприятности и осложнения: утечка воды из водохранилища, деформация и даже разрушение плотины гидроэлектростанции, проваливание и оседание здания или железнодорожного полотна, превращение лесистого горного склона в неплодородный каменистый пустырь и т. д. И поскольку непосредственное обследование глубинных карстовых полостей очень важно для изучения карста, выяснения закономерностей его развития, первым и важнейшим значением спелеологических исследований следует признать их карстоведческую ценность. Вот почему в программы международных спелеологических конгрессов и конференций всегда ставятся на первое место общие карстоведческие исследования.

Большое значение для различных отраслей знания имеет минералогическое, биологическое, палеонтологическое и археологическое изучение пещер.

Пещеры с их замечательным внутренним убранством из 290 сталактитов, сталагмитов, кальцитовых колонн (сталагматов), драпировок и занавесей представляют собой большую не только научную, но и эстетическую ценность. Во многих странах пещерный туризм составляет важную статью национального дохода. У нас для посещения туристов пока оборудовано еще мало пещер. Можно указать лишь Кунгурскую ледяную пещеру в Приуралье, гипсовую Кристальную в Приднестровской Подолии, Сатаплийскую в западной Грузии. Оборудуется Анакопийская пещера-пропасть с огромными подземными чертогами близ Нового Афона на Черноморском побережье Кавказа в Абхазии. Разрабатывается проект оборудования и благоустройства замечательной сталактитовой пещеры Абрскила (тоже в Абхазии) с протекающей по ней подземной рекой Ахчитызгуа.

Большое значение имеют водные ресурсы подземных карстовых полостей для водоснабжения городов, поселков, промышленных предприятий. Некоторые пещеры используются в лечебных целях (имеют значение целебный в ряде случаев климат пещер и содержащиеся в пещерах термальные минеральные воды). Тепло термальных карстовых источников используется и для организации парниково-тепличного хозяйства. В вытекающих из пещер речных водах разводят форель (Чернореченское форельное хозяйство в истоке реки Мчиш, или. Черной, в Абхазии). Некоторые пещеры служат складами-холодильниками, используются для выращивания грибов шампиньонов (пещера Паредонес в провинции Гавана на Кубе) и пр.

Мы указали лишь на некоторые прикладные аспекты спелеологии, в действительности практическое использование пещер мира значительно более широкое, а значение их изучения весьма разнообразно.

В послесловии к книге Н. Кастере нет возможности, да и необходимости, подробнее останавливаться на научной проблематике и прикладном значении изучения карста и пещер. Интересующиеся могут найти подробные сведения в имеющейся научной литературе.¹ О технике спелеологических исследований и поисково-исследовательской работе спелеотуристов можно рекомендовать книгу В. Илюхина и В. Дублянского.²

Настоящее издание книги Н. Кастере "Моя жизнь под землей" почти полностью воспроизводит текст оригинального французского издания. Опущена лишь последняя глава "Одухотворенность в пещерах", дословно "Духовность (Spiritualite) пещер", которая подобно опущенному в русском издании концу книги "Зов бездны" не представляет интереса для этой серии. По аналогичным причинам сделаны небольшие купюры в главах XXIV и XXVII.

В целом книга Н. Кастере "Моя жизнь под землей", охватывая почти всю жизнь и

¹ Н. А. Гвоздецкий. Карст. Изд. 2. М., "Географгиз", 1954; Н. А. Гвоздецкий. Проблемы изучения карста и практика. М., "Мысль", 1972; Г. А. Максимович. Основы карстоведения, т. I и II. Пермь, 1963, 1969; Д. С. Соколов. Основные условия развития карста. М., Госгеолтехиздат, 1962.

деятельность автора, который опубликовал ее в возрасте 64 лет, по сравнению с ранее изданными у нас книгами дает более полное и разностороннее представление о его подземных исследованиях, о нем самом как спелеологе и популяризаторе спелеологии, о его учителях и наставниках Э. Картальяке, Э. А. Мартеле и о его верных спутниках и помощниках, особенно о его жене Э. Кастере — отважной исследовательнице подземного мира.

Книга Норбера Кастере входит в серию о путешествиях, открытиях и исследованиях XX века. В нынешнем столетии сделано много выдающихся географических открытий: обнаружены крупные горные системы (в СССР, например, хребет Черского), высочайшие вершины, глубочайшие впадины, острова в Арктике, подводные (в океанах) и подледные (в Антарктиде) хребты, возвышенности, плато и равнины. В океанах такого рода открытия еще продолжаются, но на суше эпоха их в основном закончилась, точнее, заканчивается изучением шестого материка — Антарктиды. Достаточно подробные географические карты уже составлены на площади остальных материков и всех стран, "достаточно подробные" для того, чтобы исключить возможность обнаружения крупных географических объектов, неизвестных науке. Тем не менее и на суше, даже в наши дни, и не где-нибудь за тридевять земель, а в Европе возможно, оказывается, открывать новое. Это — новые подземные объекты, подземные миры, примеры чему показаны публикуемой в нашей серии книгой Н. Кастере.

Подземные исследования увлекательны именно возможностью обнаружения нового, неизвестного. Они интересны, но вместе с тем нелегки и опасны. С этим родом поисков и открытий книга Н. Кастере знакомит наглядно и всесторонне. Сочинения Н. Кастере, переведенные на многие языки мира, немало способствовали широкой популяризации подземных исследований и их развешиванию в разных странах, в том числе и у нас в Советском Союзе.

Популярности книг этого автора во многом способствовал его писательский талант. Н. Кастере просто и непринужденно беседует с читателем, рассказывая о своих поисках и достижениях, с тонким юмором, в легкой, присущей французам манере.

В январе 1957 г. "Литературная газета" опубликовала рецензию писателя Ю. Олеши на первую появившуюся у нас книгу Н. Кастере "Десять лет под землей". Писатель с восторгом принял книгу и в одном месте своей рецензии отметил, что "она чем-то похожа на... "Путешествие "Кон-Тики" — та же красота и сила природы, та же красота и сила человека".¹ Писатель, несомненно, был прав. И не случайно новая книга Н. Кастере, сохранившая дух предыдущих книг, но более полная, публикуется в серии "XX век: Путешествия. Открытия. Исследования", к которой относится и уже вышедшая книга Тура Хейердала, включающая "Экспедицию "Кон-Тики" и "Ра". Выразим надежду, что новая книга Норбера Кастере будет встречена нашими читателями с таким же интересом, как и его предыдущие книги.

Фото

¹ "Литературная газета", 19 января 1957 г., стр. 3.

